

SELECTA

X

О. Р. Айрапетов

Генералы, либералы и предприниматели:
Работа на фронт и на революцию. 1907 – 1917. М., 2003.

В. А. Козлов

«Где Гитлер?» Повторное расследование НКВД – МВД СССР
обстоятельств исчезновения Адольфа Гитлера. 1945 – 1949. М., 2003.

В. И. Молчанов

Различение и опыт: феноменология неагрессивного сознания.
М., 2004.

Кирилл Шевченко

Лужицкий вопрос и Чехословакия: 1945 – 1948. М., 2004.

Кирилл Шевченко

Русины и Чехословакия: 1919 – 1939.
К истории этнической инженерии. М., 2006.

Ирина Глинка

Дальше — молчание...:
Автобиографическая проза о жизни долгой и счастливой.
1933 – 2003. М., 2006.

И. В. Дубровский

Институт и высказывание в конце Римской империи. М., 2009.

Вугар Н. Сеидов

Архивы Бакинских нефтяных фирм (XIX – начало XX века).
М., 2009.

Ю. А. Наумова

Ранение, болезнь и смерть: русская медицинская служба
в Крымскую войну 1853 – 1856 гг. М., 2010.

Ольга Эдельман

Следствие по делу декабристов. М., 2010.

ОЛЬГА ЭДЕЛЬМАН

СЛЕДСТВИЕ
ПО ДЕЛУ
ДЕКАБРИСТОВ

МОДЕСТ КОЛЕРОВ
Москва 2010

УДК 94(47) «1825»
ББК 63.3 (2) 47
Э19

Под редакцией доктора исторических наук С. В. Мироненко

Серия SELECTA под редакцией М. А. Колерова

Ольга Эдельман.

Э19 Следствие по делу декабристов. – М.: REGNUM, 2010. 356 с.
(SELECTA X)

ISBN 978-5-91887-001-3

ISBN 978-5-91887-001-3

© Текст: Ольга Валериановна Эдельман
© Логотип серии: С.В.Митурич
© Составление серии: М. А. Колеров

Оглавление

Введение.....	7
Глава 1. Создание Следственного Комитета	43
Глава 2. Содержание допросов декабристов	143
Глава 3. Допросы декабристов и иные источники информации следствия.....	237
Глава 4. Хронология и периодизация следствия.....	263
Глава 5. Декабристская мемуаристика о следствии	320
Заключение	350
Список таблиц и графиков в тексте	354

Введение

Движение декабристов остается одной из ключевых тем русской истории. Библиография его насчитывает тысячи работ и продолжает расти¹. Большинство исследований так или иначе опирается на материалы следствия над декабристами — основной источник информации о декабристских тайных обществах.

Следственные материалы по природе своей — источник чрезвычайно сложный, многоплановый, трудный для интерпретации. Чтобы определить степень его достоверности, нужно проделать кропотливую работу по выяснению условий и особенностей его возникновения, попытаться понять, чего добивалось следствие и какую линию поведения принял подследственный, какую роль в системе доказательств играли его показания и, конечно, что из себя представляли

¹ К настоящему времени изданы четыре обобщающих библиографических указателя по теме: Восстание декабристов: Библиография/Сост. Н. М. Ченцов, ред. Н. К. Пиксанов. М.; Л., 1929; Движение декабристов: Указ. лит., 1928–1959/Сост. Р. Г. Эймонтова при участии А. А. Соленниковой. Под общ. ред. М. В. Нечкиной. М., 1960; Движение декабристов: Указ. лит., 1960–1976/Ред.-сост. Р. Г. Эймонтова, сост. В. С. Барашкова, А. Ф. Лисман, Ю. И. Струков и др. Отв. ред. М. В. Нечкина. М., 1983; Движение декабристов: Указ. лит., 1977–1992/Сост. Н. П. Дробышевская, Т. К. Мищенко, В. И. Мордвинова, Г. Г. Стельмашок, В. С. Шишкина, науч. ред. С. В. Мироненко. М., 1994.

действовавшие тогда процессуальные нормы и насколько они соблюдались в данном деле. В еще большей степени это относится к материалам следствия политического, ведь в нем, помимо вопроса виновности обвиняемого, в игру вступают дополнительные политические обстоятельства: стремится ли власть преувеличить масштаб и значение дела или же, наоборот, свести его к минимуму, нацелено ли следствие на установление правдивой картины или она столь неудобна, что ее хотят завуалировать, и так далее.

Конечно же, полезно было бы сравнить сведения из следственных дел и из источников других видов, подвергнуть их взаимной проверке. Но в нашем случае такая проверка возможна лишь отчасти. Декабристские организации практически не оставили документальных следов своей непосредственной деятельности, в отличие от позднейших нелегальных партий, имевших целые архивы с конспиративной перепиской, протоколами заседаний, резолюциями и решениями съездов, конференций, создавших собственную публицистику и партийную прессу. Мы располагаем программными документами декабристов — конституционными проектами, уставами Союза Благоденствия и Общества соединенных славян, — но они не отражают текущей деятельности тайных обществ, из них невозможно увидеть, как происходили совещания, какие велись споры и строились планы. Эпистолярных источников, касающихся тайных обществ, почти не существует. Мемуарное же наследие декабристов ценно, но его недостаточно, оно одно не способно дать ответы на все вопросы исследователя. Не только отдельные эпизоды, но и целые аспекты истории декабризма известны нам исключительно из одного источника — из показаний декабристов на следствии.

Разумеется, в показаниях на следствии заведомо не говорят всей правды, скрывают, искажают, истолковывают факты в свою пользу, вовсе отказываются отвечать. Даже признания, которые узник выдает за чистосердечные, не всегда такими являются. Однако проблема достоверности картины, рисуемой показаниями, этим не исчерпывается. Очевидно, что в условиях следствия любой сколько-нибудь адекватно себя ведущий человек говорит не о том, *что было*, а о том, *о чем его спрашивают*. Тему, направление разговора определяет допрашивающий. Мы видим в итоге не столько картину событий как таковую, сколько ту картину, которая оказалась интересна следствию.

История декабризма видна нам через искривленную линзу следствия, а чтобы оценить степень искажения и восстановить очертания исходной картины, мы должны призвать на помощь весь арсенал исторического исследования, с максимальной тщательностью установить, как происходило следствие, каковы были его цели, условия, юридические формальности, делопроизводственные особенности, даже сопровождавшие его мелкие обстоятельства. История следствия важна не только сама по себе, но и для всей истории декабристского движения. Совокупность происходившего на следствии способствовала созданию образа декабризма, такого, каким мы его видим.

Парадоксальным образом литература о следствии одновременно и неисчерпаема, и ограничивается весьма небольшим числом заглавий. В самом деле, практически ни одна биографическая работа о том или ином декабристе не может обойтись без рассказа об аресте и допросах², изу-

² В качестве классических примеров можно привести биографические статьи-предисловия к томам иркутской серии «Полярная Звезда», статью М.К. Азадовского о братьях Бестужевых и примечания к тексту их записок

чение каких-либо сторон деятельности тайных обществ неизбежно подразумевает не только обращение к материалам следствия, но и экскурс в историю расследования этих сюжетов Высочайше учрежденным Следственным Комитетом. В то же время собственно процессу следствия посвящено считанное число статей и всего лишь одна специальная монография. Показательно, что в классическом двухтомном труде М. В. Нечкиной «Движение декабристов» глава о следствии, суде и приговоре декабристам занимает всего 35 страниц³ (что вполне объяснимо, ибо книга посвящена истории декабристских организаций, М. В. Нечкина рассматривала следствие и суд лишь как финальный этап декабристского движения).

Единственная специально посвященная процессу декабристов монография — книга В. А. Федорова «Своей судьбой гордимся мы...»: Следствие и суд над декабристами» (М., 1988) — рассматривает вопросы о доносах на декабристов, историю их арестов, следствия и суда. Надо отметить, что взгляд на следствие и суд как на единый процесс характерен для декабриствоведения, лишь в последнее время исследователи приходят к пониманию, что в сущности это совершенно различные явления, требующие раздельного рассмотрения⁴. В. А. Федоров тщательно изучил всё, связанное с доносами на тайные общества; последовательно собрал разрозненные сведения об обстоятельствах арестов их членов. Следствию как таковому

(в кн.: Воспоминания Бестужевых. М.; Л., 1951), соответствующие разделы книг Н. М. Дружинина «Декабрист Никита Муравьев» (М., 1933; переизд.: *Дружинин Н. М.* Революционное движение в России в XIX в.: Избранные труды. М., 1985. С. 5–304), С. Б. Окуня «Декабрист М. С. Лунин» (Л., 1985, 2-е изд.), Н. Я. Эйдельмана «Лунин» (М., 1970) и «Апостол Сергей» (М., 1975) и др.

³ *Нечкина М. В.* Движение декабристов. М., 1955. Т. II. С. 392–426.

⁴ См. напр.: *Боленко К. Г., Самовер Н. В.* Верховный уголовный суд 1826 года: декабристская версия в историографической традиции // Пушкинская конференция в Стэнфорде. М., 2001 (Материалы и исследования по истории русской культуры. Вып. 7). С. 143–170.

посвящена одна глава, занимающая в монографии около 120 страниц. Подход В.А. Федорова к теме виден уже из рубрикации этой главы: его интересовало следствие в Тульчине в декабре 1825 г.; начало допросов в Петербурге и учреждение Следственного Комитета; руководящая роль Николая I; допросы конца декабря и выработка программы следствия. Далее В.А. Федоров остановился на отдельных сюжетах расследования — о заграничных контактах декабристских организаций; их связей с Польским, Кавказским, Малороссийским и другими тайными обществами в пределах Российской империи; причастности к заговору М.М. Сперанского и Н.С. Мордвинова; допросах о планах царевубийства. Этим ограничивается набор сюжетов, выделенных В.А. Федоровым. Исследователь не счел необходимым пояснить, почему он остановился именно на этих нескольких проблемах и опустил другие фигурировавшие в допросах аспекты декабризма (историю декабристских организаций, программные документы, переговоры между Южным и Северным обществами, дискуссии о военном восстании и др.). Затем В.А. Федоров рассмотрел приемы и методы ведения следствия, условия содержания узников, остановился на вопросе о поведении декабристов на допросах, после чего перешел к заключительным документам следствия. Трактовка В.А. Федоровым темы вполне соответствует традиции ее рассмотрения в советской историографии. Он собрал и подытожил всё известное на тот момент о следствии и суде, ввел в оборот ряд новых документов, но в том, что касается оценок, расстановки акцентов, концепции, он придерживался общепринятой тогда точки зрения. Подытожив достижения предшествовавшей историографии, книга В.А. Федорова одновременно свидетельствует о пределах ее возможностей, о том, что дальнейшее развитие темы требует пересмотра устоявшихся мнений и новых исследовательских методик.

Картина следствия в существующей историографии освещена очень неровно. Ряду декабристов посвящены достаточно обстоятельные биографические работы, там прослеживается и касающаяся их история расследования⁵. При публикации следственных дел в томах серии «Восстание декабристов» каждое дело снабжалось краткой, но информативной справкой, увязывающей его с общим ходом следствия. Имеется и несколько работ, в более-менее общем виде освещающих те или иные аспекты следствия. На практике приходится сталкиваться с тем, что биографические работы описывают лишь избранные фрагменты следствия по наиболее известным персоналиям, к тому же их авторы зачастую исходят из оценочных суждений о следствии, основанных на общепринятых историографических клише; справки в «Восстании декабристов» содержат лишь элементарные фактографические сведения; а специальных работ считанные единицы, и они не дают ответов на множество вопросов, встающих перед исследователем. Так, например, нет отчетливого представления об общей стратегии расследования, о его методике; не всегда ясно, как соотносятся друг с другом отдельные его линии, чего следствие добивалось на том или ином этапе; как готовились допросы, кто и когда принимал направлявшие ход дела решения и чем они мотивировались; как было организовано делопроизводство и так далее. В сущности, в историографии не обсуждался и даже вовсе не ставился вопрос о периодизации следствия. Мы не знаем, было ли следствие более-менее однородным на всем своем протяжении или следует выде-

⁵ В первую очередь следует назвать книгу М. В. Нечкиной «Следственное дело А. С. Грибоедова» (М., 1982), упомянутые выше работы Н. М. Дружинина, С. Б. Окуня, Н. Я. Эйдельмана, вступительные статьи о С. П. Трубецком, М. А. Фонвизине, В. И. Штейнгейле и других декабристах в книгах серии «Полярная Звезда», ряд работ С. Я. Штрайха, статью С. Н. Чернова «Из работы над показаниями С. П. Трубецкого на следствии» (в кн.: *С. Н. Чернов. У истоков русского освободительного движения: избранные статьи по истории декабризма*. Саратов, 1960. С. 390–407).

лить какие-то качественно различающиеся периоды в его работе. Явно недостаточно разработано и источниковедение следственных материалов. Имеются две фундаментальные, исчерпывающие статьи, посвященные журналам и докладным запискам Следственного Комитета⁶, но прочие виды документов, созданных в процессе следствия, ни разу не становились объектом специального источниковедческого анализа. А пока мы не вполне понимаем историю следствия в целом, мы не в состоянии разрешить и многие вопросы, относящиеся к отдельным его фрагментам, отдельным персональным делам декабристов, и вынуждены блуждать в замкнутом круге, то и дело наталкиваясь на устоявшиеся и не подвергающиеся сомнению и проверке постулаты.

Причины такого положения вещей отчасти связаны со сложностью изучения процесса следствия. В самом деле, имеется весьма объемный документальный комплекс (неполное издание которого уже насчитывает двадцать солидных томов), состоящий главным образом из персональных дел декабристов, в которых — вопросные пункты и ответы на них, протоколы очных ставок и прочие созданные в ходе допросов материалы, так сказать, конечный продукт деятельности следствия. А вот документы, отражающие технический механизм его работы, «кухню», немногочисленны и скудны. В более поздние эпохи следствие сопровождалось объемным делопроизводством, так или иначе фиксирующим понимание (трактовку) следователем его задач, планы, отчеты о проделанной работе, промежуточные и конечные результаты

⁶ *Эйдельман Н.Я.* Журналы и докладные записки Следственного комитета по делу декабристов // Археографический ежегодник за 1972 г. М., 1974. С. 159–176. (Переиздание: *Эйдельман Н.Я.* Удивительное поколение. Декабристы: лица и судьбы. СПб., 2001. С. 227–251); *Мироненко С.В.* Журналы и докладные записки Следственного Комитета по делу декабристов // Восстание декабристов. Т. XVI. М., 1986. С. 9–26.

расследования⁷. Такого рода документы позволяют судить о том, как представлялось дело следственным органам на разных его этапах, какие пункты обвинения считались наиболее важными, почему были проведены те или иные допросы, заданы те или иные вопросы, как сами следователи объясняли привлечение к дознанию одних лиц, освобождение других и т. п. Следствие над декабристами не оставило после себя подобных документов: делопроизводственные и юридические нормы того времени их не подразумевали. Более того, в архиве Следственного Комитета не сохранилось ни черновиков, ни подготовительных бумаг. Они просто не были включены в сформированные по окончании следствия дела.

Дополнительную сложность создает отсутствие в судебно-следственной практике той эпохи не только регламентированной отчетности следственных органов, но и сколько-нибудь внятно и детально прописанных норм, определяющих процедуру следствия (процессуальное законодательство, соответствующие ведомственные инструкции, необходимость отчитываться перед органами прокуратуры и собственными вышестоящими инстанциями и т. п. возникли значительно позднее)⁸. Поэтому, анализируя декабристское следствие, сложно определить, насколько те или иные документы соответствуют юридической практике эпохи, какие из них нормальны, какие отклоняются от нормы, а какие

⁷ Например, следователь писал постановления о возбуждении и прекращении уголовного дела, ходатайства о продлении сроков расследования, обращался за санкциями на аресты и обыски, отчитывался перед вышестоящим начальством и органами прокурорского надзора и т. п.

⁸ О скудости и слабой разработанности процессуального законодательства см.: *Севастьянов Ф. Л.* Процесс по делам о государственных преступлениях в России в первую четверть XIX в. // 14 декабря 1825 года. Вып. VI. С. 308–314. Как констатировал Ф. Л. Севастьянов, «что касается закона процессуального, то в отношении следствия и суда по государственным преступлениям ситуацию фактически можно охарактеризовать как правовой вакуум» (С. 311).

экстраординарны; насколько допросы декабристов, обращение с ними, режим содержания выходят (или, напротив, не выходят) за рамки обычных судебных процедур начала XIX века. В сущности, определить это можно лишь через сопоставление с материалами других следствий, но и здесь есть риск ошибиться: с какими судебными процессами той эпохи было бы корректно сравнивать дело декабристов? Ясно, что от хронологически близких типичных уголовных или военно-судных дел оно заведомо отличается своим политическим характером; от дела Е.И. Пугачева (которое, как известно, изучалось М.М. Сперанским и Николаем I при подготовке суда над декабристами, — именно суда, но не следствия) — принадлежностью к другой исторической эпохе. Возможно, типологически ближе всего к декабристскому делу могут стоять материалы следствия по волнению в лейб-гвардии Семеновском полку в 1820 г., хотя и эта аналогия, очевидно, требует осторожного подхода.

Не слишком помогают здесь и мемуарные тексты. Далеко не все декабристы-мемуаристы вообще рассказали о следствии. Они охотно вспоминали о своем заключении в крепости (тюремный быт, переживания узника), но гораздо меньше говорили собственно о следствии, содержании допросов, очных ставках — той самой «дуэли» допрашиваемого с допрашивающим, которая в последующие эпохи столь жгуче интересовала и авторов, и читателей⁹. Более-менее обстоятельно о следствии написали Н.В. Басаргин, С.П. Трубецкой, М.А. Бестужев, И.Д. Якушкин, А.Е. Розен, Н.И. Лорер, А.П. Беляев, А.С. Гангелов, П.И. Фаленберг. А вот Е.П. Оболенский, Н.Р. Цебриков, А.В. Поджио рассказывают о тюрьме, но допросов не каса-

⁹ Достаточно вспомнить записки участников следующих поколений революционного движения, вплоть до советских диссидентов, подробнейшим образом описывавших, о чем их допрашивали, что они отвечали, какие к ним применялись меры давления.

ются вовсе; записки С.Г. Волконского обрываются на сцене первого допроса; М.С. Лунин, М.А. Фонвизин, А.М. Муравьев, В.И. Штейнгейль избегают говорить о себе лично, ограничиваясь передачей рассказов товарищей.

Причины этой особенности декабристской мемуаристики лежат в двух плоскостях. Во-первых, весьма плодотворны наблюдения Ю.М. Лотмана о воздействии литературных стереотипов на поведение и поступки людей той или иной эпохи¹⁰. Сформированные актуальным для своего времени литературным стилем (сентиментализм, романтизм, реализм) образчики поведения, семиотика поступков, жестов и ситуаций задавали представление о значимости/незначимости тех или иных сторон жизни, заставляя людей акцентировать одни из них и оставлять без внимания другие. Для людей декабристского поколения литература сентиментализма (господство которого пришлось в основном на их детство и становление) и романтизма (нового течения, сильно увлекшего прежде всего тех из них, кто был близок к литературным кругам) создавали весьма разные типы героя и предписывали во многом диаметрально противоположную стилистику поведения, но в одном они сходились: в них напрочь отсутствовала сколько-нибудь внятная проработка образа героя на допросе. Герой мог страдать в темнице, мог доблестно держаться перед лицом торжествующего врага, произнести монолог в высоком стиле (зачастую неуместный с точки зрения житейского здравого смысла), мужественно встретить казнь, но как ему надлежало себя держать при допросе, оставалось неясным. Да и сама ситуация допроса

¹⁰ Лотман Ю.М. Декабрист в повседневной жизни: бытовое поведение как историко-психологическая категория // Литературное наследие декабристов. Л., 1975. С. 25–74; Лотман Ю.М. Александр Сергеевич Пушкин: Биография писателя. Л., 1983.

выводилась за рамки значимых¹¹. Декабристские мемуарные тексты о следствии вполне могут быть соотнесены с этой особенностью романтической и сентименталистской литературы. Более того, здесь можно искать и объяснение самому поведению декабристов во время следствия.

Во-вторых, существовали также и обстоятельства психологического порядка. Для декабристов в пору написания мемуаров, то есть в сибирской ссылке и после нее, следствие не могло не быть большой и трудной темой: слишком большую роль в их судьбах сыграли показания друг на друга. В их рассказах есть умолчания (почти никто не захотел говорить плохо о товарищах), есть стремление смягчить события, объяснить их неправыми действиями власти. Находясь вместе в сибирском заключении и много обсуждая свои допросы, декабристы создали некую общую версию событий, в которой воспоминания, потребность понять значение общественного движения, к которому они принадлежали, и дела, за которое пострадали, осознание исторического значения этого дела и необходимости рассказать о нем потомкам, — сплелись со стремлением найти приемлемое объяснение многим драматическим коллизиям следствия. По свидетельству И. Д. Якушкина, «в разговорах очень часто речь склонялась к общему нашему делу, и, слушая ежедневно частями рассказы, сличая эти рассказы и поверяя их один другим, с каждым днем

¹¹ Ярчайшим примером служат воспоминания Е. П. Оболенского, рассказавшего, как во время заключения в Алексеевском рavelине они с К. Ф. Рылеевым нашли способ обмениваться записками через сторожа. Обоих интенсивно допрашивали, причем зачастую об одних и тех же вещах. Но им даже не пришлось, по-видимому, в голову использовать эту возможность в практических целях, для того, чтобы сговориться о линии защиты, согласовать показания — ничего подобного, они обменивались стихами и изливали друг другу свои душевные переживания. Таким образом Оболенский получил, запомнил и передал в воспоминаниях сочиненные Рылеевым в крепости стихотворения «Мне тошно здесь, как на чужбине» и «О милый друг, как внятн голос твой» (*Оболенский Е. П.* Воспоминание о Кондратии Федоровиче Рылееве // Мемуары декабристов. Северное общество/Сост. В. А. Федоров. М., 1981. С. 92–93).

становилось более понятным все то, что относилось до этого дела, все более и более пояснялось значение нашего общества, (...) а вместе с тем становились известными все действия Комитета при допросе подсудимых и уловки его при составлении доклада»¹². Важно понимать, что декабристами двигало не только желание самим разобраться во всех обстоятельствах, уяснить для себя образ собственного дела перед лицом истории, но и совершенно практическая необходимость сгладить взаимные обиды, ужиться вместе в долгом совместном заключении. Следы возникшей в разговорах узников версии прослеживаются во многих мемуарах. Одной из характерных ее черт является обвинение следствия в подлоге: якобы на допросах Комитет уличал арестантов показаниями товарищей, которых те на самом деле не давали. Следственные материалы опровергают эту декабристскую версию: все сведения, фигурирующие в вопросах Комитета, обязательно восходят к каким-то из показаний, и нет случаев, чтобы источник информации оказался неясным¹³. Более того, как правило, в вопросных пунктах сведения из показаний других лиц цитировались практически дословно. В декабристских мемуарах присутствовала и трактовка событий, сводящаяся к тому, что участь мятежников была предрешена заранее, следствие и суд были не более чем ширмой для карающей монаршей воли. Такой взгляд также позволял смягчить чувство вины, прийти к взаимному примирению. Равным образом к самим декабристам восходит и укоренившееся в последующей исследовательской традиции убеждение, что следствием непосредственно руководил сам Николай I, вникавший в малейшие его детали. Наконец, очевидно, что, рассказывая о следствии, декабристы в принципе могли говорить только лишь о той его части, которая была им, как подследственным, известна, и заведомо

¹² Якушкин И.Д. Мемуары, статьи, документы/Сост. В.И. Порох, И.В. Порох. Иркутск, 1993. С. 178.

¹³ Подробнее об этом речь пойдет в 5 главе данной работы.

не знали ни хода дела в целом, ни множества существенных обстоятельств¹⁴.

Оставил воспоминания о следствии над декабристами и один из главных его деятелей — правитель дел Следственного Комитета А.Д. Боровков¹⁵. Разумеется, исследователь ищет у Боровкова прежде всего сведения о закулисной стороне дела и подробности организационного характера (как были распределены обязанности, поставлено делопроизводство, кто и как готовил допросы). Его записки действительно дают ряд ценнейших сведений, но, к сожалению, не исчерпывают возникающих вопросов. То же можно сказать о дневниковых и мемуарных текстах Николая I¹⁶. В опубликованном недавно фрагменте воспоминаний еще одного ведущего деятеля следствия — А.Х. Бенкендорфа, основное внимание уделено обстоятельствам междуцарствия и восстанию 14 декабря, но что касается следствия как такового, то здесь Бенкендорф ограничился одним абзацем¹⁷. Представляется, что причина тому — уже упомянутая особенность литературного климата эпохи, не рассматривавшего следствие как тему занимательную. Мало помогают исследователю и скудные эпистолярные источники.

¹⁴ Об этом зачастую забывают исследователи, склонные почему-то исходить из априорного предположения, что любой побывавший в крепости декабрист или подозреваемый в причастности к декабризму знал в деталях обо всем, что происходило на допросах.

¹⁵ Александр Дмитриевич Боровков и его автобиографические записки // Русская Старина. 1898. № 11. С. 333–362.

¹⁶ См.: Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. М.; Л., 1926; 14 декабря 1825 года: Воспоминания очевидцев/Сост. П. В. Ильин, А. А. Кононов. СПб., 1999.

¹⁷ *Бенкендорф А.Х.* Восстание 14 декабря 1825 года/Публ., вступительная заметка и прим. А.А. Литвина. Пер. с франц. яз. О.В. Маринина // Звезда. 2007. № 4. С. 150–169.

Остается единственный путь разрешения вопросов, касающихся следствия над декабристами, — это многосторонний анализ всех документов следствия, в первую очередь всего массива допросов. Учитывая его объем, работа эта весьма трудоемкая, а при необходимости обработки материалов вручную она была практически неосуществимой, так что неудивительно, что до сих пор ничего подобного не было предпринято. Появление количественных методов обработки данных значительно облегчает задачу. Используя наработанные к настоящему времени методики количественных исследований, можно подойти к следственным делам как к массовому источнику, формализовать исследовательский запрос, свести информацию в базы данных и получить выраженные в цифрах, таблицах и графиках ответы на поставленные вопросы.

Недостаточная изученность следствия объясняется не только состоянием источников и сложностью их изучения. История декабристоведения имела свою логику, связанную как с развитием историографии и археографии, так и с общественно-политическим контекстом. Исследователи ставили и разрешали вопросы, диктуемые временем (ибо на протяжении полутора столетий история декабризма не теряла животрепещущей актуальности), находясь в то же время в зависимости от степени научной разработанности материала и ввода в оборот документальных источников.

До революций 1905 и 1917 гг. архив следствия над декабристами был закрыт и недоступен. Видели его лишь отдельные, облеченные специальным доверием власти исследователи: военные историки генералы М. И. Богданович и Н. Ф. Дубровин, автор биографий императоров Павла I, Александра I и Николая I Н. К. Шильдер. Но традиция изучения истории декабризма была заложена именно тогда, начавшись с трудов по сбору декабристского наследия (в первую

очередь, усилиями М.И. Семевского, Е.И. Якушкина и ряда других родственников, наследников и друзей декабристов, побуждавших к тому же и самих декабристов к написанию воспоминаний). Первые публикации декабристской мемуаристики осуществлялись за границей, в том числе в Вольной русской типографии А.И. Герцена, а после смягчения цензурных условий в пореформенное время стали появляться и в легальной русской печати (ведущую роль сыграли исторические журналы «Русский архив» П.И. Бартенева и «Русская Старина» М.И. Семевского). Нарождавшееся декабристоведение приобрело ряд характерных черт, сохранившихся и в дальнейшем. Недоступность архива следствия приводила к зависимости исследователей от источников личного происхождения, в первую очередь декабристской мемуаристики, а значит, и от декабристской версии событий. Возможности ее верификации и критической оценки не существовало, историки смотрели на вещи «глазами декабристов». Как афористично высказался М.Н. Покровский в предисловии к первому тому «Восстания декабристов», по части истории русской революции «мы были осуждены питаться полуфантастикой мемуаров плюс официальные издания, в этой области представлявшие почти сплошную фальсификацию»¹⁸. Это положение усиливалось общественным фоном эпохи. Декабристская тематика разрабатывалась, что совершенно естественно, оппозиционными самодержавию исследователями; уже в герценовских публикациях декабристов окружал ореол героев и мучеников за свободу, их восторженно почитали представители всех либеральных и революционных кругов русского общества. С тех пор в отечественной культуре глубоко укоренилось возвышенное, несколько идеализированное и романтизированное отношение к декабристам, они стали восприниматься как образец самоотверженного служения интересам народа,

¹⁸ Восстание декабристов (Далее: ВД). Т. I. С. VIII.

как нравственное мерило. Тяготеющее к революционности общественное сознание отказывало царизму в праве судить декабристов, а их казнь и ссылка расценивались как расправа, как пример самодержавного деспотизма. Казнь декабристов оказалась прочно вписанной в реестр преступлений царского режима. История следствия таким образом превращалась в историю их благородного мученичества.

Когда события 1905 г. приоткрыли доступ к архивам декабристского следствия¹⁹, а революция 1917 г. широко распахнула их двери, общество испытало настоящий шок, обнаружив, что декабристы вели себя на допросах отнюдь не так, как того требовала сложившаяся в более позднем революционном движении суровая мораль, не допускавшая дачи показаний, подачи прошений о помиловании и вообще никакого «сотрудничества со следствием», никаких переговоров с режимом. Ситуация усугублялась тем, что среди ведущих историков декабризма были люди, лично причастные к революционному движению (социал-демократ П. Е. Щеголев, народник и марксист В. Я. Богучарский²⁰) и тем более разделявшие их нравственные установки. Недостойное, с точки зрения этих норм, поведение декабристов на следствии ломало ставшее привычным отношение к ним, требовало объяснения либо пересмотра сложившихся оценок. И по сию пору эта проблема остается

¹⁹ В числе первых работ, основанных на следственных материалах, следует назвать книги М. В. Довнар-Запольского «Мемуары декабристов» (1906); Н. П. Павлова-Сильванского «Декабрист Пестель перед Верховным уголовным судом» (1907; созданию этой работы способствовало то обстоятельство, что Н. П. Павлов-Сильванский в 1900–1903 гг. являлся архивным делопроизводителем и занимался составлением описи фонда Следственного Комитета), В. И. Семевского «Политические и общественные идеи декабристов» (1909), осуществленную П. Е. Щеголевым публикацию текста «Русской Правды» П. И. Пестеля.

²⁰ См. подробнее: *Емельянов Ю. Н.* Общественно-политическая и научная деятельность П. Е. Щеголева (1877–1931) // *История и историки*, 1977. М., 1980. С. 263–265.

одной из постоянно обсуждаемых в литературе: в явной форме или в виде скрытой полемики. В пореволюционные годы авторы научных и иных работ (ведь декабристская тематика постоянно присутствовала не только в научном, но и популярном, литературном, публицистическом, художественном контексте) зачастую поддавались соблазну «с большевистской прямотой» осудить «хрупкую дворянскую революционность»; позднее, с нарастанием официозной героизации участников революционного движения, возникла тенденция к некоторому замалчиванию неприятных, разрушающих благородный образ героев обстоятельств. С другой стороны, были исследователи, искавшие возможность противопоставить навязанным партийным оценкам свое понимание декабризма. Потребность найти объяснение поведению декабристов на допросах послужила стимулом для создания интересных и глубоких работ в области истории коллективного сознания и семиотики поведения людей той эпохи.

Неиссякавший интерес к декабристам на следствии сыграл в историографии двоякую роль, как творчески-побудительную, так и негативную: обсуждение нравственных и психологических проблем поведения декабристов на допросах заслонило собою все прочие стороны истории следствия.

К тому же на исследователей влиял унаследованный от дореволюционной традиции антисамодержавный пафос, поддерживаемый одновременно как советскими идеологическими установками, так и искавшей исторических аллюзий либеральной интеллигенцией, усматривавшей в самодержавии параллели с гнетущим советским режимом. Казалось очевидным, что декабристов карала власть неправая, деспотическая и незаконная, детальный анализ ее действий представлялся избыточным: что тут рассуждать, деспотизм и есть

деспотизм. Лежавшая в основе дела декабристов политика Николая I оставалась проблемой не только неизученной, но и практически не ставившейся. Ситуация, отчасти вынужденная ввиду господства ортодоксального советского марксистского мировоззрения, отчасти же порожденная искренней приверженностью ему многих ученых. Тон задавали родившиеся еще в среде дореволюционной радикальной интеллигенции оценки, со временем превратившиеся в клише. Что касается декабристов, то картина казалась настолько ясной, что клише присутствовали уже в заголовках. Единственная популярная книжка, посвященная специально следствию и суду над декабристами, носит броское название «Суд коронованного палача» с подзаголовком «Кровавая расправа над декабристами»²¹. В том же ключе выдержаны и названия глав принадлежащей перу В.А. Федорова монографии, для которых взяты цитаты из самих декабристов: «Следственная комиссия была пристрастна с начала до конца...», «Суд судил и осудил нас...»²².

Уйти от этих оценок, подвергнуть их сомнению исследователям мешал не только жесткий идеологический контроль в СССР. В эпоху несвободы декабристы олицетворяли для либерально-оппозиционных потомков смелое противостояние деспотизму, соединенное с внутренней независимостью и безусловной приверженностью гуманистическим началам (именно по части последней не могли их заменить революционеры более позднего времени, заложившие основы морали и взглядов, логически приведших затем к большевизму). Декабристы оставались нравственным мерилom, тем святым в отечественной истории, чему можно было по-

²¹ Басков В.И. Суд коронованного палача: кровавая расправа над декабристами. М., 1980.

²² Федоров В.А. «Своей судьбой гордимся мы...»: Следствие и суд над декабристами». М., 1988.

клоняться открыто, лукаво пользуясь внешним совпадением с заявленной режимом системой ценностей: власть считала их предтечами революционного движения, увенчавшегося большевизмом, а вольнодумцы — своими праотцами и образцом для подражания.

С появлением свободного доступа к материалам архива Следственного Комитета состояние декабристских исследований принципиально изменилось. Ученые получили огромную массу информации, освоение и обработка которой заняли много лет, а в некоторых отношениях не закончены и на сегодняшний момент. Публиковавшиеся в 1920–1930-х годах работы, как всегда бывает при введении в научный оборот большого количества нового материала, в значительной мере представляли собой простое изложение сведений, почерпнутых из документов следствия, либо их фрагментарную публикацию. Попыткам источниковедческого изучения мешала недостаточная освоенность всего комплекса. Многие актуальные для нас сегодня вопросы тогда исследователями не ставились: и в силу иных подходов, и в силу общего состояния источниковедения и археографии того времени.

Огромное значение имело основание Централхивом в 1925 году документальной серии «Восстание декабристов», специально предназначенной для планомерной публикации архива Следственного Комитета по делу декабристов. Открывая первый том серии, М.Н. Покровский подчеркивал острую необходимость издания источников по истории революционного движения и движения декабристов как первого его этапа: «Нигде дело научного издательства не является более успешным, чем здесь, в области истории русской революции. Ни о чем так много не пишется в последние

годы, и ничего мы не знаем хуже»²³. Нам, не так давно пережившим «архивную революцию» начала 1990-х гг. и каскад публикаций рассекреченных документов, последовавших за падением советского режима, сейчас как никогда понятна ситуация, которую характеризовал М. Н. Покровский: «основным курсом русской истории становится история России в XIX веке, необходимо создать условия для массовой научной проработки этого периода. В архив могут идти одиночки, а архивные подлинники по самой своей индивидуальности не могут стать объектом массовой работы»²⁴.

Первый том «Восстания декабристов» предваряла статья А. А. Покровского «Следствие над декабристами», ставшая, несмотря на скромный объем, этапом в исследовании данной темы, поскольку А. А. Покровский впервые обрисовал общие принципы организации следствия и проведения допросов²⁵.

Публикация следственных дел в «Восстании декабристов» была начата с дел вождей Северного и Южного обществ, затем последовали следственные дела членов этих обществ и Общества соединенных славян. В пятнадцати томах были изданы все следственные дела декабристов, осужденных Верховным уголовным судом, текст «Русской Правды» П. И. Пестеля, материалы о восстании Черниговского полка и составленный Б. Л. Модзалевским и А. А. Сиверсом биографический справочник декабристов. Затем последовали тома XVI–XVII с материалами о работе Верховного уголовного суда, журналами Следственного Комитета и его докладными записками Николаю I. Если первоначально предполагалось, что в серию войдут дела лишь осужденных декабристов, то в 1980-е годы было принято решение продолжить издание

²³ ВД. Т. I. С. VII.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. С. XIII–XIX.

и опубликовать дела тех, кто осужден не был, но чье членство в тайных обществах может считаться доказанным. Они составили еще три тома. В настоящее время серия не считается завершенной, подготовлен к изданию том XXI, собравший прежде не публиковавшиеся свидетельства участников и очевидцев восстания 14 декабря на Сенатской площади²⁶, еще ряд томов запланирован.

Тома «Восстания декабристов» выходят уже более восьмидесяти лет, причем с значительными перерывами²⁷. После активной работы 1920-х, когда вышло в свет семь томов, с начала 1930-х наступила пауза. Она была вызвана как общей обстановкой в стране, так и причинами сугубо конкретными: часть авторов серии была репрессирована. Возобновлена серия была к 125-летию восстания декабристов в 1950 г. под руководством ведущего декабристоведа академика М. В. Нечкиной и продолжалась вплоть до ее кончины в 1985 г., после чего вновь последовал более чем десятилетний перерыв, снова обусловленный и частными, и общеисторическими, и общеографическими причинами: резким спадом в годы после распада советской власти и СССР интереса к истории революционного движения, в том числе к декабристам. Возобновились издание с выходом в 2001 г. XIX и XX томов: в томе XIX помещены следственные дела декабристов Южного общества и Общества соединенных славян, не преданных суду; в томе XX — дела не преданных суду членов Союза Спасения и Союза Благоденствия; оба

²⁶ Восстание декабристов. Документы. Т. XXI. Дела Верховного уголовного суда и Следственной комиссии/Под ред. С. В. Мироненко. Сост. О. В. Эдельман (В печати).

²⁷ Истории серии посвящены статьи: *Ляшенко К. Г.* Проблемы археографической подготовки сборников «Восстание декабристов» // Советские архивы. 1983. № 2. С. 53–58; *Мироненко С. В.* 60 лет издания документальной серии «Восстание декабристов» // Археографический ежегодник за 1986 год. М., 1987. С. 24–34.

тома в основе своей были подготовлены еще при жизни М. В. Нечкиной. За время своего существования серия стала своего рода археографическим памятником, ведь на протяжении этих лет менялись и совершенствовались подходы к публикации исторических документов, развивалась археографическая мысль.

Несмотря на то что «Восстание декабристов» будет, вероятно, продолжено, основной корпус требующих публикации материалов архива Следственного Комитета уже издан. А выход в свет даже нескольких первых томов создал принципиально иную ситуацию для исследователей — не только потому, что облегчил доступ к источникам, но и благодаря справочному аппарату, которым снабжены тома. Немаловажное значение имели и помещавшиеся в томах серии научные статьи, сопровождавшие публикуемые следственные дела. Помимо упомянутой вводной статьи А. А. Покровского в первом томе, им же были написаны обстоятельные обзоры вошедших в этот том дел²⁸. В последующих томах появлялись статьи по истории следствия в отношении главнейших декабристов (как, например, статья о следственном деле П. И. Пестеля в томе IV) или по отдельным аспектам работы Следственного Комитета (названная выше статья о журналах и докладных записках Комитета в томе XVI). За время, пока серия выходила под руководством М. В. Нечкиной, установились принципы составления сопроводительных текстов: предисловие к тому являлось содержательным обзором публикуемых материалов, а заключительные статьи — справками по истории каждого дела.

«Восстание декабристов» — сравнительно редкий пример издания, в основу которого положен принцип пофондо-

²⁸ ВД. Т. I. С. 497–528.

вой публикации. Теория археографии справедливо считает пофондовую публикацию одним из лучших решений, позволяющих избежать искажающих случайностей тематических подборок, сохранить контекст и исходную взаимосвязь документов. Особенно важно это для такого сложного вида источников, как судебно-следственные материалы. Надо заметить, что, хотя «Восстание декабристов» является основным и наиболее авторитетным изданием документов следствия, наряду с ним существовали отдельные публикации. Иногда это были публикации дел, позднее (и часто много лет спустя) вошедших в очередной том «Восстания декабристов», после чего первая публикация теряла значение²⁹. Иногда же эти обособленные публикации служили дополнением серии, поскольку не все дела из фонда Следственного Комитета включались в ее план³⁰. Опыт обращения к этим публикациям однозначно показывает, что удачными оказываются те из них, которые строились исходя из принципа сохранения единства документального комплекса и основаны на цельном воспроизведении следственного дела (дела Н. И. Лорера, А. С. Грибоедова). Напротив, фрагментарная выборка отдельных документов из следственных дел заметно затрудняла дальнейшее их использование. Это можно сказать о публикации показаний М. Ф. Орлова³¹, где весь текст показаний дан подряд, причем не оговорено ни наличие и содержание вопросов, ни даже количество документов, из которых составлен публикуемый текст. Читателю предо-

²⁹ Как, например, публикация М. В. Нечкиной следственного дела Н. И. Лорера в качестве приложения к тому его воспоминаний (Записки декабриста Н. И. Лорера/Пригот. к печати и коммент. М. В. Нечкина. М., 1931) или показаний М. Ф. Орлова в посвященном ему томе серии «Литературные памятники» (Орлов М. Ф. Капитуляция Парижа. Политические сочинения. Письма/Сост. С. Я. Боровой, М. И. Гиллельсон. М., 1963).

³⁰ Здесь в первую очередь следует указать на несколько раз переизданное, но не включенное в «Восстание декабристов» следственное дело А. С. Грибоедова.

³¹ Орлов М. Ф. Капитуляция Парижа. С. 78–97.

ставляется гадать, является ли этот текст письмом (или несколькими письмами) М. Ф. Орлова в Следственный Комитет или его ответом на вопросные пункты, написан ли он сразу или в разные дни. За неимением лучшего исследователям на протяжении почти четырех десятилетий приходилось прибегать к этому изданию³². А вот опубликованные в одном из декабристских томов «Литературного наследства» показания К. Ф. Рылеева, извлеченные из неизданных следственных дел малоизвестных декабристов³³, оказались практически не востребованы. Хотя, казалось бы, речь шла о полной публикации всех данных Рылеевым на следствии показаний, но вне контекста их смысл оказался утрачен: невозможно даже судить, даны ли Рылеевым те или иные ответы в пользу или во вред тем, о ком его спрашивали.

Обзор публикаций лишний раз подтверждает давно известное: судебно-следственные материалы безусловно требуют целостного комплексного подхода, анализа всех имеющихся документов в их взаимосвязи.

Спад интереса к декабризму в последнем десятилетии минувшего XX столетия не особенно сказался на изучении истории следствия — о ней и прежде писали мало; несколько недавно изданных работ можно даже расценить, в противовес общей тенденции, как некое оживление этой тематики. Вышли из печати уже упомянутые два тома «Восстания декабристов». Существенным вкладом является предпринятое группой петербургских ученых переиздание комплекса мемуарных источников в сборнике «14 декабря 1825 года:

³² Полностью следственное дело М. Ф. Орлова опубликовано: ВД. Т. XX. М., 2001. С. 145–188.

³³ Рылеев на следствии. Из неопубликованных следственных дел о декабристах/Публ. Т. Г. Снытко // Декабристы-литераторы. Т. 1. М., 1954 (Литературное наследство. Т. 59). С. 176–236.

Воспоминания очевидцев»³⁴. В книгу вошли рассеянные по многочисленным, зачастую малодоступным изданиям (в значительном числе — еще дореволюционным) мемуарные памятники; книга снабжена комментарием, выполненным на высоком научном уровне. Среди вошедших в него текстов есть и касающиеся следствия, особенно его начальных моментов — записки Николая I и его заметки на рукописях книги М.А. Корфа, журнал К.Ф. Толя и др. Следует отметить также возобновление выходящей в Иркутске серии «Полярная Звезда», посвященной изданию мемуарного, эпистолярного и публицистического наследия декабристов³⁵, и полную публикацию материалов повторного следствия над А.О. Корниловичем в 1828 г.³⁶

Важным подспорьем для изучения следствия над декабристами служит работа сотрудницы музея Петропавловской крепости М.В. Вершевской, установившей точные места их заключения в крепости³⁷. Благодаря ей становится ясно, как соседствовали друг с другом узники, как варьировались условия содержания в разных куртинах и бастионах (где-то имелись одиночные каменные камеры, в ряде куртин были наспех сделаны дощатые перегородки, позволявшие

³⁴ 14 декабря 1825 года: Воспоминания очевидцев/Сост. П. В. Ильин при уч. А.А. Кононова. Науч. ред. А.Н. Цамутали. Подгот. текстов и коммент. А.А. Кононов, И.В. Осипова, П.В. Ильин, Н.И. Веденяпина. СПб, 1999.

³⁵ После паузы 1990-х гг. вышли в свет тома: *Муравьев Н.М.* Сочинения и письма. Т. 1. Письма (1813-1826)/Изд. подгот. Э.А. Павлюченко. Иркутск, 2001; *Свистунов П.Н.* Сочинения и письма. Т. 1. Сочинения. Письма (1825-1840)/Изд. подгот. В.А. Федоровым. Иркутск, 2002; *Бестужев Н.А.* Сочинения и письма/Изд. подгот. С.Ф. Ковалем. Иркутск, 2003; *Давыдов В.Л.* Сочинения, письма/Изд. подгот. Т.С. Комаровой. Иркутск, 2004.

³⁶ *Корнилович А.О.* Записки из Алексеевского рavelина/Публ. Н. Г. Пискунова. М., 2004.

³⁷ *Вершевская М.В.* Места заключения декабристов в бастионах и куртинах Петропавловской крепости // Государственный музей истории Санкт-Петербурга. Краеведческие записки: Исследования и материалы. Вып. 4. СПб, 1996. С. 91–141.

арестантам переговариваться, и т.п.). Результаты работы позволяют, в частности, судить, в каких случаях были возможны контакты между узниками, согласование их показаний и линий поведения — вопрос, до сей поры практически не изученный.

Несколько статей, касающихся разных аспектов декабристского следствия, было опубликовано мною³⁸. Они создавались в процессе работы над данной книгой (растянувшейся на многие годы), представляли собой размышления о постановке проблемы и первую (отчасти предварительную) публикацию полученных результатов и, таким образом, теперь окажутся в значительной степени поглощенными текстом книги.

Наконец, невозможно обойти молчанием факт сравнительно недавней защиты в Петербурге кандидатской диссертации Н.Д. Потаповой «Следствие по делу «декабристов»: деятельность органов расследования и ее результаты» (2000). Вопреки исторической очевидности, пренебрегая неоспоримыми свидетельствами источников, Н.Д. Потапова пытается доказать, что движение декабристов и тайные общества в реальности не существовали, но являются плодом следственной фальсификации наподобие сталинских процессов времен Большого Террора. Работа носит явно конъюнктурный характер и примечательна, главным образом, как при-

³⁸ Эдельман О.В. Воспоминания декабристов о следствии как исторический источник // Отечественная история. 1995. №6. С. 34–44; Эдельман О.В. Следственный Комитет по делу декабристов: организация деятельности // 14 декабря 1825 года: Источники, исследования, историография, библиография. Вып. II. СПб.; Кишинев, 2000. С. 209–235; Эдельман О.В. Квантитативный подход к изучению материалов следствия над декабристами // 14 декабря 1825 года: Источники, исследования, историография, библиография. Вып. IV. СПб.; Кишинев, 2001. С. 51–60; Эдельман О.В. Декабристы на допросах: опыт количественной характеристики // Там же. С. 333–362.

мер беззащитности научной среды перед подобного рода псевдоноваторскими выступлениями.

История следствия принадлежит не только истории движения декабристов и — шире — истории революционного движения, общественной мысли, русского общества в целом. Она также находится и в контексте историко-правовом. Этот контекст в особенности необходим для верного понимания материалов следствия: здесь важно детальное знание истории судебно-следственных процедур и способов их документального оформления. К сожалению, эта тема была по преимуществу уделом историков права, логика исследовательского подхода и сферы основных интересов которых не всегда совпадают с потребностями историков и источниковедов. Для истории первой четверти XIX века эта проблематика остается недостаточно разработанной. В последние годы наметился интерес историков к постановке проблем правовой стороны политического процесса этого периода и, в первую очередь, конечно, дела декабристов. На перспективы выхода темы «за рамки истории общественного движения (а значит, и декабриствоведения) — в пространство историко-правовой и политико-правовой проблематики» указали К. Г. Боленко и Н. В. Самовер³⁹. Процессуальной стороне следствия, в том числе и дела декабристов, посвящена статья Ф. Л. Севастьянова «Процесс по делам о государственных преступлениях в России в первую четверть XIX в.»⁴⁰, содержащая обзор действовавшего на тот момент в империи законодательства по ведению политического следствия и его практического применения.

³⁹ Боленко К. Г., Самовер Н. В. Верховный уголовный суд 1826 года: декабристская версия в историографической традиции. С. 160.

⁴⁰ Севастьянов Ф. Л. Процесс по делам о государственных преступлениях в России в первую четверть XIX в. // 14 декабря 1825 года. Вып. VI. С. 308–333.

В качестве наиболее близкого тематически и хронологически труда можно назвать книгу Е. В. Анисимова «Дыба и кнут», посвященную политическому сыску в России XVIII века⁴¹. Изучив большой массив архивных дел по политическим обвинениям, автор на их основе восстановил схему ведения политического процесса XVIII века, типичные приемы и методы, применявшиеся обычно при следствии по государственным преступлениям. Е. В. Анисимов проследил основные этапы процесса (донос, розыск, арест, допросы, дознание с применением пыток, вынесение приговора, казнь, тюрьма и ссылка). Отдельные главы книги посвящены русскому законодательству о государственных преступлениях и истории органов политического сыска. Конечно, практика политических следствий XVIII столетия, даже когда речь идет о самом его конце, существенно отличается от того, что было нормой на момент воцарения Николая I. За это время сменились как нравы, так и ряд узаконений, принципиальное значение имело запрещение пыток при Александре I. В то же время XVIII век — это не только предыстория. Большинство юридических норм оставалось действующими, и, что, быть может, даже существеннее, сохранялись основные представления о том, какой должна быть следственная и судебно-процессуальная практика, как следует производить дознание и вести дело. Запрет на пытки «осложнил» работу следователей, отнял у них один из самых простых и действенных способов дознания, а новые методы на смену пока не пришли. Сохранялась схема политического процесса, начинавшегося с доноса (или обнаружения виновных иным способом) и арестов подозреваемых, в основной части заключавшегося в допросах обвиняемых и, в случае противоречий между ними, очных ставок, и заканчивавшегося составлением обвинительных документов

⁴¹ Анисимов Е. В. Дыба и кнут: Политический сыск и русское общество в XVIII веке. М., 1999.

и представлением их судебной инстанции (или тому, кто ее заменял). Книга Е. В. Анисимова дает методические ориентиры и сравнительный фактический материал, весьма полезные при изучении дела декабристов.

* * *

Задача настоящей работы — исследование истории следствия над декабристами. В центре работы — цели и мотивы, логика действия власти: как собственно велось следствие, как оно было организовано и как оформлялось документально. Предметом рассмотрения станет порядок деятельности Следственного Комитета, его состав, обязанности и полномочия, штат, распределение ролей. Необходимо выяснить, что представлял собой Следственный Комитет как учреждение; как осуществлялось руководство следствием на разных уровнях — от планирования каждого допроса до направления процесса в целом — и какую роль в нем играл лично император Николай I; какого рода информация преимущественно интересовала членов Комитета и какова была, соответственно, преобладающая тематика допросов, а также их динамика и интенсивность на всем полугодовом протяжении дела. Я не ставлю перед собой задачи вновь обсуждать поведение декабристов на следствии и морально-нравственные аспекты ситуации. Вопреки историографической традиции, я попытаюсь взглянуть на следствие как бы с другого конца того крытого сукном стола, за которым заседал Следственный Комитет и перед которым представляли допрашиваемые узники, привнести бинокулярность в историю декабристского процесса, посмотреть на него не только «со стороны декабристов», но и «со стороны власти». Не потому, что власть представляется стороной более «правой», но в силу того, что именно власть, в данном случае в лице Следственного Комитета, формирова-

ла и направляла ход дела. Комитет управлял следствием, определял «правила игры», тогда как узники могли лишь выбирать тот или иной вариант ответного поведения, были «ведомыми». Комитет задавал вопросы — декабристы на них отвечали.

В ходе своей работы Следственный Комитет должен был решить две основные задачи. Во-первых, предоставить Николаю I достоверные сведения о происшедшем, о характере и степени опасности тайных обществ: власть должна была знать реальное положение дел. Во-вторых, определить меру виновности каждого из декабристов. Работа Комитета, очевидно, должна была включать две стадии: 1) накопления информации в ходе расследования; 2) обработки и анализа ее при подготовке итоговых документов — справок о виновности декабристов, доклада Следственной Комиссии и пр. Меня интересует первая из этих стадий, поэтому данная работа практически не затрагивает итоговые этапы деятельности следствия и подготовку к суду над декабристами. Мне представляется важным прежде всего разобраться в том, как осуществлялся сбор сведений, а то, каким образом они затем были использованы, — это уже другой вопрос, сам по себе достаточно обширный, многоплановый и требующий особого рассмотрения.

Работа базируется на комплексном обследовании всего массива следственных дел, как опубликованных в двадцати томах серии «Восстание декабристов», так и неопубликованных и хранящихся в Государственном архиве Российской Федерации в фонде Следственного Комитета по делу декабристов (Ф. 48). Помимо собственно следственных дел, были использованы и другие документы, созданные в процессе следствия и находящиеся в архиве Комитета: Журнал заседаний и докладные записки Николаю I, журнал исходящих бумаг и др. Архив Следственного Комитета представляет собой обширный документальный комплекс, сохранившийся в том же виде, в каком он был сформирован в самом Комитете

по окончании следствия над декабристами. Тогда были сформированы и получили заголовки дела, был осуществлен отбор оставленных на хранение материалов. Точных сведений о том, как именно это делалось, мы не имеем, однако состояние архива позволяет об этом судить. Были отсеяны все (за случайными исключениями) черновые материалы. Основу архива составили персональные следственные дела декабристов и лиц, подозревавшихся в принадлежности к тайным обществам. Дела эти были созданы, по-видимому, под конец следствия, но до его полного завершения. Сохранились внутренние описи в каждом деле, представляющие собой перечень документов и указание на номера листов. Они заверены чиновниками Следственного Комитета (чаще всего дела членов Северного общества заверял А. А. Ивановский, Южного общества и Общества соединенных славян — А. И. Вахрушев). Иногда в конце описи другим почерком приписаны заголовки документов, приобретенных к делу позднее. Листы большинства дел имеют двойную нумерацию: одна сделана, по-видимому, при формировании дела, вторая является стандартной архивной нумерацией. Как правило, их различие сводится к тому, что первая нумерация не давала номера листу с описью документов дела, зато иногда включала чистые листы. В некоторых случаях листы в делах хранят фрагментарные следы еще какой-то старой нумерации. Не существует никаких сведений о том, как были систематизированы документы в ходе самого следствия, на каком его этапе возникли персональные дела декабристов, был ли период, когда бумаги в Комитете хранились без четкого порядка, лежали кучами на столах чиновников, или же зачатки упорядочения возникли достаточно рано. На этот счет можно только строить предположения. Так или иначе, тот порядок документов и принцип разделения их по делам, который имеется сейчас, восходит к самому Комитету, а не является следствием позднейшей архивной обработки.

Документальный состав следственных дел достаточно стабилен. В них входят основные виды документов, создававшихся в ходе расследования: вопросные пункты и ответы на них декабристов, протоколы первоначальных допросов, снятых генералами В. В. Левашовым и К. Ф. Толем, протоколы очных ставок; показания декабристов, написанные дополнительно, по решению самого декабриста; выписки из показаний, касающихся данного подследственного, записки о силе вины, справки о решении по делу. Также в следственных делах встречаются отдельные изъятые у декабристов документы, фрагменты переписки об арестах, допросы, проведенные не в петербургском Комитете (начальные допросы в Тульчине, при штабе 1-й армии, копии материалов расследования о восстании Черниговского полка в Белой Церкви), выписки из материалов полковых следственных комиссий, учрежденных при гвардейских полках после 14 декабря, и т. д.

Помимо следственных дел, в архиве Комитета сохранился еще ряд ценных для данного исследования материалов. Так, имеются собранные в несколько единиц хранения разнообразные доносы, поступившие в Комитет после восстания декабристов (значительная их часть к декабристам никакого отношения не имела, но Комитет эти доносы рассматривал и некоторые проверял), материалы об арестах, обысках и доставке в Петербург подозреваемых в принадлежности к тайным обществам. В отдельном деле собраны сведения о прикомандированных к Комитету чиновниках, составивших его аппарат, имеются их формулярные списки, докладные записки А. И. Чернышева и А. Х. Бенкендорфа о представлении чиновников к наградам по окончании следствия⁴². Среди материалов фонда находятся и немногочисленные, потому тем более важные для нас, документы, описывающие

⁴² ГА РФ. Ф. 48. Д. 288.

отдельные моменты работы следствия: докладная записка генерала А.И. Чернышева с предложениями по реорганизации следствия от 9 января 1826 г.⁴³, рапорты председателя Следственного Комитета А.И. Татищева цесаревичу Константину Павловичу с описанием хода петербургского следствия⁴⁴ и др. Следует отметить также сохранившийся журнал входящих бумаг Комитета, фиксирующий содержание его переписки⁴⁵.

Привлекались мною также материалы других архивных фондов, например фонда Левашовых (ГА РФ. Ф. 973), где сохранились фрагменты переписки В.В. Левашова, касающейся следствия, и расписки чиновников Комитета о формальной передаче в Комитет снятых Левашовым допросов. Некоторые документы, относящиеся к взаимодействию Следственного Комитета и военного ведомства, обнаруживаются в фондах Российского государственного военно-исторического архива (Ф. 1 — Канцелярия военного министра, Ф. 36 — Канцелярия дежурного генерала, Ф. 14664 — Штаб Отдельного Гвардейского корпуса). Ценным дополнением к источникам официального происхождения служат переписка Николая I с великим князем Константином Павловичем, записки Николая I, журнал К.Ф. Толя, мемуары А.Д. Боровкова.

В сибирской ссылке, особенно в первые годы совместного заключения, декабристы много обсуждали следствие, однако в их эпистолярном наследии следов этого обсуждения практически не наблюдается. Это, впрочем, вряд ли удивительно. Переписка ссыльных декабристов подвергалась цензуре, но главное даже не в этом. Переписываться между собой декабристы начали лишь после выхода на вольное поселение,

⁴³ ГА РФ. Ф. 48. Д. 1.

⁴⁴ ГА РФ. Ф. 48. Д. 316.

⁴⁵ ГА РФ. Ф. 48. Д. 27.

тогда как основные разговоры об их деле, о следствии, велись гораздо раньше; к моменту оставления тюрьмы в Петровском Заводе эта тема уже исчерпалась. Зато в мемуарах, несмотря на то, что декабристы сравнительно немного рассказывали о следствии как таковом, они оставили яркие описания обстановки, процедуры допросов в Комитете, очных ставок, собственного восприятия происходящего. Как раз того, что не зафиксировано в официальных материалах. Например, по следственным делам или Журналу заседаний Комитета трудно представить себе, как именно выглядел вызов узника на допрос. Только из декабристских мемуаров мы узнаем, что вели их от камеры до зала заседаний с завязанными платком глазами, сквозь платок они могли видеть пятна света, силуэты людей; проходя через рабочие комнаты чиновников Комитета, слышали скрип перьев, и только в зале платок снимали, и узник видел перед собой блестящих генералов, сидящих за ярко освещенным столом. Ни о чем этом официальные источники не повествуют. Воспоминания декабристов хранят множество уникальных деталей, позволяющих, совместив их с материалами следствия, реконструировать картину событий.

Задача исследования массива следственных документов с учетом всех документов без исключения (вопросных пунктов декабристам, протоколов очных ставок, записей допросов, снятых генералами К. Ф. Толем и В. В. Левашовым, журнала заседаний Следственного Комитета, журнала входящих бумаг и др.) потребовала создания методики, позволяющей применить квантитативные приемы обработки данных⁴⁶. Арсенал современной науки предлагает много вариантов подхода

⁴⁶ Постановочная, техническая и методическая часть данной работы была доложена в ходе IV конференции ассоциации «История и компьютер» 15–17 марта 1996 г. (Эдельман О. В. Количественный анализ материалов следствия над декабристами // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». № 17. Март 1996. М., 1996. С. 131–132).

к массовым источникам⁴⁷, однако каждый вид источников и поставленные цели работы требуют от исследователя выработки своих методов формализации информации и обработки данных. Что касается материалов следствия над декабристами, то основной вид документов — вопросные пункты — представляет собой источник, структурированный уже в момент создания, что облегчает задачу его формализации и выбора алгоритма описания. В самом деле, допросы, подготовленные для декабристов, потому и назывались «вопросными пунктами», что состояли из перечня пронумерованных вопросов. Таким образом, здесь наличествуют два элемента описания: вопросные пункты как один допрос, обособленный документ (имеющий адресата, дату, количество вопросов), и вопрос в составе вопросных пунктов. Обработка их возможна на двух уровнях — на уровне допроса и на уровне вопросов. Каждый вопрос может быть охарактеризован тематически, а вся совокупность вопросов поддается тематической группировке. Все вопросные пункты были мной описаны в электронной базе данных, учитывающей для каждого документа дату допроса, имя допрашиваемого, принадлежность его к одному из декабристских обществ (Южному, Северному, Соединенных Славян, Союзу Благоденствия, Союзу Спасения), количество входящих в данные вопросные пункты вопросов, их тематику, некоторые делопроизводственные детали (например, наличие подписи, пояснения к дате⁴⁸) и, разумеется, его поисковые данные. Обработка данных не потребовала особых математических ухищрений. Я вывела общую статистику: количество допросов, вопросов, с группировкой данных (по тайным обществам, по группам следственных дел), определением

⁴⁷ См.: *Гарскова И.М.* Базы и банки данных в исторических исследованиях. [Б. м.] 1994; *Белова Е.Б., Бородин Л.И., Гарскова И.М., Измestьева Т.Ф., Лазарев В.В.* Историческая информатика. М., 1996.

⁴⁸ Вопросные пункты могли иметь дату допроса декабриста на заседании Комитета, дату составления письменных вопросов, дату написания показаний.

процентных соотношений, удельного веса вопросов разной тематики, распределения допросов по времени на протяжении следствия (их динамика наглядно представлена на серии графиков).

Сходным образом, но с учетом структуры, реквизитов и особенностей оформления каждого вида документов были формализованы и описаны в базе данных и другие виды документов, встречающихся в следственных делах. Так, при описании протоколов очных ставок я указывала дату, имена обоих допрашиваемых в той последовательности, в какой они даны в протоколе (показания первого участника очной ставки уличали второго, не сознающего), количество приведенных в протоколе пунктов показаний каждого из них, их тематику, исход очной ставки (удалось ли добиться согласования показаний, кто из участников согласился изменить свои показания). Своей схемы описания потребовал Журнал заседаний Следственного Комитета. Здесь за основу я брала запись об одном заседании, указывала его дату, количество допрошенных узников, к каким обществам они принадлежали, количество зачитанных письменных показаний и т.д. При этом учет особенностей каждого вида документов сочетался с едиными принципами группировки данных по сопоставимым параметрам. Таким образом было возможно сравнивать, скажем, характерную тематику вопросов пунктов с тематикой очных ставок.

В результате количественной обработки данных удалось получить таблицы и графики, характеризующие разные аспекты деятельности следствия: преобладающую тематику допросов, особенности ведения расследования по разным тайным обществам, изменения интенсивности допросов на всем полугодовом протяжении дела декабристов. Выявился ряд прежде незаметных, но немаловажных обстоятельств в организации и ведении следствия.

Глава I

Создание Следственного Комитета

Для императора Николая I, только что переставшего быть великим князем Николаем Павловичем, восстание декабристов стало ошеломляющей неожиданностью. Александр I знал из доносов о существовании в империи тайных обществ и даже имена их членов. Причины, по которым он решил воздержаться от прямых репрессий, много обсуждались в литературе. Представляется, что близко к истине недавно высказанное мнение, что Александр просто не видел в этих тайных обществах особой опасности, не считал нужным немедленно пресечь их деятельность¹. Именно таким образом может быть истолкована реплика, брошенная императором С.Г. Волконскому во время смотра в октябре 1823 г. Похвалив усилия Волконского как командира бригады, Александр прибавил: «И, по-моему, гораздо для вас выгоднее будет продолжать оные и не заниматься управлением моей империи, в чем вы, извините меня, и толку не имеете»². Александр I мог себе позволить не обращать особого внимания на полити-

¹ *Бокова В.М.* Эпоха тайных обществ: Русские общественные объединения первой трети XIX в. М., 2003. С. 382–390.

² *Волконский С.Г.* Записки/Сост. А. З. Тихантовская, Н.Ф. Караш, Б.Н. Капелюш. Иркутск, 1991. С. 383.

ческие идеи офицеров, которых он к тому же неплохо знал лично. Он принял некоторые меры, не позволив членам обществ слишком высоко подниматься по служебной лестнице, занимать ответственные должности, дающие реальную силу и власть. В то же время только очень узкий круг самых доверенных и близких к Александру Павловичу лиц — И.И. Дибич, А.А. Аракчеев, П.М. Волконский — знал о поступивших доносах. Братья императора в этот круг не входили³.

Только после нового доноса, полученного осенью 1825 г. через графа И.О. Витта, находившийся в то время в Таганроге Александр I распорядился начать расследование. Из-за внезапной смерти императора дальнейшие распоряжения исходили уже от начальника Главного Штаба И.И. Дибича, к которому и поступили в начале декабря доносы Шервуда и Майбороды. Дибич отправил в Тульчин, в штаб-квартиру 2-й армии, генерал-адъютанта А.И. Чернышева, который вместе с начальником штаба 2-й армии генералом П.Д. Киселевым начал следствие. Первым 13 декабря был арестован П.И. Пестель. Информация о существовании тайных политических обществ на тот момент имелась в Тульчине и Таганроге, Чернышев отчитывался Дибичу. 4 декабря Дибич счел необходимым поставить в известность о заговоре в войсках верховную власть, наследника престола Константина Павловича, и послал два одинаковых пакета

³ В рассказах о междоусобии и восстании декабристов великого князя Михаила Павловича, записанных М.А. Корфом, содержится прямое свидетельство, что лишь в ночь с 14 на 15 декабря, когда Николай допрашивал арестованного С.П. Трубецкого, «великому князю тут только сделалось известным существование обширного и сложного заговора, которого он нисколько не подозревал, приписывая дотоле все случившееся единственно уклонению от новой присяги» (Междоусобие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. С. 62). Михаил Павлович, конечно, находился еще дальше от престола и важнейших тайн, чем его старшие братья; тем не менее он был поставлен в известность о том, что Константин не будет наследовать престол, лишь немногим позже, чем об этом узнал сам Николай Павлович.

с донесениями в Варшаву и Петербург «по неизвестности, где находится государь». В Петербург пакет Дибича привез полковник Фредерикс, прибыл он в столицу 12 декабря. В это время подходила к развязке затянувшаяся ситуация между царствия, Константина в Петербурге уже не ждали, пакет получил Николай Павлович. Появление пакета, адресованного в собственные руки императору и, по-видимому, содержавшего срочную информацию, поставило Николая перед трудным выбором: он еще не стал императором и формально не имел права этот пакет вскрыть. Фредерикс не знал содержания пакета и мог лишь сообщить, что дубликат направлен в Варшаву. Как вспоминал сам Николай, «заклучив из сего, что пакет содержит обстоятельство особой важности, я был в крайнем недоумении, на что мне решиться. Вскрыть пакет на имя императора — был поступок столь отважный, что решиться на сие казалось мне последнею крайностию, к которой одна необходимость могла принудить человека, поставленного в самое затруднительное положение, и — пакет вскрыт! Пусть изобразят себе, что должно было произойти во мне, когда, бросив глаза на включенное письмо от генерала Дибича, увидел я, что дело шло о существующем и только что открытом пространным заговоре, которого отрасли распространялись чрез всю империю, от Петербурга на Москву и до второй армии в Бессарабии. Тогда только почувствовал я в полной мере всю тягость своей участи и с ужасом вспомнил, в каком находился положении. Должно было действовать, не теряя ни минуты, с полною властью, с опытностью, с решимостью — я не имел ни власти, ни права на оную; мог только действовать чрез других, из одного доверия ко мне обращавшихся, без уверенности, что совету моему последуют; и притом чувствовал, что тайну подобной важности должно было наитщательнейше скрывать от всех, даже от матушки, дабы ее не испугать, или преждевременно заговорщикам не открыть, что замыслы их уже не скрыты

от правительства. К кому мне было обратиться — одному, совершенно одному, без совета!»⁴. Николай сам подчеркнул конец фразы. В сущности, он не преувеличивал.

Мало того, что династическая и политическая ситуация в целом оказалась запутанной, права Николая на престол, который он готовился занять, были не безусловными, а во влиятельных столичных кругах, и придворных, и среди гвардейской верхушки, было немало сторонников Константина. Но, помимо этого, в том, что касалось открывшегося заговора, Николаю действительно не на кого было опереться. В столице на тот момент не оказалось никого из тех немногих доверенных лиц Александра I, кто был осведомлен о прежних доносах на тайные общества. И. И. Дибич и кн. П. М. Волконский оставались еще в Таганроге, А. А. Аракчеев после убийства в Грузии его любовницы полностью забросил дела. Впрочем, 1 декабря Николай Павлович записал в дневнике, что получена новость о возвращении Аракчеева к делам: он прибыл в столицу и явился к Николаю 10 декабря, но тогда никакого разговора о заговоре у них, насколько можно судить по дневнику Николая Павловича, не было, речь шла о смерти Александра I и положении дел с наследованием престола⁵. Имевшуюся у него информацию о первом доносе Шервуда Аракчеев сообщил только 22 декабря уже учрежденному к тому моменту Следственному Комитету. В Петербурге был преданный Николаю Павловичу и близкий к нему А. Х. Бенкендорф, через руки которого в 1821 г. прошел донос М. К. Грибовского о Союзе Благоденствия; но дело это было давнее, сомнительно, что Бенкендорф, узнай он в тот мо-

⁴ Записки Николая I о вступлении на престол // Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. С. 19.

⁵ Из дневников Николая Павловича // Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. С. 72, 77.

мент о содержании донесения Дибича, мог бы увязать одно с другим; скорее всего, он считал Союз Благоденствия давно не существующим. Впрочем, Николай, очевидно, не поделился с ним своими тревогами: совета и поддержки он был склонен искать среди высших сановников, к числу которых Бенкендорф тогда еще не относился.

За советом Николай решил обратиться к графу М.А. Милорадовичу и кн. А.Н. Голицыну. Милорадович, столичный генерал-губернатор, обязан был заботиться о порядке и спокойствии в городе, а близкий к императору Александру Голицын являлся начальником почтового ведомства и благодаря перлюстрации был отлично информирован. Однако Голицын о тайных обществах не знал, а Милорадович проявил полную беспечность. Буквально в те же дни его пытался предупредить Г.А. Перетц, услышавший о готовящемся восстании от Ф.Н. Глинки. Но Милорадович ответил в выражениях, которые впоследствии Перетц устно сообщил одному из членов Следственного Комитета (неясно, кому именно), но в письменные показания включить отказался, сославшись на то, что «благопристойность не позволяет»⁶. Впрочем, возможно, поведение Милорадовича объяснялось не только беспечностью. Ситуация выглядит двойственно. С одной стороны, после получения известия о серьезной болезни Александра I Милорадович, не обязанный Николаю Павловичу никакими отношениями служебной субординации и формально от него вполне независимый, стал ежедневно к нему являться, докладывать об обстановке в городе и гвардии. Важно подчеркнуть, что до этого времени Милорадович отнюдь не являлся человеком, часто бывавшим у великого князя: за весь предшествовавший 1825 год Милорадович упоминается в дневниках Николая всего пять раз, стало быть, именно столько раз они

⁶ ВД, т. XX, с. 54.

встречались⁷. То обстоятельство, что Милорадович стал приходить к Николаю с докладами, нельзя недооценивать, оно служит веским косвенным доказательством того, что столичный генерал-губернатор относился к Николаю Павловичу как к старшему наличному в столице представителю царствующего дома и готов был оказывать ему поддержку. В противном случае ничто не мешало бы Милорадовичу просто игнорировать Николая, лишив его таким образом текущей информации. То есть Милорадовича как будто следует отнести к числу тех самых упоминавшихся Николаем лиц, из «одного доверия» к нему «обращавшихся» С другой стороны, в литературе неоднократно высказывались предположения, что в те дни Милорадович мог вести интригу в интересах партии сторонников Константина Павловича, в которую входил ряд влиятельных гвардейских генералов, или же императрицы Марии Федоровны, — в таком случае готовившееся восстание могло быть ему на руку⁸. Считается также, что именно Милорадович заставил Николая присягнуть Константину (впрочем, если обратиться к подлиннику дневника Николая, а не к переводу Б. Е. Сыроечковского, то создается впечатление, что вся инициатива в принесении присяги принадлежала самому Николаю). Несомненно, что Николай и перед восшествием на престол, и позднее должен был в высшей степени осмотрительно обращаться со столичными генералами. У него были определенные подозрения по поводу роли Милорадовича в событиях междоусобия, и гибель генерала 14 декабря этих подозрений не перечеркнула. Об этом свидетельствует, помимо прочего, сохранившееся среди следственных материалов и незаслуженно обойденное вниманием исследователей дело

⁷ Дневник Николая Павловича за 1825 г. // ГА РФ. Ф. 672. Оп. 1. Д. 48 (подлинник); Д. 49 (копия).

⁸ Об этом см., например: *Горди́н Я. А.* Мятеж реформаторов. Л., 1989. С. 95–102; *Сафо́нов М. М.* 14 декабря 1825 года как кульминация междоусобия // 14 декабря 1825 года. Вып. IV. С. 61–89, а также ряд других статей М. М. Сафонова, в последнее время активно разрабатывающего тему междоусобия.

полковника П. С. Подобедова, находившегося по особым поручениям при Милорадовиче⁹.

Подобедов был арестован 15 декабря и освобожден после первоначального допроса, проведенного В. В. Левашовым. Дело Подобедова замечательно тем, что среди всех следственных дел оно является, пожалуй, единственным, где нет указаний на причину ареста. Подобедов не был замешан в восстании; он не был назван в чьих-либо показаниях, не был связан с кем-либо из декабристов, более того, Левашов даже не задал ему дежурного вопроса о знакомстве с ними; ни в какие подозрительные, двусмысленные ситуации в день восстания Подобедов также не попадал¹⁰. Если бы Подобедова допрашивали как свидетеля ранения Милорадовича (каковым он не являлся, в тот момент он не был на площади), то не было бы нужды его арестовывать. Остается полагать, что арестован он был как раз из-за близости к Милорадовичу: возможно, Николай I надеялся из допроса Подобедова узнать подоплеку действий столичного генерал-губернатора в дни междуцарствия. Впрочем, если такого рода вопросы и были заданы Подобедову устно, то записывать их Левашов не стал. Зафиксированные им показания повествуют лишь о том, как Подобедов ездил за врачом для раненого графа и находился затем при нем до самой его смерти.

Арест Подобедова — еще одна деталь, показывающая сложность положения, в котором был тогда Николай Павлович. Немного времени спустя Николай сказал арестованному

⁹ ВД, Т. XXI. С. 242–243

¹⁰ В ночь с 14 на 15 декабря среди арестованных оказались и такие, кто, не имея никакого отношения к декабристам, просто попал в неудачный момент в неудачное место и тем навлек на себя подозрения.

В. И. Штейнгейлю, отправляя его в крепость: «Ну, прошу не прогневаться, ты видишь, что и мое положение не завидно»¹¹.

Тревога Николая 12 декабря усугублялась тем, что вроде бы никого из заговорщиков, поименованных в присланных Дибичем документах, в Петербурге не было. А ведь доносчик сообщал, что заговорщики собрались где-то на съезд. Таким образом, получалось, что донос подтверждается и заговор активно действует. На самом деле, как стало ясно впоследствии, большинство из указанных Дибичем лиц принадлежали к Южному обществу и находились на Украине; из северян в числе главных были названы Н. М. Муравьев (в тот момент живший в орловском имении), «гвардейский офицер Бестужев, служивший прежде во флоте» и «некто Рылеев». Непонятно, почему Николай считал, что последних двоих не было в городе, но заблуждение его также характерно, оно показывает, насколько плохо на тот момент он владел информацией.

На следующий день, 13 декабря, к Николаю Павловичу явился адъютант командующего гвардейской пехотой генерала К. И. Бистрома и друг декабриста Е. П. Оболенского подпоручик Я. И. Ростовцев с доносом о готовящемся восстании. Николай знал еще слишком мало, чтобы увязать этот новый донос с сообщением Дибича и заключить, что речь идет об одном и том же заговоре. Ростовцев уверил его, что ничего определенного не знает, и на вопрос Николая, не идет ли речь о каком «комплоте», ответил, что тоже не знает. Что мог Николай извлечь из разговора с Ростовцевым? Скорее всего, сообщение подпоручика должно было выглядеть как свидетельство о беспокоействе в гвардии в связи с готовящейся повторной присягой. Николай Павлович, несомненно, мог

¹¹ Штейнгейль В. И. Сочинения и письма. Т. 1. Записки и письма / Публ. Н. В. Зейфман, В. П. Шахерова. Иркутск, 1985. С. 135.

предполагать (и предполагал), что брожение в войсках и заговор, о котором сообщает Дибич, как-то связаны между собой, но подтверждений у него не было.

14 декабря члены Северного общества вывели мятежные войска на площадь под лозунгом отказа от повторной присяги. Солдаты (да и часть офицеров) были уверены, что выступают в поддержку Константина Павловича, присягу на верность которому принесли совсем недавно. Заготовленный декабристами проект Манифеста Сената с объявлением о реформе государственного устройства пущен в ход не был, никаких программных публичных заявлений во время восстания сделано не было. Стоя на Сенатской площади, Николай сообщил принцу Евгению Вюртембергскому, что восстание есть следствие заговора (*S'est une conspiration*)¹², однако заговор в тот момент можно было понимать и как организованное выступление сторонников Константина. Прямых доказательств того, что события на Сенатской площади подготовлены тем самым тайным обществом, о котором писал Дибич, вечером 14 декабря у нового императора по-прежнему не было.

Впоследствии сам Николай утверждал, что, узнав о бунте Московского полка, «с первой минуты я не видел в сем первом слушании действие одного сомнения, которого всегда опасался, но, зная существование заговора, узнал в сем первом его доказательство»¹³. Неудивительно, что напуганный известием о заговоре Николай ни на минуту не забывал о нем. Подтверждением тому служит письмо Константину Павловичу, которое Николай писал всю ночь с четырнадцатого на пятнадцатое декабря, в перерывах между допросами

¹² Из воспоминаний принца Евгения Вюртембергского // 14 декабря 1825 года: воспоминания очевидцев. С. 73.

¹³ Из записок Николая I // 14 декабря 1825 года: воспоминания очевидцев. С. 38.

первых арестованных: «Я надеюсь, что этот ужасный пример послужит к обнаружению страшнейшего из заговоров, о котором я только третьего дня был извещен Дибичем. Император перед своей кончиной уже отдал столь строгие приказания, чтобы покончить с этим, что можно вполне надеяться, что в настоящую минуту повсюду приняты меры в этом отношении, так как Чернышев был послан устроить это дело совместно с графом Витгенштейном; я нисколько не сомневаюсь, что в первой армии генерал Сакен, уведомленный Дибичем, поступил точно так же. Я пришлю вам расследование или доклад о заговоре в том виде, в каком я его получил; я предполагаю, что вскоре мы будем в состоянии сделать то же самое здесь»¹⁴. Похоже, в сумятице Николай или позабыл, что Константин должен был получить дубликат пакета с донесением Дибича, или предполагал, что цесаревич пакет не вскрывал, потому и обещал его прислать; речь несомненно идет именно о донесении Дибича, поскольку никаких других «докладов о заговоре» у Николая в то время не было.

И все же, вплоть до начала допросов мятежников, Николай не мог быть уверен, что выступление на Сенатской площади напрямую связано с тайными обществами. Вечером 14 декабря первые из арестованных утверждали, что выступали за Константина, считая его законным императором. Из показания Д. А. Щепина-Ростовского следовало, что полк возмущился спонтанно¹⁵. Нечто подобное говорили А. А. Шторх, С. Н. Жеребцов, А. Л. Кожевников, М. К. Кюхельбекер, Ф. Г. Вишнеvский¹⁶. А. Н. Сутгоф признался, что дал обещание выступить в поддержку Константина «Оболенскому и всем его со-

¹⁴ ВД, Т. XXI. С. 94, 239; Т. XVIII. С. 46; Т. XV. С. 34–35, 62.

¹⁵ ВД, Т. I. С. 396–399.

¹⁶ ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 77. Д. 1–1 об.; Д. 214. Л. 1–1 об.; ВД, Т. 18. С. 46; Т. 15. С. 34–35, 62.

общникам», среди которых назвал и К. Ф. Рылеева¹⁷, но не сказал, что они входили в тайное общество.

14 декабря в половине двенадцатого вечера к Николаю привели Рылеева. От него император, наконец, услышал ясное признание: «Общество точно существует. Цель его, по крайней мере в Петербурге, была конституционная монархия. Оно не сильно здесь и состоит из нескольких молодых людей (...) Это общество уже погибло вместе с нами. Опыт показал, что мы мечтали, полагаясь на таких людей, каков князь Трубецкой. Страшась, чтобы подобные же люди не затеяли чего-нибудь подобного на Юге, я долгом совести и честного гражданина почитаю объявить, что около Киева в полках существует общество. Трубецкой может пояснить и назвать главных. Надо взять меры, дабы там не вспыхнуло возмущения»¹⁸. Четыре часа спустя у Трубецкого изъяли проект манифеста, подтвердивший намерения тайного общества (как писал Николай, «захватили у князя Трубецкого, женатого на дочери Лаваля, маленькую бумажку, содержащую предположения об учреждении временного правительства с любопытными подробностями»¹⁹). Императрица Александра Федоровна записала в дневнике, что Николай в течение той ночи трижды заходил к ней «сообщить, что приводят одного арестованного за другим и что теперь открывается, что все это — тот самый заговор, о котором нам писал Дибич»²⁰.

¹⁷ ВД. Т. II. С. 122–123.

¹⁸ ВД. Т. I. С. 152.

¹⁹ Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. С. 146.

²⁰ Из дневника императрицы Александры Федоровны // 14 декабря 1825 года: воспоминания очевидцев. С. 66.

В то же время показание Рылеева ввело царя в некоторое заблуждение: он действительно решил, что все главные заговорщики уже в его руках, о чем в течение ночи несколько раз сообщил Константину Павловичу в упомянутом письме. 15 декабря у Николая сложилось впечатление, что дело уже ясно: «Я надеюсь, что вскоре представится возможность сообщить вам подробности этой позорной истории; мы располагаем всеми их бумагами, а трое из главных предводителей находятся в наших руках, между прочим, Оболенский, который, как оказывается, стрелял в Стюрлера. Показания Рылеева, здешнего писателя, и Трубецкого раскрывают все их планы, имеющие широкие разветвления внутри страны. (...) Сверх сего, весьма вероятно, что мы откроем еще несколько каналов фразников, которые представляются мне истинными виновниками убийства Милорадовича»²¹.

Николай Павлович поторопился. Новые допросы открывали все больше имен и обстоятельств.

Сначала допросы арестованных были поручены генералам К. Ф. Толю и В. В. Левашову. К. Ф. Толь прибыл в Петербург только днем 14 декабря, в столичных обстоятельствах ориентировался плохо и, повстречав принца Евгения Вюртембергского, спросил его: «Правда ли, что Константина не хотят признавать императором?»²² В ночь с 14 на 15 декабря Толь

²¹ Междоусобица 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. С. 146.

²² Там же. С. 117. Впрочем, эта фраза отсутствует в другой редакции воспоминаний принца Евгения, которую современные публикаторы считают более достоверной (см.: 14 декабря 1825 года: воспоминания очевидцев. С. 6). К. Ф. Толь пользовался особым доверием Николая Павловича и, возможно, был в числе тех, поддержкой кого Николай стремился заручиться. Толь в начале декабря из Могилева, где занимал должность начальника штаба 1-й армии, отправился через Петербург в Варшаву с рапортом императору Константину о присяге 1-й армии. По дороге в Ненделе он был по специальному указанию Николая задержан Михаилом Павловичем, оставшимся

произвел и записал первые 13 допросов²³. Одновременно начал работу и В. В. Левашов, а со следующего дня все первоначальные допросы осуществлял уже только он. Толь больше в следствии не участвовал. Николай I также включился в расследование. По свидетельству Толя, он всю ночь с 14 на 15 декабря зачитывал императору только что полученные показания²⁴. А из воспоминаний декабристов известно, что император, особенно на первых порах, лично допрашивал многих из них. Но если Левашов и Толь тщательно протоколировали

там и ожидавшим развития событий и реакции Константина, чтобы определить, куда самому Михаилу следует ехать: в Петербург или Варшаву. Николай 8 декабря послал Михаилу письмо для К. Ф. Толя с поручением: «Отдай ему это письмо и расскажи ему все подробно, объяснив и мои причины, и все, что теперь делается. Пусть он при тебе останется, (...) и ты же привези его с собой назад». Через день, 10 декабря, Михаил ответил, что Толь приехал «вчера в ночь» и остался в Неннеле (Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. С. 160–161).

²³ Именно о 13 допрошенных арестантах писал сам К. Ф. Толь в своем «журнале»: кн. Д. А. Щепин-Ростовский, А. Н. Сутгоф, К. Ф. Рылеев, А. А. Шторх, С. Н. Жеребцов, Б. А. Бодиско, М. К. Кюхельбекер, А. И. Якубович, А. О. Корнилович, Е. В. Свечин, П. Н. Креницын, «8-го класса чиновник, которого имя не упомяну» (П. И. Русанов — О. Э.) и кн. С. П. Трубецкой, прибавляя, что в то же время В. В. Левашов допросил Ф. Г. Вишневецкого, О. В. Горского, О. М. Сомова, П. С. Подобедова и четырех рядовых солдат, переодетых в крестьянское платье (Из журнала К. Ф. Толя // 14 декабря 1825 года: воспоминания очевидцев. С. 95). Среди материалов следствия имеется 11 протоколов допросов, подписанных К. Ф. Толем, это допросы: Д. А. Щепина-Ростовского, А. Н. Сутгофа, А. А. Шторха, С. Н. Жеребцова, А. Л. Кожевникова, М. К. Кюхельбекера, А. О. Корниловича, Е. В. Свечина, П. Н. Креницына, П. И. Русанова, Б. А. Бодиско. Первый допрос К. Ф. Рылеева в ночь с 14 на 15 декабря оформлен нетипично: показания написаны декабристом собственноручно, под ними внизу листа А. Х. Бенкендорфом сделана приписка о месте службы И. И. Пущина и стоит подпись Бенкендорфа, на обороте листа приписка К. Ф. Толя об ответе Рылеева на замечание генерала, «не вздор ли затевает молодость» с подписью Толя. По-видимому, Рылеева допрашивал Толь. Но имеется и показание Рылеева, датированное 19 декабря, написанное им собственноручно и подписанное Левашовым. Видимо, в этот день Левашов повторно допросил Рылеева. Допрос С. П. Трубецкого, также собственноручно написанный декабристом, К. Ф. Толем не подписан, однако Трубецкой в мемуарах рассказал о том, что его допрашивал К. Ф. Толь (*Трубецкой С. П.* Материалы о жизни и революционной деятельности / Публ. В. П. Павловой. Иркутск, 1983. Т. 1. С. 254–255).

²⁴ Из журнала К. Ф. Толя // 14 декабря 1825 года: воспоминания очевидцев. С. 95–96.

проведенные ими допросы, то при встречах царя с арестантами никакие записи не велись. Значит, личные допросы Николая были скорее средством морального давления, нежели сбора информации. Похоже также, что Николай участвовал в допросах не столько по необходимости, сколько по своему стремлению самолично во все вникать. Возможно, поначалу это отчасти объяснялось тем, что он не вполне доверял своим помощникам и не знал, на кого из них действительно может положиться.

Вскоре стало ясно, что с допросами одному Левашову (или кому-либо другому) никак не справиться, кроме того, их нужно было ввести в какие-то законные рамки. Требовалось оформить разрастающуюся следственную активность. 17 декабря император подписал указ о создании специального органа — Следственного Комитета. Первоначально он назывался «Высочайше учрежденным тайным комитетом для изыскания соучастников злоумышленного общества, открывшегося 14 декабря 1825 года»; позднее, 14 января 1826 г., Николай I распорядился комитет тайным не называть; на следующий день на заседании члены решили: «Вследствие высочайшего повеления о неназывании впредь Комитета тайным (...) для различия от других Комитетов именовать оный Комитетом для изыскания о злоумышленном обществе», что и было утверждено императором²⁵. К концу следствия над декабристами, 29 мая 1826 г., Комитет был переименован в Комиссию. Эта бюрократическая тонкость означала, что учреждение носит временный характер: комиссия создается для выполнения определенной задачи и затем распускается, а комитет является более-менее постоянно (или длительно) действующим органом.

²⁵ Восстание декабристов. Т. XVI. С. 59–62.

Ситуация, в которой оказался Николай Павлович накануне вступления на престол, его ощущение одиночества, недостатка поддержки и доверия, определили и выбор членов Следственного Комитета. Председателем его стал военный министр А.И. Татищев. В Комитет были назначены практически все те лица, к которым Николай обращался в те дни. Князь А.Н. Голицын, с которым, как и с Милорадовичем, он советовался после получения донесения Дибича. Генерал-адъютанты А.Х. Бенкендорф и В.В. Левашов — близкие к Николаю и уже занятые расследованием. Великий князь Михаил Павлович, курсировавший между старшими братьями во время междуцарствия и 14 декабря энергично поддержавший Николая. Генерал-адъютант П.В. Голенищев-Кутузов, вечером 14 декабря назначенный столичным военным генерал-губернатором на место раненого Милорадовича; характерно, что Николай тогда же написал Константину: «Это единственный человек, на которого я могу положиться в настоящий критический момент, когда каждый должен находиться на своем посту»²⁶.

Симптоматично, что в Комитете не оказалось ни командующего Гвардейским корпусом генерала А.Л. Воинова, ни командующего гвардейской пехотой генерала К.И. Бистрома. Отчасти, несомненно, это объяснялось тем, что, как начальники взбунтовавшихся частей, они формально несли ответственность за неповиновение своих подчиненных. Но дело не только в этом. Оба они, и особенно Бистром, сомнительно повели себя 14 декабря. Сам Николай I вспоминал, что, выходя из дворца при известии о начале восстания, на лестнице встретил Воинова «в совершенном расстройстве. Я строго припомнил ему, что место его не здесь, а там, где войска,

²⁶ Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. С. 145.

ему вверенные, вышли из повиновения»²⁷. Позднее Воинов прилагал усилия к успокоению, после Милорадовича ездил уговаривать восставших, его обстреляли и забросали камнями и поленьями. Он мог бы серьезно пострадать, если бы его не успели выручить конногвардейцы. Воинов и Бистром потратили много времени, пытаясь привести к присяге оставшиеся в казармах роты Московского полка, но до приезда в полк великого князя Михаила не смогли ничего добиться. Воинова можно было упрекнуть в растерянности и нерасторопности, не говоря уже о том, что его, отвечавшего за гвардию, события застигли врасплох. Что касается Бистрома, с ним было сложнее. Как писал Николай I, «странным казалось (...) поведение (...) Карла Ивановича Бистрома, и должно признаться, что оно совершенно никогда не объяснилось (...) в минуту бунта Бистрома нигде не можно было сыскать; наконец он пришел с лейб-гвардии Егерским полком, и хотя долг его был — сесть на коня и принять начальство над собранной пехотой, он остался пеший в шинели перед Егерским полком и не отходил ни на шаг от одного, под предлогом, как хотел объяснить потом, что полк колебался, и он опасался, чтоб не пристал к прочим заблудшим. Ничего подобного я на лицах полка не видал»²⁸. Мало того, любимым адъютантом Бистрома был Е. П. Оболенский, живший в квартире при доме генерала; другим же адъютантом являлся Я. И. Ростовцев, предупреждавший Николая о возможности бунта. Поведение Воинова и Бистрома должно было тем более задеть Николая, что, исполняя до воцарения должность командира гвардейской пехотной бригады, он был формально подчинен этим двум генералам и по делам службы виделся с ними почти ежедневно, о чем свидетельствуют его дневники. Разумеется, при столь серьезных сомнениях на-

²⁷ Из записок Николая I // 14 декабря 1825 года: воспоминания очевидцев. С. 38.

²⁸ Там же. С. 47.

счет лояльности начальников Гвардейского корпуса и зная, что среди них были сторонники Константина, Николай I не мог поручить им участвовать в следствии²⁹. Хотя приверженность Константину сама по себе еще не являлась поводом для недоверия. Доказательством тому служит включение 26 декабря в состав Следственного Комитета дежурного генерала Главного штаба А.Н. Потапова, который 8 и 10 декабря отправил близкому к цесаревичу генералу Д.Д. Куруте, а затем и самому цесаревичу отчаянные письма, умоляя Константина не отказываться от престола. Второе письмо было написано Потаповым от лица всей константиновской партии («Все преданные вашему величеству, видя непреложные знаки общей к вам любви, решились вместе со мною довести до сведения вашего все, изложенное здесь, и избрали меня истолкователем пред вами единодушного нашего чувствования»³⁰). Николай Павлович понимал, что проконстантиновские чувства верхушки гвардейского командования требовали от него особенной осмотрительности и осторожного маневрирования.

Первоначально предполагалось назначить в Следственный Комитет близкого к Николаю Павловичу А.Ф. Орлова, но затем его имя было вычеркнуто царем из проекта указа из-за того, что брат его, М.Ф. Орлов, значился в присланном Дибичем списке членов тайного общества³¹. Показательная деталь: ведь об участии Михаила Федоровича стало известно не после, а до того, как встал вопрос о назначении Алексея Федоровича в Комитет. Имя Михаила Орлова Николай

²⁹ Через полгода оба генерала, и Воинов, и Бистром, были включены в состав Верховного уголовного суда над декабристами (ВД. Т. XVII. С. 70–71).

³⁰ Цит. по: *Гордин Я.А.* Мятеж реформаторов. С. 101. См. также там же, С. 99–101.

³¹ *Боровков А.Д.* Автобиографические записки // Русская Старина. 1898. № 11. С. 335–336.

Павлович обнаружил в донесении Дибича еще 12 декабря. Затем 14 декабря Алексей Орлов продемонстрировал ему свою верность. То, что Николай включил, а затем исключил его имя из списка членов Комитета, говорит не столько о стремительности развития событий, сколько о метаниях самого императора. Истоковать их можно по-разному. Вероятно, перед ним возникла такая проблема: с одной стороны, слишком мало помощников, которым он может доверять, с другой — сложная для Алексея Орлова моральная дилемма. А может быть, события 14 декабря заставили Николая позабыть, какие имена были перечислены в донесении Дибича, и он, назначив в члены Комитета Алексея Орлова, которому доверял, затем спохватился и решил не ставить его в затруднительное положение. Наконец, возможно и еще более простое объяснение: сам Алексей Орлов, зная о причастности брата, мог отказаться от участия в следствии, и Николай Павлович понял и принял его мотивы.

Председателем Комитета был назначен военный министр А. И. Татищев. Его давний доверенный помощник А. Д. Боровков, военный советник, игравший при министре роль референта и готовивший для него бумаги, стал правителем дел Комитета. Боровков был не только чиновником, но и литератором, причем либерального направления, одним из учредителей Вольного общества любителей российской словесности³². По литературным делам он тесно сотрудничал с декабристами-литераторами круга Рыльева,

³² *Базанов В. Г.* Вольное общество любителей российской словесности. Петрозаводск, 1949. С. 139–140 и далее; см. также статью о Боровкове: Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 1: А — Г. М., 1989. С. 313–314.

особенно с Н. А. Бестужевым³³, с которым входил также в одну масонскую ложу «Избранного Михаила»³⁴.

В помощь Боровкову были назначены флигель-адъютант полковник В. Ф. Адлерберг (друг детства Николая Павловича) и титулярный советник А. И. Карасевский. Задача этих троих состояла в делопроизводственном оформлении работы Комитета.

Как известно, царь внимательно следил за ходом следствия. В литературе можно встретить мнение, что он непосредственно руководил делом. Так, В. А. Федоров указывал, что «Николай I руководил всем ходом следствия от начала до конца (как впоследствии и судебным процессом). Без его санкции Следственный комитет не мог взять кого-либо под арест или отпустить с «оправдательным аттестатом», если арестованный оказывался непричастным к тайному обществу, не мог даже изменить режим содержания узника, определенный самим императором. В ходе следствия над декабристами царь знакомился с показаниями каждого допрашиваемого. Помимо ежедневных «докладных записок» о ходе и содержании допросов он требовал представлять ему и заинтересовавшие его показания»³⁵.

Надо заметить, что автор фундаментального обобщающего труда о декабристах М. В. Нечкина воздержалась

³³ См. об этом примечания М. К. Азадовского к воспоминаниям Бестужевых: *Воспоминания Бестужевых*. М.; Л., 1951. С. 718–719.

³⁴ *Серков А. И.* Русское масонство, 1731–2000: Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 132, 1064–1067. Боровков был секретарем ложи, затем мастером стула и оратором. В ту же ложу «Избранного Михаила» входили Г. С. Батеньков, Ф. Н. Глинка, В. К. и М. К. Кюхельбекеры. О речах, произнесенных Боровковым в ложе, см.: Базанов В. Г. Вольное общество любителей российской словесности. С. 88–89.

³⁵ *Федоров В. А.* «Своей судьбой гордимся мы...» С. 107.

от столь категоричного суждения о роли императора в процессе следствия. И в самом деле, всё, что перечисляет В.А. Федоров, свидетельствует не столько о том, что Николай I руководил процессом декабристов, сколько о пределах компетенции Следственного Комитета. В тогдашней системе организации власти производство арестов было прерогативой непосредственного начальства либо верховной власти. Следственный Комитет не имел права ни выносить постановлений об арестах, ни самостоятельно производить их (и, соответственно, аннулировать, освобождая арестантов). Более того, Комитет даже технически не был в состоянии осуществлять аресты и перевозить арестантов, поскольку не имел фельдъегерской службы. Не имел он и права отдавать приказы коменданту Петропавловской крепости, поэтому все распоряжения, касающиеся режима содержания узников, отдавались самим императором. А Комитет обращался к нему за санкциями по мере необходимости. Трактовать эти обстоятельства как непосредственное руководство следствием со стороны Николая I было бы столь же неверным, как и считать, что современный нам прокурор руководит следствием, раз он выдает санкции на аресты и обыски. Более того, из переписки Следственного Комитета видно, что он обращался к императору даже не напрямую, а через начальника Главного Штаба И.И. Дибича. Дибич и был введен в число членов Комитета, по-видимому, для того, чтобы осуществлять межведомственную координацию действий. Николай I, несомненно, пристально следил за ходом дела декабристов. Вместе с тем не следует забывать, что только что взошедшему на престол Николаю приходилось срочно осваивать управление империей, входить в курс дел, и для непосредственного руководства следствием у него просто не было времени. «Я завален работой; меня тяготят недоимки, оставшиеся от июля и августа месяцев; впрочем, в скором времени, надеюсь, буду в состоянии приняться

и за текущие дела; однако, я думаю, ссыльные в Нерчинске обременены, наверно, не больше, чем я; у меня нет ни часу отдыха, исключая немногих часов, когда сплю», — писал он брату Константину Павловичу 11 января³⁶. Ведение следствия было задачей не уровня императора, главы государства; наконец, из соображений политических Николай должен был дистанцироваться от расследования, чтобы сохранять определенную свободу для маневра³⁷.

В нашем распоряжении имеются документы, исчерпывающе характеризующие отношения между императором и Следственным Комитетом. Это докладные записки Комитета Николаю I. Они дают представление одновременно и о ослабевавшем внимании императора к делу, и о расстоянии,

³⁶ Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. С. 180.

³⁷ Вопрос о том, на каком расстоянии от следствия должен находиться носитель или представитель верховной власти, обсуждался несколько позже в переписке Николая и Константина Павловича. Речь шла о следствии по тайным обществам, происходившем в Варшаве. 14 января 1827 г. Константин, направляя императору доклад Варшавского следственного комитета, счел нужным пояснить: «Я не вмешивался в следствие: собрав Комитет, я в нем больше не появлялся, ибо противно всякой справедливости, всем понятиям для человека чести быть судьей и держать сторону в собственном деле; все же козни обвиняемых были направлены, как утверждали, прямо против императорской фамилии и меня, в частности (...) Я только следовал предположениям Комитета относительно освобождения, отпуска или пересылки обвиняемых, равно как их ареста и их разделения на разряды». Как видно, ситуация, описанная Константином, во многом была аналогична организации работы и петербургского следствия. Возможно, эти слова Константина были шпилькой в адрес Николая, намеком на то, что тот-то как раз вмешивался в работу Следственного Комитета. Николай в ответном письме поблагодарил брата «за те слова, в которых вы мне сообщаете ваше понимание следствия, мною вполне разделяемое». Фраза двусмысленная, ее можно трактовать как оценку собственной позиции Николая по отношению к петербургскому следствию, как заявление, что он таким же образом от него отстранялся; но выражено это с нарочитой уклончивостью, допускающей толкования (Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. С. 219–220).

разделявшем царя и Комитет. Николай I постоянно был в курсе происходящего расследования, но отнюдь не вникал во все детали. Чтобы убедиться в этом, достаточно просмотреть тексты докладных записок³⁸. Они в значительной мере повторяют журнал заседаний Комитета и содержат краткий перечень его работы за день³⁹. Изложения всех полученных показаний в них нет. Помимо этих докладных записок царь запрашивал отдельные показания, имевшие ключевое значение. С чем именно он счел нужным ознакомиться, можно проследить по его пометам на докладных записках и записям в журнале Комитета. Совершенно очевидно, что он не читал все допросы, тем более не руководил ими.

Выше было сказано, что Николай Павлович лично допрашивал некоторых декабристов. Это обстоятельство требует уточнения. Кроме воспоминаний самих декабристов и записок Николая, не сохранилось никаких материалов, которые бы позволили судить о том, скольких декабристов он допросил, кого именно, действительно ли, как кажется из мемуаристики, эти допросы происходили главным образом в первые дни следствия или же они продолжались и позднее. Мемуарные свидетельства декабристов полной картины не дают. Николай в своих записках рассказывал, что «ежели лицо было важно по участию, я лично опрашивал; малозначащих оставлял генералу Левашову»⁴⁰. Он вспомнил о допросах четырнадцати декабристов, причем сделал немало ошибок, даже перепутал С.И. Муравьева-Апостола с Никитой Муравьевым. Уже эти ошибки доказывают его

³⁸ ВД. Т. XVI. С. 224–308.

³⁹ Подробный разбор соотношения Журналов и докладных записок см.: *Мироненко С.В.* Журналы и докладные записки Следственного Комитета по делу декабристов // ВД. Т. XVI. С. 9–26.

⁴⁰ Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. С. 32.

определенную отстраненность от расследования: руководитель следствия вряд ли мог перепутать главных обвиняемых по прошествии всего шести или семи лет (записки писались в 1831 или 1832 гг.⁴¹). Таким образом, бытующее в литературе мнение, что «царь знакомился с показаниями каждого допрашиваемого»⁴², следует считать преувеличением. Представление о Николае I, руководящем следствием, было порождено характерным мышлением советской (сталинской) эпохи, склонным к демонизации носителя верховной власти, наделянию его сверхъестественными способностями по контролю за всем происходящим, почти всеведущностью и всеведением.

Николай I внимательно следил за ходом следствия, но вовсе не руководил им. По окончании расследования результаты были представлены специально учрежденному для этого случая Верховному уголовному суду, который вынес вердикт о виновности декабристов. Никаким иным инстанциям Комитет не был подотчетен, никто не проверял его деятельности (за исключением чисто формальной работы Ревизионных комиссий, бравших у декабристов подписки, что показания действительно написаны ими самими). Законность следствия, соответствие его процессуальным нормам не подвергались контролю и ревизии. Не существовало никаких инстанций, надзиравших за деятельностью Комитета, ни с формально-юридической стороны, ни по существу дела. Оставляя в стороне дискуссию о правосудности дела декабристов, отмечу момент, важный с точки зрения источниковедческой критики материалов следствия. Коль скоро деятели Следственного Комитета могли не опасаться ревизий и проверок, то, стало быть, материалы следствия

⁴¹ См. там же. С. 9.

⁴² Федоров В.А. «Своей судьбой гордимся мы...» С. 107.

не должны были быть подвержены фальсификации в угоду проверяющим инстанциям, тому виду фальсификации, когда следователь, ведя дело с нарушением закона, бумаги составляет так, чтобы это завуалировать. Единственной контролирующей инстанцией был сам Николай I — а его, очевидно, интересовала в первую очередь содержательная сторона дела, причем правдивая (ему ведь надо было составить себе четкое представление о своих противниках), и он вряд ли стремился подменить собою несуществующий прокурорский надзор. Материалы следствия по окончании дела легли в секретные архивы. Добавим еще то обстоятельство, что члены Комитета отнюдь не были ни профессиональными следователями, ни чинами политической полиции, они были высокопоставленными чиновниками совершенно других ведомств (кроме князя А.Н. Голицына, все — военные). Для них работа в Комитете была существенной дополнительной нагрузкой. Конечно, участие в следствии могло сказаться на их карьере, позволить им выделиться, обратить на себя внимание императора. А.И. Чернышев, А.Х. Бенкендорф, И.И. Дибич, В.В. Левашов впоследствии занимали видные посты в николаевской иерархии. Но лишь для одного из них — А.Х. Бенкендорфа — участие в следствии привело к смене сферы службы: он возглавил вновь учрежденное III Отделение собственной его величества канцелярии. В отношении членов Следственного Комитета, и Бенкендорфа в том числе, ясно, что их карьерные расчеты не были карьерными расчетами профессиональных работников следственных органов, а значит, их персональные амбиции не должны были приводить к тем характерным искажениям сути дела, которые стали привычными в более поздние эпохи. Они не являлись «карьерными следователями», не были прямо заинтересованы, скажем, в том, чтобы раздуть дело с целью выслужиться, умножить число следственных мероприятий «для отчетности», скрыть детали, ухудшающие статистику

их работы и т.п. Сказанное не означает, что я полагаю следственные дела априорно правдивыми и объективными, но то, что следователям не было нужды их заведомо фальсифицировать из профессионально-карьерных или бюрократических целей, — это несомненно.

* * *

Комитет на удивление быстро справился с начальным организационным периодом своего существования. Первое его заседание началось в Зимнем дворце 17 декабря вечером, в половине седьмого. И оно уже было содержательным: помимо указа об учреждении Комитета, собравшиеся заслушали доклад Дибича (тот самый, от 4 декабря), постановили арестовать всех поименованных в нем лиц, запросить у графа А.А. Аракчеева «письма доносителя Шервуда и все бумаги, какие находятся у него по сему предмету»⁴³, и занялись разбором бумаг, захваченных у арестованных декабристов. Кроме того, члены Комитета установили режим работы: заседания должны были проходить ежедневно с 6 часов вечера, а свободным от других обязанностей членам надлежало с утра заниматься разбором изъятых бумаг. О результатах первого заседания составили специальную записку для императора (для сведения и получения санкций на аресты). Наконец, завели специальный журнал и сделали в нем запись о первом заседании.

До 20 декабря Комитет продолжал заниматься главным образом разбором бумаг; 20-го, на IV заседании, члены Комитета заключили, что в бумагах нет «ничего, относящегося непосредственно к делу», но в некоторых заметен

⁴³ ВД. Т. XVI. С. 28.

«дух своевольтва и наклонность к безначалию»⁴⁴. Комитет решил перейти к допросам арестованных, начали с ознакомления с содержанием допросов, снятых к тому времени Левашовым. 21 числа для удобства вызова арестантов члены Комитета предложили перенести заседания непосредственно в Петропавловскую крепость. На следующий день А. И. Татищев сообщил о согласии на это царя, и в тот же день Комитет заслушал проекты первых вопросных пунктов, подготовленных для С. П. Трубецкого, К. Ф. Рылеева и А. И. Якубовича. 23 декабря на VII заседании Следственного Комитета состоялся первый допрос, на котором предстал С. П. Трубецкой.

Следственный Комитет в организационном отношении возник, так сказать, на пустом месте, он не являлся преемником какого-либо учреждения, ничего ни от кого не унаследовал. Штат, делопроизводство, финансы, юридическая основа, организация работы — все создавалось заново. Напомню, что тогда в Российской империи не было органа политического сыска, который мог бы стать базой для работы Комитета. Тем не менее несколько генералов, через два дня после восстания 14 декабря назначенных в Следственный Комитет и до того занимавшихся совершенно другого рода деятельностью, сумели буквально в считанные дни организовать его работу. Это могло произойти лишь в том случае, если они воспользовались какой-то знакомой им практикой. И это могла быть только практика производства военносудных дел, хорошо им известная. Например, В. В. Левашов возглавлял следствие по делу о восстании Семеновского полка, участвовал в допросах семеновцев и А. Х. Бенкендорф⁴⁵. Разного рода военно-следственные комиссии были обыден-

⁴⁴ ВД, Т. XVI, С. 32.

⁴⁵ См.: *Латин В. В.* Семеновская история. 16–18 октября 1820 года. Л., 1991. С. 184–185, 194.

ным явлением. Даже и среди декабристов были офицеры, которым по долгу службы случалось в них заседать. В определенном смысле и сам Следственный Комитет являлся одним из таких учреждений: занимался он следствием по тайным обществам, существовавшим в офицерской среде, возник в связи с восстанием в войсках; кроме князя Голицына, все его члены были генералами, а во главе его Николай I уверенно поставил главу военного министерства. Эту особенность Следственного Комитета отметил еще декабрист А. Е. Розен, сам гордившийся репутацией хорошо знающего службу офицера: «Иначе и не возможно было принять эту Следственную комиссию, как за военный суд; кроме единственного Голицына, все члены были военные, и слава богу, что между ними были лица образованные и честные»⁴⁶.

В этой связи несколько иначе, чем принято считать, выглядит и назначение в Комитет великого князя Михаила Павловича. Обычно в этом усматривается пример вопиющего беззакония: представитель потерпевшей стороны — царской семьи — участвует в разборе дела. Так, В. А. Федоров полагал, что «назначение в состав Следственного Комитета члена императорской фамилии, младшего брата царя, вел. кн. Михаила Павловича, в покушении на которого обвинялись декабристы, — акт произвола самодержца, который не считался ни с какими юридическими нормами»⁴⁷. М. В. Нечкина писала, что «Николай I не постеснялся назначить членом Следственного Комитета представителя царствовавшего дома великого князя Михаила Павловича, своего родного брата, оказавшегося следователем «в собственном деле»⁴⁸. Но на это назначение можно взглянуть и под другим

⁴⁶ *Розен А. Е.* Записки декабриста / Публ. Г. А. Невелева. Иркутск, 1984. С. 152.

⁴⁷ *Федоров В. А.* С. 96. Неясно, какие именно юридические нормы здесь имел в виду исследователь.

⁴⁸ *Нечкина М. В.* Движение декабристов. М., 1955. Т. 2. С. 395.

углом. То обстоятельство, что Михаил (на которого покушались не декабристы вообще, а В.К. Кюхельбекер) оказался в составе Комитета, говорит о доверии Николая к его добросовестности. И, замечу, не лишнем основании доверии, ибо известно, что Михаил как раз просил о снисхождении к В. Кюхельбекеру. Михаил Павлович являлся не только членом императорской фамилии, но и носил высокий воинский чин генерал-фельдцейхмейстера, и присутствие в Следственном Комитете может расцениваться как составная часть его служебных обязанностей. Кроме того, трактовать восстание декабристов как выступление против семьи Романовых не вполне корректно. И нет признаков того, что члены царственного дома считали его своей частной, сугубо династической проблемой.

Высочайше учрежденный Следственный Комитет для изыскания о злоумышленном обществе по характеру своему стал первым из череды появившихся в XIX столетии в России экстраординарных органов политического следствия. В то же время он был наделен чертами традиционных для своего времени военно-судных учреждений; при его создании явно прослеживается стремление власти опереться не на гражданское, полицейское или судебное⁴⁹, а именно на военное ведомство⁵⁰.

⁴⁹ Неизвестно, что думал Николай I в то время о судейских чиновниках, а вот полицией он был определенно разочарован. 28 декабря 1825 г., рассказывая в письме Константину Павловичу о начавшемся следствии и общем положении дел, он отметил, что «очень недоволен здешней полицией, которая ничего не делает, ничего не знает и ничего не понимает», а глава столичной полиции Шульгин «начинает пить, и я не думаю, чтобы он мог оставаться с пользой на этом посту; еще не знаю, кем его заменить» (Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. С. 170).

⁵⁰ Связь дела декабристов с военным ведомством сохранилась и позднее. До 1838 г. все казенные расходы на содержание декабристов на каторге и в ссылке проходили по смете Военного министерства, и только затем были переданы в ведение Министерства финансов. Созданный после

Равным образом и приданные Следственному Комитету чиновники для делопроизводства были набраны не из судебных, как можно было бы ожидать, но в основном из канцелярских служащих военного ведомства. Прежде всего, из Военного министерства и генерал кригс-комиссариата. Поскольку военный министр А. И. Татищев прежде занимал должность генерал-кригскомиссара, то, видимо, когда возникла нужда в делопроизводителях для секретного следствия, он набрал тех, кого знал и на кого мог положиться.

По мере развертывания работ Комитета происходило его постепенное организационное усовершенствование. Увеличение объема работы потребовало расширения штата чиновников-делопроизводителей.

Вскоре после учреждения Комитета там начали работать А. П. Григорьев — архивариус, бывший служащий канцелярии военного министра, чиновник 8 класса, из солдатских детей, воевавший⁵¹, и надворный советник А. А. Ивановский. Ивановский, как и Боровков, принадлежал к литературным кругам, состоял в Вольном обществе любителей российской словесности, был знаком с декабристами-литераторами и печатался с ними в одних изданиях⁵². 24 декабря было утверж-

дела декабристов орган политического сыска — III Отделение — к хозяйственно-финансовой стороне их заключения отношения не имел вовсе. В мае 1839 г. Л. В. Дубельт сообщал, что «В III Отделении собственной Е. И. В. Канцелярии не имеется сведения, из каких сумм и сколько именно отпускается в год на расходы для государственных преступников, в Петровском заводе находящихся, для сформирования там инвалидной команды и для содержания зданий, отведенных Нерчинскому коменданту и его штату и государственным преступникам, равным образом не имеется в означенном Отделении сведения, последовало ли какое-либо изменение в жалованье, определенном Нерчинскому коменданту, плац-майору, плац-адъютантам и лекарю» (РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 12559. Л. 7–9).

⁵¹ Сведения о чиновниках Комитета взяты: ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 288.

⁵² Впоследствии, вплоть до официального упразднения Следственного Комитета, Ивановский исполнял обязанности его секретаря и числился следовате-

дено назначение в Комитет служившего при генерал-фельдцейхмейстере обер-аудитора 6 класса Г.А. Попова — 54 лет, происходил из солдатских детей, выслужился из рядовых солдат, воевал, имел боевые награды; его рекомендовал в Комитет великий князь Михаил Павлович⁵³. 29 декабря появился помощник столоначальника провиантского департамента коллежский секретарь Г.О. Хлусович — 25 лет, из дворян. 3 января — военный советник А.И. Вахрушев⁵⁴. Вахрушев был доверенным чиновником А.И. Чернышева, находился при нем в Тульчине в декабре 1825 г. и в Петербург прибыл вместе с генералом⁵⁵. 6 января решился вопрос о прикомандировании к Комитету комиссариатского чиновника для приема разных вещей, речь шла о Равиче-Шасткевиче — комиссионере комиссариатского штата 9 класса, 36 лет, из дворян, участнике войн, его обязанностью стал прием принадлежавших арестантам вещей⁵⁶. 10–11 января к числу чиновников Комитета прибавился И.А. Попов — губернский секретарь, служащий государственного казначейства, 25 лет,

лем по секретным делам, затем с 1828 г. и до отставки в 1829 гг. был секретарем А.Х. Бенкендорфа (Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 2: Г — К. М., 1992. С. 389–390). В личном архиве А.А. Ивановского сохранился явно почерпнутый из бумаг Следственного Комитета эпистолярный комплекс, связанный с декабристами-литераторами, в том числе письма крупнейших русских поэтов к декабристам (об этом см. в главе 3).

⁵³ Там же. Л. 3.

⁵⁴ В эти дни появились первые написанные их почерками вопросные пункты (ВД. Т. XVI. С. 315, 317). Я опираюсь здесь и далее на определение почерков чиновников Комитета, проведенное С.В. Мироненко при подготовке публикации журналов заседаний Следственного Комитета в томе XVI «Востания декабристов».

⁵⁵ Вахрушев упомянут в письме А.И. Чернышева И.И. Дибичу из Тульчина от 24 декабря 1825 г.: «Предмет, о котором идет речь, столь важен, что все делается в моей комнате мною самим или неутомимым Вахрушевым у меня на глазах», причем имя Вахрушева названо как явно знакомое адресату (ГА РФ. Ф. 48. Д. 469. Л. 8). Н.И. Лорер, которого Чернышев вез арестованным за собой, на одной из станций перед Петербургом увидел в комнате генерала «его секретаря с Анною на шее» (*Лорер Н.И.* Записки декабриста/Публ. М. В. Нечкиной. Иркутск, 1984. С. 85).

⁵⁶ ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 288. Л. 4.

из дворян, окончил Харьковский университет⁵⁷. Неясно, когда именно появились в штате Комитета И. А. Сафонов — контролер штата комиссариатского департамента 8 класса, 49 лет, из обер-офицерских детей, и М. П. Бонч-Бруевич — помощник правителя канцелярии генерал-провиантмейстера, коллежский ассессор, 30 лет, из дворян, окончил Московский университетский Благородный пансион. Первые написанные Сафоновым и Бонч-Бруевичем документы следствия (протоколы очных ставок) относятся соответственно к 30 апреля и 2 мая⁵⁸, но возможно, что их взяли в Комитет гораздо раньше. Работал в Комитете также комиссионер комиссариатского штата 7 класса Котляров, 50 лет, из дворян. В конце апреля для переводов документов с польского языка к Комитету был прикомандирован коллежский ассессор К. С. Сербинович — 29 лет, дворянин, кандидат философии, журналист, служивший в Главном управлении духовных дел иностранных исповеданий. А в июне пришлось обратиться к министру иностранных дел К. В. Нессельроде с просьбой прислать переводчика с испанского языка для разбора бумаг Д. И. Завалишина. Всего в Комитете работали 14 чиновников, включая Боровкова и его помощников. Помимо того факта, что большинство из них были статскими чиновниками, служившими по военному ведомству, примечателен их возраст и служебный статус. В большинстве своем это — чиновники 6–8 классов (в военной службе этому

⁵⁷ Там же. Л. 5–6. В литературе бытует заблуждение, что работавший в Следственном Комитете чиновник Попов впоследствии сделал карьеру в III Отделении. Здесь имеет место путаница: известного чиновника по особым поручениям III Отделения звали Михаил Максимович Попов, и он не имел отношения к Следственному Комитету, в 1826 году он служил учителем в Пензенской гимназии (формулярные списки М. М. Попова: ГА РФ. Ф. 109. 2 эксп. Оп. 58. 1828 г. Д. 179. Л. 126–130 (формулярный список за 1839 г.); Там же. 2 эксп. Оп. 95. 1865 г. Д. 76 (формулярный список за 1865 г.)). Я благодарна заведующей отделом ГА РФ М. В. Сидоровой за консультацию в этом вопросе.

⁵⁸ ВД. Т. XVI. С. 372–373.

соответствовали армейские чины от майора до полковника или гвардейские от штабс-капитана до полковника), люди зрелого возраста. Самые младшие в чине были и по возрасту младшими — Хлусович (10 класс, в военной службе это чин штабс-ротмистра в армии или подпоручика в гвардии) и И. А. Попов (12 класс, армейский поручик или гвардейский прапорщик), у которого скромность чина компенсировалась университетским образованием. Можно не сомневаться, что эти чиновники были опытными делопроизводителями; кроме того, их чины подразумевали солидные и достаточно ответственные должности. Это были отнюдь не бессловесные канцеляристы для переписки бумаг. По возрасту и чинам они были старше многих из подследственных декабристов⁵⁹.

В течение января 1826 г. чиновники Комитета еще сами писали все вопросные пункты, но с начала февраля, когда они, видимо, перестали справляться с объемом технической работы, в Комитет взяли еще и писарей. Со временем доля написанных писарскими почерками вопросных пунктов все возрастала, к концу апреля почти все допросы уже писали писари. По всей видимости, писари занимались только изготовлением беловых копий документов, а черновики вопросных пунктов готовили по-прежнему те же чиновники.

⁵⁹ Труды чиновников Комитета по окончании дела были вознаграждены. 28 июня 1826 г. Татищев направил Дибичу для представления Николаю I списки чиновников с предложениями о том, какой награды каждый из них может быть удостоен. Предложения были утверждены. Боровков назначался помощником статс-секретаря и производством в статские советники; Карасевский получал пенсион в 2 тысячи рублей в год; Вахрушеву к имевшемуся пенсиону в 1400 руб. прибавлялось 1600 руб. ежегодно; Г. А. Попов — пенсион в 2 тысячи рублей в год (в представлении значилось 2,5 тыс. руб., но император снизил сумму до 2 тысяч), такой же пенсион получил и Ивановский; Григорьев, Сафонов и Бонч-Бруевич получили пенсии по тысяче рублей годовых; Котляров — орден Анны 2 ст., Сербинович — Владимира 4 ст., Равич-Шасткевич — Анну 3 ст., а Хлусович и И. А. Попов — по ордену Владимира 4 ст. и по тысяче рублей одновременно (РГВИА. Ф. 36. Оп. 2. Д. 24. Л. 4–5).

Писарей всего было семь, из них троих прислали из канцелярии военного министра, двоих — из канцелярии генерал-кригскомиссара, одного — из инженерного департамента, и еще одного — из провиантского⁶⁰. Сверх того, Комитету были приданы придворные лакей и истопник.

Естественно, что существовало определенное разделение обязанностей между всеми участниками следствия. Возникает ряд вопросов, ответы на которые позволят лучше понять содержательную сторону ведения следствия. Надо выяснить, каким был порядок работы, как было организовано движение документов, как распределялись обязанности между членами Комитета и чиновниками. Документов, непосредственно проливающих свет на эти вопросы, не сохранилось. Скорее всего, их и не было: юридические и делопроизводственные нормы того времени еще не были регламентированы достаточно подробно, процедурные вопросы не становились объектом специального обсуждения. Процедура расследования, равно как и ведения делопроизводства, определялась не столько писанными актами, сколько сложившейся практикой⁶¹.

⁶⁰ ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 288. Писари по завершении следствия также получили награды. Все они были произведены в 14-й класс и получили единовременные наградные деньги от 100 до 300 рублей (РГВИА. Ф. 36. Оп. 2. Д. 24. Л. 3).

⁶¹ Исследовавший российское законодательство о государственных преступлениях, действовавшее на момент следствия и суда над декабристами, Ф.Л. Севастьянов пришел к выводу о «правовом вакууме» именно в области процессуального регулирования (*Севастьянов Ф. Л.* Процесс по делам о государственных преступлениях в России в первую четверть XIX в. // 14 декабря 1825 года. Вып. VI. С. 308–314). На ту же мысль наводит изучение соответствующей части фундаментального многотомника «Столетие Военного министерства. 1802–1902». В томах, посвященных военно-судным учреждениям (Т. XII. Ч. 1. Главное военно-судное управление и Военная тюремная часть. СПб., 1902; Т. XII. Ч. 2. Кн. 1. Главное военно-судное управление. СПб., 1914), можно найти обстоятельный обзор истории действовавших в разное время военно-судных учреждений (например, в годы наполеоновских войн), изложение их прав и полномочий, из кого они составлялись, почерпнуть изрядное число примеров военно-судных дел, — но там нет

Организация процесса расследования и способы его документирования сформировались уже в первые дни и практически не менялись до конца следствия. Главной формой работы Комитета стали ежедневные заседания, о которых делались записи в журнале заседаний и составлялись докладные записки императору (на первых порах их представлял председатель Комитета А.И. Татищев). Записи журнала лапидарны и по большей части представляют собой перечень допрошенных арестантов, заслушанных письменных показаний, иногда содержат краткие заметки о содержании показаний. Журнал фиксировал также принятые Комитетом решения об арестах, освобождении арестованных, различных частных вопросах, представленных на разрешение Николая I. Про каждое заседание в журнале отмечалось, в котором часу оно началось и закончилось, кто из членов присутствовал, запись о каждом заседании скреплялась их подписями. Как правило, заседания начинались около 6 часов вечера и продолжались до полуночи, а иногда и позже. В конце марта обычное время начала заседаний сдвинулось на 8 часов вечера, а в апреле – мае, когда проводилось много очных ставок, заседания стали назначать и на дневные часы. Нет возможности судить, было ли изменение расписания заседаний связано с объемом работы самого следствия или же зависело от внешних обстоятельств (например, зимним

ни детального описания порядка ведения следствия, ни подробностей процессуального характера. Создается впечатление, что вслед за российским законодательством (см. напр.: Образование военного суда при большой действующей армии и устав полевого судопроизводства. СПб., 1812), авторы этого труда даже не ставили вопрос таким образом, процессуальная сторона не привлекала их внимания. В этой связи любопытно отметить, что, как известно, при подготовке суда над декабристами было запрошено в архиве и изучалось в качестве прецедента дело Е.И. Пугачева, равно как и другие дела о политических преступлениях XVIII века, делались подборки выписок из законов. Но именно при подготовке суда по поводу следствия никаких справок по законодательству не запрашивали. Таким образом, процедура ведения следствия относилась к сфере, регулируемой неписаным «обычным правом», сложившейся привычной практикой.

и летним распорядком жизни столичных воинских частей, ведь входившие в Комитет генералы были заняты и основной своей службой).

Первоначальные допросы новых арестантов проводил генерал В. В. Левашов (в первые часы после восстания также и генерал К. Ф. Толь). Левашов протоколировал допросы собственноручно, в более-менее свободной форме, не составляя вопросных пунктов и вообще не делал внятного разделения на вопросы; иногда он вкратце записывал вопросы на полях (причем явно не все), иногда же вовсе нет. Чаще всего Левашов записывал лишь вопрос об имени и чине допрашиваемого и сформулированный в самом общем виде вопрос о его причастности к тайному обществу — то, с чего допрос начинался. Из текста ясно, что далее по ходу допроса Левашов задавал много вопросов, смысл которых легко угадывается. Левашов не проставлял дат на протоколах допросов, зато они имели порядковые номера. Эта нумерация до сих пор не привлекала к себе особого внимания исследователей, поскольку допросы разбросаны по следственным делам, а не сведенные в общий список номера малоинформативны. Расположив все записи Левашова в порядке номеров, я получила список допросов в хронологической последовательности, что позволяет в значительной мере восполнить отсутствие датировок. Всего первоначальных допросов по нумерации Левашова 252 (включая допросы, снятые К. Ф. Толем), однако реально в делах насчитывается 263 документа⁶²; два из них —

⁶² Разница между номерами, проставленными Левашовым, и фактическим количеством допросов объясняется сбоями в нумерации (двойные номера), а также несколько раз имевшими место повторными допросами одного и того же лица, которым Левашов не давал отдельного номера, и т. п. Записи допросов Левашов представил в Следственный Комитет, причем передавал он их под расписку А. А. Ивановскому и Г. А. Попову. Эти расписки сохранились в архиве Левашова (ГА РФ. Ф. 973. Оп. 1. Д. 17.), и если в расписке на первую порцию в 74 записи Г. А. Попов указал лишь общее их количество, то далее Ивановский указывал номера принятых допросов и перечислял фа-

записанные на одном листе подряд допросы в одном случае двух, в другом — четырех рядовых участников восстания 14 декабря⁶³, если посчитать их за отдельные допросы, то всего выходит 267.

По-видимому, Левашов пользовался особым доверием Николая Павловича. Допросы он проводил в Зимнем дворце, и именно во время этих первоначальных допросов император лично допрашивал заинтересовавших его арестантов. Ни один декабрист-мемуарист не рассказывает, чтобы его или кого-то из товарищей привозили из крепости специально и только для встречи с императором. Николай I выходил к ним во время допроса у Левашова, непосредственно перед ним или сразу после, некоторые мемуаристы добавляют, что Левашов что-то тихо докладывал Николаю или показывал ему листок с записью допроса. Таким образом, первоначальный допрос служил заодно и для того, чтобы император мог взглянуть на привлечшего его внимание арестанта, поговорить с ним, а от Левашова он получал исходную информацию.

милли допрошенных декабристов, что дает возможность сравнить список фигурирующих в расписках допросов с реально наличествующими в делах и убедиться, что в целом они совпадают. Благодаря распискам можно исправить ошибку в номере повторного допроса М.А. Назимова: Левашов поставил на нем номер 79, дублирующий номер допроса С.Г. Краснокутского; по-видимому, следует считать, что оба допроса Назимова должны носить один и тот же номер 76 (ВД. Т. XV. С. 180–182; ГА РФ. Ф. 973. Оп. 1. Д. 17. Л. 2). Допрос Александра А. Плещеева, на котором, как и на допросе М.М. Нарышкина, стоит номер 111, в расписке не упомянут (ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 192. Л. 1; Ф. 973. Оп. 1. Д. 17. Л. 7). В следственных делах декабристов отсутствуют допросы под номерами 7, 15 и 191. Копию допроса 15 я обнаружила в Российском государственном военно-историческом архиве в фонде дежурного генерала Главного штаба, куда она была прислана из Следственного Комитета для сведения в ноябре 1826 г. (РГВИА. Ф. 36. Оп. 4. Св. 22. Д. 334. Л. 29–29 об.). Это допрос унтер-офицера лейб-гвардии Московского полка А.Н. Луцкого. Чьи допросы носили номера 7 и 191, остается неясным. Установить это по распискам невозможно, поскольку в первой из них фамилии не перечислены, а последняя расписка заканчивается на номере 178.

⁶³ ВД. Т. XXI. С. 33–35.

Собственно, судя по воспоминаниям декабристов, появление императора означало не столько допрос, сколько короткий и весьма эмоциональный разговор, причем эмоции могли располагаться в широком регистре от монаршего гнева до сожаления, укоров и обещания позаботиться о семье узника⁶⁴. Встреча с Николаем могла внушить декабристу и самые мрачные опасения насчет его дальнейшей судьбы (включая ожидания скорого расстрела), и весьма радужные надежды.

Через некоторое время после первоначального допроса арестованного декабриста, как правило, приводили на допрос в присутствии Комитета. Перед этим ему готовили вопросные пункты, представлявшие собой список вопросов. Составляли их на основании содержания первоначального допроса и всех имевшихся на тот момент у Комитета сведений (показания других декабристов, информация из доносов). В преамбуле указывалось, кому из декабристов вопросные пункты предназначены, дата допроса в Комитете; иногда там же, в преамбуле, излагались показания других декабристов, в связи с которыми и проводился данный допрос (в других случаях эти показания вводились в текст самих вопросов, по пунктам). Во избежание путаницы между «допросом», «вопросом», «вопросными пунктами» в дальнейшем, говоря о вопросных пунктах как отдельном документе и, соответственно, отдельном допросе (пусть даже без вызова в Комитет и состоящем лишь из одного или двух вопросов), я буду именовать его «вопросными пунктами» или «допросом». И в тех случаях, когда в один и тот же день одному и тому же декабристу были присланы несколько вопросов, оформленных как от-

⁶⁴ См. напр.: *Трубецкой С. П.* Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 1. С. 254–255 (Трубецкого допрашивал не Левашов, а К. Ф. Толь); *Лорер Н. И.* Записки декабриста. С. 88–90; *Якушкин И. Д.* Мемуары, статьи, документы. С. 134–135; *Розен А. Е.* Записки декабриста/Публ. Г. А. Невелева. Иркутск, 1984. С. 142; *Волконский С. Г.* Записки. С. 393–394.

дельные документы, каждый на отдельном листе, со своей преамбулой, — каждый из них я буду считать за отдельный допрос. А говоря о вопросах, входящих в вопросные пункты, я буду называть их «вопросами». Вопросы, внутри которых дополнительно содержатся литерные подпункты, я учитывала как один вопрос.

Допрос в Комитете проходил устно и не протоколировался. Затем декабрист, уже в тюремной камере, получал те же вопросные пункты и должен был ответить на них письменно. Таким образом, Комитет предпочитал иметь собственноручные показания, а не вести протокол. Если ответы потом зачитывались в Комитете (что делалось далеко не всегда), на вопросных пунктах ставилась помета В.Ф. Адлерберга, какого числа они читаны, а в Журнале заседаний делалась соответствующая запись с указанием, насколько письменные показания совпадают с тем, что декабрист отвечал перед Комитетом. Например, заслушанные 10 февраля ответы С.И. Муравьева-Апостола были «подробным повторением словесного показания», А.В. Капнист «как и при словесном допросе отрицается от принадлежности к обществу», а А.Н. Вяземский «сознался, что был принят в общество, но ничего примечательного не показал». На следующий день, 11 февраля, М.М. Спиридов «вошел в подробное объяснение всего сказанного им при словесном допросе, нового же ничего не открыл»⁶⁵, и т.д.

Очевидно, что письменные показания, хотя и повторяли допрос, происходивший в Комитете, не могли делать это буквально. Вряд ли узник был в состоянии дословно воспроизвести свою устную речь. В ходе допроса члены Комитета могли отклоняться от заготовленного вопросника, напе-

⁶⁵ ВД. Т. XVI. С. 94–95.

ребой задавать вопросы. Что-то из сказанного не попадало в письменный текст, иногда об этом можно судить по записям в Журнале заседаний. С другой стороны, составляя письменные показания, арестант мог их расширить или даже решиться на новые признания, но ясно, что он не имел уже возможности опустить что-либо существенное из сказанного устно. Незафиксированными оставались, как представляется, главным образом реплики эмоционального характера, непосредственная, разговорная реакция. Так, скажем, в Журнале заседаний за 5 апреля записано заявление С.И. Муравьева-Апостола, что он «раскаивается только в том, что вовлек других, особенно нижних чинов, в бедствие, но намерение свое продолжает почитать благим и чистым, в чем Бог один его судить может»⁶⁶; в письменных его показаниях этих слов нет.

Ряд декабристских мемуаров сохранил для нас описание того, как выглядели заседания Комитета. Узников вели (везли) по крепости и вводили в зал заседаний с завязанными глазами, и они отмечали сильное эмоциональное воздействие такой таинственности. Как вспоминал Н.И. Лорер, «для меня в моем заключении самым убийственным всегда была тайна, которою нас окружали постоянно. И на сей раз я хотел спросить: куда меня ведут, зачем? но не спросил, потому что знал, что не скажут. Уж такое заведение. Вскоре мы пошли, — я с завязанными платком глазами, — в комендантский дом, и меня ввели в ярко освещенную комнату. За длинным столом мне представились 20 фигур генералитета в лентах, звездах, строгих, мрачных, подобно рыцарям XV века на тайном судилище, подобном Венецианскому «совету десяти», инквизиционному заседанию. (...) Я обвел собрание взглядом и поклонился. Вот в каком порядке они сидели: председателем был Татищев,

⁶⁶ ВД. Т. XVI. С. 158.

по правую сторону великий князь Михаил Павлович, потом Кутузов, Левашов, Потапов, Бенкендорф. По левую сторону председателя — А.Н. Голицын в андреевской ленте, потом пустое место, на котором иногда сидел, как я заметил впоследствии на допросах, Дибич, потом — не помню, и Адлерберг, тогда флигель-адъютант. На конце стола, чтоб ближе быть к подсудимым, Чернышев, докладчик и le grand faiseur всего дела»⁶⁷. А.Е. Розен: «8 января по пробитии вечерней зори вошел плац-майор, чтобы отвести меня в комитет, собиравшийся ежедневно в комендантском доме. Опять завязал он мне глаза, но на этот раз так, что все лицо мое было закрыто, и повел меня к саням; ехать было недалеко. У комендантского крыльца слышал говор людей и сквозь батистовый платок мог разглядеть горящие фонари карет. Передняя была набита слугами. В другой комнате оставил меня плац-майор, просил меня покойно сесть и подождать его возвращения. Я приподнял платок, увидел пред собою притворенные двойные двери, позади себя ширмы сквозящие, за ширмами две свечи и ни одного человека по всей комнате. Не знаю, почему пришла мне мысль, что вдруг отворятся двери и меня расстреляют? (...) Тут я сидел, по крайней мере, целый час. С завязанными глазами повели меня чрез комнату, ярко освещенную, где слышен был скрип множества перьев; в следующей комнате такой же скрип перьев при совершенном безмолвии. Наконец, в третьей комнате остановил меня плац-майор, сказав вполголоса: «Стойте на месте». С полминуты была мертвая тишина, как послышался отрывистый голос: «Снимите платок!» — то был голос великого князя Михаила Павловича. Я увидел пред собою длинный стол. На главном конце сидел председатель комиссии, военный министр Татищев; по правую сторону его сидели великий князь Михаил Павлович, генерал-адъютанты И.И. Дибич, П.В. Кутузов, А.Х. Бенкендорф; по левую сторону

⁶⁷ Лорер Н.И. Записки декабриста. С. 95–96. Le grand faiseur — главный деятель (франц.)

князь А. Н. Голицын, (...) генерал-адъютанты А. И. Чернышев, А. Н. Потапов, В. В. Левашов и с краю флигель-адъютант полковник В. Адлерберг в должности временного секретаря»⁶⁸. Как видно, процедура привода декабристов с завязанными глазами производила театральный эффект, но ничуть не мешала им знать, где проходят заседания — в комендантском доме. По мнению А. Е. Розена, «лицо было завешено платком, дабы секретари и писаря, сидевшие в двух проходных комнатах, не могли узнавать арестантов»⁶⁹. И. Д. Якушкину тоже пришлось дожидаться за ширмами своего первого допроса в Комитете: «Кто-то принял меня и посадил за ширмы, несмотря на которые и на платок, я мог видеть прислугу, носившую блюда в боковую комнату. Около полуночи меня взяли за руку и повели в те комнаты, в которых перед этим ужинали. В первой из этих комнат я ничего не мог видеть сквозь платок, кроме множества свечей и столов, за которыми сидели люди и писали. Из этой комнаты меня провели в довольно большую залу, также очень ярко освещенную. Руку мою отпустили, я остановился, и с меня сняли платок. Я стоял посреди комнаты, в шагах 10 от меня стоял стол, покрытый красным сукном. (...) Когда сняли с меня платок, с минуту во всей комнате продолжалось молчание. Наконец Чернышев махнул мне пальцем и весьма торжественным голосом сказал: «Приблизьтесь». Подходя к столу, я нарушил моими цепями тишину в комнате. Начался опять формальный допрос»⁷⁰.

Сохранилась прекрасная иллюстрация к этим декабристским воспоминаниям. Один из рисунков, которые делал помощник правителя дел Комитета В. Ф. Адлерберг⁷¹,

⁶⁸ Розен А. Е. Записки декабриста. С. 151–152.

⁶⁹ Там же. С. 154.

⁷⁰ Якушкин И. Д. Мемуары, статьи, документы. С. 141–142.

⁷¹ Авторство рисунков вызывает сомнения, они принадлежат или В. Ф. Адлербергу, или чиновнику Комитета А. А. Ивановскому и хранятся в фонде

представляет как раз заседающий за столом Комитет. Все персонажи набросаны с портретным сходством и подписаны. Во главе стола сидит А.И. Татищев, по левую руку от него вдоль стола А.Н. Голицын, А.И. Чернышев, В.В. Левашов и на дальнем конце стола, чуть поодаль от Левашова и будто меньше всех ростом, — Адлерберг. По левой стороне стола, спиной к зрителю, — сначала пустой стул с подписью «Мих [аил] П [авлович]. Очень хороший человек и жаль, что редко приезжал». Рядом со стулом великого князя — нарисованный с затылка генерал в эполетах, под стулом которого две подписи: И.И. Дибич, П.В. Кутузов. Возможно, они действительно занимали один стул: оба приходили не каждый раз. Да и в приведенных выше декабристских рассказах Н.И. Лорер указывал, что рядом с Михаилом Павловичем сидел Кутузов, а А.Е. Розен — что Дибич. Далее за столом крайний А.Х. Бенкендорф, его художник изобразил в профиль, обернувшимся в сторону председательствующего. Наконец, возле стола стоит чиновник с крестиком в петлице и бумагами в руке — А.Д. Боровков.

Представляя себе декабристов, оказывающихся перед заседающим присутствием Следственного Комитета, не стоит забывать о характере той эпохи. Дворянское общество было пронизано многообразными горизонтальными и вертикальными связями — родственными, светскими, служебными, соседскими. Если для политического заключенного более поздних эпох следователи и судьи были лицами абсолютно чужими, не только идейными антагонистами, но и принадлежащими к совершенно иному социальному слою, то многим декабристам лица членов Следственного Комитета были хорошо знакомы.

Ивановского в ИРЛИ. Данный рисунок многократно воспроизводился в разных изданиях, см. напр.: ВД, Т. XVI. С. 23.

Они встречались и в светских гостиных, и на службе⁷². А.Х. Бенкендорф был начальником Н.М. Муравьева, когда тот в 1821 г. поступил в Гвардейский генеральный штаб. Осенью 1821 г., квартируя в Минске во время маневров гвардии, Муравьев регулярно получал приглашения к Бенкендорфу обедать⁷³. Мичман П.П. Беляев управлял лодкой, на которой Бенкендорф во время петербургского наводнения 1824 г. плавал по затопленным улицам, спасая людей; Беляев получил за это орден Владимира 4 ст., а Бенкендорф, вспоминая тот день, называл Беляева своим спасителем. Н.И. Лорер свидетельствовал, что Бенкендорф знал и любил многих из декабристов и в своих записках аттестовал генерала как благородного человека⁷⁴. С.Г. Краснокутский был частым гостем в доме А.И. Татищева, где провел и вечер 13 декабря 1825 г.⁷⁵ А кн. А.Н. Голицын в свое время частенько бывал в доме матери И.А. Анненкова и знал декабриста с детства⁷⁶. М.С. Лунин, М.Ф. Орлов, С.Г. Волконский, А.Х. Бенкендорф, В.В. Левашов и А.И. Чернышев вместе начинали службу в Кавалергардском полку, входили в один и тот же приятельский офицерский кружок. Волконский, Бенкендорф и Чернышев были боевыми товарищами. Сергей Григорьевич и в старости, в мемуарах, очень тепло и дружески отзывался о Бенкендорфе,

⁷² И даже на заседаниях масонских лож. Из членов Комитета масонами были А.Х. Бенкендорф (ложе «Соединенных друзей» (*Amis reunis*)) и А.Н. Голицын (ложе «Общество Грабянки», она же «Общество людей нового Израиля (Народ Божий)»). И если вторая ложа объединяла узкий кружок, то ложа «Соединенных друзей» была из самых многочисленных в Петербурге и насчитывала более пятисот членов. Из декабристов к ней принадлежали С.Г. Волконский, В.П. Зубков, М.Ф. Митьков, Н.М. Муравьев, М.И. Муравьев-Апостол, П.И. Пестель, И. Полиньяк. Членами этой ложи были также А.С. Грибоедов, М.Я. и П.Я. Чаадаевы, Ф.Ф. Вигель, герцог Александр Вюртембергский, дважды на собраниях ложи присутствовал великий князь Константин Павлович.

⁷³ *Муравьев Н.М.* Письма декабриста. 1813–1826 гг./Публ. Э.А. Павлюченко. М., 2001. С. 24–25, 148–150.

⁷⁴ *Лорер Н.И.* Записки декабриста. С. 109.

⁷⁵ ВД. Т. 12. С. 59–60.

⁷⁶ *Анненкова П.Е.* Воспоминания. М., 1932. С. 81.

с неприязнью и насмешливо — о Чернышеве (например, вспоминал, с каким преувеличенным старанием щеголь Чернышев пудрил свою прическу, когда они все вместе стояли на летних квартирах полка на Черной речке), и удивлялся, как пустоголовый Левашов ухитрился сделать карьеру государственного деятеля⁷⁷. Такого рода примеры можно множить, а разветвленные родственные связи в дворянской среде нередко обнаруживают «родство всех со всеми». Конечно, среди декабристов были люди разного круга, и южные армейские офицеры из мелкопоместного провинциального дворянства не имели связей, родства и знакомств столичных аристократов-гвардейцев. Тем не менее для многих из декабристов Комитет состоял из лиц, так или иначе знакомых и не вполне чужих.

Члены Комитета во время следствия оставили у декабристов разные впечатления. Все узники сходились на том, что главными двигателями следствия были Чернышев, Бенкендорф и Левашов. Татищев по большей части дремал и редко вмешивался в ход заседания. Михаил Павлович и Голицын, как, впрочем, и Бенкендорф, были настроены довольно добродушно. Татищев и Голенищев-Кутузов время от времени произносили нравоучительные сентенции⁷⁸. Чернышев бывал резок, жесток, агрессивен. А. С. Гангеблов усмотрел здесь намеренный ловкий прием следствия: «Два главных (...) деятеля во всех отношениях были на высоте своей задачи, чтоб импонировать, с одной стороны, убеждением, а с другой — угрозой. Бенкендорф своим кротким

⁷⁷ Волконский С. Г. Записки. С. 95–96, 130, 135–136, 179, 201 и далее.

⁷⁸ А. Е. Розен привел характерную для председателя Комитета сцену: «Он только иногда замечал слишком ретивым ответчикам: «Вы, господа, читали все — и Destutt-Tracy, и Benjamin Constant, и Benthamе — и вот куда попали, а я всю жизнь мою читал только священное писание, и смотрите, что заслужил», — показывая на два ряда звезд, освещавших грудь его» (Розен А. Е. Записки декабриста. С. 156).

участием едва ли выпустил из своих рук кого-либо из допрошенных им более или менее успокоенным и обнадеженным; тогда как Чернышеву, с его резким, как удар молота, словом, с его демонским взглядом, запугиванье давалось легко»⁷⁹. Характеристики членов Комитета оставил В. С. Толстой: по его словам, Татищев «постоянно или спал, или набивал нос русским табаком», Левашов «вел себя честно и совершенно прилично», Бенкендорф «очень вежлив и добродушен», Чернышев «по виду и ухваткам гнусный инквизитор»⁸⁰. А. М. Муравьев отмечал, что «особенным озлоблением против нас выделялись Чернышев и Левашов»⁸¹. По свидетельству М. А. Фонвизина, «всех пристрастнее и недобросовестнее поступал (...) Чернышев: допрашивая подсудимых, он приходил в яростное исступление, осыпал их самыми пошлыми ругательствами. (...) Пристойнее вели себя князь Александр Николаевич Голицын и генерал-адъютант граф Бенкендорф, у которых вырывалось сердечное сочувствие и сострадание к узникам»⁸². А. Е. Розен, нарисовавший в своих записках живую сцену допроса, с репликами членов Комитета, также нелестно охарактеризовал манеру Чернышева, хотя даже подыскал для него ряд извинений: «Чернышев, как главный труженик в комиссии, вероятно, от усталости, от утомления, от нетерпения, забывался иногда в своих замашках, выходках и угрозах». Розен рассказал также о характерном эпизоде: во время допроса Чернышев спросил у М. А. Назимова, что бы тот сделал, если бы был в Петербурге 14 декабря, «этот вопрос был так неловок, что Бенкендорф, не дав времени отвечать Назимову», возвратил Чернышеву

⁷⁹ Гангблов А. С. Воспоминания. М., 1888. С. 118.

⁸⁰ Толстой В. С. Воспоминания/Публ. С. В. Житомирской // Декабристы. Новые материалы. М., 1955. С. 39–40.

⁸¹ Муравьев А. М. «Мой журнал» // Мемуары декабристов. Северное общество/Сост. В. А. Федоров. М., 1981. С. 133.

⁸² Фонвизин М. А. Обзорение проявлений политической жизни в России // Фонвизин М. А. Сочинения и письма/Публ. С. В. Житомирской, С. В. Мируненко. Иркутск, 1982. Т. 2. С. 196.

и отвел вопрос⁸³. Н.И. Лорера чрезвычайно удивила «выходка Чернышева», когда тот, добившись наконец от Лорера признания в том, где скрыта «Русская Правда», отдал должное поведению декабриста, объявив, что понимает его нежелание выдавать чужую тайну⁸⁴. Как видно, это был в высшей степени нехарактерный для Чернышева жест. Бенкендорф, по впечатлениям Лорера, «вел себя благороднее всех», при неловких репликах других членов Комитета «бывало (...) потупит глаза и молчит, а когда Чернышев начнет страдать, кричать, то даже часто его останавливал»⁸⁵.

Сохранилась и зарисовка того, как происходили допросы на заседаниях, сделанная самим А.И. Чернышевым, в записке от 9 января о реорганизации следствия (об этом речь пойдет ниже). Члены Комитета, выслушивая показания стоящего перед ними арестанта, делают разнообразные замечания, «которые влекут за собою или новые вопросы, или продолжительные изъяснения, а иногда и самое отдаление от изложенных вопросов»⁸⁶. Между прочим, месяц спустя в очередной записке по поводу ускорения следствия правитель дел Комитета Боровков отмечал, что «иногда самое усердие [следователя] служит главнейшею причиною медленности», пояснив впоследствии в своих воспоминаниях, что намекал как раз на Чернышева, «который при допросах вдавался в самые мелкие, ни к чему не ведущие подробности»⁸⁷.

Для многих из арестованных первый допрос в присутствии Комитета оказывался и единственным. Больше в Комитет их могли не вызывать, ограничиваясь присылкой

⁸³ Розен А.Е. Записки декабриста. С. 155.

⁸⁴ Лорер Н.И. Записки декабриста. С. 98.

⁸⁵ Там же. С. 105.

⁸⁶ ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 1. Л. 11.

⁸⁷ Боровков А.Д. Автобиографические записки. С. 347.

в крепость вопросных пунктов, часто содержавших только один вопрос. Так происходило с малозамешанными членами тайных обществ, но активных участников движения допрашивали больше, по несколько раз вызывали в Комитет, присылали дополнительные вопросные пункты. Однако даже главнейших из декабристов не допрашивали непрерывно, между допросами проходило время, часто довольно значительное. Арестованных было много, а в Комитете ведь еще должны были готовить вопросные пункты, сличать показания, анализировать полученную информацию, устанавливать, где появились противоречивые показания, где явные умолчания, где новые сведения, требующие проверки и опроса свидетелей.

Помимо ответов на вопросные пункты, тот или иной декабрист время от времени решал сообщить что-то следствию по собственной инициативе, без вопросных пунктов. Это могли быть как дополнительные показания, посланные вслед уже написанным ответам на вопросные пункты, так и новые признания. Зачастую эти дополнительные показания перетекали в просьбы о помиловании и смягчении участи, обращенные к императору или членам Следственного Комитета⁸⁸. Иногда дополнительные признания были написаны в виде письма одному из членов Комитета, но в значи-

⁸⁸ Граница, разделяющая эти два типа документов, очень тонка. Я решила разграничить их следующим образом: если направленный декабристом в Следственный Комитет, лично одному из его членов или Николаю I документ содержал в себе, помимо выражений раскаяния и просьб о помиловании, еще и какую-либо дополнительную информацию о тайных обществах, то это — дополнительное показание. Что касается просьб о помиловании в чистом виде, то значительное их количество находится не только в следственных делах декабристов и других делах из архива Следственного Комитета, но и в иных архивных фондах, я не ставила себе целью исчерпывающее их выявление. То же относится и к различным прошениям декабристов по поводам, непосредственно к следствию не относящимся (просьба дать трубку и табак, разрешить переписку с родными, урегулировать возникшие в связи с арестом имущественные проблемы семьи и т.д.).

тельной доле таких случаев имя адресата не указано, письмо открывается обращением «ваше превосходительство», которое не позволяет установить, кому из членов Комитета письмо было направлено. Так что невозможно судить, вызывал ли кто-то из них у арестантов особое желание делать признания именно ему и вообще чем руководствовались декабристы при выборе адресата. Можно сказать только, что определенное количество таких дополнительных письменных показаний декабристы адресовали В. В. Левашову после первого допроса, когда по размышлению решали что-то добавить, часто — пояснить и уточнить смысл сказанного во время допроса.

Если повторными допросами не удавалось снять противоречие в показаниях двух (или нескольких) декабристов, а вопрос представлялся Комитету достаточно важным, то проводились очные ставки. Основная их масса происходила ближе к концу следствия. Очные ставки оформлялись протоколами, которые имели единообразную форму: сначала, в констатирующей части, имена сводимых на очную ставку декабристов, изложение их спорных показаний, причем каждого особо, по пунктам. Излагались показания очень близко к тексту, количество пунктов не обязательно совпадало для обоих декабристов, так же как не всегда совпадала, строго говоря, и их тема (например, один рассказывал о планах покушения на царя, другой же утверждал, что целью тайного общества было введение конституционной монархии). Затем в два столбца, отдельно для каждого из участников очной ставки, записывались и скреплялись их подписями ее результаты: один из декабристов согласился с показаниями другого; оба продолжают настаивать на своих показаниях; показания удалось согласовать лишь отчасти. Часто один из декабристов соглашался с показаниями другого еще до собственно очной ставки, но форма ее

записи от этого не менялась, менялась лишь резюмирующая часть, где вместо двух столбцов появлялась сделанная рукой чиновника и подписанная декабристом фраза, что он, не доводя до очной ставки, признал справедливость показаний товарища. Протоколы очных ставок написаны рукой писарей и чиновников Комитета, декабристы только ставили на них свою подпись и изредка делали своей рукой какие-либо дополнения. По-видимому, в достаточно большом проценте случаев очных ставок в современном понимании этого слова не было: для декабристов, по их собственным признаниям, мысль, что придется, глядя в лицо товарищу, оспаривать его показания, была настолько тяжела, что сама угроза очной ставки заставляла многих сделать требуемое признание⁸⁹. Протокол очной ставки, таким образом, не всегда означает, что два декабриста действительно встретились лицом к лицу. По свидетельству А. Е. Розена, «при очных ставках обыкновенно вызываемы были обвиненные сперва поодиночке, и когда показания их разнствовали, то сводили их вместе для улыки»⁹⁰.

Такие приготовления к очной ставке описывал И. Д. Якушкин. Его привели в Комитет после того, как он дал показание, касавшееся разговора в доме М. Ф. Орлова в конце декабря 1825 г., при известии о неудачном восстании на Сенатской

⁸⁹ Н. В. Басаргин, сидевший в каземате рядом с М. П. Бестужевым-Рюминым и имевший возможность с ним переговариваться, вспоминал, как Бестужев, которого много допрашивали, морально особенно страдал от очных ставок. «Мне уже эти очные ставки так тяжелы, — жаловался он Басаргину, — что Бог знает, в чем готов согласиться, лишь бы избегнуть их. Они совершенно изнуряют меня нравственно. (...) Вы не поверите, как я страдаю, когда бываю в Комитете, где так безжалостно обращаются со мною, и в особенности при очных ставках. Слушаю грубости, вижу презрительные улыбки членов Комитета и читаю в глазах товарищей, которых, быть может, я вовлек во многое, упреки в малодушии» (*Басаргин Н. В.* Воспоминания, рассказы, статьи/Публ. И. В. Порох. Иркутск, 1988. С. 93).

⁹⁰ *Розен А. Е.* Записки декабриста. С. 155.

площади: Муханов тогда вызвался совершить цареубийство. 3 мая И. Д. Якушкин предстал в комнате, где обычно работал Комитет. «За красным столом сидел один Чернышев. Он торжественно прочел мне мое показание, написанное не моею рукою... Он спросил меня потом, готов ли я подтвердить мое показание. Я отвечал, что подтверждаю его [...]. После этого меня вывели в другую комнату, из которой я слышал разговор Чернышева с Мухановым. Это была страшная для меня минута. Я ожидал, как пытки, очной ставки с Мухановым и вздохнул свободно только тогда, когда по прочтении моего показания Муханов сказал: «Я не запираюсь, что я говорил вздор, но намерения совершить преступление я никогда не имел. Меня отвели в рavelин»⁹¹. В тот день, 3 мая, в крепости из членов Комитета присутствовали лишь Татищев и Чернышев, был проведен целый ряд очных ставок на разные, не связанные друг с другом темы⁹². Обычным образом оформленный протокол был приобщен к делу П. А. Муханова, на нем стоит подпись Муханова и сделанная рукой чиновника Комитета М. П. Бонч-Бруевича⁹³ запись, что Муханов, «не допуская до очной ставки, согласился на показание капитана Якушкина, присовокупляя, что это сказано было им в пылу разговора»⁹⁴. Примечательно, что хотя проводил очную ставку несомненно Чернышев, под протоколом стоит подпись Бенкендорфа. Дела и Якушкина, и Муханова относились к числу тех, которые курировал Бенкендорф (об этом речь пойдет ниже). Таким образом, подпись под протоколом являлась не удостоверением его соответствия ходу очной ставки, сделанным проводившим ее членом Комитета, но играла какую-то иную роль.

⁹¹ Якушкин И. Д. Мемуары, статьи, документы. С. 148.

⁹² ВД. Т. XVI. С. 193–194.

⁹³ Атрибуция подписи принадлежит С. В. Мироненко (ВД. Т. XVI. С. 373).

⁹⁴ ВД. Т. III. С. 176.

Доведенная до конца, до реальной встречи двух узников лицом к лицу, очная ставка обставлялась сходным образом, хотя и с небольшими вариациями. А.Е. Розен рассказал о своей очной ставке с однополчанином А.И. Богдановым. Розен дал показание, что Богданов был на совещании накануне восстания, Богданов же хотя и подтвердил, что там был, но утверждал, что никаких разговоров о восстании не слышал⁹⁵. Очная ставка имела место 19 мая, Розена привели в Комитет, «присутствовали только генерал-адъютанты Чернышев и Бенкендорф; первый прочел мне краткую выписку из моих показаний и спросил: имею ли что дополнить и заключает ли она в себе сущность моих показаний? Я подтвердил, и приказано было мне дожидаться в другой комнате. Я услышал звонок, говор, но не мог расслышать, о чем говорили. Через пять минут призвали меня опять, и я увидел стоявшего у стола однополчанина моего, подпорука Богданова. (...) Чернышев вторично прочел при нем выписку и спросил: «Можете ли вы теперь подтвердить ваши показания?» — «Могу, ваше превосходительство»⁹⁶. Судя по протоколу очной ставки, оба, и Розен, и Богданов, подтвердили свои показания, то есть очная ставка кончилась ничем. Но записки Розена уточняют, что он во время очной ставки пояснил: Богданов, хотя и был у Репина, самых опасных разговоров действительно не слышал.

⁹⁵ Следует отметить незначительные фактические расхождения между мемуарным рассказом А.Е. Розена и протоколом очной ставки, хранящимся в следственном деле А.И. Богданова (ВД, Т. XXI. С. 143–144). Розен вспоминал, что речь шла о совещании у Оболенского 12 декабря, но в протоколе говорится о совещании на квартире Н.П. Репина 11 декабря. Розен заметил, что во время очной ставки Богданов был в мундире и при шпаге, и заключил, что тот не был арестован, — и действительно, за день до того командир лейб-гвардии Финляндского полка получил от А.И. Татищева предписание, гласившее, что офицеры этого полка Богданов и Добринский должны на следующий день явиться в Комитет для дачи показаний (ВД, Т. XXI. С. 142). Свои показания А.И. Богданов дал 18 мая, а 19 мая состоялись его очные ставки с А.Е. Розеном и Е.П. Оболенским (Там же. С. 143–145).

⁹⁶ *Розен А.Е.* Записки декабриста. С. 163.

С. П. Трубецкой, описывая свою очную ставку с С. М. Семеновым, обрисовал несколько иную ее процедуру. Трубецкой должен был уличить Семенова в принадлежности к тайному обществу: «Вечером требуют меня в Комитет. После различных вопросов о знакомстве моем и переписке с Семеновым и о принадлежности его к обществу, отвечал, что полагал его членом, но утвердительно сказать не могу, чтоб он был им. Говорят мне, чтоб я обернулся назад, и спрашивают, узнаю ли я Семенова? Я обернулся и увидел его за собою. Повторяют вопрос: «Этот ли Семенов принадлежал к обществу?» Произошел разговор, в ходе которого Семенов, по словам Трубецкого, очень ловко подбрасывал ему реплики, доказывающие невиновность Семенова, «и вообще все ссылки на меня делал так ловко, что я должен был, по справедливости, все подтверждать. Наконец меня отпустили, оставив Семенова»⁹⁷. Семенову в тот день предстояли еще очные ставки с В. И. Штейнгейлем и И. И. Пуциным. Как мы видим, здесь Трубецкой не говорит ни о зачитывании ему его показаний, ни об ожидании за ширмами. Очная ставка его с Семеновым состоялась 13 января. 21 или 22 января имела место очная ставка Трубецкого с Г. С. Батеньковым⁹⁸. Трубецкой вспоминал, что, когда его ввели в зал заседаний Комитета, Батеньков уже был там; и на этот раз Трубецкой также не от-

⁹⁷ Трубецкой С. П. Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 1. С. 261–262. Протокола очной ставки в следственных делах нет, хотя она зафиксирована в Журнале Комитета за 13 января (ВД. Т. XVI. С. 59), как нет и протоколов состоявшихся тогда же очных ставок Семенова с Пуциным и Штейнгейлем (этот факт отмечен В. П. Павловой в примечаниях к этому месту записок Трубецкого).

⁹⁸ Протокол очной ставки датирован 21 января, в Журнале Комитета эта очная ставка записана 22 января (ВД. Т. XIV. С. 71–77; Т. XVI. С. 70). В. П. Павлова, комментируя записки Трубецкого, почему-то не обратила на этот протокол внимания и предположила, что Трубецкой смешал воедино предыдущий свой допрос в Комитете и письменные ответы на вопросные пункты (см. *Трубецкой С. П. Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 1. С. 375, прим. 91*).

метил, что ему зачитывали его показания⁹⁹. По-видимому, в январе 1826 г. сама процедура очных ставок еще не была такой накатанной и отработанной, какой она стала к концу следствия. Об этом косвенно свидетельствует как протокол очной ставки Трубецкого с Батеньковым (был составлен нетипичный единый протокол для трех очных ставок, призванных уличить Батенькова в принадлежности к тайному обществу: с Трубецким, К.Ф. Рылеевым и А.А. Бестужевым), так и странная фраза в записках С.П. Трубецкого. Рассказав о приведенных случаях, он замечает: «До сих пор я не имел ни с кем очных ставок. Наконец меня позвали, и я увидел себя перед Бриггеном»¹⁰⁰. Эта очная ставка состоялась только 13 мая и для Трубецкого была далеко не первой. Незадолго до того, 6 мая, была его очная ставка с Рылеевым, о которой он рассказывает в записках, помещая ее после очной ставки с Бриггеном¹⁰¹. И если смещение последовательности событий легко объяснимо ошибкой памяти, то замечание, что до тех пор очных ставок у него не было, может означать, что январские очные ставки были обставлены иначе, чем майские. Вместе с тем верно и то, что Комитет не всегда во всех мелочах соблюдал собственные ритуалы.

Основные формы ведения расследования — первоначальные допросы Левашовым, допросы в Комитете, вопросные пункты и очные ставки, — установившись в самом начале следствия, далее не менялись. Стабильными оставались и формы документального оформления допросов и очных ставок.

⁹⁹ *Трубецкой С.П.* Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 1. С. 262–263.

¹⁰⁰ *Трубецкой С.П.* Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 1. С. 275.

¹⁰¹ Там же. С. 276.

Также не претерпевали изменений на протяжении следствия и применявшиеся Комитетом методы дополнительного давления на декабристов. Вопросные пункты содержали в себе обычное напоминание, что откровенные и чистосердечные признания облегчат дальнейшую участь и даже позволят рассчитывать на монаршее милосердие. О том же узникам должен был говорить посещавший их священник. Запиравшихся на допросах, отказывавшихся отвечать вываливали в ручные и ножные кандалы, сажали на хлеб и воду. Напротив, откровенность перед Комитетом могла вести к таким важным для декабристов послаблениям, как разрешение переписываться с родными, получить из дому кое-какие вещи, а также трубку и табак. Кормили узников по-разному, хотя казенные суммы на их содержание отпускались одинаковые, а получать пищу из дома никому из них не разрешалось (впрочем, имея деньги или при помощи родных декабристы иногда подкупали крепостных солдат-сторожей и пользовались их мелкими услугами — передавали записки, получали лимон или булку; есть в декабристских воспоминаниях и свидетельства бескорыстной помощи и сочувствия сторожей). Некоторым арестантам Николай I улучшал питание за свой собственный счет. Нельзя сказать, чтобы эта мера находилась в непосредственной связи с готовностью давать наказания: отношение императора к отдельным мятежникам было не столь прямолинейным. Вспоминая о кандалах, спертом и сыром воздухе казематов, душевной угнетенности, некоторые из декабристов склонны были приравнивать все это к пыткам. Но настоящих пыток, несмотря на ходившие тогда в Петербурге слухи, к ним не применяли.

Зато дополнительным фактором, прибавлявшим душевного смятения, была полная невозможность прогнозировать свою дальнейшую судьбу из-за отсутствия в Российской империи внятного законодательства. Подсудимые более

поздних эпох всегда так или иначе представляли себе, какие статьи Уголовного кодекса к ним могут быть применены и какова санкция этих статей. Декабристы же, по меткому выражению Н.Я. Эйдельмана, могли ожидать приговора в диапазоне «выпустят — казнят». А.Е. Розен был не единственным, кому по пути на первый допрос приходила в голову мысль, что его могут прямо сейчас расстрелять. Стоит заметить, что в той же неопределенности находились и члены Следственного Комитета, они тоже не знали, какие приговоры в результате последуют, насколько суровыми они окажутся. Но повторюсь: поиски юридических форм, в которые можно облечь дело, исторических прецедентов, запросы о существующем законодательстве появились лишь при подготовке суда над декабристами. А вот проведению расследования законодательный хаос (или, напротив, вакуум), по-видимому, ничуть не мешал: Следственный Комитет знал, как ему действовать.

* * *

В начале 1826 года появились новые факторы, повлиявшие на ход работ Следственного Комитета. Во-первых, стали прибывать арестанты с юга; во-вторых, вернулись в Петербург начальник Главного штаба барон И.И. Дибич и генерал-адъютант А.И. Чернышев, и оба 2 января были введены в Комитет. Чернышев, как мы помним, вместе с начальником штаба 2-й армии генералом П.Д. Киселевым начал в декабре следствие в Тульчине. Они произвели первые аресты и допросы, но остановились, обнаружив, что дело довольно обширное и для продолжения его требуются специальные полномочия, ибо по тогдашним порядкам арестовывать офицеров 2-й армии можно было властью командующего армией, но для ареста офицеров 1-й армии и подчиненных

других ведомств требовалась санкция или их начальства, или же верховной власти. Поэтому, в силу важности следствия, Чернышев и Киселев предложили перевести его на более высокий уровень¹⁰².

Был и другой момент, затруднявший, по-видимому, ход следствия в Тульчине и лишний раз показывающий, насколько сложно было положение новоиспеченного императора. Генерал П. Д. Киселев также был вызван в Петербург. 30 декабря военный министр А. И. Татищев написал командующему 2-й армией П. Х. Витгенштейну, что «государь император высочайше повелеть соизволил вызвать в Санкт-Петербург немедленно начальника штаба командуемой вашей светлостью армии, генерал-адъютанта Киселева». Известно, что затребован Киселев был не только как напарник Чернышева по тульчинскому расследованию: на него пали серьезные подозрения в покровительстве декабристам и, быть может, в причастности к заговору. Киселеву пришлось оправдываться. В самом деле, он был давним другом С. Г. Волконского, довольно близок с П. И. Пестелем, несколько членов Тульчинской управы Южного общества состояли у него в адъютантах, а один из них — Н. В. Басаргин — был любимцем генерала. Подозрения против Киселева были весьма вескими. Насколько критическим было его положение, приоткрывает тот факт, что черновик процитированного отношения Татищева Витгенштейну хранится в архиве не военного ведомства, а Следственного Комитета, и не среди общих исходящих бумаг, а в составе дела, посвященного исключительно арестам декабристов. Более того, это — единственный в деле документ, где не сказано прямо «арестовать»¹⁰³. Значит, подозрения на счет П. Д. Киселева были до такой степени ве-

¹⁰²ВД. Т. IV. С. 37 (донесение Чернышева и Киселева главнокомандующему 2-й армией гр. П. Х. Витгенштейну от 20 декабря).

¹⁰³ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 30 («Об арестах разных лиц»). Л. 346.

лики, что вызов его в Петербург мог обернуться арестом¹⁰⁴. Очевидно, Николай I не решился сразу предпринять столь резкий шаг, поскольку речь шла все-таки о начальнике штаба армии. Одновременно командовавший бригадой в этой армии кн. С. Г. Волконский был арестован секретно, приведен в Петербург и помещен в крепость не под своим именем, а как «арестант номера 4-го» (по номеру каземата).

Особую секретность ареста Волконского в литературе совершенно справедливо принято связывать с его высоким должностным положением, а также аристократическими родственными связями. Но если вдуматься во всю совокупность обстоятельств, то становится видно, что Николай I имел еще и другие основания для беспокойства. Ведь в донесении Дибича от 4 декабря говорилось, что во главе тайного общества стояли генерал М. Ф. Орлов и сыновья генерала Н. Н. Раевского. А 19 декабря Н. А. Бестужев, решив предупредить правительство о вероятности восстания на юге, сообщил в Комитет о существовании тайного общества в «корпусе генерала Раевского»¹⁰⁵. По всей видимости, ходила молва (особенно на юге), что именно М. Ф. Орлов и братья Раевские являются ключевыми фигурами заговора¹⁰⁶. Это порождало смутные подозрения и в отношении самого генерала Н. Н. Раевского, командующего 4-м пехотным корпусом, знаменитого героя войны 1812 года, тестя М. Ф. Орлова и С. Г. Волконского. Мало того, после 14 декабря распространились панические слухи, что генерал А. П. Ермолов во главе

¹⁰⁴ Перед отъездом из Тульчина Киселев виделся со своим адъютантом Н. В. Басаргиным и сказал, что защитить его от подозрений не сможет, «не знаю даже, как я сам буду принят в Петербурге» (*Басаргин Н. В.* Воспоминания, рассказы, статьи. С. 80–81).

¹⁰⁵ ВД, Т. II. С. 63 (письмо в Комитет от 19 декабря).

¹⁰⁶ Подробнее об этом см.: *Эдельман О. В.* Из истории Каменской управы Южного общества декабристов // *Крайности истории и крайности историков.* М., 1997. С. 253–261.

своего Кавказского корпуса идет на Петербург¹⁰⁷. Об этом говорили в столице, слух дошел даже до сидевшего под арестом в Кронштадте А. С. Гангелова¹⁰⁸. А Ермолов был не только известным и авторитетным генералом 1812 года, славившимся, как и Н. Н. Раевский, независимостью и либеральными идеями, но и приходился Раевским и Давыдовым родственником (мать Н. Н. Раевского вторым браком вышла за Л. Д. Давыдова, сестра которого была матерью А. П. Ермолова). На фоне всего этого от Николая I действительно требовалась большая осмотрительность. Он поспешил арестовать и доставить в Петербург подозреваемых (в столице, помимо удобства следствия, они лишались предполагаемой опоры в войсках), принял особые меры предосторожности в отношении ареста Волконского и, решив не устраивать скандала с арестом начальника штаба 2-й армии, также отозвал его в столицу.

Секретность, окружавшая арест Волконского, выглядит все же несколько странно. Об аресте Сергея Григорьевича и о том, что он содержится в крепости, были прекрасно осведомлены его влиятельные родные и близкие, а с ними и весь аристократический круг, так что особая секретность не могла никак повлиять ни на действия его вероятных сообщников по заговору, ни на мнение высшего света. На протяжении следствия Волконский поочередно упоминался в журнале

¹⁰⁷ На юге агент штаба 1-й армии, напротив, доносил 23 декабря о слухах «якобы после учинения присяги Константину Павловичу от его величества нет никаких бумаг и кроме известных писем, объявленных при манифесте, нет ничего об отказе от престола. Будто бы город Москва отказался присягнуть государю императору, и что якобы посланы были для уговору, но сие нимало не помогло. Некто коллежский советник Проскура, бывший президент Киевского главного суда, выдающий себя сочинителем известной Польской Конституции 30-го мая и Манифеста по сему случаю, говорил, что якобы он имеет письма из Варшавы от своего племянника, что там войскам приказано быть в готовности для выступления в С.-Петербург» (РГВИА. Ф. 14414. Оп. 1. Д. 195. Ч. 1. Л. 106).

¹⁰⁸ *Гангелов А. С.* Воспоминания. М., 1888. С. 82.

заседаний Комитета как под своим именем, так и как «арестант N 4-го», причем имя его фигурировало при изложении показаний о нем других декабристов, а под номером камеры он записывался в случаях, сопряженных с его нахождением в крепости (привод на допрос, присылка вопросных пунктов, чтение их на заседаниях и пр.). В сущности, вся игра в «арестанта N 4-го» происходила внутри Петропавловской крепости, и ее единственными адресатами были крепостной персонал и делопроизводители Следственного Комитета (да и тем при некоторой сообразительности было бы несложно вычислить личность этого «арестанта N 4-го»). Так что в данном случае режим особой секретности (как и ритуал привода декабристов в Комитет с завязанными глазами) больше похож на обыкновенный административный абсурд или же на жесты, несущие очевидную символическую нагрузку, однако не подкрепленные особой практической необходимостью.

Все следствие над декабристами было секретным, но само понятие о секретности отличалось в ту эпоху определенным патриархальным своеобразием. Следствие производилось в крепости в обстановке глубокой тайны, но его детали немедленно становились предметом обсуждения в светских гостиных. Родственники подследственных были неплохо осведомлены о том, как они ведут себя при допросах и какое впечатление производят на членов Комитета. Свидетельства тому находятся в дневниках, переписке и мемуарах. Например, А. Я. Булгаков, бывший тогда чиновником по особым поручениям при московском генерал-губернаторе, в конце января – начале февраля 1826 г. в письмах жене и брату во всех подробностях описывал допрос М. Ф. Орлова (напомню, почитавшегося тогда главой заговора) в кабинете императора, при котором кроме Орлова и Николая присутс-

твовал только В. В. Левашов¹⁰⁹. Каким образом эти подробности могли стать достоянием общества? Через кого произошла «утечка информации»? Сам Орлов находился в крепости. Остается подозревать в разглашении либо Левашова, либо имевшего доступ к брату А. Ф. Орлова, либо же — самого Николая I.

С начала января 1826 года следствие стало набирать новые обороты. Прибывало все больше и больше арестантов. Чем больше их привозили, тем менее обоснованным становилось декабрьское представление царя о возможности быстрого завершения всего следствия. Дело затягивалось, а объем информации, которую Комитет должен был обработать, катастрофически увеличивался. Декабристы получали все больше письменных вопросов без вызова в Комитет. Повторные допросы на заседаниях устраивались лишь по особо важным поводам.

Члены Северного и Южного обществ оказались на следствии в разном положении. Власти арестовали первую партию петербургских декабристов по горячим следам восстания, не имея почти никакой предварительной информации. Было донесение Дибича, но там содержалось гораздо больше имен южан, нежели северян. Лишь по ходу допросов обнаружались и факт существования тайного общества, и его планы, и имена членов. Информация, появлявшаяся у следствия в первые дни, носила очень неровный, отчасти случайный характер; часто все зависело от более или менее спонтанных решений отдельных декабристов сообщить те или иные сведения (как независимо друг от друга К. Ф. Рылеев и Н. А. Бестужев решили предупредить власти о возможности восстания на юге и существовании там тай-

¹⁰⁹ Записки А. Я. Булгакова // Старина и новизна. Кн. 22. Пг., 1917. С. 143–144.

ного общества). Следствие торопливо пыталось нащупать контуры явления, с которым столкнулось, при этом на каждом шагу обнаруживая что-то для себя новое. Для того чтобы представить картину начального периода следствия, надо вспомнить еще и о тех разнообразных доносах, которые начали приходить в Петербург после восстания декабристов. Каждый из них проверялся, большинство оказались не относящимися к делу и вообще ни на чем не основанными, но они создавали, говоря современным языком, информационный шум, в котором тоже требовалось сориентироваться. Следственному Комитету приходилось принимать к сведению доносы на якобы существовавшие тайные общества в Слуцке, Кенигсберге, Вильно¹¹⁰ и на некоего жителя Новороссии, навлекшего на себя подозрения «уединенным образом жизни»¹¹¹; мрачные предсказания знаменитого тогда мистика монаха Авеля, сделанные еще в 1824 году и тогда же доведенные до сведения Александра I¹¹²; доносы о «тайных клубах» в Киеве, на поверку оказавшихся масонскими ложами¹¹³; разбираться с историей о записке, отданной неизвестным караульному офицеру на Петровской площади вскоре после восстания 14 декабря, — записка содержала предупреждение о готовящемся покушении на Николая I, но расследование по ней совсем ни к чему не привело¹¹⁴; и так далее. Постороннюю информацию требовалось отсеивать, а в относящейся к делу тщательно разбираться. Расследование в этот начальный период никак нельзя назвать планомерным, и это не могло не наложить отпечатка на ход дальнейшего следствия в отношении декабристов-северян.

¹¹⁰ ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 8, 9, 318.

¹¹¹ ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 155.

¹¹² ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 13.

¹¹³ ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 17, 18.

¹¹⁴ ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 267.

Южные декабристы оказались в совершенно иной ситуации. Во-первых, практически все доносы на декабристов (Шервуда, Бошняка, Майбороды) относились именно к Южному обществу, и к началу 1826 г. Следственный Комитет уже вполне освоил содержащуюся в них информацию. Она оказалась не очень точной, но тем не менее она существовала. Во-вторых, какие-то (пусть самые приблизительные) показания дали северяне, были и записи допросов, проведенных в декабре А.И. Чернышевым и П.Д. Киселевым в Тульчине. Следствие по Южному обществу Комитет начал не на пустом месте. Дополнительный, и очень сильный, козырь предоставил Комитету и первый из привезенных в Петербург южан — П.И. Пестель. 4 января он дал В.В. Левашову обширные показания. Их значение для следствия не исчерпывалось теми сведениями, которые они непосредственно содержали. В сущности, если бы Пестель не заговорил, масштаб следствия по Южному обществу мог бы быть совсем другим.

Во время первоначальных допросов в Тульчине вождь южан держался твердо и решительно отрицал, что ему что-либо известно о тайном обществе. Сумевшему увидеться с ним С.Г. Волконскому он обещал, что будет молчать и под пытками¹¹⁵. В Петербурге же Пестель даже не попытался запереться. Исследователи высказывали множество гипотез о мотивах поведения Павла Ивановича. Но здесь важна иная сторона дела. Многие из тульчинских членов перед арестом полагали, что если ни в чем не признаваться, то они смогут оправдаться, поскольку улики против них нет. Они сговаривались между собой о такой тактике поведения, уничтожали подозрительные бумаги. И, в принципе, их план мог бы осуществиться, если не вполне, то хотя бы отчасти. Но эта возможность оказалась полностью исключена после

¹¹⁵ Волконский С.Г. Записки. С. 385–386.

того, как заговорил Пестель. Южные декабристы при первых же допросах в Петербурге сталкивались с детальной осведомленностью следствия. С самого начала расследования по Южному обществу у Комитета была возможность вести его, опираясь на уже полученные сведения, строить допросы планомерно и методично.

В начале января 1826 г., когда прояснились масштабы предстоящего следствия, возникла необходимость заново продумать организацию работы Комитета: следствие обещало быть долгим. С увеличением объема работы и штата должна была претерпеть определенные изменения организация делопроизводства. Появление в Комитете новых сотрудников влекло за собой перераспределение обязанностей. Многочасовые заседания были, конечно, большой нагрузкой для членов и создавали затруднения, особенно для тех из них, кто занимал ответственные должности помимо работы в Комитете.

С предложениями по реорганизации работы Следственного Комитета выступил 9 января на 24 заседании А.И. Чернышев. Он представил записку, в которой кратко суммировал уже полученные сведения о тайных обществах, перечислял основные направления расследования и констатировал, что провести его надо как можно быстрее и со всей возможной полнотой. Для этого, считал Чернышев, нужно пересмотреть порядок ведения допросов. «Настоящий образ производимого исследования включает в себе ощутительное неудобство, проистекающее непосредственно от того, что допросы отбираются полным присутствием Комитета, когда все члены бывают заняты многими предметами и часто по несколько часов посвящают для одного допроса (...),

от чего неизбежно происходит медленность в общем ходе дела и потеря времени»¹¹⁶.

Чернышев выдвинул ряд предложений по реорганизации расследования:

«1) Вопросы для лиц, призываемых к ответственности пред Комитетом, составлять в двух главных частях по свойству известных обвинений на них. В первой части оных излагать всё то, что относится до начального учреждения, преобразований и самого существования обществ, их намерений, средств и надежд в исполнении и сношении как между собою, так и с обществами иностранными, а в ответах должно открывать, до какой степени распространилось влияние их на умы всех сословий в государстве и как велика была угрожавшая оному опасность; а во второй все то, что касается собственно до действий главных начинщиков и прочих участвовавших в обществах, или только в одном возмущении, и что может обнаруживать истинную меру вины или же невинности каждого призванного к ответу.

2) Полные вопросы предлагать одним тем лицам, кои по показаниям принадлежали к тайным обществам и действовали по обдуманному плану; прочим же, кои по объяснениям известных членов и по собственному отрицанию в тех обществах не состояли, а были только вовлечены и обмануты, делать вопросы единственно о том, в чем каждый обвиняется по его действиям.

3) Отображение полных вопросов на сем основании поручить двум или трем членам Комитета, не имеющим в управлении особенных частей, которые были бы обязаны взятые

¹¹⁶ ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 1. Л. 11.

ими показания представлять на рассмотрение общего присутствия Комитета вместе с спрошенными лицами; тогда присутствие, не обременяясь продолжительными расспросами, поверяло бы только обработанные уже показания, и если бы встретилась надобность в чем-либо пополнить оные, то на сие посвящало бы весьма малое время.

Кому же нужно против показаний или по случаю противуречий дать очные ставки, то сие равномерно исполнять в полном присутствии Комитета.

Отсюда произошла бы та польза, что вместо одного допроса можно было бы производить таковых несколько в одни и те же часы, и, следовательно, самое дело получило бы и успешный ход и необходимую полноту в открытиях; а г [оспода] члены, занятые другими обязанностями, не теряли бы времени без прямой нужды.

4) Члены Комитета, для сего назначенные, каждый по вверенной ему части, обозревая предварительно все обстоятельства, до известных лиц относящиеся, будут иметь более возможности вникать в сущность и подробности обвинений, сохранить как строгую точность в вопросах, так и удовлетворительность в ответах, и предупредить всякую запутанность в производстве исследования.

5) На сей конец для вящей успешности в занятиях чиновники канцелярии должны быть распределены по усмотрению назначенных членов Комитета согласно вышеизложенному предложению»¹¹⁷.

¹¹⁷ ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 1. Л. 11 об.-12 об. (текст записки); ВД. Т. XVI. С. 53–54 (копия записки в Журнале Комитета).

Комитет, рассмотрев 9 января предложение Чернышева, постановил:

«1) Производство допросов поручить г [осподам] членам Комитета генерал-адъютантам Чернышеву и Бенкендорфу, придав им флигель-адъютанта полковника Адлерберга с чиновниками 6-го класса Поповым, 7-го класса Вахрушевым, надворным советником Ивановским, 10-го класса Хлусовичем и еще одним, какой будет избран. Разделение между ними занятий зависит от самих г [оспод] Чернышева и Бенкендорфа.

2) Общее направление дела, рассматривание вступающих бумаг, сношения всякого рода и все распоряжения по сему делу предоставить председателю Комитета, а для производства оставить военного советника Боровкова, 8-го класса Карасевского и 9-го класса Григорьева.

3) Заседания разделить на два разряда:

а) Частные. Они должны происходить ежедневно, в них присутствовать председателю и членам, имеющим по Комитету особенные занятия, в предыдущих пунктах изъясненные, о коих каждый день ведется журнал за их подписанием.

б) Общие. В них присутствуют все вообще члены, кои созываются особенными приглашениями для выслушания отобранных показаний и разрешения обстоятельств, требующих общего суждения.

Примечание. Само собою разумеется, что и другие члены имеют полное право присутствовать в ежедневных

заседаниях, когда будут свободны от постоянных своих должностей»¹¹⁸.

Как мы видим, записка Чернышева касалась двух аспектов работы — организации работы Комитета и методики следствия как такового (порядок составления вопросов). Записанное же в Журнал решение Комитета касалось только первого из них. Таким образом, получалось, что Комитет, поручая Чернышеву и Бенкендорфу производство допросов, методику расследования оставлял на их собственное усмотрение.

Какие реальные практические последствия имело решение от 9 января? В.А. Федоров считал, что «изложенная в записке [Чернышева] программа дальнейших разысканий о тайных организациях и их связях была воспринята и расширена, но предлагаемая Чернышевым «реформа» следствия — разделение его на «общее» и «частное», а также разделение самого комитета на отдельные группы, ведущие допросы, — не была реализована»¹¹⁹. Таким образом, по мнению В.А. Федорова, получается, что на практике была воплощена как раз та часть предложений Чернышева, которая не вошла в зафиксированное в Журнале решение Комитета.

Действительно, никаких следов деления заседаний на два разряда в Журнале Комитета не прослеживается. В записях о заседаниях нет никаких указаний на то, что одни из них являлись «общими», а другие «частными». Из списков присутствовавших также не видно, чтобы в одни дни Комитет собирался в узком составе, в другие же — в расширенном. Сохранились три записки к И.И. Дибичу, подпи-

¹¹⁸ ВД. Т. XVI. С. 54.

¹¹⁹ Федоров В.А. «Своей судьбой гордимся мы...» С. 115.

санные А.И. Татищевым, а написанные, по-видимому, рукой А.А. Ивановского, в них начальника Главного штаба извещают о назначенном на текущий день «общем собрании» Комитета. Эти записки датированы 11 января, 15 и 21 апреля 1826 г., начало заседания назначено в первом случае на 7 часов пополудни, в двух других — на 8 часов¹²⁰. В эти дни происходили обыкновенные, ординарные заседания Комитета (заседание 11 января началось не в 7, а в 6 часов пополудни, в апреле заседания начинались действительно в 8 часов), причем Дибич ни в один из этих дней не присутствовал. Возможно, такие записки из Комитета присылали Дибичу поутру в каждый день, когда происходило заседание, и лишь три из них случайно сохранились в его бумагах.

Если члены Комитета и пропускали заседания, то каждый сам по себе, независимо друг от друга. До конца февраля заседания происходили каждый день, с послеобеденных часов до позднего вечера или даже ночи, без перерыва на воскресенья и праздники, за единственным исключением — заседание 6 февраля было отменено из-за того, что Чернышев, Бенкендорф и Левашов по приказу царя занимались разбором бумаг польского отставного генерала Княжевича, подозревавшегося в участии в тайных обществах¹²¹. С начала марта, хотя заседания и остались регулярными, отдельные дни стали выпадать — из-за Пасхи, из-за траурных церемоний по Александру I, из-за ледохода на Неве, на несколько дней прервавшего сообщение между городом и крепостью¹²²,

¹²⁰ РГВИА. Ф. 36. Оп. 4. Д. 20. Л. 1, 8, 9 («Разные записки по Комитету о злоумышленных обществах, 11 января – 25 апреля 1826 г.»).

¹²¹ ВД. Т. XVI. С. 88.

¹²² Ледоход на Неве на несколько дней нарушил ритм работы Комитета. 14 марта члены Комитета «по предстоящему прекращению коммуникации с крепостью по причине ожидаемого вскоре вскрытия реки» постановили, «дабы не были прерваны заседания Комитета, ниже остановлен ход дел по канцелярии, испросить высочайшее повеление о перемещении Коми-

а также, по-видимому, и по обстоятельствам, связанным с ходом работ в самом Комитете. Последнее заседание состоялось 17 июня 1826 г., оно было 146-м.

Вместо разделения заседаний на общие и частные, члены Комитета просто стали время от времени их пропускать. Самым нерадивым оказался великий князь Михаил Павлович: он и до обсуждения 9 января записки Чернышева из 24 состоявшихся заседаний пропустил 6, после этого в общей сложности отсутствовал еще на 80 заседаниях (из 122), появлялся изредка, а 22 апреля уехал в Москву для подготовки коронации¹²³ и с тех пор в Комитете не был. Военный министр Татищев за все время пропустил всего один день, 27 марта, и то по случаю чрезвычайного заседания Государственного совета¹²⁴. Видимо, без председателя заседания Комитета не могли считаться правомочными (кстати, и предполагавшиеся частные заседания должны были проходить в его присутствии). Отсутствие других членов не препятствовало работе, а вот 11 марта, когда Татищев

тета на то время в другое место по другой стороне реки, всеподданнейше докладывая при том, что по многогосложности дел и умножению числа членов и чиновников канцелярии нет возможности поместиться в тех покоях Зимнего дворца, кои сначала Комитетом занимаемы были» (ВД, Т. XVI. С. 128). Через день была получена высочайшая резолюция, предписывавшая Комитет на время «прекращения коммуникации» между берегами Невы «поместить в штабе или где удобнее» (ВД, Т. XVI. С. 131). 18 марта, проведя заседание, по-видимому, еще в Петропавловской крепости, Комитет на следующий день заседание отменил в связи с перемещением в Зимний дворец (ВД, Т. XVI. С. 134). Сохранилась докладная записка И. И. Дибича Николаю I от 18 марта с предложением временно разместить Комитет в комнатах, занимаемых принцем Павлом Мекленбургским, «которые для сего весьма удобны будут, в библиотеке же нужного удобства для помещения нет», император наложил лаконичную резолюцию: «Можно». Что и было осуществлено, как свидетельствует помета об исполнении, 19 марта (РГВИА. Ф. 36. Оп. 4. Д. 20. Л. 3).

¹²³ ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 1. Л. 14.

¹²⁴ ВД, Т. XVI. С. 146.

был назначен дежурить при теле покойного императора, заседание было отменено¹²⁵.

Особый статус имело участие в деятельности следствия начальника Главного штаба И.И. Дибича. Он был введен в Комитет 2 января, после своего возвращения в Петербург, аккуратно являлся на заседания до 8 января, после чего вообще перестал бывать, но продолжал числиться членом Комитета. Заметим, что перестал он посещать заседания как раз с момента обсуждения записки Чернышева. Дибич, в отличие от военного министра, не мог, видимо, себе позволить так надолго отлучиться от основных обязанностей в Главном штабе. Да он, собственно, и не так уж нужен был на заседаниях Комитета, его роль была иной. Дибич представлял императору подготовленные Боровковым и Адлербергом ежедневные докладные записки о работе Комитета, что до его приезда делал А.И. Татищев¹²⁶, объявлял Комитету о принятых по ним высочайших решениях. То есть через Дибича Следственный Комитет общался с Николаем I. Через Дибича же осуществлялась связь следствия в Петербурге с другими следствиями — при главной квартире 1-й армии и в Белой Церкви, а также шла переписка об арестах, взятии под тайный надзор и проч. Бюрократический смысл членства Дибича в Следственном Комитете вполне объясним: для координации деятельности с Главным штабом. Это было необходимо как минимум для производства арестов и учреждения надзора, поэтому в Комитет и ввели начальника Главного штаба И.И. Дибича и дежурного генерала А.Н. Потапова. Что касается Потапова, то он, хотя и пропустил 57 заседаний, все же присутствовал в Комитете достаточно регулярно и не отсутствовал по многу дней под-

¹²⁵ Там же. С. 126.

¹²⁶ *Мироненко С.В.* Журналы и докладные записки Следственного Комитета по делу декабристов // ВД. Т. XVI. С. 18.

ряд; похоже, что он старался быть в курсе хода следствия и в то же время не сильно отвлекаться от исполнения своей должности в Главном штабе.

Остальные члены Комитета ходили на заседания довольно аккуратно. А. Н. Голицын пропустил 20 заседаний (особенно часто он отсутствовал в апреле – мае), П. В. Голенищев-Кутузов — 15 (равномерно распределенных по времени), А. Х. Бенкендорф и В. В. Левашов — по 21, А. И. Чернышев не был на 8 заседаниях. Поскольку последние трое играли особенно активную роль в ходе следствия, отметим дни, когда их не было: Бенкендорф — 15–19 января (болел¹²⁷), 14–15 февраля, 18 марта, 7 и 9–19 апреля, 3 и 19 мая; Левашов — 14 и 20 января, 24–25 февраля, 7–9 марта (болел¹²⁸), 17 марта, 27 марта («по небытности в С.-Петербурге»¹²⁹), 10–20 апреля, 3 и 18 мая; Чернышев — 21–23 января, 10–14 мая.

Осуществилось ли на практике принятое Комитетом 9 января решение поручить Чернышеву и Бенкендорфу проводить допросы? В том виде, в каком это предусматривалось запиской Чернышева, — явно нет, поскольку декабристов продолжали вызывать для допросов на заседания Комитета, характер которых не изменился. Ситуация в историографии на этот счет двойственная. С одной стороны, историки никогда не выделяли отдельные линии расследования по каждому из тайных обществ и не задавались вопросом, не было ли между ними каких-то существенных различий. В то же время встречаются брошенные вскользь и совершенно не развитые указания на то, что внутри Следственного Комитета следствие по Южному и Северному обществам было организационно разделено. Так, В. А. Федоров отме-

¹²⁷ Там же. С. 61.

¹²⁸ ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 275. Л. 17.

¹²⁹ ВД. Т. XVI. С. 146.

тил, что «в Следственном Комитете на Чернышева было возложено руководство следствием по Южному обществу и Обществу соединенных славян, на Бенкендорфа — по Северному обществу», но почему-то не увязал это с рассмотрением записки Чернышева 9 января и не уделил более данному вопросу никакого внимания. В. М. Бокова мимоходом упоминает об этом как об обстоятельстве самоочевидном¹³⁰. Но в чем, собственно, это разделение следствия по тайным обществам выразалось, никто из исследователей не уточняет.

Понятно, что во время заседаний Комитета его члены могли допрашивать арестованных, засыпать их разнообразными вопросами, стращать и увещевать. Но в обстановке заседания невозможно проводить аналитическую работу по подготовке вопросных пунктов, сопоставлять всю массу информации, поступающей из множества ответов, извлекать из нее сведения, касающиеся очередного допрашиваемого, продумывать содержание и форму вопросов, помещать в них рассчитанное количество выдержек из других показаний для демонстрации осведомленности следствия и т. д. И на самом деле результативность следствия зависела именно от тех, кто занимался составлением вопросных пунктов. Довольно очевидно, что эту кропотливую бумажную работу вели не столько генералы — члены Комитета, сколько работавшие в его аппарате чиновники.

Рассмотрев записку Чернышева, Комитет, как мы помним, постановил поручить проведение допросов Чернышеву и Бенкендорфу и придал им в помощь Адлерберга, Г. А. Попова, Вахрушева, Ивановского, Хлусовича и еще од-

¹³⁰ Федоров В. А. «Своей судьбой гордился мы...» С. 95; Бокова В. М. Эпоха тайных обществ: Русские общественные объединения первой трети XIX века. М., 2003. С. 456.

ного из чиновников по выбору. По окончании же следствия и Чернышев, и Бенкендорф подали Татищеву каждый по записке о награждении группы чиновников. Чернышев 8 июня представлял «состоящих в ведении моем чиновников: производителя дел по обществам Южному и Славянскому военного советника Вахрушева и помощника его коллежского секретаря Хлусовича»¹³¹; Бенкендорф 26 июня — «занимавшихся производством дел по Северному обществу: надворного советника Ивановского, коллежского assessора Бруевича и губернского секретаря Попова»¹³². Как видно, список чиновников почти (за вычетом Адлерберга) совпадает с назначенными Комитетом 9 января, с той разницей, что Бенкендорф назвал не Г.А. Попова, а И.А. Попова (возможно, их перепутали при записи в журнале), а Бонч-Бруевич, видимо, и был тем дополнительно выбранным чиновником. Существование в аппарате Комитета двух групп и специализация следствия по двум направлениям — очень существенное обстоятельство: мы должны задаться вопросом, были ли в их деятельности свои особенности, свой стиль, методика дознания, отражавшие индивидуальные качества, манеру работы и взгляды как чиновников, так и руководивших ими генералов.

В следственных делах есть пометы, не привлекавшие прежде внимания историков, но позволяющие установить, как именно следствие делилось на группы: на многих вопросных пунктах и показаниях стоят подписи или Бенкендорфа, или Чернышева. За несколькими исключениями, в одном и том же персональном следственном деле встречается только одна из подписей¹³³. Это означает,

¹³¹ ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 288. Л. 55–55 об.

¹³² Там же. Л. 54–54 об.

¹³³ Исключения составляют девять дел, в которых встречаются подписи обоих генералов. Факт их существования не только не противоречит

что каждый из генералов действительно руководил следствием по определенной группе лиц. Кроме того, это исключает предположения, что их обязанности могли быть разделены каким-то другим образом (скажем, поочередные дежурства в Комитете).

Сплошной просмотр документов с подписями Бенкендорфа и Чернышева позволяет установить, что они разделили между собою круг подследственных, но в то же время каждый из них не обладал монопольным правом на их допросы. Попавшие в различные дела показания одного и того же декабриста могли быть подписаны

моим соображениям о порядке разделения дел, но скорее подтверждает их. Эти дела отнесены мною к группам дел Чернышева и Бенкендорфа на основании подписей под наиболее значимыми и обширными допросами. В двух делах — М. А. Бодиско и Е. С. Мусина-Пушкина, относящихся к группе Чернышева, вопросы с подписью Бенкендорфа датированы 16 июня 1826 г. (ВД, Т. XV. С. 50, 80), то есть сделаны, когда расследование в основном завершилось, и могли быть подписаны «не тем» генералом по случайным причинам. Несколько вопросных пунктов, скрепленных Чернышевым, оказались в делах группы Бенкендорфа, однако первоначально они могли предназначаться для следственных дел южных декабристов. Это вопросы Н. М. и А. Н. Муравьевым о предложении А. З. Муравьева совершить царевубийство, подшитые в дело А. Н. Муравьева (ВД, Т. III. С. 27–30), хотя они могли бы находиться в деле А. З. Муравьева; вопросы о совещании 1820 г. и о том, склоняли ли эmissары Южного общества северян к идее царевубийства — в деле Н. М. Муравьева (ВД, Т. I. С. 310–313, 315, 322–323); вопрос М. И. Муравьеву-Апостолу насчет разговора о царевубийстве с Н. И. Тургеневым — в деле Тургенева (ВД, Т. XV. С. 269); вопрос К. Ф. Рылееву по показаниям Д. И. Завалишина об «экономической виселице», находящийся в деле Н. Н. Оржицкого (Там же. С. 124–125, дело Завалишина было в группе Чернышева). В деле Е. П. Оболенского (группа Чернышева) есть вопросный пункт с подписью Бенкендорфа, касающийся обстоятельств восстания 14 декабря (ВД, Т. I. С. 276). Аналогичным образом нескольких документов с генеральскими подписями оказались в деле «Справки, собранные о разных лицах» (ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 244. Л. 41–43, 50). Единственный из девяти казусов, логика появления которого не совсем ясна, — это два подписанных Чернышевым вопроса в деле А. И. Одоевского (ВД, Т. II. С. 265, 268), один касается участия Одоевского в разговоре о царевубийстве, другой — покушения на великого князя Михаила Павловича 14 декабря.

или Чернышевым, или Бенкендорфом, в зависимости от того, кого они касались и для чьего дела предназначались.

На основании этих подписей можно выделить три группы дел: 1) скрепленные подписями Чернышева, 2) Бенкендорфа и 3) не имеющие никаких подписей вовсе. Я насчитала соответственно 100, 89 и 126 дел¹³⁴. В делах, где наличествуют подписанные одним из генералов документы, подписи стоят не на всех документах дела.

Подписи А. Х. Бенкендорфа свидетельствуют, что в его ведении находились дела на следующих декабристов¹³⁵: Анненков И. А.; Арбузов А. П.; Батеньков Г. С.; Беляев А. П.; Беляев П. П.; Бестужев А. А.; Бестужев М. А.; Бестужев Н. А.; Бригген А. Ф.; Булгари А. Ю.; Булгари Н. Я.; Булгари С. Н.; Булгари Я. Н.; Васильчиков Н. А.; Вишневский Ф. Г.; Вольский фон Ф. В.; Вяземский А. Н.; Гагарин Ф. Ф.; Глебов М. Н.; Глинка Ф. Н.; Голицын В. М.; Голицын М. Ф.; Горсткин И. Н.; Данзас Б. К.; Дивов В. А.; Зубков В. П.; Зыков Д. П.; Искрицкий Д. А.; Исленьев А. М.; Исленьев Н. М.; Каховский П. Г.; Кашкин С. Н.; Кожевников А. Л.; Кологривов А. Л.; Колошин Павел И.; Корнилович А. О.; Краснокутский С. Г.; Красносельский И. С.; Красносельский М. С.; Красносельский Я. С.; Кривцов С. И.; Крюков Н. П.; Кутузов Н. И.; Кюхельбекер М. К.; Липранди И. П.; Львов И. Ф.; Малютин М. П.; Митьков М. Ф.; Муравьев А. Н.; Муравьев М. Н.; Муравьев Н. М.; Мусин-Пушкин В. А.; Муханов П. А.;

¹³⁴ В это число не входят дела, заведенные на того или иного подозреваемого, но как бы «не состоявшиеся», не содержащие собственно материалов следствия (допросов, очных ставок), там есть только некоторая переписка, выписки из показаний (оригиналы которых хранятся в делах других декабристов), справки об имевшихся в отношении данного лица подозрениях.

¹³⁵ Точка с запятой разделяет здесь названия дел, среди которых были как персональные, так и заведенные сразу на группу лиц; фамилии декабристов, входящие в названия групповых дел, приведены через запяточку.

Назимов М. А.; Оболенский К. П.; Одоевский А. И.; Оржицкий Н. Н.; Панов Н. А.; Перетц Г. А.; Плещеев Алексей А.; Плещеев Александр А.; Прянишников П. Д.; Ринкевич А. Е.; Романов В. П.; Рылеев К. Ф.; Сабуров А. И.; Свиньин П. П.; Свистунов П. Н.; Семенов С. М.; Синявин Н. Д., Ронов А. Н.; Скарятин Ф. Я.; Сутгоф А. Н.; Титов П. П.; Толстой В. С.; Торсон К. П.; Трубецкой С. П.; Тургенев Н. И.; Тучков А. А.; Фонвизин И. А.; Фурнье; Цебриков Н. Р.; Чернышев З. Г.; Шаховской Ф. П.; Штейнгель В. И.; Штрох А. А.; Щепин-Ростовский Д. А.; Юмин И. М.; Якубович А. И.; Якушкин И. Д.

В ведении Чернышева находились дела: Аврамов И. Б.; Аврамов П. В.; Андреев А. Н.; Андреевич Г. М.; Андреевич Я. М.; Барятинский А. П.; Басаргин Н. В.; Берстель А. К.; Бестужев-Рюмин М. П.; Бечаснов В. А.; Бобрищев-Пушкин Н. С.; Бобрищев-Пушкин П. С.; Бодиско Б. А.; Бодиско М. А.; Борисов А. И.; Борисов П. И.; Вадковский А. Ф.; Вадковский Ф. Ф.; Веденяпин Ал. В.; Веденяпин Ап. В.; Волконский С. Г.; Вольф Ф. Б.; Врангель Ф. Е.; Враницкий В. И.; Выгодковский П. Ф.; Высочин А. Д.; Горбачевский И. И.; Горский О. В.; Громницкий П. Ф.; Давыдов В. Л.; Ентальцев А. В.; Жебровский Ф. А.; Жуков И. П.; Завалишин Д. И.; Загорецкий Н. А.; Заикин Н. Ф.; Иванов И. И.; Ивашев В. П.; Киреев И. В.; Кожевников Н. П.; Коновницын П. П.; Крюков А. А.; Крюков Н. А.; Кюхельбекер В. К.; Лаппа М. Д.; Лисовский Н. Ф.; Лихарев В. Н.; Лорер Н. И.; Лукашевич В. Л.; Лунин М. С.; Люблинский Ю. К.; Мозгалеvский Н. О.; Мазган П. Д.; Мошинский П.; Муравьев А. З.; Муравьев А. М.; Муравьев-Апостол М. И.; Муравьев-Апостол С. И.; Мусин-Пушкин Е. С.; Нарышкин М. М.; Норов В. С.; Оболенский Е. П.; Окулов Н. П.; Паскевич М. Н.; Пестель П. И.; Пестов А. С.; Повало-Швейковский И. С.; Поджио А. В.; Поджио И. В.; Поливанов И. Ю.; Проскура С. О.; Пуцин И. И.; Пуцин М. И.; Пфейлицер-Франк Е. Е.; Пыхачев М. И.; Нащокин Д. А.;

Репин Н. П.; Розен А. Е.; Семичев Н. Н.; Скалон А. А.; Спиридов М. М.; Тизенгаузен В. К.; Тиханов Н. И.; Тютчев А. И.; Фаленберг П. И.; Фок А. А.; Фонвизин М. А.; Фохт И. Ф.; Фролов А. Н.; Фролов А. Ф.; Фурман А. Ф.; Хоткевич А. И.-Н.; Хотяинцов И. Н.; Черкасов А. И.; Черноглазов И. М.; Чижев Н. А.; Шахирев А. И.; Шимков И. Ф.; Юшневский А. П.; Юшневский С. П.; Яблоновский А. С.

Не имели подписей членов Следственного Комитета дела: Антропов Н. А.; Арсеньев И. А.; Арцыбашев Д. А.; Балугьянский М. А.; Баранов; Баратаев М. П.; Барыков Ф. В.; Башмаков Ф. М.; Бегичев С. Н.; Белозор, Дрешерн; Белосельский Э. А., Щербатов Ф. А.; Бестужев П. А.; Бобринский В. А.; Богданов А. И.; Богданов, ротмистр гусарского принца Оранского полка; Булатов А. М.; Бурцов И. Г.; Быстрицкий А. А., Бельченко Н. И., Зарецкий П. А.; Вадбольский А. П.; Вальц А. И.; Василевский; Васильев М. И.; Воейков Н. П.; Вольховский В. Д.; Габбе М. А.; Галямин В. Е.; Гангеблов А. С.; Гвоздев А. Н.; Жемчужников А. А.; Бреверн Ф. Л.; Глинка В. А.; Годениус Л. Е., Лосев Н. Ф., Рославлев А. П.; Голицын А. М.; Голицын П. А.; Гончаров И., Фадеев И.; Горленко П. И.; Горожанский А. С.; Граббе П. Х.; Грибоедов А. С.; Депрерадович Н. Н.; Добринский А. А.; Долгоруков И. А.; Драгоманов Я. А.; Житков С. А.; Жуков, полковник Саратовского пехотного полка; Кальм Ф. Г.; Канчиялов Г. А.; Капнист А. В.; Кашаталинский, Заботкин С. Ф.; Киселевич, Ярошевич, Понятовский И., Ильинский И. А., Скальмировский И., Макгавлий; Колокольцев Г. Д.; Комар М. С.; Комар Т. В.; Комаров Н. И.; Корсаков М. М.; Кочубей С. М., Алексеев С. Л.; Креницын П. Н., Креницын В. Н., Креницын Н. Н.; Лаптев Д. А.; Лачинов Е. Е.; Левенштерн, Бутович, Рыбаковский, Ядрилло, Розен, Унгернштернберг, Тшилинский, Рикорд 1-й и 2-й, Ковальский, Антонович, Федоров, Лазарев, Сергеев, Устимович, Демьянович;

Леман П. М.; Лермантов Д. Н.; Ливен Ан. К., Ливен Ал. К.; Лопухин П. П.; Лошак Д. М.; Лужин И. Д.; Лукин К. Д.; Лутковский Ф. С., Иванчин-Писарев А. М.; Любимов Р. В.; Мартынов А.; Миклашевский А. М.; Миллер К. П.; Миллер П. Ф.; Миркович А. Я.; Мисюров И. Г.; Молчанов Д. А.; Непенин А. Г.; Одинцов Г. И., Пехотинский П. С., Ридигер, Ротмистров, Петин В. Н., Войнилович А. С., Андреевский, Богуславский, Кильхен, Алендаренко, Панченко, Шефлер, Цявловский Д. И., Семчевский, Остен, Лейченко, Хитрово, Бессонов, Щербинский, Лекен, Жегалов, Криницын А. Н., Руликовский И., Коровицкий, Ранненкампф К. П.; Олизар Г.; Ольшевский, Веселовский П. С., Шультен Е.; Орлов М. Ф.; О фейрверкере Белорусове; Палицын С. М.; Перовский В. А., Перовский Л. А., Кавелин А. А.; Поздеев, Криднер П. А., Вильманс Ф. А.; Проскура, отставной коллежский советник; Пузин; Путята Н. В.; Раевский В. Ф.; Раевский Н. Н., Раевский А. Н.; Руге фон Е. В.; Рынкевич И. В.; Савченко, денщик П. И. Пестеля; Свечин Е. В.; Семенов А. В.; Синявин, Глебов, Шварценберг К.; Смирнов Н. Г.; Сомов О. М.; Сухоруков В. Д.; Тарновский М. И.; Толстой Ф. П.; Толстой Я. Н.; Тыртов В. М.; Усовский А. В.; Цебриков А. Р.; Шеколла В. И., Островский Л., Невенгловский, Головинский П. К., Красницкий Н., Костыра; Шипов И. П.; Ширман В. К., Левенталь Ф. К.; Шишков А. А.; Шпейер В. А., Энгельбах; Юрасов И. Ф., а также дела: О Кавказском тайном обществе; О дошедших до Комитета сведениях, что генерал-майор кн. Волконский рассказывал о болезни и о смерти блаженной памяти государя императора прежде, нежели о том и другом происшествии были официальные известия; О польских тайных обществах; О поступках офицеров, участвовавших в возмущении 14 декабря 1825 г. и прикосновенных к делу о злоумышленных обществах; О разысканиях, произведенных старшим адъютантом Сотниковым; О совещании Коренной думы в 1820 г.; О сочинении подполковника Батенькова под име-

нем «Опыта теории правительственных учреждений»; О тайных обществах Симбирском, Пензенском, Казанском и др.; Об остановленном по сомнению в Киевской почтовой конторе письме от полковника Бриггена к князю Трубецкому; По письму командира Московского драгунского полка Бестужева о спросе четырех его однофамильцев Бестужевых, не состоят ли они с ним в родстве или в каких-либо связях по тайным обществам, для того, чтоб доказать пред сословием сослуживцев своих непорочность чувству и безукорность имени его; Разные бумаги, служащие к сведению; Справки о членах тайного общества, собранные по показанию полковника Бурцова; Справки, собранные о разных лицах; О нижних чинах, участвовавших в возмущении 14 декабря 1825 г.

Распределение дел между Чернышевым и Бенкендорфом не вполне точно соответствовало границам тайных обществ. Действительно, большинство значительных фигур Южного общества и все Общество соединенных славян попали к Чернышеву, а основная масса северных декабристов — к Бенкендорфу (причем членов ячейки Южного общества, основанной П. И. Пестелем в Петербурге, следствие рассматривало как северян). Но имелось и немало исключений, иногда важных, таких как Е. П. Оболенский и И. И. Пущин, оказавшиеся у Чернышева. Вообще, в группе дел, курировавшихся Чернышевым, северных декабристов вдвое больше, чем южных у Бенкендорфа. Это не оттого, что Северное общество было более многочисленным и генералы выравняли приходящуюся на каждого нагрузку, ведь в итоговом списке отданных под суд декабристов членов Северного общества насчитывается столько же, сколько южан и Соединенных славян, вместе взятых (в списке Северного общества — 61 человек, Южного — 37,

Славянского — 23)¹³⁶. Непоследовательность в распределении дел между генералами могла произойти потому, что реальное размежевание обязанностей Бенкендорфа и Чернышева началось уже тогда, когда последний приехал 2 января в Петербург и включился в работу Комитета. На тот момент следствие велось главным образом в отношении северных декабристов, и Чернышев взял себе несколько дел. Когда же стали прибывать арестованные южане, они поступали в основном к Чернышеву, что было логично, ибо он уже занимался следствием по Южному обществу в Тульчине. Общее же количество дел было распределено между генералами почти поровну, с небольшим превышением в сторону Чернышева.

Группу дел, документы которых не имели подписей членов Комитета, составляют дела на лиц, которые, видимо, с самого начала представлялись маловажными для следствия, а также дела, сформированные по тематическим признакам. Можно полагать, что разделение дел на три большие группы отражает представление о степени причастности к тайным обществам тех или иных лиц, сложившееся на ранних этапах следствия. Возможно, здесь играли определенную роль не только сведения из показаний декабристов, но и впечатления В. В. Левашова, вынесенные им из первоначальных допросов.

Формальный смысл подписей Чернышева и Бенкендорфа рождает вопросы. Кажется не до конца ясным, что они означали, почему в одном и том же деле могли соседствовать как подписанные, так и не подписанные ими допросы.

¹³⁶ ВД. Т. XVII. С. 62–65.

Не является ли наличие подписей генералов под теми вопросными пунктами, которые декабристы получали только в письменном виде, без вызова в Комитет, указанием на то, что генералы единолично допрашивали декабристов вне заседаний, и таким образом реализовывалось решение Комитета от 9 января? В литературе высказывалось такое мнение. Например, Н. Я. Эйдельман в книге «Лунин» нарисовал запоминающиеся сцены допросов, на которых встречаются старинные однополчане и боевые товарищи — декабрист Лунин и генерал Чернышев¹³⁷. Предположение тем более напрашивается, что в более поздние времена допросы стали производиться как раз именно следователем, ведущим дело, а не целой комиссией, и зачастую происходили с глазу на глаз. Однако источники не содержат достаточно убедительных доводов в пользу существования таких допросов во время следствия над декабристами. Нигде в документах следствия нет указаний на то, что Чернышев и Бенкендорф единолично проводили допросы. Нет даже намеков на такую возможность ни в Журнале Комитета, фиксирующем ежедневные заседания (на которых регулярно присутствовали оба генерала вместе), ни в докладных записках Николаю I.

Нет достаточных тому подтверждений и в мемуарах декабристов. Рассказывая о следствии, они описывали или как их вызывали в Комитет, или как присылали письменные вопросы, но не допросы с глазу на глаз. Есть, впрочем, исключения, когда декабристы, рассказывая о приводе на допрос, отмечали, что оказались перед одним Бенкендорфом или Чернышевым. Такие эпизоды описали

¹³⁷ *Эйдельман Н. Я.* Лунин // Эйдельман Н. Я. Обреченный отряд. М., 1987. С. 147–151. О том, что Чернышев и Бенкендорф отправлялись в крепость для допросов, где перед ними поочередно представляли декабристы. Там же. С. 138–141, 146.

А. С. Гангеблов и С. П. Трубецкой. Но, разбирая эти воспоминания, мы убеждаемся, что их нельзя однозначно считать свидетельством того, что эти генералы проводили в крепости допросы и что это был обычный порядок расследования.

Так, А. С. Гангеблов в своих воспоминаниях описал допрос, проводившийся одним Бенкендорфом. Декабристу запомнился главным образом доброжелательный, успокаивающий тон генерала, убеждавшего его дать искренние признания¹³⁸. Этот допрос, согласно воспоминаниям Гангеблова, был первым после привоза его из Кронштадта в Петропавловскую крепость. Арестован Гангеблов был 23 декабря, после допроса у Левашова сочтен фигурой для следствия незначительной и 25 декабря переведен в Кронштадт. Затем появились новые показания о его виновности, и 16 февраля Гангеблов был вновь привезен в Петропавловскую крепость. 17 февраля он был допрошен в Комитете, который был в сборе, на заседании присутствовали Татищев, Михаил Павлович, Голицын, Голенищев-Кутузов, Чернышев, Бенкендорф, Левашов и Потапов¹³⁹. Может быть, декабрист в мемуарах вспоминал о каком-то другом допросе? Но следующий, и последний, его допрос состоялся 28 апреля, также при собрании членов (Татищев, Голицын, Голенищев-Кутузов, Чернышев, Бенкендорф, Левашов)¹⁴⁰. Помимо этого Гангеблов дважды писал дополнительные показания и 14 мая был приведен на очную ставку с П. Н. Свистуновым, не допустив до которой частично признал показания Свистунова; протокол очной ставки не подписан никем из членов Комитета. Этим следствие в отно-

¹³⁸ Гангеблов А. С. Воспоминания. С. 85.

¹³⁹ ВД, Т. XVI. С. 105.

¹⁴⁰ ВД, Т. XVI. С. 185.

шении Гангелова исчерпывается¹⁴¹. Таким образом, его воспоминание сопряжено с ошибкой памяти. Быть может, на Гангелова во время допроса произвели впечатления вопросы и манера обращения Бенкендорфа и запомнились, вытеснив остальное, или он принял приготовления к очной ставке за допрос, сделанный Бенкендорфом (в тот день на заседании присутствовали Татищев, Голенищев-Кутузов, Левашов, Бенкендорф и Потапов).

С. П. Трубецкой рассказал о трех эпизодах: как 28 марта к нему в каземат пришел А. Х. Бенкендорф для особо конфиденциального разговора насчет причастности к тайному обществу М. М. Сперанского и как его дважды, в феврале и мае, приводили в Комитет, где его допрашивал один Чернышев. Здесь нужно иметь в виду, что дело Трубецкого относилось к группе Бенкендорфа и что Трубецкой — мемуарист очень непростой. Стремясь оправдать свое малодушное поведение на следствии, он создал записки, по видимости очень подробные и правдоподобные, но основанные на тонком манипулировании фактами: большинство событий, о которых он рассказывает, действительно имели место, но о многом Трубецкой умолчал, чем существенно сместил акценты и видоизменил суть происходившего (подробнее о мемуарах декабристов, в том числе Трубецкого, речь пойдет в главе 5).

О приходе Бенкендорфа 28 марта в каземат Трубецкой написал как о событии исключительном¹⁴². Никаких документальных следов этого допроса нет. 29 марта Трубецкой получил письменный вопросный пункт о содержании «Зеленой книги» и организационном устройстве Союза

¹⁴¹ Следственное дело А. С. Гангелова: ВД, Т. XVIII. С. 18–32.

¹⁴² *Трубецкой С. П.* Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 1. С. 266–268.

Благоденствия. Вопрос, ответ и посланное вслед ему дополнение Трубецкого подписаны Бенкендорфом¹⁴³. Нет никаких оснований отождествлять эти два допроса, сюжеты их совершенно различны. Допустим, Бенкендорф действительно приходил к Трубецкому, тема допроса была чрезвычайно деликатная и он не был зафиксирован письменно. Проверить это мы не можем. Можно лишь заметить, что в наличествующих следственных делах имеются вопросы (и ответы) о причастности к тайным обществам высокопоставленных сановников, в том числе и Сперанского, стало быть, в принципе тема эта вполне могла быть доверена бумаге (о проблеме степени сохранности документов этой части расследования см. в главе 2).

О февральском допросе в записках Трубецкой говорит, что оказался перед Чернышевым, читавшим ему вопросы по «тетради в несколько листов», а присутствовавший также Адлерберг что-то рисовал; на следующий день Трубецкой получил «огромную тетрадь» с вопросными пунктами¹⁴⁴. В феврале Трубецкого вызывали на допрос в Комитет 15 числа, затем как обычно прислали вопросные пункты, на которых, как и на ответах Трубецкого, стоит подпись Бенкендорфа¹⁴⁵. Запись о допросе в присутствии Татищева, Михаила Павловича, Голицына, Голенищева-Кутузова, Чернышева, Левашова и Потапова имеется в журнале заседаний¹⁴⁶. Отметим, что Бенкендорф на заседании отсутствовал¹⁴⁷. Возможно, в его отсутствие ведущую роль играл Чернышев, что и запомнилось Трубецкому.

¹⁴³ ВД. Т. I. С. 85–86.

¹⁴⁴ *Трубецкой С. П.* Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. I. С. 263–264.

¹⁴⁵ ВД. Т. I. С. 55–74.

¹⁴⁶ ВД. Т. XVI. С. 102.

¹⁴⁷ ВД. Т. XVI. С. 101, 103. В журнале его имя не указано в начале записи

Затем, по воспоминаниям Трубецкого, 8 мая его вызвали на допрос утром, что необычно: как правило, заседания происходили по вечерам. Снова его допрашивал один Чернышев, а Адлерберг «по обыкновению рисовал и чертил на листе, перед ним лежащем»¹⁴⁸. Согласно Журналу Комитета, этот допрос Трубецкого состоялся 3 мая, в тот день заседание действительно начали в 11 утра и в Комитете присутствовали только Татищев и Чернышев, запись в журнале заверена Адлербергом, который, стало быть, также был в наличии¹⁴⁹. В те дни проводилось много очных ставок, начинали работать с утра, и члены Комитета собирались не все. Трубецкой после этого допроса получил вопросные пункты (они датированы 4 мая). Но и в этом случае на вопросах и показаниях стоит подпись Бенкендорфа¹⁵⁰. Здесь мы сталкиваемся с отступлением Комитета от обычной процедуры проведения заседаний. Трубецкой описал нетипичный случай, который не может служить убедительным доказательством того, что Бенкендорф и Чернышев по отдельности, вне заседаний Комитета, проводили допросы.

Собственно, в исследовательской литературе такая версия высказывалась в наиболее решительной форме, помимо Н. Я. Эйдельмана, еще С. Б. Окунем¹⁵¹. В обоих случаях речь идет о книгах, посвященных М. С. Лунину. Обратившись к материалам следствия, мы легко обнаружим причину, по которой два авторитетных автора говорят о допросе Лунина Чернышевым: этот допрос действительно имел

за 15 февраля среди имен присутствующих, в конце записи отмечено, что он не присутствовал, однако подпись его под записью об этом заседании стоит среди прочих.

¹⁴⁸ *Трубецкой С. П.* Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 1. С. 274–275.

¹⁴⁹ ВД. Т. XVI. С. 193–195.

¹⁵⁰ ВД. Т. I. С. 89–100.

¹⁵¹ *Окунь С. Б.* Декабрист М. С. Лунин. Л., 1985. С. 95–97.

место. Как раз в те дни, когда Лунина привезли в Петербург из Варшавы, В. В. Левашов на заседаниях Комитета отсутствовал (см. выше), и первоначальный допрос декабриста вместо него произвел Чернышев, о чем была сделана запись в Журнале заседаний: «Лунин по высочайшему повелению посажен в Петропавловскую крепость и сего числа снят с него генерал-адъютантом Чернышевым допрос, который согласен с ответами, данными на пункты, в Варшаву к нему посланные»¹⁵². Запись этого допроса хранится в деле Лунина¹⁵³.

Итак, Чернышев и Бенкендорф не ходили в крепость снимать допросы декабристов, это не входило в обычные приемы работы Следственного Комитета, а если и случалось, то в виде редчайших исключений. Надо заметить, что появление версии о генерале-следователе, перед которым предстает узник-декабрист, привнесло в описание следствия над декабристами элемент несвойственного ему в реальности психологизма. Именно этот психологизм создает драматургию допросов Лунина в изложении Н. Я. Эйдельмана: генералы готовятся к допросам, собирают улики, продумывают

¹⁵² ВД, Т. XVI. С. 171.

¹⁵³ ВД, Т. III. С. 121–123. Н. Я. Эйдельман, описывая сцену этого допроса, ввел третье действующее лицо — писаря, записывающего ответы декабриста. Публикаторы следственного дела Лунина отметили, что «всё показание, кроме подписи, написано рукой другого лица». Под допросом имеется подпись А. И. Чернышева, допрос написан не его рукой, но и не писарским почерком (ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 355. Л. 15–17 об.). Напомню, что В. В. Левашов записи первоначальных допросов делал сам. В данном случае тем же почерком, что и все показание, написана подпись Лунина в конце его. Надо заметить, что от почерка Лунина в других документах эта запись отличается более слабым нажимом, ускоренным ритмом письма, начертанием некоторых букв, хотя можно выявить и определенные черты сходства. Кроме того, сложно предположить, кто, кроме самого декабриста, мог бы поставить вслед за ответами его подпись, тем более что во всех прочих случаях, кроме первоначального допроса, показания требовались собственноручные. Быть может, различие с обычным почерком Лунина объяснялось качеством пера или неудобным местом для письма.

последовательность, в которой к ним приводят декабристов и в которой они предъявляют подследственным показания на них, расставляют им ловушки, намеренно выдерживают паузы между допросами и т.д. На самом деле допросы в присутствии всех членов Комитета и отправление в крепость письменных вопросов не давали простора для столь утонченного манипулирования эмоциями узников и вообще для отслеживания психологического состояния каждого из них. Следствие, в том виде, как оно было устроено, было в гораздо большей мере бюрократически-обезличенным мероприятием, нежели «дуэлью» следователя и обвиняемого.

Вернемся к вопросу о значении подписей Бенкендорфа и Чернышева на вопросных пунктах. Формальный их смысл мог бы несколько проясниться, если бы удалось установить, на каком этапе или в какой момент следствия они делались. Если бы подпись означала утверждение вопросных пунктов и затем визирование показаний, тогда генералы должны были подписывать вопросные пункты перед направлением их в крепость, а подпись являлась бы обязательным формальным атрибутом. Но подписи стоят далеко не под всеми вопросами – стало быть, формальной утверждающей силы они не имели. Кроме того, по подлинникам документов видно, что Бенкендорф и Чернышев ставили своими подписи на вопросных пунктах уже после того, как были написаны ответы декабристов. Когда ответы написаны прямо вслед за вопросами, на том же листе, то бывает заметно, как размашистая генеральская подпись сжимается, втискиваясь в оставшийся небольшой промежуток. Н. В. Басаргин вспоминал, что полученные им пункты не были никем подписаны¹⁵⁴, но на всех сохранившихся его допросах стоят подписи А. И. Чернышева. Наконец, иногда в делах можно

¹⁵⁴ *Басаргин Н. В.* Воспоминания, рассказы, статьи. С. 91.

обнаружить, как непросохшие чернила генеральской подписи отпечатались на соседнем листе. Стало быть, подпись появилась на уже готовом документе, если не подшитом еще в дело, то уже сложенном вместе с другими бумагами, предназначенными для этого дела¹⁵⁵.

Если подписи служили заверением подлинности документов в деле, то тогда они должны были бы появиться перед началом работы ревизионных комиссий, в которые по завершении следствия были включены Чернышев, Бенкендорф и Левашов. Но и в этом случае подписи находились бы на всех без исключения допросах либо имели бы какое-то постоянное место в качестве подписи-заверителя всего дела, а это не так. И где в таком случае подписи Левашова? Наконец, ревизионные комиссии рассматривали дела по тайным обществам (Южному, Северному, Славянскому), а в распределении дел между Чернышевым и Бенкендорфом мы видели отступления от этого принципа. Известно, что ревизионным комиссиям были предоставлены уже сформированные следственные дела, их предъявляли декабристам и брали подписку, что показания писаны их рукой, даны без принуждения, а очные ставки действительно имели место. Подписки эти хранятся отдельно от следственных дел, в составе материалов ревизионных комиссий. Из всего, что известно о процедуре их работы, не вытекает, что и члены Комитета также должны были заирать вопросные пункты и показания.

Итак, Чернышев и Бенкендорф подписывали вопросные пункты и показания не все, и мы не можем точно определить ни момент появления подписей, ни их формальное значение. Но очевидно, что наличие или отсутствие подпи-

¹⁵⁵ См. например: ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 186. Л. 3.

си указывает на степень значимости допроса с точки зрения ведущих следствие лиц. Допросы таким образом делятся на две категории: несомненно прошедших через руки генералов Чернышева и Бенкендорфа — и тех, с которыми работали только чиновники-делопроизводители. Всего в следственных делах декабристов имеется в общей сложности 2083 допроса¹⁵⁶, из них подписи Бенкендорфа и Чернышева встречаются соответственно на 506 и 635 документах. Остальные, то есть почти половина, — без подписи.

Бенкендорф и Чернышев руководили каждый своей группой чиновников и своей частью расследования, но, кроме этих подписей, иных письменных следов их деятельности нет (они могли остаться на черновых бумагах, не сохраненных в архиве Следственного Комитета). Это обстоятельство указывает на некоторую дистанцированность генералов от работы по непосредственной подготовке допросов. Учитывая, что оба они ежедневно по много часов проводили на заседаниях Следственного Комитета, представляется, что они сами составлением вопросов не занимались, а осуществляли руководство работой подчиненных чиновников в более или менее общем плане, определяя направление расследования, характер сведений, получение которых следует считать первоочередной задачей, общую тактику допросов каждого из подследственных

¹⁵⁶ Цифра 2083 включает всю совокупность допросов декабристов: и вопросы пункты, и те дополнительные показания, которые были написаны узниками по собственному почину. Показания, данные по собственной инициативе (их всего 270), я в дальнейшем буду исключать из подсчетов допросов, т. к. они не имеют соответствующих им вопросов пунктов. Эти добровольные показания будут проанализированы особо. В число 2083 не входят записи первоначальных допросов, сделанные Левашовым, протоколы очных ставок, «вопросы о воспитании» и материалы допросов, проведенных не петербургским Следственным Комитетом, — количественные данные по этим видам документов будут приведены отдельно, складывать их все вместе было бы некорректно.

декабристов и т.д. А уже чиновники анализировали и сопоставляли полученные показания, составляли и формулировали вопросные пункты.

До сих пор в исследовательской литературе не принято задаваться вопросом о роли делопроизводственного аппарата в процессе следствия над декабристами. Априорно считалось, что следствие вели члены Комитета, чиновники же служили сугубо техническим персоналом, переписчиками бумаг. Между тем роль чиновников аппарата не стоит недооценивать. Подтверждением тому служит отмеченный выше их довольно солидный должностной и чиновный статус.

Каким образом распределялась работа между чиновниками, отчасти можно судить по тому, чьими почерками написаны вопросные пункты¹⁵⁷. В декабре 1825 г. вопросные пункты писали в основном А. П. Григорьев, А. А. Ивановский, А. И. Карасевский, Г. А. Попов и сам А. Д. Боровков, в начале января больше всех этим занимался Г. О. Хлусович. Затем произошло разделение работы чиновников, в целом соответствующее распределению их по группам Бенкендорфа (Ивановский, И. А. Попов, Бонч-Бруевич) и Чернышева (Вахрушев, Хлусович), но с довольно частыми отступлениями от общего принципа: есть вопросные пункты в делах группы Чернышева, написанные рукой И. А. Попова и А. А. Ивановского, реже встречается почерк Хлусовича

¹⁵⁷ Я опираюсь на определение почерков чиновников Комитета, сделанное С. В. Мироненко в комментариях к публикации Журнала Следственного Комитета (ВД. Т. XVI. С. 310–381). Тот факт, что рукой данного чиновника написан окончательный вариант вопросных пунктов, не доказывает конечно, что он же их и составлял, тем более что для переписки вопросов набело использовали и писарей, постепенно заменявших чиновников. Но число тех, кто мог заниматься составлением вопросных пунктов, не так уж велико, и как раз чиновники аппарата — наиболее вероятные исполнители этой работы.

в делах группы Бенкендорфа, имеются и вопросы, написанные чиновниками, не работавшими в составе групп обоих генералов. Любопытно, что в большинстве случаев, когда Попов или Ивановский писали вопросы декабристам, подследственным Чернышева, — это были как раз оказавшиеся в его ведении члены Северного общества. Отсюда можно заключить, что на уровне аппарата деление чиновников на ведущих следствие по Южному и Северному обществам выдерживалось более последовательно, чем при распределении дел между Чернышевым и Бенкендорфом. Между прочим, в записке о награждении чиновников Бенкендорф назвал «занимавшихся производством дел по Северному обществу». В целом представляется, что отступления от общего порядка в распределении обязанностей между чиновниками носили более-менее случайный характер и могли зависеть, помимо прочего, от текущих повседневных обстоятельств.

В составлении вопросных пунктов принимал участие и правитель дел Комитета А. Д. Боровков. По его свидетельству, он занимался этой работой в первые дни после открытия Комитета: «Три заседания [первые — О.Э.] рассматривали первоначальные допросы, отобранные от мятежников, взятых 14-го декабря. Вопросы и ответы эти, как отобранные наскоро, были весьма поверхностны. Сообразив их с донесениями Дибича и Чернышева о существовании тайного политического общества, я составил вопросы с большею определительностью, первоначально для главных деятелей в С.-Петербурге, заключенных в крепость в самый день мятежа»¹⁵⁸. Далее, говоря о событиях второй половины февраля 1826 г., Боровков отмечал, что, будучи занят составлением записок о каждом из прикосновенных

¹⁵⁸ *Боровков А. Д.* Автобиографические записки. С. 336.

к делу декабристов, он «не ослаблял в то же время и работы приготовления вопросов»¹⁵⁹.

Круг обязанностей Боровкова был достаточно широк. 9 января, обсуждая записку Чернышева, Комитет решил «общее направление дела, рассматривание вступающих бумаг, сношения всякого рода и все распоряжения по сему делу» предоставить председателю А. И. Татищеву»¹⁶⁰. Из воспоминаний Боровкова явствует, что и прежде, в качестве помощника и доверенного сотрудника военного министра, он готовил для него бумаги, включая и столь важные, как проект указа об учреждении Следственного Комитета. Таким образом, реальным исполнением львиной доли перечисленных обязанностей председателя Комитета должен был заниматься Боровков¹⁶¹.

Хотя решение Комитета от 9 января не было выполнено буквально, вслед за ним последовала довольно основательная перестройка работы аппарата Комитета (или, быть может, закрепление уже фактически сложившейся к тому времени практики). Именно в эти дни, во второй декаде января, окончательно устоялась та система организации работы чиновников и членов Следственного Комитета, которая и существовала потом вплоть до конца следствия. Своего рода логическим завершением этой внутренней реорганизации стало упомянутое выше переименование Комитета, следовавшее 14 января.

¹⁵⁹ Там же. С. 346–347.

¹⁶⁰ ВД. Т. XVI. С. 54.

¹⁶¹ Более того, по свидетельству самого А. И. Татищева, обязанности правителя дел Следственного Комитета не освобождали Боровкова от деятельности в должности директора канцелярии военного министра (РГВИА. Ф. 36. Оп. 2. Д. 24. Л. 1–2. Сопроводительное письмо Татищева Дибичу к спискам о награждении чиновников Комитета, 28 июня 1826 г.).

Произошедшая после 9 января реорганизация коснулась не только тех чиновников, которые были определены в группы Чернышева и Бенкендорфа. Именно с этого дня пометы на показаниях декабристов «читаны такого-то числа» стали делаться не Боровковым, а его помощником В. Ф. Адлербергом¹⁶², к нему же перешел и контроль за исполнением решений Комитета. До 9 февраля докладные записки Комитета Николаю I составлял Боровков, затем эта работа также была передана Адлербергу; Адлерберг же вел и Журнал заседаний¹⁶³. Позднее Боровковым составлялись справки и записки о лицах, оправданных или выпущенных в результате следствия, записки о силе вины декабристов, алфавит декабристов. По его воспоминаниям, именно этим он был занят с конца февраля. Руководство перепиской Комитета и его хозяйственными делами было возложено на второго помощника Боровкова А. И. Карасевского¹⁶⁴.

Перечисление функций В. Ф. Адлерберга обрисовывает его роль в Следственном Комитете: ведение Журнала заседаний, пометы на показаниях, указывающие, что они были заслушаны на заседании Комитета, пометы в Журнале об исполнении решений, составление ежедневных докладных записок царю, и после 27 января — скрепление журналов своей подписью¹⁶⁵. Получается, что Адлерберг осуществлял делопроизводственное оформление заседаний, связь между Комитетом и его аппаратом. Можно сказать, что Адлерберг являлся секретарем Комитета. На известном рисунке, сделанном, вероятно, им самим и изображающем заседание Следственного Комитета, Адлерберг сидит

¹⁶² *Мироненко С. В.* Журналы и докладные записки Следственного Комитета по делу декабристов // ВД. Т. XVI. С. 22.

¹⁶³ Там же. С. 22–24.

¹⁶⁴ Там же. С. 22–24, 54.

¹⁶⁵ Там же. С. 22.

за столом, но не совсем вместе с членами, а немного поодаль, у края стола, а Боровков стоит рядом: позы их показывают, что Боровков ненадолго вошел с докладом, а его помощник присутствует здесь постоянно¹⁶⁶. Человеку той эпохи место Адлерберга за столом указывало на характер его обязанностей. Декабрист А. П. Беляев, описывая, как располагался за столом каждый из членов Комитета, про Адлерберга сказал, что он сидел «на месте секретаря»¹⁶⁷, так же понял ситуацию и А. Е. Розен: «С краю флигель-адъютант полковник В. Адлерберг в должности временного секретаря»¹⁶⁸.

Впрочем, декабристы не были посвящены в механизм работы Комитета, и об этом надо помнить, обращаясь к их мемуарам. Так, И. Д. Якушкин и А. М. Муравьев, видя, что Адлерберг на заседаниях все время что-то писал, и зная о его личной близости к Николаю Павловичу, заключили, что он делал заметки о происходящем в Комитете для подробного рассказа царю¹⁶⁹. Ни о каких таких докладах Адлерберга сведений нет. Представлял докладные записки о заседаниях Комитета и сообщал Комитету высочайшие решения И. И. Дибич. Если даже предположить, что Адлерберг неофициально сообщал что-то Николаю, то это могли быть не доклады, а лишь личные впечатления, для которых отнюдь не требовалось вести конспектов. Сами заседания подробно не протоколировались — что же тогда писал Адлерберг? Может быть, рисовал портреты допрашиваемых, те самые известные рисунки, авторство которых точно не установлено и которые приписывают или ему,

¹⁶⁶ Там же. С. 23.

¹⁶⁷ *Беляев А. П.* Воспоминания декабриста о пережитом и перечувствованном. СПб., 1882. С. 181.

¹⁶⁸ *Розен А. Е.* Записки декабриста. С. 152.

¹⁶⁹ *Якушкин И. Д.* Мемуары, статьи, документы. С. 142. *Муравьев А. М.* «Мой журнал». С. 132.

или А. А. Ивановскому? С. П. Трубецкой во время двух допросов видел Адлерберга именно рисовавшим и что-то чертившим на лежащих перед ним листах. Думается все же, что флигель-адъютант и помощник правителя дел Комитета имел помимо рисования и более серьезные занятия.

Кроме помет «читано такого-то числа», на вопросных пунктах имеются и другие пометы, сделанные рукой Адлерберга. Они представляют собой разнообразные замечания по содержанию показаний и указания о дальнейших допросах. Характерные примеры: «Справиться, кем он называем членом, и потом иметь в виду очную ставку»; «Спросить его, когда он однажды был в конце прошлой осени у Пестеля, то сей последний не подавал ли в его присутствии квартирмейстерской части подпоручику Крюкову 2-му пакет бумаг, зашитый в холсте»; «Членам, названным присутствовавшими при совещании в 1817 году, прибавить вопросы о сем совещании к прежним вопросным пунктам»; «Подтверждает всё, что словесно показал»; «Спросить о нем князя Трубецкого, Рылеева, Никиту Муравьева, Александра Бестужева, коллежского асессора Пущина, князя Одоевского и прочих»; краткое резюме показания: «Принят Барятинским от легкомыслия 18-летнего, думал принести отечеству пользу»¹⁷⁰, и т. д. В первых числах января аналогичные пометы на допросах делались Боровковым. Очевидно, что они являлись руководством для чиновников, которые должны были составлять вопросные пункты, и отражали один из этапов работы над ними, причем изредка рядом другим почерком делалась отметка об исполнении.

Одно из двух: или это черновые рабочие записи Адлерберга, которые он делал при подготовке допросов; или же

¹⁷⁰ ВД. Т. XVI. С. 324, 325, 326, 329, 331, 330.

это то, что он, как секретарь, писал на заседаниях Комитета, тогда его пометы являются фиксацией соображений и указаний, высказанных членами Комитета. Ряд соображений заставляет склониться ко второму. Пометы Адлерберга надо считать руководящими указаниями, исходящими от присутствия Комитета, а не от него самого.

В самом деле, если бы пометы Адлерберга отражали его собственное участие в подготовке вопросов пунктов, то это означало бы, что именно он играл ключевую роль в разработке стратегии следствия. Потому что пометы не только носят руководящий характер, но и стоят на показаниях, относящихся к делам всех трех групп — Чернышева, Бенкендорфа и без подписи. Если это рабочие заметки Адлерберга, то, стало быть, он был тем, кто занимался координацией деятельности всех групп и выработывал общее направление следствия. Между тем он был всего лишь помощником правителя дел, даже не членом самого Комитета, мало того, он был полковником, а Чернышев, Бенкендорф и прочие члены Комитета — генералами. По статусу своему Адлерберг никак не мог руководить следствием. Логичнее признать, что пометы Адлерберга отражают мнения членов Комитета, высказанные в ходе заседаний. Именно их он и записывал по ходу дела.

Адлерберг делал пометы как чернилами, так и карандашом, в ряде случаев на одном и том же документе встречаются и его карандаш, и чернила, — значит, пометы делались не одновременно. И если содержательные заметки писались в ходе заседания, то вроде бы очевидно, что «читано» Адлерберг проставлял после его окончания. Тут снова возникают некоторые неясности. Казалось бы, если сам Адлерберг и делал пометы «читано», и вел Журнал заседаний, то записи о заслушанных показаниях в Журнале долж-

ны совпадать с пометами на вопросных пунктах. Но вопросных пунктов с пометой «читано» я выявила в следственных делах 804, а в Журнале заседаний зафиксировано лишь 630 зачитанных показаний (правда, в некоторых случаях одна запись в Журнале могла подразумевать несколько документов — подборку показаний одного и того же лица, точно установить это теперь невозможно). Довольно сложно объяснить, почему помет о чтении на документах больше, чем проходит по Журналу, и как могли возникнуть такие нестыковки в записях, осуществлявшихся одним и тем же человеком, причем, по всему судя, весьма аккуратным.

6 февраля 1826 г. заседание Комитета не состоялось «по случаю, что высочайшим его императорского величества повелением поручено было генерал-адъютантам Чернышеву, Бенкендорфу и Левашову разбирать вместе с сенатором Дивовым и флигель-адъютантом полковником Кавелиным бумаги польских войск отставного генерала Княжевича, кои присланы сюда от его императорского высочества цесаревича»¹⁷¹. Тем не менее на 12 показаниях стоит «Читано 6 февраля», а записаны они в Журнале Комитета за 7 февраля¹⁷². В мае в течение ряда дней, судя по Журналу, Комитет занимался только очными ставками, в то же время имеются пометы на вопросных пунктах о чтении их в эти числа.

Может быть, Адлерберг ставил «читано» не после заседания Комитета, а перед ним, помечая таким образом бумаги, отобранные и приготовленные заранее для прочтения; какие-то из них члены Комитета решали не рассматривать, поэтому Адлерберг и не записывал их в Журнал? Есть не-

¹⁷¹ Там же. С. 88.

¹⁷² Там же. С. 336–337, 88–89.

сколько случаев, когда о чтении показаний записано в журнал, а помет на них самих нет: может, они были неожиданно затребованы членами Комитета в ходе заседания? Или все дело в том, что Адлерберг в зависимости от обстоятельств делал пометы как до, так и после заседания, был перегружен работой, что-то записать не успевал, что-то забывал, случались мелкие накладки и т. п. И всегда ли он сам вел черновые записи во время заседания или бывали дни, когда это поручалось одному из чиновников? Не имея черновых бумаг Комитета, мы лишены возможности установить это окончательно.

В любом случае, пометы Адлерберга о чтении показаний на заседаниях служат также критерием для оценки реальной роли общего присутствия членов Следственного Комитета в ходе расследования. Из 2083 допросов помета «читано» стоит на 804, это 39% от общего количества, а записано в Журнал еще меньше. Из 267 допросов, снятых Левашовым, в заседаниях Комитета были зачитаны, судя по пометам Адлерберга, 113 (42%). Всё остальное обрабатывалось на уровне аппарата. К тому же подписи Бенкендорфа и Чернышева встречаются только на 1141 документе (55%). Уже из этих цифр видно, насколько велика в процессе следствия была роль аппарата. Очевидно, существовала определенная логика, по которой одни документы рассматривались на уровне присутствия Комитета, другие — генералами, руководившими группами, третьи же — только чиновниками аппарата. Очевидно также, что логика эта была основана на представлениях о степени важности того или иного документа, допроса, показания.

Итак, Следственный Комитет по делу декабристов был создан после восстания, когда новый император еще не представлял себе масштабов и характера явления, с которым он столкнулся. Членами Комитета стали лица, в поддержке и лояльности которых Николай Павлович был уверен, и, по-видимому, то обстоятельство, что в Комитет не вошли члены командования гвардией, отражает сложность отношений между императором и его гвардией после восстания на Сенатской площади. Комитет был подотчетен только императору, но это, вопреки бытующему в литературе мнению, не означает, что Николай I сам непосредственно руководил следствием — он сохранял определенную дистанцию между собой и Следственным Комитетом.

Следственный Комитет возник в эпоху, когда в России не существовало никаких общегосударственных органов тайного политического сыска. Комитету был присущ ряд черт военно-судного учреждения, а при его организации использовалась практика военно-судных комиссий. Аппарат Комитета был укомплектован чиновниками военного ведомства. Ведомства юстиции и внутренних дел к следствию над декабристами не привлекались.

Членам Следственного Комитета удалось быстро наладить процесс расследования, по мере роста числа арестованных и объема работы внутри Комитета происходили некоторые организационные перемены: перераспределялись обязанности, набирался дополнительный технический персонал. Следствие по Южному и Северному декабристским обществам вели группы чиновников под руководством генералов А. И. Чернышева и А. Х. Бенкендорфа. Основные допросы происходили на заседаниях Комитета,

но аппарат приданных ему чиновников играл достаточно большую роль, он не был лишь подспорьем для ведения делопроизводства. Именно чиновники аппарата выполняли основную работу по существу расследования, готовили вопросные пункты, около половины показаний декабристов обрабатывалось только на уровне аппарата, минуя присутствие Комитета.

О чем допрашивали декабристов?

*В*опрос не столь банален, как кажется на первый взгляд. Да, всякий, кто заглядывал в следственные дела, имеет представление о содержании допросов. Декабристов спрашивали о планах и намерениях тайных обществ, умысле цареубийства, подготовке восстаний, уличали в причастности к обществу тех, кто в этом не сознавался, и т. д. Но каковы были соотношение и удельный вес вопросов на разные темы в масштабах всего следствия? Что, собственно, хотел узнать Следственный Комитет в первую очередь, какие аспекты деятельности тайных обществ казались ему наиболее важными, существенными, опасными для власти и государства? Кем тогда были для Николая I декабристы: носителями реформаторских идей? радикальными мечтателями, покусившимися на государственные устои? цареубийцами? «преторианцами» — офицерами, шедшими к власти с помощью военного бунта? участниками международного заговора? движущей силой аристократической дворцовой интриги?

В эпоху декабристов не существовало ставших позднее обычными норм судебной-следственной практики и не создавалось документов, на разных этапах процесса формулирующих состав обвинения. О том, каково было представление власти о тайных декабристских организациях, мы можем судить только по тому, о чем декабристов допрашивали.

Для содержательного анализа допросов необходимо распределить вопросы по более-менее крупным тематическим группам. Поскольку вопросы уже в момент создания оформлялись как отдельные пункты, над ними легко производить процедуры подсчета, не рискуя совершить насилия над структурой документа. Вопросы определяли содержание ответов, поэтому на вопросах я и сосредоточила основное внимание. Тему задавало следствие, и важно понять его политику и методы получения информации.

Для группировки вопросов я составила набор тематических рубрик, описывающих их содержание. Рубрики сложились в процессе эмпирической сортировки встречавшихся вопросов. Они отражают интересы Комитета, не обязательно совпадающие с тем, что считает важным современный исследователь. Например, в них не отыщется таких проблем, как «декабристская критика положения в России» или «декабристские планы послереволюционного переустройства России». Это естественно: Следственный Комитет этими вещами не интересовался; было бы даже странно, если бы он ими занялся, у него были совершенно другие задачи. Другое дело, что такие сведения встречаются в ответах декабристов, написанных ими по своей инициативе показаниях и письмах царю или членам Комитета.

Среди предлагаемых мною рубрик есть такие, где сгруппированы вопросы по темам, явно акцентированным самим следствием. Это проблемы, привлекая специальный интерес Следственного Комитета: о польских тайных обществах и контактах с ними декабристов; о переговорах между Южным и Северным декабристскими обществами; о вероятных зарубежных связях русских вольнодумцев. Другие группы вопросов обобщены мной, впрочем, без насилия над материалом: например, это вопросы по истории декабристских обществ, их актуальном состоянии. Группируя вопросы и продумывая набор возможных рубрик, я старалась найти разумный баланс между тем, как распределял свое внимание к разным сюжетам Следственный Комитет, и нуждами современного исследователя.

Таким образом, группируя близкие по содержанию вопросы, я получила следующий набор рубрик:

1) Вопросы, касающиеся истории тайных обществ в России до 1821 г.: когда, где и кем они созданы, кто в них участвовал, каковы были их первоначальные намерения, уставы, внутреннее устройство, руководящие органы, что происходило на совещаниях (в частности, предметом особого разбирательства на следствии стали совещания 1820 года на квартирах Глинки и Шипова, Московский съезд 1821 года, совещания в Тульчине, на которых было создано Южное общество). К этому разделу относятся все ретроспективные вопросы о тайных обществах (за исключением вопросов о причастности конкретных лиц — об этом см. п. 14, 15), охватывающие период до образования Южного и Северного обществ в 1821 году. В дальнейшем я буду для краткости называть их «вопросами по истории тайных обществ».

Примеры¹: «В чем именно заключались все различные и в разные времена предположенные цели, или намерения и меры к исполнению оных со стороны Северного и Южного обществ?»; «Кто из членов начально подал мысль о основании тайного общества? какие причины родили мысль сию, каким образом между членами общества возрастали и вкоренялись республиканские мнения, — и что в особенности побуждало вас к столь ревностному содействию составления сего общества и распространению круга действий его?»; «В чем именно заключалась цель общества, объявленная всем членам, и сокровенная, известная только некоторым, а равно и меры, к достижению того предположенные?»; «Какие в течение времени общество имело изменения в своих правилах, и какие из оног образовались отрасли и где были центры и отделения их?»; «Кто составлял управы сих обществ? Кто были члены в начале и впоследствии и кто из них наиболее стремился к достижению цели общества советами, сочинениями и влиянием на других?»; «Какие клятвы или обязательства требовались от поступавших в члены общества?»; «Когда и у кого происходили совещания общества обыкновенные и чрезвычайные и что было предметом оных?»; «В чем состояли те пособия и надежды, кои общество имело в виду для исполнения своих намерений? Кто из известных в Государственной службе лиц подкреплял своим участием сии надежды?»²; «В 1821 году некоторые из членов сделали ложное постановление об уничтожении общества с тем единственно намерением, чтобы заблаговременно отдалить от себя ненадежных членов и упрочить безопасность и твердость своего существования. Объясните, знали ли вы

¹ Примеры здесь и далее взяты из следственных дел С.Г. Волконского, И.Д. Якушкина, А.П. Барятинского, А.П. Юшневского, В.Л. Давыдова, Н.А. Бестужева, М.А. Бестужева, А.А. Бестужева, А.Н. Вяземского, М.П. Бестужева-Рюмина, Н.П. Акулова, А.Е. Розена, М.Н. Глебова, А.Н. Андреева, С.И. Муравьева-Апостола, А.Ф. Фурмана, А.В. Ентальцева, В.Н. Лихарева.

² Примеры для данной рубрики взяты главным образом из вопросных пунктов И.Д. Якушкину, речь идет о Союзе Благоденствия (ВД. Т. III. С. 45).

о настоящем намерении сего мнимого уничтожения общества и кому еще была известна цель сия?»

2) Вопросы об актуальном состоянии и силе тайных обществ: их внутреннем устройстве, правилах приема членов, клятвах и обязательствах при приеме, денежных средствах, составе Думы, заседаниях, наличии у обществ влиятельных покровителей, персональном составе (сюда относились вопросы, заданные в общем виде — «Кто был членами» — и не содержавшие конкретных имен). В дальнейшем я буду называть этот раздел «вопросами о состоянии тайных обществ».

Примеры: «Каким образом члены общества сносились между собою?»; «Что именно побудило вас вступить в тайное общество и кто суть члены оногo, как начально вошедшие, так и впоследствии присоединившиеся?»; «В чем именно заключалось то распространение отраслей Южного общества и увеличения сил его внешними сношениями в 1825 году, о коих вы упоминаете в начальном показании?»; «Не имели ли сии общества высших над собою правителей, действовавших сокровенно, или таинственно, и кто они таковы?»; «В чем заключалось внутреннее образование Южного общества и степени, присвоенные членам оногo, то есть что значили звания друга, брата, мужа и бояра, какие имели они права, и кому из них открывалась главнейшая цель и план общества?»; «От всех ли вступавших в общество требовалась клятва или честное слово в сохранении тайны о существовании оногo и к чему еще обязывала помянутая клятва?».

Первые два раздела весьма обширны. Это обусловлено тем, что многие относящиеся к ним вопросы были сформулированы следствием достаточно обобщенно, требовали многоплановых сведений. Вопросы, поставленные более конкретно,

я относила по возможности к одной из последующих тематических рубрик.

3) Вопросы о программной цели тайных обществ. В большинстве случаев это вопрос о том, входило ли в намерение общества введение в России республиканской формы правления. Часто сам вопрос не содержал непосредственно слов о республике, а требовал указать, «какова цель общества», но и место его среди других вопросов, и содержание ответов декабристов убеждают, что следствие имело в виду именно вопрос о наличии республиканских планов, и декабристы это прекрасно понимали и отвечали соответственно.

Примеры: «С какого времени Южное общество вознамерилось ввести в России Конституционное правление посредством революции»; «Каким образом революционные мысли и правила постепенно возрастали и укоренялись в умах? и кто, когда, где начал и продолжал внушать и распространять оные в Государстве?».

4) Вопросы о декабристских конституционных проектах, их авторстве, содержании, а также о прочих программных и агитационных документах и их распространении. Сюда же включены вопросы, связанные с розысками рукописи «Русской Правды». Вопросы этого раздела отличаются тем, что касаются созданных декабристами письменных документов, которые могли служить уликами, вещественными доказательствами.

Примеры: «В чем заключались главные черты Конституции под именем Русской Правды, написанной Пестелем, и правил Южного общества, а также двух приготовленных оным прокламаций к народу и войскам, и ложного преступного Катихизиса, который был принят обществом»; «В чем именно заключались главные черты Конституции и разных проектов законов и пра-

вил общества, вами читанных, один ли Пестель сочинял оные, или участвовали в том вы, либо кто другой из членов? Знали ли вы о передаче Пестелем всех тайных бумаг Крюкову 2-му, когда сие случилось, и где оные, по мнению вашему, должны теперь скрываться?».

5) Вопросы о намерении царевубийства. Вопросы, направленные на выявление принципиального согласия на идею царевубийства того или иного члена тайного общества, группы членов или общества в целом.

Примеры: «С которого времени Южное общество вознамерилось ввести в России Республиканское правление посредством революции, и тогда ли, или уже впоследствии, предназначено посягнуть против всех священных особ Августейшей Императорской фамилии»; «Кто из членов первый предложил мысль сию и кто наиболее стремился к ее исполнению советами, сочинениями и влиянием своим на других?»; «Подпоручик Бестужев-Рюмин, будучи у вас в доме при подполковнике и штабс-капитане Поджио, говоря о намерении Южного общества посягнуть на жизнь всей Императорской фамилии, рассуждал о сем так (...)».

б) Вопросы о том, кто из высших сановников покровительствовал тайным обществам или знал об их планах. Сюда входят лишь вопросы, касающиеся конкретных лиц (Сперанского, Мордвинова, Киселева, Ермолова и др.) Вопросы, сформулированные в более общем виде («Кто из высших лиц в империи...»), отнесены к п. 2 (о состоянии тайных обществ).

Примеры: « (...) Вы сказывали одному из членов общества: а) Что общество предполагало по начатии революции назначить Николая Семеновича Мордвинова членом временного правления, а генерала Киселева — в Москву военным губер-

натором; б) Что при рассуждении о Мордвинове кто-то из членов предлагал генерала Раевского, но сие предложение не было принято; в) Что написанная Пестелем Русская Правда несколько времени хранилась у отца его Пестеля»; «Какое доказательство имеете вы, что г. сенаторы Баранов и Муравьев готовы были вам содействовать».

7) Вопросы о том, на какие войска рассчитывали декабристы, вели ли пропаганду среди солдат, какие полки и военные поселения были затронуты влиянием тайных обществ. В этот раздел вошли также вопросы о предложении графа Витта примкнуть к обществу и обеспечить ему поддержку поселенных войск. Не включены сюда вопросы, касающиеся непосредственной подготовки восстаний на Сенатской площади и Черниговского полка.

Примеры: «Какие средства и надежды имело общество к достижению цели своей, то есть на какие именно войска и почему оно всего более полагалось и кого из высших лиц в Государственной службе почитало своими покровителями и по каким причинам? Комитету известно, что управляемая вами и В.Давыдовым Каменская управа имела от Тульчинской Директории особенное поручение действовать на привлечение поселенных войск цели общества. Объясните с точностию: до какой степени распространены мнения или дух тайного общества в сих войсках, кто из сочленов ваших был с ними в сношениях и кто из служащих в поселенных дивизиях принадлежал обществу и был готов содействовать цели оно?»³; «До какой степени и в каких именно войсках (не ис-

³ Вопрос С.Г. Волконскому (ВД. Т.Х. С. 110). Данный вопрос показывает характерную сложность, с которой я сталкивалась при сортировке вопросов: он может быть отнесен сразу к двум рубрикам, о войсках и о состоянии тайных обществ — в той его части, где речь идет об их влиятельных покровителях (п. 2, 7). Но посчитать один вопрос дважды нельзя, приходится выбирать одну из рубрик. В данном случае очевидно, что главное в вопросе — войска,

ключая и нижних чинов) и в прочих Государственных условиях распространен дух преобразования и безначалия? и почему именно общество надеялось на содействие 1-го, 2-го и 3-го корпусов и на войска поселенные в произведении революции?»; «Кто именно были те приходившие к Сергею Муравьеву солдаты (служившие в Семеновском полку), которые быв возбуждены вами к возмущению, обещались действовать по первому вашему показанию, и каким именно полкам каждый из них принадлежал?»

8) Вопросы об обсуждавшихся в разное время декабристами, но неосуществленных планах восстания и покушения на царя: Московском заговоре 1817 г., лунинском проекте «обреченного отряда», бобруйском и белоцерковском планах 1823–1824 годов, предложении начать восстание в январе 1826 г. и т.п.

Примеры: «В какое время и в каких местах предполагало общество начать открытые свои действия и что доселе препятствовало к их выполнению?»; «Знали ли вы о намерениях тайного общества покуситься против блаженной памяти Государя Императора: а) в 1823 году в Бобруйске чрез Сергея Муравьева и Швейковского; б) в 1825 году в Таганроге чрез выбравшихся 15 человек и с) при предполагаемом в мае 1826 осмотре 3-го корпуса в имении графини Браницкой»; «На чем именно основывались надежды Южного и Северного обществ на содействие Российского флота и для чего предполагалось оное нужным, то есть для переезда ли Императорской фамилии в чужие края, как говорит Пестель, или для воспрепятствования отъезду священных Особ Царствующего дома, как утверждают другие члены об-

это понял и Волконский, в ответе на этот пункт он сосредоточился на отношениях с военными поселениями, тему «высших лиц в государственной службе» попросту проигнорировал, а Комитет не стал переспрашивать.

щества»; «От кого и что вы слышали о покушениях на жизнь покойного государя императора прежде капитана Якушкина в 1817, а потом капитана Якубовича в минувшем 1825 году?».

9) Вопросы о заграничных контактах русских тайных обществ, с иностранными обществами (кроме польских — см. п. 10) или правительствами: были ли осведомлены о декабристских планах австрийский посол Лебцельтерн, представители английского двора; являлись ли членами русских обществ иностранцы француз граф И. Польньяк, итальянец Джильи, англичанин Фурнье и другие; действительно ли С.П. Трубецкой показывал проект Конституции Н.М. Муравьева французским либералам и т.д.

Примеры: «Знали ли вы о том, что Южное общество находится в сношениях с французскими тайными обществами и что для сего поехал во Францию полковник граф Польньяк?»; «Какие, вам известные, общества существуют в Германии, Италии и Франции, какую имеют они цель и кто принадлежит к оным»; «Точно ли в Англии принимали участие в намерениях Тайных Европейских обществ и до какой степени содействовали и поддерживали оные деньгами из Англии?»

10) Все вопросы о польских тайных обществах и переговорах с ними декабристов.

Примеры: «Какие именно тайные общества находятся собственно в Польше, в каких местах и под какими названиями имеют они главные свои управления и отрасли? Кто в них начальствует и кто суть известные вам члены? В чем заключаются цели сих обществ и какими средствами действуют для достижения оных?»; «Какие именно, где, когда и чрез какие лица происходили сношения или переговоры Южного общества с Польскими (...)?».

11) Вопросы об иных тайных обществах, существующих в пределах Российской империи (Кавказском, Симбирском и др.), и контактах с ними декабристских обществ.

Примеры: «Комитету положительно известно, что в бытность на Кавказских водах вы успели собрать подробные сведения о тайном обществе, существующем в Отдельном Кавказском Корпусе, и не только рассказывали об оном многим членам, но представили в Директорию и письменный отчет (...). Объясните откровенно: а) Где, когда, от кого именно получили вы означенные сведения и уверены ли в справедливости оных? (...); «Есть показания, что вы рассказывали некоторым членам о тайном обществе, существующем в Малороссии, которое имеет управу свою в Боришполе под управлением Лукашевича (...); «Какие именно различные тайные общества существуют внутри России и в Малороссии, с которого времени где имеют они управы свои, или Думы, и в особенности принадлежат ли Южному или Северному обществам отделения в Пензе, Симбирске и Нижнем-Новгороде, кто в них начальствует, и кто суть известные вам члены всех сих обществ? (...).

12) Вопросы о контактах Южного общества с Обществом соединенных славян, а также вопросы членам Южного общества — об обществе славянском, и славянского — о Южном.

Примеры: «Какие именно различные тайные общества существуют в России, кроме Малороссийского и Кавказского, и что вам известно о их составе, намерениях, действиях, сношениях между собою, о членах принадлежащих к каждому из оных и о именах начальных основателей. Здесь в особенности поясните все то, что знаете насчет Общества соединенных славян, которое находилось в сношениях с Южным»; «Объясните с подробностью, с которого времени и где именно существует и имеет управу свою Общество соединенных

славян, какая цель его, кто члены оногo и в чем заключаются сношения с сим обществом Сергея Муравьева?»; «Кто присутствовал на совещаниях, происходивших в лагере при Лещине у Сергея Муравьева и о чем именно было там рассуждаемо?»; «Кто именно находился при совещаниях, происходивших у Андреевича и других офицеров 8-й и 9-й дивизии? Здесь поясните откровенно: а) Все, что говорил Бестужев-Рюмин о силе, связях и намерениях общества; б) Все, что предлагали и рассуждали прочие члены (и кто именно) насчет предполагаемого начатия возмутительных действий (...)».

13) Вопросы о переговорах Южного и Северного обществ.

Примеры: «Когда, какого рода и чрез какие лица (кроме вас) Южное общество имело сношения с Северным и в чем состояли взаимные их переговоры? Комитет имеет достоверные сведения, что вам поручено было от Южного общества войти в подобные переговоры с Северным и что в бытность свою в Петербурге вы действительно совещались с членами сего последнего. Объясните в подробности: как сие происходило и чем кончились ваши переговоры?»; «Когда, какого рода были те предложения, кои сделаны Северному обществу от Южного посредством Пестеля, князя Волконского, Повало-Швейковского, Василия Давыдова и Тизенгаузена и какие получены были на оные отзывы?».

14) Вопросы о принадлежности к тайному обществу того или иного лица. Сюда отнесены вопросы не о самом допрашиваемом, а о третьих лицах, когда Комитет собирал сведения насчет очередного подозреваемого. Здесь (как и в следующем разделе) допрашиваемый выступает скорее в роли свидетеля, чем обвиняемого. Не включены сюда вопросы, не содержащие конкретных имен, они вошли в раздел о состоянии тайных обществ («Кто были члены общества» —

см. п. 2), отчасти потому, что во многих случаях составляют часть одного обширного вопроса о тайном обществе.

Примеры: «Не принадлежали ли к Южному обществу находящийся при вас 7 класса Гене и сын генерал-кригс-миссара Путяты, состоящий по квартирмейстерской части, или не содействовал ли кто из них обществу, не быв членами его?»; «Вы ли сообщили князю Щепину-Ростовскому о существовании общества и о цели оногo?»; «Лейб-гвардии Финляндского полка поручик барон Розен принадлежал ли к числу членов тайного общества, когда и кем был принят и был ли на совещаниях общества накануне 14-го декабря?»; «Вы показали, что коллежский секретарь Глебов есть член общества. В дополнение сего объясните, когда и кем он был принят и на чем основываете сие ваше о нем показание?».

15) Вопросы, направленные на выяснение степени виновности отдельных лиц. Эти вопросы имели целью установить не обстоятельства (которые уже были следствию ясны), а меру причастности к ним подозреваемого, причем речь и здесь шла не о самом допрашиваемом. Чаще всего эти вопросы касались установления вины периферийных, малозначущих членов, степени их осведомленности о делах и планах тайного общества. Сюда отнесены только вопросы об отдельных, конкретных лицах; вопросы же о том, кто из членов участвовал в тех или иных событиях, вошли в разделы, касающиеся этих событий. В частности, все вопросы о действиях разных лиц накануне и во время восстания 14 декабря вошли в рубрику о восстании (п. 16).

Примеры: «Справедливо ли то, что вы во всех ваших действиях по видам тайного общества употребляли капитана Фохта

и что он ревностно исполнял таковые ваши поручения?»⁴; «Лейб-гвардии Измайловского полка подпоручик Андреев показал, что он был принят вами в члены тайного общества за неделю до возмущения, что цель оногo, ему объявленная, состояла в том, чтобы истребовать государству конституцию; средства же для достижения сего ему не открыты, но главнейшая сила в таком предприятии, как сказано ему, основывалась на войске, а надежда — на пособии Сената и Совета (...). Справедливы ли вышеизложенные слова Андреева; в противном же случае объясните, что именно было открыто ему о цели и намерениях общества и какого он был о том мнения, как и готовности споспешествовать цели общества и кто при том находился из членoв?»; «Объясните откровенно, какое именно принимал участие при возмущении Черниговского полка и в действиях ваших по тайному обществу разжалованный Башмаков?»; «Когда именно и где был вами принят в тайное общество командир артиллерийской роты подполковник Янтальцев? Что именно сообщили вы ему, Янтальцеву, о цели сего общества при самом принятии его в оное? (...) Что именно вы говорили ему, Янтальцеву, о намерениях и действиях тайного общества в последнее с ним свидание?».

16) Вопросы о восстании 14 декабря на Сенатской площади. Это все вопросы о событиях в Петербурге от начала междуцарствия до дня 14 декабря: совещаниях северных членoв, обстановке в гвардейских полках, слухах в столице, подробностях восстания и пр.

Примеры: «13 декабря в квартире кн. Щепина-Ростовского вместе с Волковым, князем Кудашевым, Брое и Корниловым условились ли вы не присягать никому, кроме императора Константина Павловича?»; «Того же 13 декабря

⁴ Вопрос С.Г. Волконскому, И.Ф. Фохт являлся его подчиненным по службе.

и прежде посещали ли вы Рылеева и он ли воспламенил в вас дух возмущения? Кто там бывал еще кроме вас?»; «Объясните с подробностью все обстоятельства сбора Московского полка на полковом дворе и буйственного выхода одного на Фонтанку (...); «Видели ли вы, кто бросился на полковника Стюллера и ранил его?»; «Какое было намерение возмутившихся на площади людей в случае неудачи?»; «Кто поощрял солдат не принимать присяги, но брать боевые патроны и выходить на Петровскую площадь?».

17) Вопросы о восстании Черниговского полка, включая попытку офицеров 8-й артиллерийской бригады прийти на помощь восставшим.

Примеры: «Какие были прямые намерения братьев Муравьевых, возмутивших часть Черниговского полка и выступивших с оной из Василькова 31 декабря, на содействие каких именно войск всего более они надеялись и почему?»; «Комитету известно, что пред самым возмущением Черниговского полка вы и брат ваш Матвей Муравьев-Апостол заезжали к командирам гусарских полков Ахтырского Артамону и Александрийского Александру Муравьевым, а во время мятежа хвалились, что оба означенные полка с вами в союзе. Объясните: какие имели вы удостоверения о готовности Ахтырского и Александрийского гусарских полков содействовать вашему возмущению?».

18) Вопросы о вступлении допрашиваемого в тайное общество.

Примеры: «Когда именно приняты вы были в тайное общество?»; «Какие причины побудили вас вступить в означенное общество?».

19) Разное: отдельные вопросы, которые в силу их разности, фрагментарности, случайности по отношению к основным сюжетам следствия не складываются в самостоятельные рубрики, а также вопросы, столь неопределенные, что невозможно приписать их к какой-либо теме (например, часто оформленное как отдельный вопросный пункт предложение «показать все, что вам известно», призвание к чистосердечному раскаянию или вопрос о круге общения допрашиваемого декабриста). В своем месте я детально проанализирую содержание этого раздела.

Примеры: «Присягали ли вы на верность подданства государю императору Николаю Павловичу? Где и когда присягали, или нет и почему?»; «Кроме того, вы должны по чистой совести и без утайки изложить как собственные действия ваши в духе тайного общества с показанием, когда и кого вы приняли в члены оного, так и всё, что известно вам о составе тайных обществ, их намерений и действий и лиц, к ним принадлежащих»; «С каким намерением желали вы учреждения учебного кавалерийского эскадрона при Главной Квартире 2-й Армии и начальства над оным, о чем просили главнокомандующего найденным в бумагах ваших письмом и в чем было вам отказано»; «Года полтора тому назад вы сказывали одному из членов общества, что кн. Волконский имеет у себя печать дежурного генерала Байкова для раскрытия пересылаемых из Главной Квартиры бумаг, чтобы знать их содержание (...)»; «Кем, у кого, с какими надписями и с каким намерением заказано было до пяти тысяч колец?»; «Какими средствами Бестужев-Рюмин находил возможность непрерывно отлучаться из полку своего по делу тайного общества и не был подвергнут за то надлежащему взысканию?»; «В чем именно состояли те рассуждения родственника вашего В. Давыдова, которые слышали, когда бывали у него в доме, и какие были занятия в собраниях у него, Давыдова?».

Сам список тематических групп вопросов уже характеризует круг интересов Следственного Комитета. Причем, повторяюсь, обстоятельства, которые современному исследователю могут показаться второстепенными, Комитету представлялись важнейшими и приоритетными.

На первый взгляд, ряд рубрик можно было бы объединить. Однако, хотя с точки зрения исследователя они близки по содержанию, для декабристов (и членов Комитета) эти вопросы были весьма неравноценны, прежде всего по степени тяжести обвинения, которое они подразумевали. Например, первые два раздела — об истории и текущем состоянии тайных обществ — казалось бы, здесь речь об одном и том же. Но между ними есть принципиальная разница: участие в тайных обществах и масонских ложах до запретившего их указа 1822 года составом преступления не считалось (если только не было отягчено такими вещами, как умысел цареубийства). А вот после 1822 года, тем более для чиновников, давших подписку о непринадлежности к тайным обществам, это было наказуемо. Декабристы довольно легко признавались в том, что состояли в Союзе Благоденствия (и, как известно, многие из членов ранних декабристских организаций не были преданы суду), но с гораздо большим упорством отрицали свою причастность к Южному и Северному обществам.

То же касается и трех близких по смыслу рубрик: о введении республиканского правления, цареубийстве и конституционных проектах. Для современного исследователя они предстают частями одной и той же проблемы идей и планов декабризма. Но для следствия (и обвиняемых) вес этих вопросов был весьма различен. Уже по тому, как они обычно располагались в вопросных пунктах: сначала вопрос о цели общества, затем, следом, о намерении цареубийства, — видно, что вопрос о республиканских планах для следствия был, так сказать,

вспомогательным. Сама по себе приверженность республиканской идее не могла быть поставлена в вину, но это был подступ к вопросу о царевубийстве, по нигде напрямую не высказанной, но очевидной для всех участников следствия логике: «Раз вы хотели республики, то что собирались сделать с императором и наследниками престола?», — далее угадывалась не названная, но очевидная и опасная аналогия с событиями французской революции, приведшими к казни Людовика XVI и Марии-Антуанетты. Понимая это, многие декабристы отрицали свои республиканские симпатии, ведь обвинение в замысле царевубийства было из тягчайших. Или же, признаваясь в республиканских убеждениях, декабрист мог вместе с тем до последней возможности отрицать не только согласие свое на идею царевубийства, но даже и участие в такого рода дискуссиях. Вопросы о конституционных проектах были также связаны с вопросом о республике, и, сверх того, эти письменные документы служили уликами. Таким образом, для участи обвиняемого ответы на эти три типа близких по содержанию вопросов имели весьма различные последствия.

Методика моей работы с вопросными пунктами состояла в том, что на каждый допрос (вопросные пункты, являющиеся отдельным документом) я заполняла запись базы данных, где указывались адресат допроса, дата, общее число вопросов и количество вопросов по тематическим рубрикам (в сумме равное общему числу вопросов). На основании этой базы данных я производила дальнейшие подсчеты абсолютных и относительных (выраженных в процентах) соотношений вопросов на разные темы, составляла таблицы, строила диаграммы. Основная проблема, возникавшая при разнесении вопросов по рубрикам, состояла в том, что иногда один и тот же вопрос мог быть отнесен к двум или более разделам. Но для корректного применения количественных методик его следовало учесть лишь в одном разделе, т.к. каждый объект может быть

подсчитан только один раз. Чтобы свести к минимуму могущее возникнуть при этом искажение общей картины (ведь вторая затронутая в этом вопросе тема останется неучтенной), я старалась ориентироваться на представления создателей документа об относительной степени важности разных сюжетов (это видно из формулировок и взаимного расположения вопросов), а также действовать последовательно, в сходных случаях принимая однотипные решения.

Рубрики, относящиеся собственно к декабристским организациям (то есть все, кроме вопросов об иных тайных обществах (п. 11) и «разного») сводимы к трем крупным группам: 1) вопросы, направленные на выяснение сил и возможностей тайных обществ (п. 1, 2, 6, 7, 9, 10, 12, 13, 14, 15, 18 — история и состояние тайных обществ, их заграничные связи, причастность влиятельных сановников, члены, войска, на которые они рассчитывали, переговоры Южного и Северного обществ, Южного общества с Обществом соединенных славян); 2) вопросы о целях и планах декабристов (п. 3, 4, 5, 8 — введение республики, проекты конституций, умысел на цареубийство, нереализованные планы восстания); 3) вопросы о состоявшихся восстаниях на Сенатской площади и в Черниговском полку (п. 16, 17). В общей сложности, первая группа включает 3111 вопросов, это 52,2% от всех вопросов, заданных за время следствия, вторая — 1138 вопросов (19,1%), третья — 754 вопроса (12,7%). То обстоятельство, что следствие приложило достаточно усилий для выяснения действительной силы и влияния тайных обществ, естественно и особых комментариев не требует. Гораздо интереснее, что реально состоявшиеся восстания вызвали меньший интерес следствия, нежели неосуществленные декабристами планы.

Я разработала способ тематической группировки вопросов с тем, чтобы в первую очередь проанализировать

основной вид следственных документов — вопросные пункты. Но ведь кроме них были еще и допросы, записанные В.В. Левашовым (и К.Ф. Толем), и очные ставки, и показания, которые декабристы давали по собственной инициативе. Любые соображения о содержании допросов, сделанные по одним лишь вопросным пунктам, будут неполны. Следовало найти способ сопоставить тематику допросов, наблюдаемую по вопросным пунктам, с остальными видами следственных документов. Тем более что допросы Левашова начинали следствие, а очные ставки его завершали, — те и другие, видимо, должны существенно дополнять и корректировать общую картину, в особенности на начальном и финальном этапах. Проблема здесь техническая: вопросные пункты — документы структурированные, они исходно разделены на отдельные вопросы, которые можно подсчитать. Записи Левашова такого деления не имеют, они представляют собой сплошной текст записанного генералом показания, а на поля могут быть вынесены довольно произвольно, по нескольку вопросов. Вопросы Левашов записывал далеко не всегда и явно не все, а текст показания соотносится с зафиксированными вопросами весьма приблизительно. Добровольные показания декабристов — это, как правило, просто связный текст (лишь изредка, делая дополнение к уже отосланному в Комитет показаниям, декабрист мог подразделить его на несколько пунктов, соответствующих предыдущим вопросным пунктам). Протоколы очных ставок имеют свою структуру и разделены на пункты, но структура эта иная, нежели у вопросных пунктов. Как сравнить все это между собой? Как корректно сравнить тематику записей Левашова (текст) и вопросных пунктов (нумерованные вопросы)? Обработать то и другое так, чтобы получить однородные объекты подсчета (такие, которые можно суммировать друг с другом, сравнивать непосредственно, не рискуя «сложить сапоги с пирогами») невозможно. Но можно

получить данные, пригодные для сопоставления. Для этого тексты (записи Левашова, добровольные показания) подвергаются обработке по принципу контент-анализа. Если нельзя подсчитать в записях Левашова какие-то структурные элементы, то вполне можно отметить, какие тематические рубрики присутствуют в каждом допросе. Таким образом, о вопросных пунктах я буду говорить: на данную тему было задано столько-то вопросов; а о записях Левашова: данная тема затрагивалась в таком-то количестве проведенных им допросов. Этого достаточно для наблюдения за эволюцией тематики на разных стадиях расследования.

Полученные величины зависят не только от содержания допросов, но и от особенностей ведения и записи допросов. Речь не только о том, что, в отличие от вопросных пунктов, протоколы Левашова не структурированы, а вопросы не записаны. Дело еще и в том, что Левашов задавал вопросы устно, поэтому допрос носил менее формальный характер. Получалось, что, если допрашиваемый не признавал своей причастности к тайному обществу, допрос Левашова на этом прекращался; и если декабрист отвечал на те или иные вопросы отрицанием, разговор на эту тему также прекращался (потом, в вопросных пунктах, она могла вновь возникнуть, но уже с уличающими сведениями). А вопросные пункты составлялись в письменной форме и заранее, до начала допроса, — таким образом, список вопросов не зависел от того, как поведет себя допрашиваемый. Даже если он полностью всё отрицал, ему всё же приходилось давать (пусть отрицательные) ответы по всем пунктам. Сама форма допроса приводила к тому, что при сходных обстоятельствах в записях Левашова вопросов могло оказаться гораздо меньше. Зато у Левашова было больше возможностей для маневра, гибкости, ему легче было, в зависимости от ситуации, развернуть ход допроса, сообразуясь с поведением подследственного.

Поскольку допросы, проводимые Левашовым, предшествовали прочим допросам в Следственном Комитете, с них и начнем. Допросы Левашова были первыми в двух отношениях: они открыли всё следствие в декабрьские дни, когда Комитета еще не существовало, они же затем становились первым актом следствия для большинства декабристов. Хронологически допросы Левашова укладываются в промежуток примерно до 9–11 марта 1826 г. (судя по последовательности номеров на записях Левашова, последним допрошенным им декабристом был Ф. П. Шаховской, привезенный в Петербург 9 марта и 11 марта отправленный не в крепость, как большинство его товарищей, а на гауптвахту Главного штаба; допрос у Левашова, по-видимому, для большинства декабристов происходил в промежутке между привозом в столицу и заключением в крепость).

О чем должен был спрашивать декабристов Левашов? Первые по времени допросы, вероятно, должны были дать насущную, срочно нужную власти информацию о восстании 14 декабря, самой актуальной и животрепещущей проблеме того момента. Надо было быстро разобраться, что стоит за восстанием гвардейских полков, насколько сильны заговорщики, насколько они опасны. Только что, в обстановке кризиса междоусобия и восстания в гвардии, Николай Павлович обнаружил, что в империи имеются тайные политические общества. Нужно было узнать, что эти общества из себя представляют, каковы их цели и намерения, чего еще власть может от них ожидать. Понятно также, что на первых допросах Левашов неизбежно должен был задать довольно много вопросов, попадающих «мимо цели». Требовалась определенная «пристрелка», чтобы очертить контуры обнаруженного явления. Еще неясно было, какие сведения окажутся основными и важными, а какие — более

или менее случайными и второстепенными, круг интересов следствия еще не определился.

Тематика допросов, проведенных Левашовым, представлена в Таблице 1. Действительно, обращает на себя внимание значительное количество допросов, в которых присутствует рубрика «разное» (почти половина всех записей Левашова). Чтобы прояснить ее содержание, я добавила дополнительные рубрики, характеризующие основные, наиболее часто встречавшиеся темы, вошедшие в «разное»⁵. Во-первых, это записанные Левашовым на полях вопросы об имени и чине допрашиваемого. Вопрос, очевидно, формальный, и его Левашов должен был задать не некоторым, а решительно всем арестантам, и можно было бы эту тему вовсе не учитывать. Но раз в 40 допросах этот вопрос Левашов зафиксировал письменно, не отметить его невозможно. В 12 допросах Левашов спросил арестанта, присягал ли он Николаю I. Такой вопрос появлялся только в начальных по времени допросах, в течение примерно десяти дней после восстания на Сенатской площади. А самая распространенная тема среди «разного» — это вопросы о круге знакомства допрашиваемого, о том, знаком ли он и в каких отношениях находится с теми или иными членами тайного общества. Таким образом, по-видимому, Левашов стремился выявить возможный круг заговорщиков и уличить очередного подозреваемого в связи с ними.

С течением времени, когда развернулись допросы в Следственном Комитете, основной задачей Левашова должно было все больше становиться первоначальное ознакомление с новыми арестантами, «прощупывание» их, подготовка почивы для более обстоятельных допросов.

⁵ В одном и том же допросе среди «разного» могло наличествовать несколько сюжетов одновременно.

Таблица 1.

Тематика допросов, снятых В. В. Левашовым

	В скольких допросах встречается	% от числа допросов Левашова
1. История тайных обществ	28	10,5
2. Состояние тайных обществ	55	20,6
3. Введение республики	82	30,7
4. Проекты конституций	11	4,1
5. Идея царубийства	24	9,0
6. Причастность сановников	6	2,2
7. На какие войска полагались	14	5,2
8. Планы выступления	28	10,5
9. Заграничные связи	7	2,6
10. Связи с польскими обществами	29	10,9
11. О других тайных обществах в России	26	9,7
12. Связи Южного и Славянского обществ	27	10,1
13. Переговоры Южного и Северного обществ	8	3,0
14. Членство разных лиц в обществе	88	33,0
15. Виновность разных лиц	1	0,4
16. Восстание 14 декабря	153	57,3
17. Восстание Черниговского полка	15	5,6
18. Членство допрашиваемого в обществе	225	84,3
19. Разное	130	48,7
в числе «Разного»: вопросы об имени и чине	40	15,0
вопросы о знакомствах	55	20,6
присягал ли Николаю I	12	4,5
Всего допросов	267	

Третий столбец таблицы содержит сведения о проценте допросов Левашова, в которых наличествует данная тема (то есть понимать данные следует таким образом, что, например, из 267 допросов состояние тайных обществ обсуждалось в 55 допросах, причастность сановников — в 6, и т. д.). При такой методике нормально, что сумма приводимых процентов превышает 100%, ведь в каждом из допросов встречается несколько тем.

Из Таблицы 1 видно, что набор сведений, которыми в первую очередь интересовался Левашов, совершенно естественен как для начала расследования, так и для первых допросов подозреваемых. Прежде всего, Левашов требовал от арестованного признания, что тот входит в тайное общество. История, состояние, цели тайных обществ обсуждались более чем в 60% всех допросов, в 33% допросов выяснялись имена членов. Отметим, что в записях Левашова солидное место занимает вопрос о целях обществ, но слабо присутствует тема царевубийства, которая и по логике первоначального допроса каждого из декабристов (ведь не все из них проявляли готовность сразу во всем сознаться), и для периода, когда происходило большинство начальных допросов, еще не вышла на первый план. Те записи Левашова, в которых она присутствует, — это достаточно поздние допросы, состоявшиеся в конце января — феврале 1826 г., главным образом допросы южных декабристов и членов Общества соединенных славян (из 24 допросов, где упоминалось царевубийство, 16 были допросами «славян», 5 — южных членов). Я уже отметила значительное количество допросов, где имеется рубрика «разное». Помимо названных выше сюжетов, среди «разного» встречаются вопросы о службе допрашиваемого, его поездках за границу и по России (видимо, Левашов подозревал, что за поездками могут стоять связи между заговорщиками), причинах пребывания в Петербурге; нескольких лиц Левашов допрашивал из-за того, что вечером 14 декабря они помогли спрятаться участникам восстания; группе членов Общества соединенных славян он почему-то задал вопрос, где они воспитывались; появлялись и вопросы об уничтоженных перед арестом письмах и бумагах.

Вопросы, которые задавал Левашов, представляются вполне естественными. И, напротив, примечательно, к чему он проявил весьма слабый интерес. А именно — к вопросам

о причастности к тайным обществам влиятельных сановников и о возможных заграничных связях декабристов. В исследовательской литературе принята вполне справедливая точка зрения, согласно которой и то, и другое служило неременным атрибутом расхожих представлений о тайных обществах в начале XIX столетия. Стиль мышления той эпохи предполагал, что сколько-нибудь серьезный заговор должен быть связан с верхушкой социальной иерархии, иметь во главе важных, влиятельных персон (заслуженных генералов, крупных сановников, представителей высшей аристократии) либо же являться ответвлением международных союзов; общим местом было мнение, что и за событиями французской революции, и за иными европейскими потрясениями стояли если не масоны, то иллюминаты, мартинисты или розенкрейцеры⁶. Декабристам и самим не было чуждо осознание этого, и, хотя их тайные общества были вполне самостоятельным, организационно независимым явлением, они понимали, какие ожидания рождает в умах идея тайного общества, и иногда им подыгрывали. Так, в Южном обществе новичкам могли намекнуть о существовании у общества неких авторитетных покровителей (нечто подобное говорил М.П. Бестужев-Рюмин членам Славянского общества). А перед выступлением 14 декабря князь С.П. Трубецкой был избран диктатором восстания именно как обладатель «толстых эполет», занимавший самые солидные среди товарищей служебные позиции, — и это соображение перевесило не вполне подходящие личные качества князя, не годившегося в предводители мятежа.

⁶ См. об этом, например: *Зорин А.* Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII — первой трети XIX века. М., 2004. С. 198–209; также см.: *Леруа М.* Миф о иезуитах: от Беранже до Мишле. М., 2001.

На таком фоне, казалось бы, Левашов должен был непременно уделить существенное внимание влиятельным лицам, которые могли иметь отношение к заговору, и заграничным связям тайных обществ. Однако именно эти темы возглавляют список вопросов, которых Левашов почти не задавал. Было ли свойственно генералу В. В. Левашову особое трезвомыслие, в силу которого он не поддавался стереотипам мышления своей эпохи⁷, или здесь сказался его опыт расследования восстания в л.-гв. Семеновском полку, за которым никаких «тайных пружин» не обнаружилось, теперь сложно судить. Возможно также, что он получил от Николая I специальные указания не вмешиваться в эту сторону дела, хотя это как раз маловероятно, ведь Николай зачастую сам присутствовал на проводимых Левашовым допросах, и если бы захотел иметь какие-то особо конфиденциальные сведения, то, скорее всего, воспользовался бы именно допросом в Зимнем дворце.

О возможности существования у тайных обществ покровителей среди высокопоставленных русских сановников Левашов спрашивал Рылеева — главного организатора восстания в Петербурге. Рылеев⁸ утверждал, что «сношения» с членами Сената и Государственного Совета никогда не имел, был знаком с адмиралом Н. С. Мордвиновым благодаря оде, посвященной им адмиралу, и затем по делам Российско-Американской компании, правителем дел которой поэт являлся⁹. Спрашивал Левашов и Н. М. Муравьева — одного из самых осведомленных северных декабристов, гораздо более давнего члена тайных обществ, нежели

⁷ Среди современников В. В. Левашов имел репутацию доброго малого, человека несколько легкомысленного и никак не мыслителя, славился как отличный наездник. С. Г. Волконский, боевой товарищ и однополчанин Левашова по Кавалергардскому полку, считал, что он «хоть умный малый, но был тогда и остался и после фанфароном» (*Волконский С. Г. Записки*. С. 130, 96).

⁸ В допросе 19 декабря, по-видимому, проведенном Левашовым.

⁹ ВД. Т. I. С. 155.

Рылеев, но в этом вопросе Н. М. Муравьев сослался на сведения, полученные им от Рылеева, что «некоторые члены Государственного Совета желают представительного правления, а именно Мордвинов и Сперанский»¹⁰. Возникла эта тема при допросе С. Г. Краснокутского, занимавшего пост обер-прокурора Сената — в этом качестве он мог бы служить связующим звеном между Северным обществом и сенаторами, а вечером 13 декабря побывал в гостях у М. М. Сперанского и в доме К. Ф. Рылеева; Краснокутский отрицал, что его визиты имели отношение к подготовке восстания, указав на то, что в тот же вечер был и в гостиной военного министра А. И. Татищева, нынешнего председателя Следственного Комитета¹¹. Подпоручик л.-гв. Измайловского полка А. Н. Андреев, принятый в общество незадолго до восстания Рылеевым, на которого он во всем и ссылался, сообщил Левашову, что «надежда общества была основана на пособии Совета и Сената, и мне называли членов первого — господ Мордвинова и Сперанского, готовых воспользоваться случаем, буде мы оный изыщем. Господин же Рылеев уверял меня, что сии государственные члены извещены о нашем обществе и намерении и оное одабривают». Непонятно, почему именно Андреева Левашов мог спрашивать о сановниках, однако протокол допроса позволяет полагать, что об этом заговорил сам Андреев¹². Таким образом, все опрошенные северные декабристы ссылались на Рылеева. Вопрос о сановниках фигурировал и в допросе П. И. Пестеля, который дал Левашову подробные показания, но на этот вопрос ответил решительным отрицанием: «Я никогда не слышал, чтоб намерения общества были разделяемы вышними лицами, может быть, что сие новое сношение началось после моего отъезда

¹⁰ Там же. С. 292–293.

¹¹ ВД. Т. XII. С. 59–60.

¹² ВД. Т. XV. С. 228.

из Петербурга»¹³. Возможно, Левашов с доверием отнесся к свидетельству Пестеля или он и сам не верил в наличие у декабристов серьезных покровителей, но в дальнейшем южных декабристов он об этом не спрашивал. Еще раз вопрос о сановниках возник при допросе М. Ф. Митькова, также слышавшего, что «общество считало на подпору г-на Мордвинова и Сперанского», но не знавшего подробностей¹⁴.

Что касается возможных заграничных связей русских тайных обществ, то об этом Левашов изо всех северных декабристов спрашивал только Митькова, который незадолго перед тем совершил длительное заграничное путешествие (Митьков утверждал, что никаких контактов ни с какими иностранными тайными обществами не имел¹⁵). Впрочем, есть приписка Рылеева к допросу 19 декабря: «С Польшею и с другими государствами сношения никакого не было» — очевидно, Левашов задал вопрос о контактах с польскими тайными обществами (показаний южных декабристов о переговорах с поляками на тот момент еще не имелось, но об этом говорилось в доносе Майбороды)¹⁶. П. И. Пестель сообщил Левашову, что Южное общество через М. П. Бестужева-Рюмина и С. И. Муравьева-Апостола контактировало с польским, директория которого была в Дрездене, а польские общества, в свою очередь, «в сношении с обществами прусским, венгерским, италийским и даже в сношении с англинским правительством, от коего получали деньги»¹⁷. Это показание Пестеля позднее стало причиной включения вопроса о связях с заграничными обществами в вопросные пункты, данные многим его товарищам.

¹³ ВД. Т. IV. С. 81.

¹⁴ ВД. Т. III. С. 190–191.

¹⁵ Там же.

¹⁶ ВД. Т. I. С. 155.

¹⁷ ВД. Т. IV. С. 80.

Еще прежде Пестеля Ф. Ф. Вадковский показал Левашову, что, «по словам Пестеля, общество было в сношении с Польшею и Франциею; но, может быть, сим нас ложно льстили, дабы более утвердить в предпринятом намерении»¹⁸. Левашов, как видно из Таблицы 1, достаточно много спрашивал о контактах с Польским патриотическим обществом, но вот об иных зарубежных связях задавал вопросы гораздо реже. Эта тема возникала в допросах тульчинских декабристов А. И. Барятинского¹⁹, А. И. Черкасова²⁰ и принятого Барятинским в Москве В. С. Толстого²¹ (никто из них не сказал ничего определенного). Был этот вопрос задан и члену польского общества князю А. С. Яблоновскому²².

Понятно, почему В. В. Левашов задал эти вопросы именно этим декабристам. Но остается только гадать, по каким причинам он не спросил о том же многих других. Быть может, спрашивал, но не стал записывать отрицательный ответ? Проблема в том, что мы не знаем, насколько аккуратно и пунктуально Левашов вел записи допросов. Скажем, по имеющимся протоколам часто можно видеть, что отрицательные ответы на свои вопросы он фиксировал, — но всегда ли?

Почему, когда был учрежден и приступил к делу Следственный Комитет, Левашов тем не менее продолжал снимать первые допросы, почему от этой практики не отказались? Видимо, такие допросы давали возможность познакомиться с узником, составить представление не только о степени его причастности к тайным обществам, но и о мере его готов-

¹⁸ ВД. Т. XI. С. 202. Допрос Ф. Ф. Вадковского по нумерации Левашова имеет номер 59, Пестеля — 100.

¹⁹ ВД. Т. X. С. 256–257.

²⁰ ВД. Т. XIII. С. 65.

²¹ ВД. Т. XV. С. 238.

²² ГА РФ. Ф. 48. Д. 320. Л. 1–2 об.

ности давать показания или запереться, об избранной им линии поведения. Все это, вкуче с собранными Комитетом сведениями из других источников (показаний других декабристов, доносов), создавало основу для подготовки вопросов пунктов. Не будем также забывать, что Николай I пользовался допросами у Левашова, когда хотел лично увидеть очередного арестанта.

Кроме записей Левашова, Следственный Комитет получил и другие первоначальные допросы — те, что были проведены в Тульчине генералами А.И. Чернышевым и П.Д. Киселевым. Позднее к ним прибавились допросы участников восстания Черниговского полка, снятые на месте, в 1-й армии.

По форме тульчинские допросы аналогичны вопросным пунктам — это тоже пронумерованные вопросы, которые подозреваемый получал все сразу, списком. Всего Чернышев и Киселев провели 37 допросов²³, в них насчитывается 369 вопросов. Как видно из протоколов, в проведении допросов генералам помогали дежурный генерал 2-й армии Байков, адъютант майор Давыденко и некто Васильковский. Из ука-

²³ Чернышев и Киселев в Тульчине успели допросить доносчиков А.И. Майбороду (трижды) и М.П. Старосельского, декабристов П.И. Пестеля, Н.И. Лорера (четырежды), П.М. Лемана, И.Г. Бурцова, Г.А. Канчилова, С.А. Житкова, Ф.Г. Кальма, А.П. Юшневского, директора канцелярии Юшневского Гени, Ф.Б. Вольфа, Н.А. Крюкова, П.В. Аврамова, А.В. Янтальцева, Н.В. Басаргина, Н.С. Бобрищева-Пушкина (дважды), Н.А. Загорецкого, А.И. Черкасова, И.Ф. Фохта (дважды), а также слуг: денщика Пестеля Савченко (его фамилия в документах появляется с разночтениями, Савченко или Савенко), крепостных Барятинского И.К. Митюрин и К.А. Афанасьева, слуг Крюкова Ю. Ремшевского, Г.Б. Полякова, Л.Г. Каратаева, П.Р. Романова, его же денщиков К.Д. Дмитриева, С.К. Колопеньщикова и хозяина квартиры Лорера в Линцах Л.А. Борштейна. Позднее, в январе – начале февраля 1826 г., в Тульчине генералами Байковым и Корниловым были проведены еще восемь допросов. Это были допросы Е.Е. Лачинова, Ф.Ф. Заикина, А. Мартынова (дважды), а также Белозора и Дрешерна (обоих дважды).

занного числа 159 вопросов (43%) должны быть отнесены к разделу «разное» — картина, сходная с тем, что мы наблюдаем в записях Левашова. Сходно и содержание этих вопросов: преимущественно о круге знакомств подозреваемых и содержании их разговоров. У денщиков и слуг декабристов в Тульчине спрашивали, кто бывал у господина, откуда он получал письма, не жег ли бумаг. Такого рода вопросы на первом этапе следствия не были лишены смысла, хотя и оставляли допрашиваемым возможность уклониться от ответов, сведя показания к изложению вполне невинных обстоятельств, — что они и делали.

Непосредственно тайного общества в допросах Чернышева и Киселева касались 210 вопросов, причем для тульчинского расследования характерна сосредоточенность всего на нескольких сюжетах. 58 вопросов (16%) были о внутреннем устройстве и состоянии общества, 20 (5%) — о возникновении тайных обществ в России, 16 вопросов (4%) — об их цели, то есть планах введения республики, 9 требовали назвать членов, в 42 (11%) речь шла о содержании бумаг заговорщиков, программных документах и конституционных проектах. По 23 вопроса (по 6%) было задано о вступлении допрашиваемого в общество и о том, какие войска затронуты заговором. Прочие темы представлены незначительным количеством вопросов (в общей сложности 19). Во многом это сходно с картиной, наблюдаемой по записям Левашова (не считая вопросов о восстаниях 14 декабря и в Черниговском полку, которые на момент тульчинского расследования еще не состоялись). Хотя в Тульчине характер вопросов в немалой мере был обусловлен содержанием доноса Майбороды, но и сама по себе их тематика вполне естественна для начала следствия, когда информации еще слишком мало, суть дела неясна и первые допросы направлены на то, чтобы хоть как-то к ней приблизиться.

Принципиальное различие между допросами, снятыми Левашовым в Петербурге и Чернышевым и Киселевым в Тульчине, состоит в их результативности. Тульчинские допросы по сравнению с последовавшим затем петербургским следствием были очень неэффективными. От тех же арестантов, которые в Тульчине упорно отрицали какую бы то ни было причастность свою к тайным обществам, Левашов сумел добиться гораздо большего, не говоря уже о дальнейших допросах в Следственном Комитете (активнейшую роль в котором сыграл тот же А. И. Чернышев). Причина, по-видимому, кроется не в личных способностях Левашова, а в различии ситуации. В Тульчине у декабристов еще была надежда, что все обойдется: улики нет, слова доносчиков можно отрицать, армейское начальство склонно замять дело. Сам по себе перевоз их в Петербург уже означал иную степень серьезности происходящего. Плюс к тому — показания Пестеля, признания северных членов, два восстания, после которых уже невозможно было утверждать, что никакого тайного общества не существует. Наконец, несомненную роль сыграла обстановка в штабе 2-й армии, где южные вольнодумцы чувствовали сильную моральную поддержку окружающих. Не только ведущий на пару с А. И. Чернышевым расследование начальник штаба П. Д. Киселев сам попал под сильное подозрение, но и другие должностные лица явно демонстрировали арестованным симпатию и поддержку (например, Н. В. Басаргину дежурный генерал 2-й армии Байков советовал ни в чем не признаваться и дал возможность уничтожить бумаги²⁴). В Петербурге, в крепости, декабристы конечно же очутились совсем в других условиях.

Допросов, проведенных в расположении войск 1-й армии, в следственных делах декабристов меньше, всего их 27.

²⁴ *Басаргин Н. В.* Воспоминания, рассказы, статьи. С. 81.

Это, во-первых, первоначальные допросы декабристов, арестованных в 1-й армии и затем отправленных в Петербург²⁵; во-вторых, копии материалов следствия, ведшегося при Главной квартире 1-й армии. Последних немного, они присылались, по-видимому, специально по требованию Комитета: в делах С.И. Муравьева-Апостола и А.Ф. Фурмана имеются копии допросов И. Ракузы, а копии допросов Я.А. Драгоманова, А.В. Усовского, П.А. Зарецкого, П.К. Головинского, В.И. Шеколы, Д. Грохольского и Г. Крайникова подшиты в делах об их принадлежности к тайным обществам. Не все эти допросы оформлены как вопросные пункты, некоторые представляют собой просто текст показания декабриста. Поэтому не стану приводить точные цифровые выкладки, отмечу лишь, что главным образом допросы касались, естественно, восстания Черниговского полка. Из прочих тем в них затрагивались, хотя и незначительно, вопросы о войсках, на которые рассчитывали мятежники, о членах тайных обществ и вступлении в общество самого допрашиваемого, состоянии обществ и их цели.

Переходя к тематике допросов, проводившихся Следственным Комитетом, замечу, что если трактовать полученные цифры слишком буквально, видеть в них непосредственное отражение интересов следствия, то появляется риск упрощения картины. Количество вопросов той или иной тематики зависело и от логики, особенностей хода расследования, и от поведения декабристов, от того, получал ли

²⁵ С.И. Муравьева-Апостола (три допроса, снятые генералами Ротом и дежурным генералом 1-й армии Ольдекопом), М.И. Муравьева-Апостола (два допроса, снятые генералом Толем) и М.П. Бестужева-Рюмина (три допроса, снятые Толем и Ольдекопом); Ал.З. Муравьева (допрошен 10 января 1826 г. Ольдекопом насчет приезда к нему 26 декабря С.И. Муравьева-Апостола); и М.М. Гротенгельма (о знакомстве с С.И. Муравьевым-Апостолом и князем С.П. Трубецким, см.: ВД. Т. IV. С. 234–238). В Могилеве допрашивали перед отправкой в Петербург А.Ф. Вадковского (трижды), В.К. Тизенгаузена и И.П. Жукова, в Житомире — П.И. Борисова.

Комитет сразу удовлетворявшую его информацию или требовались настойчивые повторные допросы. Когда подозреваемый сразу давал признательные показания, то дальнейшие расспросы могли не понадобиться; если же он запирался, то приходилось повторно (и зачастую не раз) допрашивать и его, и других декабристов. Чем опаснее была тема, тем сильнее нежелание узников отвечать, — и тем сильнее возрастало стремление Следственного Комитета добиться их признания. В итоге количество вопросов все же достаточно отчетливо отражает степень интереса следствия к теме. Ведь в показаниях декабристов есть множество сведений, которыми следствие не заинтересовалось, не стало задавать в связи с ними новых вопросов. Зато когда признания узников попадали в фокус преимущественных интересов Комитета, они могли порождать целые серии новых допросов, даже видоизменять общий ход следствия.

Распределение вопросов, содержащихся в вопросных пунктах, по тематическим рубрикам приведено в Таблице 2. В ней учтены данные по всем вопросным пунктам (1813 допросов из 5959 вопросов, содержащихся в 317 следственных делах), полученным декабристами за время следствия, до 17 июня 1826 года, когда состоялось последнее, 146-е заседание Комитета²⁶.

²⁶ В Таблицу 2 не входят данные по допросам Левашова, очным ставкам, допросам, произведенным не петербургским Комитетом, так называемым вопросам «о воспитании», а также показаниям, данным декабристами по собственной инициативе, без вопросных пунктов — все эти категории документов мы рассматриваем отдельно.

Таблица 2.

Тематика допросов декабристов Следственным Комитетом

	Количество вопросов	%
1. История тайных обществ	295	4,95
2. Состояние тайных обществ	554	9,3
3. Введение республики	192	3,2
4. Проекты конституций	153	2,6
5. Идея царевубийства	270	4,5
6. Причастность сановников	49	0,8
7. На какие войска полагались	216	3,6
8. Планы выступления	523	8,8
9. Заграничные связи	91	1,5
10. Связи с польскими обществами	217	3,65
11. О других тайных обществах в России	262	4,4
12. Связи Южного и Славянского обществ	74	1,2
13. Переговоры Южного и Северного обществ	138	2,3
14. Членство разных лиц в обществе	972	16,3
15. Виновность разных лиц	154	2,6
16. Восстание 14 декабря	635	10,7
17. Восстание Черниговского полка	119	2
18. Членство допрашиваемого в обществе	351	5,9
19. Разное	702	11,8
Всего допросов	5959	100

Во втором столбце таблицы приведено абсолютное количество вопросов по каждой теме, в третьем — удельный вес вопросов этой темы по отношению к общему количеству (сумма цифр третьей колонки дает 100,1% — лишняя десятая процента является результатом округления данных до первого десятичного знака).

Если бы интересы следствия равномерно распределялись по всем темам, то на каждую из них пришлось бы порядка 5% всех вопросов. В реальности, как видно из таблицы, распределение было совсем иным.

Наибольшее количество вопросов было связано с выяснением причастности разных лиц к тайным обществам. Если прибавить близкий к этому раздел о вступлении в общество самого допрашиваемого, то вместе они составят 1323 вопроса, 22,2% от общего числа (и это при том, что значительная часть вопросов о причастности к обществу была снята Левашовым во время первоначальных допросов). Обилие их связано не только с очевидным стремлением следствия определить состав заговора, выявить всех его участников. Сыграл роль и соблюдавшийся Комитетом принцип: основанием для ареста очередного подозреваемого могли служить как минимум два свидетельства о его прикосновенности к делу. Поэтому о каждом новом подозреваемом спрашивали нескольких декабристов, которые, как полагал Комитет, могли знать, входил ли тот в тайное общество.

Существовала достаточно устойчивая группа декабристов, лидеров Южного, Северного и Славянского обществ, постоянно получавших от Комитета вопросы о причастности того или иного лица: следствие относилось к ним как к своего рода компетентным свидетелям. За все следствие К. Ф. Рылеев получил 52 таких вопроса, С. И. Муравьев-Апостол и М. П. Бестужев-Рюмин — по 49, П. И. Пестель и Е. П. Оболенский — по 48, С. П. Трубецкой — 42, А. А. Бестужев — 30, И. И. Пущин — 28, Н. М. Муравьев и М. И. Муравьев-Апостол — по 23, А. П. Юшневский — 20, С. Г. Волконский — 19, А. П. Барятинский и А. И. Тютчев — по 18, М. М. Нарышкин и М. М. Спиридов — по 17, П. И. Борисов и В. Л. Давыдов — по 16, П. Ф. Громнитский и И. И. Горбачевский — по 15, П. Г. Каховский и В. А. Бечаснов — по 14, И. С. Повало-Швейковский — 13, А. С. Пестов — 12 вопросов. По 10 вопросов были посланы Ф. Ф. Вадковскому и В. К. Тизенгаузену, по 9 — И. Ф. Шимкову, А. З. Муравьеву и А. О. Корниловичу, 8 — Я. М. Андреевичу. По 7 вопро-

сов получили 8 декабристов (М. Ф. Митьков, И. П. Жуков, А. И. Одоевский, В. П. Ивашев, П. Н. Свистунов, Н. А. Бестужев, П. В. Аврамов, А. В. Поджио), по 6 вопросов — пятеро (И. И. Иванов, И. Д. Якушкин, Н. Ф. Лисовский, А. Н. Муравьев и И. Г. Бурцев), по 5 вопросов также пятеро (А. А. Крюков, И. В. Поджио, Н. И. Лорер, А. К. Берстель и Н. О. Мозгалевский). Еще девять декабристов получили по 4 вопроса, четырнадцать — по 3 вопроса, наконец, 83 декабриста — по 1–2 таких вопроса. Таким образом, 10 декабристов получили больше 20 вопросов каждый и еще 14 человек — более 10 вопросов о принадлежности к обществам разных лиц.

Собственно, стоит заглянуть в несколько следственных дел, и без особых подсчетов становится очевидно, что существовала группа руководящих членов тайных обществ, которым, как наиболее осведомленным в делах организации, Комитет регулярно адресовал запросы, состоит ли в обществе то или иное лицо. Приведенные цифры позволяют составить обоснованный список этих лиц и определить их своеобразный «рейтинг» в глазах Следственного Комитета. Чем больше запрашивали того или иного декабриста о причастности других, тем выше Комитет оценивал его положение в тайном обществе, его осведомленность, а также, возможно, и достоверность его ответов.

Неудивительно, что этот список открывают К. Ф. Рылеев, С. И. Муравьев-Апостол и М. П. Бестужев-Рюмин. Рылеева спрашивали обо всех подозреваемых в причастности к Северному обществу и восстанию 14 декабря, а возглавляемая С. Муравьевым-Апостолом и М. Бестужевым-Рюминым Васильковская управа Южного общества была самой многочисленной, они проявляли особенную активность в приеме новых членов. Примечательно, что в списке много имен участников относительно небольшого по численности Обще-

ства соединенных славян. Это объясняется тем, что многие из «славян» довольно упорно запирались, и Комитет провел дополнительные допросы для их уличения. Что же касается декабристов, которых редко спрашивали о сочленах, то они являлись свидетелями локальных, периферийных событий, свидетелями, которые сами были не очень-то посвящены в дела общества, но могли знать о причастности к нему своего друга, родственника, однополчанина.

60% всех вопросов о принадлежности к обществам разных лиц находится в делах, не входивших в группы А.И. Чернышева и А.Х. Бенкендорфа. Это понятно: в третьей группе были в основном дела на людей, мало или вовсе не замешанных в тайных обществах, в этой группе в значительном количестве случаев следствие сводилось к сбору сведений о причастности подозреваемого к обществам (и далеко не всегда сопровождалось его арестом). В третьей группе такие вопросы составляют 47,6% от всех имеющихся (см. Таблицу 3).

Вторым по удельному весу среди тематических разделов является «разное», что требует остановиться на его содержимом. Всего этих вопросов 702 в 368 допросах. Из них практически только 219 вопросов (31% раздела «разное» и 3,7% от всего количества заданных декабристам вопросов) касаются собственно деятельности декабристских обществ. Это вопросы, либо посвященные выяснению отдельно стоящих, фрагментарных эпизодов деятельности тайных обществ, нетипичные, либо сформулированные чрезмерно обобщенно. Так, А. Ф. Фролова 22 февраля спросили: «Какое дали вы обязательство при вступлении в означенное общество и каким образом выполняли оно? Здесь поясните откровенно все действия ваши, в духе общества произведенные»²⁷; И. П. Шипова

²⁷ ВД. Т. XIII. С. 328. Фролов ответил, что «при вступлении в общество обязательств никаких не давал и не выполнял». (Там же. С. 330.)

и И. А. Долгорукова — «какое участие» принимали они в действиях Союза благоденствия после совещаний 1820 года²⁸, а нескольких членов Тульчинской управы (И. Б. Аврамова, А. И. Черкасова, Н. С. и П. С. Бобрищевых-Пушкиных, Н. Ф. Заикина) довольно настойчиво спрашивали о том, какие поручения по делам Южного общества они получали от А. И. Барятинского²⁹. Отдельные, частные эпизоды, привлечшие внимание Комитета, — это вопросы о найденных у арестованных разнообразных вольнодумных стихах и подозрительных письмах; тех или иных разговорах, репликах декабристов (действительно ли М. П. Бестужев-Рюмин угрожал доносчикам «ядом и кинжалом»; подробности разговора П. И. Пестеля с К. Ф. Рылеевым о разделении земель; правда ли, что И. С. Повало-Швейковский был так возмущен отстранением его от командования полком, что грозился поднять восстание, а Рылеев предполагал через В. И. Штейнгейля принимать в тайное общество купцов и т. д.); о таких происшествиях, как подделка С. Г. Волконским печати дежурного генерала 2-й армии Байкова, покупка М. С. Луниным литографического станка, уничтожение И. Г. Бурцевым найденного в бумагах В. Ф. Раевского при его аресте в 1822 г. списка членов Союза Благоденствия; каким образом С. Г. Волконский узнал о смерти Александра I до официального объявления; вопросы по ряду обстоятельств, изложенных в доносах Шервуда и Бошняка и др. Сюда же нами были отнесены такие вопросы, где спрашивалось о приеме в общество новых членов, но целью вопроса являлось уличить не принятого, а принявшего члена, когда он отрицал свою причастность к обществу или же утверждал, что в обществе состоял, но ничего не делал, тогда как Комитет располагал свидетельствами, что он принимал новых членов и, значит, был не просто

²⁸ ВД. Т. XX. С. 421, 429.

²⁹ ВД. Т. XIII. С. 22, 66; Т. XII. С. 346, 352, 392–393, 397, 414.

номинальным участником тайного союза. Например, вопрос Н. А. Крюкову в вопросных пунктах от 8 апреля: «Комитет имеет сведение, что вы принимали многих членов в тайное общество. Поясните: кого именно и когда вы приняли и какую им объявляли цель общества?»³⁰; А. И. Одоевскому от 31 марта: «Ринкевич говорит, что вы приняли его в члены общества. Когда и где вы его приняли и что сообщили ему о цели общества?»³¹.

Еще 63 вопроса из раздела «разное» (9%) касались обстоятельств, которые показались следствию подозрительными, но, как потом выяснилось, к деятельности декабристских обществ отношения не имели. Комитет, например, интересовался, каким образом М. П. Бестужеву-Рюмину удавалось часто отлучаться от своего полка; почему разжалованный в рядовые Ф. М. Башмаков жил в квартире С. И. Муравьева-Апостола; зачем С. П. Трубецкой в 1825 г. приехал в отпуск в Петербург; зачем в столицу приехал А. И. Якубович и на какие средства он жил; почему Н. Р. Цебриков снимал квартиру у Н. Г. Смирнова, а Я. М. Андреевич часто не бывал дома, и за какое поведение упрекал его брат Г. М. Андреевич в перехваченном на почте письме; не стояли ли какие-то планы общества за стремлением А. И. Барятинского получить в командование кавалерийский полк или переходом М. А. Бестужева из морской службы в лейб-гвардии Московский полк; спрашивали о загадочных пяти тысячах колец, якобы заказанных заговорщиками, и значении железного кольца с цифрой 71, которое носил Н. А. Панов; о записке В. Н. Лихарева о военных поселениях; о составленной членами Общества соединенных славян записке об исправлении артиллерийских снарядов; зачем к Пестелю в Линцы приезжал его фактор еврей

³⁰ ВД. Т. XI. С. 363. Крюков ответил, что принял Загорецкого и Юрасова. (Там же. С. 367.)

³¹ ВД. Т. II. С. 261.

Д. Лошак и правда ли, что к Пестелю приходил какой-то старик, с которым они писали иероглифы, и т.д. Примерно половина этих вопросов, свидетельствующих как о настороженности следствия, так и о готовности заняться выяснением не только политических, но и служебных провинностей арестантов, была задана в группе А.И. Чернышева.

100 вопросов (14% «разного») были анкетного характера: об имени, чине, возрасте допрашиваемого, приносил ли он присягу Николаю I. В принципе, в процессе декабристов не существовало специальной процедуры создания анкеты с формальными сведениями об арестованном. Декабристам раздавали так называемые «вопросы о воспитании»³², стандартный список вопросов из 7 или 8 пунктов (в п. 8 спрашивали о прохождении службы), но давали их не в начале, а в конце следствия, с конца марта до середины июня³³

³² Напомню, что эти вопросники не входят в число анализируемых нами здесь 1813 допросов декабристов.

³³ Встречающиеся в литературе утверждения, что этот похожий на анкету вопросник декабристы получали в самом начале следствия (см. например: Артемьев С.А. Следствие и суд над декабристами // Вопросы истории. 1970. № 2. С. 115–128; № 3. С. 112–118.), являются плодом заблуждения. В.А. Федоров совершенно справедливо отнес его к концу расследования (Федоров В.А. «Своей судьбой гордимся мы...» С. 197). Вопросы «о воспитании» не датированы, а при издании следственных дел публикаторы помещали их в начало, поэтому при поверхностном взгляде кажется, что такие формальные вопросы об имени, возрасте и т.п. должны были быть заданы до основных допросов, — однако это не так. Несколько ответов декабристов на вопросы «о воспитании» датированы и позволяют судить о времени появления этих вопросников (Шаховской Ф.П. — [30 марта — 2 апреля]; Семенов А.В. — 31 марта; Волконский С.Г., Лихарев В.Н. — 23 апреля; Бечаснов В.А., Враницкий В.И., Фролов А.Н., Пыхачев М.И. — 24 апреля; Веденяпин Ал.В., Юшневский С.П., Врангель Ф.Е., Жебровский Ф.А. — 25 апреля; Фролов А.Ф. — 26 апреля; Лукашевич В.Л. — [28 апреля]; Фохт И.Ф. — 4 мая; Арбузов А.П., Якушкин И.Д., Муравьев А.М., Семенов С.М., Перетц Г.А. — 25 мая; Кожеников Н.П., Кожеников А.Л. — 1 июня; Лунин М.С., Вадковский Ф.Ф., Розен А.Е., Толстой В.С., Сабуров А.И., Искрицкий Д.А., Горсткин И.Н., Мусин-Пушкин В.А., Кюхельбекер В.К. — 2 июня; Колошин Павел И. — 20 июня). Невозможно установить, были ли вопросы «о воспитании» розданы в несколько приемов, на рубеже марта – апреля, в конце апреля, конце мая – на

(примерно тогда же Комитет запросил у соответствующих ведомств копии формулярных списков декабристов), и не всем. Их получили 159 декабристов — по-видимому, те, кого к тому времени Комитет предполагал отдать под суд. Главной целью этих вопросов было не получение формальных анкетных биографических данных, а выяснение путей распространения вольнодумства: декабристов спрашивали, в каких учебных заведениях они учились и откуда заимствовали свободный образ мыслей. Об имени и чине спрашивал арестованного в начале допроса В.В. Левашов, по-видимому, это считалось достаточным для удостоверения его личности. Неясно, почему, тем не менее, указанные нами 100 вопросов попали в общие вопросные пункты и почему они были заданы только некоторым из декабристов. Вероятнее всего, это не более чем случайности делопроизводства.

В 113 вопросах (16% «разного») арестанта спрашивали о его круге знакомства, содержании разговоров, выясняли, знаком ли он с известными Комитету членами тайных обществ, в каких отношениях с ними находится. Сходные вопросы задавал Левашов, но в вопросных пунктах их относительно меньше. Еще 50 вопросов (7%) уточняли данные об уже названном в чьих-то показаниях лице: как зовут искомого человека, где он живет и служит, кого из нескольких однофамильцев имел в виду автор показаний. Среди этих вопросов отметим попытки Комитета установить личность «капитана Беляева», выдуманного И.И. Пуциным (Пуцин, стремясь оградить своих товарищей, утверждал, что этот Беляев принял его в тайное общество). 107 вопросов (15% «разного») содержат требование дать откровенные и правдивые показания, раскаяться в своей вине.

чале июня, или же постепенно раздавались на протяжении этого времени. О том, что вопросы о воспитании принесли к концу следствия, вспоминал Н.В. Басаргин (Басаргин Н.В. Воспоминания, рассказы, статьи. С. 98).

Наконец, в 50 вопросах (7% «разного») речь шла об обстоятельствах, непосредственно предшествовавших аресту того или иного лица. Комитет считал нужным установить, где некоторые участники 14 декабря находились в промежутке между разгромом восстания и арестом, в чьих домах они скрывались, уточнял обстоятельства ареста Н. А. Бестужева, искал скрывшегося В. К. Кюхельбекера (а затем выяснял, кто ему помогал в побеге); у южных декабристов требовали признания в том, что они, ожидая арестов, сговорились между собой не сознаваться, предупреждали товарищей о доносе Майбороды, уничтожали и прятали бумаги. Сюда же мы отнесли вопросы о свидании С. Г. Волконского с арестованным П. И. Пестелем в главной квартире 2-й армии и местонахождении бежавшего после подавления восстания Черниговского полка И. И. Сухинова.

Возвращаясь к основным рубрикам, представленным в Таблице 2, отмечу, что Следственный Комитет уделил много сил выяснению того, что представляют собой тайные общества, каков их потенциал, внутреннее устройство и т. д. Вопросами их истории Комитет занимался меньше, но и этот раздел нельзя счесть обделенным вниманием. Поскольку принадлежность к тайным обществам до 1821 года в вину не вменялась, вопросов об этом вроде бы должно быть немного, так что удельный вес этого раздела больше, чем можно было ожидать. Видимо, потому, что прежде чем отказаться от преследования членов Союза Благоденствия, сначала надо было убедиться в том, что за ними действительно нет серьезной вины и они не опасны. Кроме того, в раздел по истории тайных обществ входят вопросы о Московском съезде 1821 года, совещаниях 1820 года у Ф. Н. Глинки и И. П. Шипова, где заходила речь о цареубийстве, поэтому в деталях этих совещаний Следственный Комитет хотел разобраться досконально.

К содержанию конституционных проектов и других программных документов декабристов следствие проявило весьма слабый интерес. А учитывая, что в эту группу вошли также вопросы, связанные не только с содержанием документов, но и с поисками рукописи «Русской Правды», распространением «Православного Катехизиса» С. И. Муравьева-Апостола, становится вполне ясно, что сами по себе декабристские конституции довольно мало интересовали Следственный Комитет. Что совершенно неудивительно: авторитарным режимам, как правило, несвойственно вдумчиво интересоваться идеями и проектами мятежников. Как известно, Николай I поручил сделать для него свод показаний декабристов с критикой положения в России, более того, некоторым декабристам он сам предложил изложить для него свои мнения. Однако записки, которые декабристы составляли по побуждению царя, оформлялись как письма на его имя и как бы выводились за рамки общего делопроизводства Следственного Комитета. То обстоятельство, что эта информация оказалась таким образом востребованной, отнюдь не означает, что Следственный Комитет прилагал целенаправленные усилия для ее получения. Можно отдать должное Николаю Павловичу, проявившему к ней интерес, но исследователь должен помнить, что речь идет о сведениях, заведомо неполных, фрагментарных и восходящих к чрезвычайно узкому кругу декабристов — ведь немногие из них сочли нужным, сидя в казематах, изложить свои взгляды.

В декабристоведческой литературе существует согласие в том, что Николай I не считал возможным (или боялся — в более радикальной трактовке М. В. Нечкиной³⁴ и других исследователей советской школы) обнародования истинных мотивов выступления декабристов — отмены крепостного

³⁴ *Нечкина М. В.* Движение декабристов. М., 1955. Т. 1. С. 6–9.

права, введения конституции, реформировании государственного быта, — публике осужденные были представлены как мятежники и цареубийцы. Но могли такой политический заказ распространяться и на само следствие, влиять на содержание допросов? В этом был бы смысл, если бы речь шла о публикации материалов следствия или какой-то их части. Но следствие было секретным, и на протяжении еще почти столетия его архив оставался секретным, напечатаны были лишь итоговые документы — доклад Следственной Комиссии, списки обвиняемых. Какой смысл фальсифицировать секретное расследование, ни в коем случае не предназначенное для публики? Выше мы говорили о том, что у деятелей следствия не могло быть карьерно-бюрократических мотивов для фальсификации дела. А пожелай правительство Николая I в деле декабристов прибегнуть к фальсификации его сути, то с его стороны было бы разумно в ходе секретного расследования разузнать об обстоятельствах, содержащих реальную угрозу для существующего политического порядка, выяснить действительное положение дел, а затем уже заняться подысканием (или подтасовкой) таких материалов для обвинения, которые могли бы произвести наибольший пропагандистский эффект, как, например, намерение покуситься на священную особу императора. Но по документам следствия такой ход дела не прослеживается. Не заметно ни раздвоения целей следствия, ни смены его приоритетов на каком-либо этапе, не похоже также, чтобы вопрос о цареубийстве был использован режимом как прикрытие стремления расправиться с инакомыслящими. Проблема умысла на цареубийство совершенно серьезно и искренне расценивалась как наиважнейшая. Уже в ночь с 14 на 15 декабря Николай Павлович писал Константину: «Показания Рылеева, здешнего писателя, и Трубецкого раскрывают все их планы, имеющие широкие разветвления внутри страны. Всего любопытнее то, что перемена государя послужила

лишь предлогом для этого взрыва, подготовленного с давних пор и с целью умертвить нас всех, чтобы установить республиканское конституционное правление»³⁵. Мысль о цареубийстве с точки зрения тогдашнего законодательства расценивалась как покушение на серьезнейшее преступление, давала основание для тягчайшего обвинения заговорщиков. Следствие уделило этой теме немало внимания, доказательством чего служит количество вопросов. Но если беспристрастно отнестись к тому, что говорили об этом сами декабристы как в показаниях, так и в мемуарах позднее, то становится очевидным, что в их планах идея цареубийства не имела столь центрального и основополагающего значения, как то кажется по материалам следствия. Однако в историографической традиции изложения идеологии декабризма сказалось влияние картины, нарисованной следствием: вопрос о цареубийстве получил преувеличенное значение. Историки советского времени использовали его как доказательство «революционности» декабристского движения, парадоксальным образом солидаризуясь в этом с Николаем I.

По тем же причинам, что об умысле на цареубийство, декабристов много допрашивали об их различных «решительных намерениях» — Московском заговоре 1817 года, предложении Лунина создать партию в масках для убийства императора, бобруйском и белоцерковском планах, идее А.В. Поджио застрелить царя из духового ружья, запланированном южными декабристами восстании в начале 1826 года и других планах, возникавших в разное время, но так и оставшихся лишь разговорами. К ним Следственный Комитет проявил пристальный интерес, отчасти, как представляется, объ-

³⁵ Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. С. 146.

ясным тем, что они давали материал для формулирования конкретных обвинений против авторов этих замыслов.

В вопросных пунктах, как и в допросах, снятых В. В. Левашовым, весьма мал против ожидаемого удельный вес тем, которым Следственный Комитет и Николай I не могли не придавать первостепенного значения: о заграничных связях русских тайных обществ и причастности к ним крупных русских сановников. Нет никаких оснований подвергать сомнению важность этих тем для власти. Появление любой такого рода информации влекло за собой ее тщательную проверку, подробные и настойчивые допросы. Еще в ходе следствия над декабристами, в конце февраля 1826 г., оправданный как не принадлежавший к тайным обществам и уже получивший оправдательный аттестат поручик л.-гв. Измайловского полка И. Ф. Львов был вновь допрошен в Комитете. Причиной было показание В. А. Дивова о том, что Львов пересказал И. П. Гудиму брошенную адмиралом Н. С. Мордвиновым фразу, что он будет «до конца жизни своей» противиться присяге Николаю Павловичу³⁶.

Даже после осуждения и ссылки декабристов новые доносы об их заграничных контактах приводили к возобновлению расследования. Так было после полученного Николаем I в конце июля 1826 г. доноса о связи декабристов с немецким обществом иллюминатов, когда тщательно допросили сидевшего в крепости Н. М. Муравьева и уже отправленного в Благодатские рудники В. Л. Давыдова, причем информация казалась властям настолько ценной, что за признание декабристам обещали освобождение из заключения. После доноса И. И. Завалишина о том, что его брат получал от иностранных правительств деньги на устройство смут

³⁶ ВД. Т. XIV. С. 297–298; Т. XXI. С. 100–105, 217–234.

в России, Д. И. Завалишин был вновь допрошен. Наконец, привоз А. О. Корниловича из Сибири в Петропавловскую крепость в феврале 1828 г. был вызван доносом Ф. В. Булгарина о том, что английские либералы переправляют в Россию литературу и распространяют свои идеи, и в частности, А. О. Корнилович был связан с неким английским купцом³⁷. Все эти допросы неизменно давали отрицательные результаты: русские тайные общества не имели никакого отношения к зарубежным, не являлись ответвлением общеевропейского заговора, равно как и частью политической интриги иностранных правительств. Также оказалось, что никто из подозревавшихся видных русских государственных и военных деятелей (М. М. Сперанский, А. Н. Мордвинов, А. П. Ермолов, Н. Н. Раевский, сенаторы Баранов и Львов) в замыслах декабристов не участвовал. А отрицательные ответы на вопросы не давали возможности развивать тему, спрашивать повторно, допрашивать свидетелей, выяснять детали. Видимо, в этом и кроется объяснение тому, что число вопросов по этим темам невелико.

Надо заметить, что такой итог следствия самому Николаю I казался несколько неожиданным. Когда по ходу дела стало обнаруживаться, что никаких влиятельных покровителей у тайных обществ нет, он с явным изумлением 10 февраля писал Константину Павловичу: «Никаких новых данных относительно руководителей, и судя по их планам, кажется, эти безумцы действительно думали сами руководить делом: так, Сергей Муравьев должен был здесь командовать гвардией; Рюмин — 3-м корпусом, а Пестель — 2-й армией! Конечно, подобную нелепость трудно понять, если только не видеть

³⁷ Подробнее см.: Федоров В. А. «Своей судьбой гордимся мы...» С. 120–124; Корнилович А. О. Записки из Алексеевского рavelина / Публ. Н. Г. Пискунова. М., 2004.

в ней десницы божьей, — как и в малейших подробностях всего этого ужасного дела!»³⁸.

Впрочем, говоря о расследовании этих двух тем, следует прояснить одну проблему: в литературе бытует убеждение, что в рамках следствия над декабристами велось еще одно особое, сугубо секретное расследование, касавшееся как раз причастности к тайным обществам видных государственных сановников и возможной связи русских заговорщиков с правительствами иностранных государств, материалы этого расследования затем были уничтожены по приказу Николая I. Особая секретность объяснялась чрезвычайной политической деликатностью темы.

Прямых свидетельств того, что по окончании следствия над декабристами эти документы были уничтожены, не существует. Но еще один из первых исследователей декабризма В. И. Семевский полагал, что их сожгли, ссылаясь на сведения из мемуарной записки Н. С. Мордвинова. Изучавшая отношения декабристов с Мордвиновым и Сперанским А. В. Семенова заключила, что есть основания так считать, поскольку «в фонде Следственного Комитета и Верховного уголовного суда над декабристами не осталось никаких документов о тайном расследовании, и, насколько известно, следов их не найдено и в других архивах»³⁹. В. А. Федоров

³⁸ Междоусобица 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. С. 189. Константин Павлович также полагал, что во главе тайных обществ должны стоять некие влиятельные фигуры. Об этом он писал Николаю 22 декабря, после того как внимательно изучил присланные из Петербурга донесения о расследовании: «Список арестованных содержит только имена лиц до того неизвестных, до того незначительных самих по себе и по тому влиянию, которое они могут иметь, что я вижу в них только передовых охотников и застрельщиков шайки, заправила которой остались сокрытыми до времени (...) нужно разыскивать подстрекателей и руководителей». (Там же. С. 167.)

³⁹ *Семенова А. В.* Временное революционное правительство в планах дека-

на основании записок Боровкова, а также упоминавшегося нами выше рассказа С. П. Трубецкого о том, как к нему в крепость приходил А. Х. Бенкендорф и расспрашивал о связи тайного общества с М. М. Сперанским, заключил, что после первых допросов по распоряжению Николая I «следствие по делу Сперанского и Мордвинова велось сверхсекретным образом уже помимо Следственного Комитета», и поручено оно было А. Х. Бенкендорфу⁴⁰.

Записки А. Д. Боровкова сообщают следующее: в мае 1826 г. в Комитет был прислан Д. Н. Блудов «для составления журнальной статьи о ходе и замыслах тайных обществ в России. Я давал ему материалы для этого труда, кроме тех, которых его величеству не благоугодно было оглашать. Так, например, некоторые злоумышленники показывали, что надежды их на успех основывали они на содействии членов Государственного Совета графа Мордвинова, Сперанского и Киселева, бывшего тогда начальником штаба 2-й армии, и сенатора Баранова. Изыскание об отношении этих лиц к злоумышленному обществу было произведено с такою тайною, что даже чиновники комитета не знали; я сам собственноручно писал производство и хранил у себя отдельно, не вводя в общее дело. По точнейшем изыскании обнаружилось, что надежда эта была выдуманною»⁴¹. Боровков, между тем, отнюдь не сообщает, что эти материалы были сожжены. Результаты расследования о сановниках и заграничных связях декабристских обществ действительно не были включены в опубликованное донесение Следственной Комиссии, но составили особое секретное приложение к нему⁴². В. А. Федоров в этой связи ссылаясь на мемуары

бистов. М., 1982. С. 53.

⁴⁰ Федоров В. А. «Своей судьбой гордимся мы...» С. 146.

⁴¹ Боровков А. Д. Автобиографические записки. С. 348.

⁴² ВД. Т. XVII. С. 64–68.

Мордвинова, утверждавшего, что, когда против него не нашлось улики, Николай I «приказал истребить все вопросы и ответы вопрошаемых»⁴³. Эти слова Мордвинова нельзя считать достаточным свидетельством: он не имел доступа к следственным делам (как и все члены Верховного уголовного суда над декабристами, он видел экстракты — записки о силе вины каждого подсудимого). Нет ничего невероятного в том, что Мордвинов услышал, и даже от самого императора, фразу о том, что «всякие подозрения уничтожены», и трактовал ее как уничтожение буквальное, как сожжение бумаг. Но Николай I не был бы политиком, если бы позволял себе на самом деле уничтожать важные следственные улики, документы, компрометирующие влиятельных лиц. Он вполне мог объявить об этом, сделать жест, рассчитанный на публику, даже если она состояла из одного лишь попавшего под подозрение сановника. Существует выразительная параллель этой истории. 14 декабря при присяге произошла заминка в лейб-гвардии Конной артиллерии: три офицера, прапорщики А.В. Малиновский, граф И.П. Коновницын и подпоручик А.Г. Вилламов, отказались присягать, были арестованы полковым командиром, силой вырвались, кричали солдатам, что присяга обманная, но вскоре одумались, вернулись в казармы и присягнули. Об этом немедленно доложили Николаю Павловичу, который заявил, что «не хочет знать имен сих шалунов» и велел освободить их из-под ареста. Что, однако, ничуть не помешало вскоре снова их арестовать, посадить в крепость и наравне со всеми подвергнуть следствию⁴⁴.

Никаких иных свидетельств современников или официальных документов, сообщающих об уничтожении части

⁴³ Федоров В.А. «Своей судьбой гордимся мы...» С. 146.

⁴⁴ ВД. Т. XXI. С. 157–165.

следственных материалов, связанной с расследованием о чиновниках, не существует.

Представляется, что рассказ Боровкова был понят историками неверно. Нет достаточных оснований считать, что секретное «следствие внутри следствия» должно было составлять некое отдельное производство. Из записок Боровкова следует только, что он в процессе расследования держал отдельно особо секретные материалы и не показал их занятому составлением отчета для публики Блудову — чиновнику и литератору, который был сторонним Следственному Комитету лицом. Это указывает лишь на меру допуска Блудова к секретным документам. Более того, как показал В. А. Федоров, в рукописном варианте записок Боровкова обсуждаемый текст выглядит несколько иначе: «Это изыскание производилось самым секретным образом так, что и в канцелярии Комиссии никто не знал: все вопросы и все письмоводство по этому предмету вел сам»⁴⁵. Речь о том, что от этой работы были отстранены чиновники Комитета, а вовсе не его члены. Приход Бенкендорфа в крепость к Трубецкому был необычным явлением, но он не может служить веским доказательством существования обособленного специального расследования. Необычная обстановка допроса конечно была вызвана желанием Бенкендорфа придать беседе доверительный характер, в надежде получить от декабриста больше сведений по действительно очень щекотливому делу. Однако воспоминание Трубецкого об этом эпизоде оканчивается сообщением, что Бенкендорф, уходя, потребовал, «чтоб я написал к нему все, что знаю о Сперанском»⁴⁶. Таким образом, письменное оформление допроса предполагалось и требовалось.

⁴⁵ Федоров В. А. «Своей судьбой гордимся мы...» С. 145.

⁴⁶ *Трубецкой С. П.* Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 1. С. 266–268.

Несмотря на щекотливость сюжета, как явствует из Таблицы 2, в следственных делах декабристов все же имеется заметное количество вопросов и о сановниках, и о заграничных контактах, причем многие из этих вопросов входят в обыкновенные, довольно длинные вопросные пункты, значит, их не давали декабристам отдельно, чтобы потом приобщить к особо секретному делу. Сам по себе тот факт, что эти вопросы наличествуют в делах декабристов, показывает, что их секретность была не столь уж велика.

Итоги расследования по этим двум темам изложены в секретном приложении к донесению Следственной Комиссии. Оно суммирует весь ход дела: каждый из эпизодов, расследованных Комитетом (подозрение, что о готовящемся в Петербурге восстании знал австрийский посланник Лебцельтерн; попытки южных декабристов наладить контакт с французскими тайными обществами через И. Полиньяка; высказанное К. Ф. Рылеевым предположение, что у Д. И. Завалишина была связь с Гаитянской республикой и т. д.), полученные на этот счет показания, к каким выводам пришло следствие⁴⁷. Сопоставление секретного приложения с корпусом сохранившихся допросов декабристов показывает, что в нем нет сведений, источник которых не находился бы в имеющихся показаниях. Нет информационных лакун, которые должны были бы образоваться в случае уничтожения части материалов. А секретное расследование, сведения которого не были использованы в секретной же итоговой справке для императора, — такое сложно представить себе в эпоху декабристов, когда еще не существовало развитых специальных служб, изолирующихся в создании множества уровней секретности.

⁴⁷ ВД. Т. XVII. С. 64–68.

Остается заключить, что никакого уничтожения дел о связях декабристов с влиятельными государственными чиновниками, а также их заграничных контактах, не было, а соответствующие документы просто хранятся ныне в следственных делах декабристов. Отдельное секретное дело могло существовать на самых ранних этапах расследования, затем, когда худшие опасения не подтвердились, вопросы об участии сановников в замыслах декабристов стали помещать среди прочих вопросов, а специализированное дело было рассказано по следственным делам. В сущности, несложно себе представить, как было дело. Сначала, когда Николаю Павловичу и его окружению было еще совершенно непонятно, что представляют собой обнаружившиеся в империи тайные общества, предположение, что они могут быть связаны с видными государственными лицами или иностранными правительствами, вызвало серьезное беспокойство. Этот сюжет расследовали с особой осторожностью, окружили сугубой конфиденциальностью, частью которой был и аккуратный вызов в столицу начальника штаба 2-й армии генерала П.Д. Киселева, заподозренного в содействии к заговорщикам, и секретность, окружавшая арест генерала князя С.Г. Волконского. Затем, когда стало ясно, что никто из влиятельных лиц в заговоре не участвовал, меры чрезвычайной предосторожности и секретности постепенно сошли на нет. Но как только возникали любые новые данные, Комитет их тщательно проверял. О значении этих сюжетов свидетельствует и количество наличных вопросов (их немного по сравнению с ожидаемым, но больше, чем могло бы быть, учитывая отрицательный результат всех допросов), и то обстоятельство, что было создано секретное приложение к донесению Следственной Комиссии, и упомянутые повторные расследования уже после осуждения декабристов.

Организованные декабристами вооруженные выступления гвардейских полков на Сенатской площади в Петербурге и Черниговского полка на Украине, очевидно, также должны были заинтересовать Следственный Комитет — и они его действительно интересовали. События 14 декабря находятся в числе тем, вызвавших наибольшее количество вопросов. На их фоне бросается в глаза более чем слабый интерес, проявленный Комитетом к восстанию Черниговского полка. Конечно, в восстании на юге участвовало намного меньше декабристов, нежели в Петербурге (соответственно, меньше тех, кого можно допросить), да и событие это было не столь сложным и многофакторным. К тому же следствие и суд над основной массой черниговцев проходили в Белой Церкви, при главной квартире 1-й армии. Что также свидетельствует о невнимании верховной власти к этому происшествию: важных преступников привозили в столицу. В некотором роде смещение акцента следствия с южного восстания на петербургское можно расценить как своеобразное согласие правительства с мнением тех декабристов, которые считали, подобно П.И. Пестелю, что начинать революционное выступление следует в столице. Судя по количеству заданных Следственным Комитетом вопросов, власти сочли восстание в Петербурге более опасным и более значительным событием.

Вместе с тем и малое число вопросов по Черниговскому восстанию, и то, что часть следствия по нему была оставлена в руках руководства 1-й армии, означает, что даже после двух военных мятежей, сомнительного поведения при этом гвардейской верхушки и распространившихся в столице слухах о якобы восставшем Кавказском корпусе во главе с А.П. Ермоловым Николай I и военное командование были в достаточной мере спокойны насчет общего положения в войсках. Это видно также по умеренному количеству воп-

росов о влиянии тайных обществ в войсках (на какие полки рассчитывали декабристы, вели ли они пропаганду среди солдат — см. Таблицу 2). Председатель Следственного Комитета военный министр А.И. Татищев и члены Комитета — генералы — были знакомы с обстановкой в войсках, и она у них особой тревоги не вызывала. Незадолго до окончания следствия над декабристами, в начале июня 1826 года, Николай Павлович произнес на эту тему целый монолог перед французским послом графом де Ла Ферронне: «Что же до моей армии, то (...) я отвечаю за нее, (...) я вижу в ней самую надежную опору моего престола и самый надежный залог общественного спокойствия. Я знаю, иные полагают, что я слишком много внимания уделяю своим солдатам и слишком большое значение придаю учениям. На сей счет каждый вправе иметь собственное мнение, мое же мнение таково, что ныне государи, желающие сохранить корону и уберечься от революционного духа, обязаны уделять состоянию армии как можно больше внимания, обязаны как можно чаще самолично командовать солдатами и постоянно бывать среди них. Будьте уверены, что препоручи я 14 декабря командование гвардией кому-нибудь другому, все могло бы кончиться совсем иначе; в тот страшный день солдаты повиновались мне только потому, что привыкли слышать мой голос на учениях. (...) Я далек от мысли, что время, которое я посвящаю учениям и маневрам, — время потерянное. Напротив, я убежден, что всякий нынешний монарх, который не уделяет большого внимания поднятию солдатского духа и интересам военного сословия, совершает грубую ошибку. Что до меня, я отвечаю за дух и настроение моей армии»⁴⁸. Конечно, Николай I не мог позволить европейским державам усомниться в прочности своего престола, но и откровенно ввести посла в

⁴⁸ Мильчина В.А. Посол Франции при дворе Николая I: военный или штатский? // Мильчина В.А. Россия и Франция. Дипломаты, литераторы, шпионы. СПб., 2004. С. 172–173 (Донесение Ла Ферронне от 9 июня 1826 г.).

заблуждение он бы не смог. При скверном положении дел он бы, вероятно, обошел эту тему молчанием. Отношения престола и армии, гвардии, после 14 декабря были насущнейшей проблемой, требовавшей от Николая I уверенного, тонкого и тактичного маневра. Гвардия оказалась расколота, три полка пошли за восставшими, ряд полков колебался, но большинство гвардейцев все же стояло на Сенатской площади на стороне Николая, оказалось под обстрелом мятежного каре, понесло потери. Новый государь должен был выказать гвардии благодарность за поддержку, но не дать слабину и не позволить появиться мысли, что он от нее зависит; покарать виновных, но так, чтобы наказание не раздражало излишней жесткостью; сделать милостивые жесты, но не допустить падения дисциплины. Наконец, не показать виду, что сомневается в верности войск. Николай Павлович с этой задачей справился успешно.

Еще по одной теме Следственный Комитет задал почти столько же вопросов, как и о планах цареубийства: о тайных обществах, действовавших на территории Российской империи, помимо декабристских и польских. П. И. Пестель на первых допросах в Петербурге показал, что С. Г. Волконский рассказал после поездки на Кавказ о существовании тайного общества среди офицеров Отдельного Кавказского корпуса, слышал также Пестель о некоем Малороссийском тайном обществе. Потом он написал дополнение к показаниям и сообщил, что слышал также об обществах Свободных Садовников, Зеленой Лампы, Русских Рыцарей, Соединенных Славян. Последние три известны, а Общество садовников так и осталось необнаруженным; возможно, его и не было. Появились упоминания и о других тайных союзах, якобы существующих в разных губерниях России. Помимо показаний декабристов, Комитет получил еще ряд доносов из разных концов страны. Часть доносов оказалась ложной, другие выводили на след обыкновенных масонских лож

в Киеве, Симбирске, Москве. Был арестован симбирский дворянин князь Баратаев, изъяты его бумаги (до сих пор хранящиеся в фонде Следственного Комитета) — по исследованию Баратаев оказался не более чем видным, очень деятельным масоном⁴⁹. Давали объяснения перед Комитетом крупный московский книгоиздатель Селивановский и купец-букинист Котельников, также связанный с масонами⁵⁰. Арестовали и допрашивали в Комитете украинских дворян С. М. Кочубей, братьев Д. Л. и С. Л. Алексеевых, В. Л. Лукашевича — предполагаемых участников Малороссийского общества⁵¹. Все эти нити никуда не привели. Следственный Комитет вполне безуспешно пытался обнаружить следы существования каких-либо еще тайных политических союзов. Немало усилий он приложил и к тому, чтобы установить, что «Орден Восстановления» Д. И. Завалишина не является реальной организацией. Но понадобилось довольно много повторных допросов, чтобы распутать противоречивые показания и самого Д. И. Завалишина, и говоривших с его слов декабристов-северян. Внимательно и настойчиво проверял Комитет также показания южных декабристов о том, что С. Г. Волконский на Кавказе через А. И. Якубовича вошел в контакт с местным тайным обществом, действующим в войсках Кавказского корпуса, — в итоге Якубович объявил, что мистифицировал Волконского.

Во всех этих случаях следствие достаточно быстро заходило в тупик, проведя все возможные допросы и не получив подтверждения реальности упомянутых обществ. Во многих вопросных пунктах этим сюжетам отводилось по несколько пунктов: отдельно спрашивали о Кавказском,

⁴⁹ ГА РФ. Ф. 48. Д. 199. О Баратаеве см.: *Серков А. И.* Русское масонство, 1731–2000. С. 85–86.

⁵⁰ ГА РФ. Ф. 48. Д. 265.

⁵¹ ВД. Т. XIX. С. 377–419 (Лукашевич); ГА РФ. Ф. 48. Д. 193 (Кочубей, Алексеев).

отдельно о Малороссийском обществе, отдельным пунктом предлагали рассказать обо всех известных арестанту тайных обществах в России. Поэтому здесь общее количество вопросов зависит не только от интенсивности допросов, но и от манеры составления вопросных пунктов.

Наконец, Следственный Комитет начал следствие о польских тайных обществах и их контактах с декабристами. Первых поляков, арестованных после того, как их имена появились в показаниях декабристов, привезли в Петербург (кн. А. С. Яблоновский, П. Мошинский, Г. Олизар, гр. А. Хоткевич, К. Княжевич и др.). Но вскоре Комитет понял, что ему следует сосредоточиться на следствии по декабристским союзам, а основное, обширное следствие по польскому патриотическому обществу развернулось в Варшаве, куда уже в январе 1826 г. Комитет отправил своих польских арестантов. В Петербурге в этой связи занимались в основном расследованием переговоров Южного общества с поляками, а иногда по просьбе великого князя Константина для нужд Варшавской следственной комиссии допрашивали декабристов о тех или иных обстоятельствах. Учитывая, что основное следствие шло в Варшаве, число вопросов о польских обществах, которые мы находим в декабристских делах, следует признать весьма значительным. Кроме того, Следственный Комитет получил из Варшавы многочисленные копии снятых там допросов (примерно половина их была для сведения Комитета переведена на русский язык), а затем и несколько томов материалов суда над членами польского патриотического общества⁵². Таким образом, в число задач Следственного Комитета входило осуществление связи обоих расследований, возможно, таким образом Николай I хотел также не упускать из виду деятельность Константина

⁵² ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 316, 317, 324, 325, 326, 327, 328, 472.

Павловича и под благовидным предлогом присматривать за тем, как движется варшавское следствие.

Коль скоро расследование было поделено на группы, дела южных и северных декабристов вели группы чиновников под руководством генералов Чернышева и Бенкендорфа, и была третья группа, не имевшая руководителя, встает вопрос: была ли какая-то качественная разница в следствии по группам? Можно ли заметить различия между ними в тематике допросов, методике, манере ведения расследования? Очевидно, ряд различий неизбежен, ибо, во-первых, была разница между Южным и Северным тайными обществами (некоторые темы преимущественно или целиком относились только к одному из них); во-вторых, начальный этап следствия по Южному и Северному обществам был неодинаков. Но сверх того, дознание в группах Чернышева и Бенкендорфа могло происходить неодинаково и отразиться на итоговой картине.

То, что такие различия имели место и роль их не стоит недооценивать, становится ясно уже из сопоставления общих данных. Всего за время следствия декабристы получили 1813 допросов, состоявших из 5959 вопросов. Из них 493 допроса из 1953 вопросов приходятся на дела группы А.Х. Бенкендорфа, 564 допроса из 2780 вопросов — на группу А.И. Чернышева, и 756 допросов из 1226 пунктов — на дела третьей группы. Таким образом, 46,7% всех заданных декабристам вопросов были подготовлены подчиненными А.И. Чернышева, 32,8% — А.Х. Бенкендорфа и 20,6% в третьей группе. В ведении Чернышева находилось 100 следственных дел, А.Х. Бенкендорфа — 89, и 126 дел относились к третьей группе. В среднем на каждого арестанта в группе Чернышева пришлось по 5,6 допроса, состоявших из 27,8 вопроса; в группе Бенкендорфа — по 5,5 допроса из 21,9 вопроса; в третьей

группе — по 6 допросов из 9,7 вопроса⁵³. Количество вопросов свидетельствует о том, что подследственным Чернышева пришлось хуже, чем декабристам, попавшим в ведение Бенкендорфа; давление следствия на них было более интенсивным.

Неодинаковы и итоги следствия: по группе Бенкендорфа из 89 дел приговоры к каторжным работам были вынесены по 30, назначены иные наказания (ссылки, служебные переводы) — по 33, и по 24 делам приняты решения об освобождении с оправдательными аттестатами или со взятием под надзор; а в группе Чернышева из 100 дел приговоры к каторжным работам вынесены по 54, к иным наказаниям — по 32, и по 11 делам — решения об освобождении. Таким образом, доля осужденных на каторгу у Бенкендорфа составляла около 30%, у Чернышева — 54%. Да и среди пяти казненных декабристов трое были подследственными Чернышева. Что демонстрирует эта разница: относительно большую степень «преступности» южных декабристов или же качество следственной работы и является результатом настойчивости Чернышева, добивавшегося признаний арестантов?

Ход допросов, разумеется, определялся не только желанием и манерой действия тех, кто вел следствие. Играло свою роль и поведение декабристов. Надо признать, что в этом

⁵³ Однако, говоря о третьей группе, следует иметь в виду, что весьма значительная часть допросов в этих делах — допросы не того лица, на которого велось дело, а вопросы к другим декабристам о его причастности к обществу. То есть существенная доля из приведенного числа вопросов третьей группы была задана тем декабристам, дела на которых вели группы Чернышева и Бенкендорфа. Ведь по группам были распределены следственные дела со всем их содержимым. Монополии на допрос подследственных не было, и декабристы, чьи дела были в ведении группы Чернышева, вполне могли получать вопросные пункты от группы Бенкендорфа, и наоборот. Подсчитывая вопросы по группам, я опиралась на состав следственных дел.

смысле Чернышеву достались более «трудные» подследственные: для многих южных декабристов была характерна большая стойкость, от них труднее было добиться нужных сведений, их приходилось многократно спрашивать об одном и том же — чем отчасти объясняется большее количество допросов и вопросов в группе Чернышева.

Сведения о тематике допросов по трем группам представлены в Таблицах 3 и 4. Таблица 3 содержит данные о тематике допросов по каждой из трех следственных групп (за 100% принято общее число вопросов, заданных в группе, далее они распределены по тематическим рубрикам), Таблица 4 — сведения о том, какова была доля каждой группы в расследовании каждой темы, то есть какой процент от общего числа вопросов по данной теме приходится на каждую из групп (за 100% принято общее число вопросов по теме).

Таблица 3.

Тематика допросов в трех следственных группах

	Всего вопросов во всех допросах	% среди всех до- просов	Вопросов в группе Бенкендорфа	% в группе Бенкен- дорфа	Вопросов в группе Чернышева	% в группе Чернышева	Группа без руководителя	% в третьей группе
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1. История тайных обществ	295	4,95	111	5,7	136	4,9	48	3,9
2. Состояние тайных обществ	554	9,3	230	11,8	262	9,4	62	5
3. Введение республики	192	3,2	71	3,6	98	3,5	23	1,9
4. Проекты конституций	153	2,6	53	2,7	87	3,1	13	1,1
5. Идея царсубийства	270	4,5	88	4,5	171	6,2	11	0,9
6. Причастность сановников	49	0,8	28	1,4	15	0,5	6	0,5
7. На какие войска полагались	216	3,6	17	0,9	183	6,6	16	1,3
8. Планы выступления	523	8,8	155	7,9	351	12,6	17	1,4
9. Заграничные связи	91	1,5	11	0,6	58	2,1	22	1,8
10. Связи с польскими обществами	217	3,65	20	1	180	6,5	17	1,4
11. О других тайных обществах в России	262	4,4	63	3,2	172	6,2	27	2,2
12. Связи Южного и Славянского обществ	74	1,2	1	0,05	73	2,6	0	0
13. Переговоры Южного и Северного обществ	138	2,3	54	2,8	66	2,4	18	1,5
14. Членство разных лиц в обществе	972	16,3	200	10,2	188	6,8	584	47,6
15. Виновность разных лиц	154	2,6	62	3,2	55	2	37	3
16. Восстание 14 декабря	635	10,7	392	20	164	5,9	79	6,5
17. Восстание Черниговского полка	119	2	1	0,05	93	3,3	25	2
18. Членство допрашиваемого в обществе	351	5,9	161	8,2	132	4,7	58	4,7
19. Разное	702	11,8	239	12,2	296	10,6	167	13,6
Всего вопросов во всех допросах	5959	100	1953	100	2780	99,9	1226	100,3

Столбцы 2 и 3 для удобства читателя повторяют данные Таблицы 2. В следующих столбцах указано абсолютное количество вопросов, заданных в каждой группе по темам, и процентное распределение тем внутри каждой группы (то есть какой процент составляли вопросы по данной теме среди всех заданных в следственной группе). Суммы значений 3, 5, 7 и 9 колонок составляют 100% с отклонением на десятые доли процента из-за округления данных.

Таблица 4.

Вклад следственных групп в расследование по темам

	% группы Бенкендорфа	% группы Чернышева	% группы без руководителя	Всего
1	2	3	4	5
1. История тайных обществ	37,6	46,1	16,3	100
2. Состояние тайных обществ	41,5	47,3	11,2	100
3. Введение республики	37,0	51,0	12,0	100
4. Проекты конституций	34,6	56,9	8,5	100
5. Идея царубийства	32,6	63,3	4,1	100
6. Причастность сановников	57,1	30,6	12,2	99,9
7. На какие войска полагались	7,9	84,7	7,4	100
8. Планы выступления	29,6	67,1	3,2	99,9
9. Заграничные связи	12,1	63,7	24,2	100
10. Связи с польскими обществами	9,2	82,9	7,8	99,9
11. О других тайных обществах в России	24,0	65,6	10,3	99,9
12. Связи Южного и Славянского обществ	1,3	98,6	0	99,9
13. Переговоры Южного и Северного обществ	39,1	47,8	13,0	99,9
14. Членство разных лиц в обществе	20,6	19,3	60,1	100
15. Виновность разных лиц	40,3	35,7	24,0	100
16. Восстание 14 декабря	61,7	25,8	12,4	99,9
17. Восстание Черниговского полка	0,8	78,2	21,0	100
18. Сленство допрашиваемого в обществе	45,9	37,6	16,5	100
19. Разное	34,0	42,2	23,8	100
Всего вопросов	32,8	46,7	20,6	100,1

В столбцах 2–4 указано, какой процент вопросов по теме приходится на каждую группу. Сумма значений по каждой строке составляет 100% с отклонением на десятые доли процента вследствие округления данных.

Понятно, что тематика допросов в группах Чернышева и Бенкендорфа в значительной мере предопределялась тем, что они поделили между собой тайные общества, и естест-

венно, проблемы, актуальные только для Южного общества и Общества соединенных славян, были сконцентрированы в допросах, проводившихся группой Чернышева, а история восстания 14 декабря и иные аспекты деятельности Северного общества разрабатывались в группе Бенкендорфа.

Как я отмечала выше, из общего количества всех заданных декабристам вопросов на группу Бенкендорфа приходится 32,8%, Чернышева — 46,7% и на третью группу — 20,6%, но распределение тематики вопросов не совпадает с этим общим соотношением. Так, вопросами о состоянии тайных обществ третья группа занималась совсем мало, основная их часть приходится на группы Бенкендорфа и Чернышева (см. Таблицу 4), причем в группе Бенкендорфа удельный вес этих вопросов больше, чем в группе Чернышева (11,8% и 9,4% — см. Таблицу 3), тогда как для всего следствия доля этой тематики — 9,3% (см. Таблицу 2). Таким образом, в группе Бенкендорфа вопросами о состоянии тайных обществ занимались относительно больше, чем по следствию в целом. Сходным образом обстоит дело с вопросами по истории тайных обществ в России: в процентном выражении данные по группе Чернышева близки к общим по всему следствию, а по группе Бенкендорфа — превышают их.

Зато центр тяжести в расследовании вопроса о царевубийстве явно находится в группе Чернышева (особенно если учесть, что и количество вопросов о планах ввести в России республику в группе Чернышева достаточно велико, а эта тема предшествовала вопросу о царевубийстве). По этой теме, наоборот, показатели по группе Бенкендорфа приближаются к общим по следствию, по группе Чернышева — заметно превышают их. В третьей группе этих вопросов совсем немного. В то же время для самой группы Чернышева тема царевубийства хотя и среди приоритетных, но не лидирующая (см. Таблицу 3).

Более пристальный интерес в группе Чернышева вызвали вопросы о состоянии тайных обществ, о планах восстания, о войсках, на которые рассчитывали декабристы, о переговорах южных декабристов с поляками, о существовании на территории Российской империи иных тайных обществ, а также вопросы о принадлежности к тайным обществам тех или иных подозреваемых.

В группе Бенкендорфа приоритетными можно назвать вопросы о восстании 14 декабря, состоянии и истории тайных обществ, о неосуществленных планах восстания и о причастности к обществам разных лиц. Но надо заметить, что именно группа Бенкендорфа внесла основной вклад в расследование вопроса о причастности к декабристским обществам высокопоставленных лиц. С другой стороны, вопросов о заграничных связях декабристских обществ в группе Бенкендорфа впятеро меньше, чем в группе Чернышева (см. Таблицу 4). Это наблюдение существенно, поскольку зачастую темы эти — о сановниках и заграничных связях — кажутся логически взаимосвязанными, увязывающими декабристское выступление с гипотетическим аристократически-дипломатическим заговором. Именно распределение этих вопросов по следственным группам показывает, что для Комитета они во взаимной связи не стояли.

Выше мы отмечали, что, несмотря на два военных восстания, Следственный Комитет не так много внимания уделил вопросу о влиянии декабристов на войска. В группе Бенкендорфа этот вопрос присутствует на удивление мало (см. Таблицу 4), и это после событий на Сенатской площади! Подавляющее большинство вопросов на эту тему появилось в группе Чернышева. Это может означать, что положение в гвардии было ясно петербургскому командованию — гвардия же была у них на глазах, — а вот обстановка в далеких

от столицы войсках 1-й и 2-й армий вызывала некоторые сомнения.

Что касается третьей группы, то она имела скорее вспомогательный характер, занимаясь явно маловажными и периферийными делами, разгружая от них группы Чернышева и Бенкендорфа, между которыми делился основной объем следствия. Половина всех вопросов в третьей группе — о принадлежности разных лиц к тайным обществам. Да и основное содержание дел, как мы уже отмечали, было связано с установлением причастности к декабристскому движению, наиболее видных декабристов то и дело спрашивали о принадлежности к тайным обществам очередного подозреваемого. Неудивительно, что в этой группе было задано 60% всех вопросов о членах декабристских обществ — это втрое превышает долю всех вопросов третьей группы в рамках следствия (20,6%, см. Таблицу 4). Удельный вес остальных тематических рубрик невелик, можно отметить вопросы о восстании 14 декабря на Сенатской площади, о состоянии и истории тайных обществ. Любопытно, что на эту группу приходится заметное количество вопросов о заграничных связях тайных обществ: их вдвое больше, чем в группе Бенкендорфа. По-видимому, это вопросы, относящиеся к началу следствия, когда Комитет еще слабо понимал, кто из попавших в поле его зрения является действительно активным и осведомленным членом тайного общества, и адресовал важные вопросы людям, мало или вовсе к нему непривязанным. Кроме того, в этой группе находились тематическое дело о польских тайных обществах и дела нескольких поляков, которых допрашивали об их иностранных контактах.

В работе групп кроме чисто количественных различий были еще и качественные, связанные с разными подходами к организации следствия и, возможно, с неодинаковым по-

ниманием его задач. Южным декабристам, подследственным группы Чернышева, после снятого В. В. Левашовым первоначального допроса, как правило, к первому допросу на заседании Комитета готовили достаточно длинные вопросные пункты, насчитывавшие двадцать – тридцать вопросов. Эти вопросники носили, можно сказать, «типовой» характер, были схожи между собой, хотя совсем уже стандартным, трафаретным документом не были. Набор вопросов в них был стабилен, часто они были сформулированы одинаково или очень похоже, встречается несколько устойчивых вариантов одного и того же вопроса. Вопросы касались истории возникновения и состояния тайных обществ, их целей, конституционных проектов, замыслов покушений и восстаний (от московского заговора 1817 года до планов начать восстание в 1826 году), переговоров Южного общества с польскими и Северным обществом, и так далее, — словом, речь шла обо всех основных аспектах деятельности общества. При этом вопросы были безадресными — в том смысле, что они были составлены без учета уже известной или вероятной осведомленности и роли в тайном обществе данного конкретного арестанта. Признавался ли он в причастности к обществу или нет, был ли одним из ведущих или же малозначащим членом общества, состоял в нем со времен Союза Благоденствия или принят совсем недавно, к какой бы управе он ни принадлежал, — набор вопросов от этого не менялся. Принятых в общество не более года тому назад спрашивали об основании тайных обществ и московском заговоре 1817 года, тульчинских декабристов — о событиях в Лещинских лагерях, где они не были, и так далее. Тем самым чиновники группы Чернышева проявляли определенный педантизм (а может, недостаток гибкости и индивидуального подхода, склонность к переписыванию с небольшими вариациями однажды сформулированных вопросов), у них был набор вопросов, которые должны были быть заданы всем почти в обязательном порядке. Лишь под конец вопросных

пунктов могло следовать несколько пунктов, адресованных уже конкретно данному лицу. Выходит, что подследственные группы Чернышева при первом вызове в Комитет должны были, так сказать, ответить на пространную анкету, касающуюся всех сторон деятельности общества, обнаружив при этом меру своей осведомленности в тех или иных вещах и степень готовности давать показания, а уже при дальнейших допросах каждый получал вопросные пункты, рассчитанные именно на него, составленные исходя из его ответов, роли в тайном обществе и линии поведения. Если вспомнить записку о порядке ведения допросов, представленную Чернышевым в Комитет 9 января, то там присутствовала идея о разделении вопросных пунктов на две части: в первой — вопросы о возникновении, цели, возможностях, влиянии тайных обществ, во второй — о действиях членов. «Полные вопросы», включающие обе части, Чернышев предлагал давать только тем лицам, кто состоял в тайном обществе и «действовал по обдуманному плану», прочим же, «вовлеченным и обманутым», предназначались лишь вопросы «о том, в чем каждый обвиняется по его действиям». На деле, выходит, сам Чернышев поступал иначе, практически все декабристы в его группе получали вопросные пункты, составленные по типу его «полных вопросов». Возможно, он считал всех своих подозреваемых причастными к обществу, а не «вовлеченными и обманутыми».

В группе Бенкендорфа «типовых» вопросных пунктов не составляли. Там все допросы с самого начала были ориентированы на конкретного подозреваемого и исходили из представлений следствия о его вероятной осведомленности. Впрочем, и в этой группе встречались « типовые » вопросные пункты, но совсем другие и игравшие совершенно иную роль. Это были вопросные пункты, насчитывавшие около десяти вопросов и предназначавшиеся заведомо незначительным, периферийным членам общества. Целью этих вопросов было

выяснение не тех или иных обстоятельств заговора, а лишь причастности данного подозреваемого к уже известным следствию обстоятельствам и установление меры его вины. То есть как раз то, что предлагал в своей записке Чернышев.

В результате неодинакового подхода групп Чернышева и Бенкендорфа к составлению вопросов пунктов материалы следствия по-разному обрисовывают историю Южного и Северного обществ. Основные аспекты деятельности Южного общества отражены в них более полно и обстоятельно. Исследователь того или иного сюжета может работать с показаниями достаточно широкого круга декабристов, сопоставлять их между собой, наблюдать разную степень их осведомленности, как распространялась информация внутри общества. А что касается Северного общества, то зачастую оказывается, что по тому или иному сюжету допросили далеко не всех декабристов, которые могли что-то знать, более того, даже не всех, о чьей причастности у Комитета имелись прямые показания. Так что, восстанавливая картину событий, исследователь зачастую вынужден опираться на показания весьма небольшого числа лиц и сталкиваться с лакунами, обусловленными характером допросов.

Выразительным примером того, как разница в подходе к составлению вопросов пунктов в группах Чернышева и Бенкендорфа сказалась на освещении одной и той же темы, служат вопросы о переговорах между Южным и Северным обществами (речь шла об объединении обеих организаций и общем действии). В группе Чернышева на эту тему было задано 66 вопросов, в группе Бенкендорфа — 54. Разница в числе вопросов сравнительно невелика, но существуют немаловажные качественные различия. Возьмем один только эпизод переговоров — приезд П. И. Пестеля в Петербург в начале 1824 года. Именно к нему относится широко цитируемая в историчес-

кой литературе сцена: ведущие северные декабристы под впечатлением от идей Пестеля и основных принципов «Русской Правды» согласились на введение в России республиканской формы правления, а Никита Муравьев даже сжег рукопись своей конституции. Однако сопоставление показаний декабристов рисует совсем иную картину. В переговорах с Пестелем участвовали С.П. Трубецкой, Н.М. Муравьев, Е.П. Оболенский, К.Ф. Рылеев. Все они утверждали, что никаких договоренностей с Пестелем достигнуто не было, а сам он произвел на них негативное впечатление. Н.М. Муравьев отметил «властолюбие» Пестеля, С.П. Трубецкой — «личные виды» и что Пестель его «привел в ужас», К.Ф. Рылеев подтвердил, что северяне заподозрили Пестеля «в честолюбивых замыслах», и заявил, что конституции Пестеля ему «никогда не удавалось видеть и даже слышать, на каких правилах она составлена»⁵⁴. Е.П. Оболенский признался, что во время визита Пестеля был более склонен к объединению Северного и Южного обществ и признанию «Русской Правды», нежели С.П. Трубецкой и Н.М. Муравьев, но в дальнейшем петербургские товарищи по обществу его переубедили⁵⁵. Сам Пестель также показывал, что переговоры в Петербурге кончились лишь общим решением «принимать взаимно приезжающих членов как членов одного общества», что Трубецкой и Н. Муравьев спорили с ним и не соглашались на идею временного правительства и что «ничего решено не было», «разговаривали и опять разъехались»⁵⁶. Откуда же тогда сведения о согласии северян с Пестелем и сожжении конституции Муравьева?

Следственный Комитет допросил всех участников переговоров⁵⁷. А вот далее и проявилась разница в тактике допросов

⁵⁴ ВД. Т. XIX. С. 374; Т. I. С. 16, 27, 174, 160.

⁵⁵ ВД. Т. I. С. 256.

⁵⁶ ВД. Т. IV. С. 187, 115.

⁵⁷ Имеется также показание М.М. Нарышкина, тоже принимавшего участие

в группах Чернышева и Бенкендорфа. Из верхушки Северного общества о встречах с Пестелем достаточно целенаправленно допрашивали непосредственных участников. Кроме них спросили только А.А. Бестужева (он сообщил, что слышал о спорах с Пестелем от Рыльева⁵⁸) и И.И. Пущина (он знал об этом от М.И. Муравьева-Апостола⁵⁹). Более никого из деятельных и осведомленных северян, непосредственно в спорах с Пестелем не участвовавших, об этих обстоятельствах не спрашивали вовсе. Вопрос о контактах с Южным обществом вошел в набор «типовых» вопросов в группе Бенкендорфа, сформулирован он был очень обобщенно («Что известно вам о сношениях здешнего общества с Южным, а сего последнего с польскими, ту же цель имеющими?»). Но поскольку давали такие вопросные пункты малопривычным к делам общества декабристам, из их ответов мы узнаем лишь, что они не имели об этом ни малейшего представления, некоторые отвечали, что и о факте существования Южного общества узнают только из вопросных пунктов⁶⁰.

Иная картина получилась в группе Чернышева. Поскольку там более-менее устойчивый набор вопросов задали почти всем и вопрос о переговорах с северянами в этот набор входил, мы можем сравнить, что знали (или в знании чего сознавались) и ведущие, и второстепенные члены Южного общества, принадлежавшие ко всем трем его управам. Некоторые из них утверждали, что не знают о переговорах Пестеля с северяна-

в этих встречах; но Нарышкина спрашивали о контактах Северного и Южного обществ вообще, а не специально о приезде Пестеля, о котором он рассказал среди прочего (ВД. Т. XIV. С. 403, 407).

⁵⁸ ВД. Т. I. С. 455, 457.

⁵⁹ ВД. Т. II. С. 220, 225.

⁶⁰ Такие вопросы получили М.А. Назимов, И.Н. Горсткин, А.А. Плещев, А.М. Миклашевский, Д.П. Зыков, И.А. Анненков, К.П. Оболенский, А.С. Гангблов, М.Д. Лаппа, И.Ф. Львов и другие (ВД. Т. XV. С. 182–183; Т. XVIII. С. 200–202, 57–58, 233–235, 218–219; Т. XIV. С. 357–359; Т. XVIII. С. 249–250, 19–21; Т. XV. С. 163–165; Т. XXI. С. 218–219.).

ми⁶¹, как ни странно, в их числе оказался один из виднейших южных декабристов, глава Каменской управы В. Л. Давыдов, он дал показания о собственных встречах с петербургскими декабристами, но совершенно обошел вопрос о поездке Пестеля⁶². Другие, в чью неосведомленность трудно поверить, уклонились от прямого ответа о ее итогах (С. Г. Волконский⁶³, М. П. Бестужев-Рюмин⁶⁴).

Возглавлявший Васильковскую управу С. И. Муравьев-Апостол, неплохо знавший положение дел в Северном обществе (его брат М. И. Муравьев-Апостол некоторое время прожил в Петербурге, а в 1825 году С. И. Муравьев был частым гостем в киевской квартире С. П. Трубецкого), показал, что «все вообще переговоры клонились, со стороны Южного общества, к совершенному соединению двух обществ, на что Северное не соглашалось и выставляло причиною сего несогласия неодобрения в некоторых частях принятой Южным Русской Правды»⁶⁵. Почти то же самое сообщил и М. И. Муравьев-Апостол⁶⁶.

⁶¹ Например, А. З. Муравьев, И. Ф. Фохт, А. В. Янтальцев, В. И. Враницкий, В. П. Ивашев, П. В. Аврамов, Н. В. Басаргин (ВД, Т. XI. С. 100, 106; Т. XIII. С. 99, 102–103; Т. XI. С. 232–234; Т. XII. С. 322, 325, 254, 258, 195, 293–296), а также И. С. Повало-Швейковский, который, по показаниям других декабристов, сам общался с петербургскими сочленами во время своей поездки в столицу (ВД, Т. XI. С. 147, 151).

⁶² ВД, Т. X. С. 194, 201–202.

⁶³ ВД, Т. X. С. 120–121. С. Г. Волконский побывал в Петербурге непосредственно перед приездом Пестеля и затем осенью того же года. Из осенней поездки он привез Пестелю от северян «уверения их к нему преданности» и некоторые сведения об успехах Северного общества. Создается впечатление, что Волконский так и не узнал о том, что Пестель произвел в Петербурге довольно скверное впечатление. Впрочем, А. А. Крюков однажды после возвращения Пестеля из столицы стал свидетелем его разговора с Волконским, и «понял, что Пестель с членами петербургского общества много спорил» (ВД, Т. XII. С. 145).

⁶⁴ ВД, Т. IX. С. 51, 60.

⁶⁵ ВД, Т. IV. С. 276.

⁶⁶ ВД, Т. IX. С. 228.

Но вот тульчинские члены Южного общества излагали следствию противоположную версию: об успехах Пестеля в Петербурге. Наиболее осторожный вариант изложил А.П. Юшневский: ему «сказывал Пестель, что сообщал членам Северного общества мысли свои о образе правления, что мнения членов оного весьма различны, но что он полагает возможным преклонить большую их часть к правлению республиканскому»⁶⁷. Ф.Б. Вольф: «Слышал что-то о том весьма давно и не могу себе припомнить от кого, что будто бы члены в Петербурге с г [осподином] Пестелем одного мнения»⁶⁸. Н.И. Лорер уже был уверен, что тот в Петербурге «после долгого прения с Н. Муравьевым склонил тамошних членов к своему мнению», причем ссылаясь на самого Пестеля⁶⁹. А.П. Барятинский сначала показал, что «слышал от самого Пестеля, сие свидание кончилось раздором между им и Никитою Муравьевым, потому что один опровергал сочинения другого», но затем, спрошенный повторно, в одном ответе соединил взаимоисключающие утверждения: и подтвердил прежнее показание, и неуверенно прибавил, что «кажется, но не утверждаю, что я от него [Пестеля — ОЭ] слышал все, что сказано в 9 пункте, кроме сжения конституции Муравьева» (в п. 9 данных Барятинскому вопросов была изложена версия о согласии северян с Пестелем)⁷⁰. Наконец, в устах И.В. Поджио дело приобрело совсем невероятный вид: якобы в Петербурге Пестель «Никиту Муравьева удалил от начальства управы, как человека не довольно к тому способного, и на место его назначил князя Оболенского»⁷¹.

⁶⁷ ВД. Т. X. С. 77.

⁶⁸ ВД. Т. XII. С. 124.

⁶⁹ ВД. Т. XII. С. 47. Лорер был дружен с Пестелем, служил в его полку, жил в Линцах, где полк располагался и, помимо Пестеля, имел мало контактов с другими членами общества.

⁷⁰ ВД. Т. X. С. 269, 277, 286.

⁷¹ ВД. Т. XII. С. 166.

Благодаря педантизму составлявших вопросные пункты чиновников группы Чернышева, можно судить, как распространялась информация среди участников Южного общества. Получается, что рассказ об успехе переговоров Пестеля появился среди членов Тульчинской управы и источником его являлся, по всей видимости, сам Пестель: вернувшись из Петербурга, он не стал сообщать товарищам о своей неудаче⁷². Вероятно, не только из самолюбия, но и из опасения, что это станет поводом к их разочарованию, уходу из тайного общества и его развалу.

Важно было бы установить, каким образом группы Чернышева и Бенкендорфа осуществляли взаимодействие друг с другом. Никаких сведений о механизме координации их работы нет, но материалы следствия не выглядят разнохарактерными. Да и тот факт, что до сих пор многочисленные исследователи декабризма не обращали внимания на существование внутри следствия отдельно работавших групп, свидетельствует о том, что их деятельность была неплохо согласована.

Приведенный мной эпизод переговоров Южного и Северного обществ является заодно примером темы, при расследовании которой группы Чернышева и Бенкендорфа должны были вступить в тесное сотрудничество. В противном случае была бы очевидна несогласованность результатов. Можно констатировать, что, хотя тактика расследования была различной, задачу свою обе группы выполнили, существенных

⁷² На этот момент обратила внимание М.В. Нечкина, которая, впрочем, оценивала результаты переговоров Пестеля довольно оптимистично, считала, что они существенно продвинули вперед вопрос об объединении двух обществ, поэтому рассказ Пестеля тульчинским декабристам характеризовала как «тенденцию к увеличению успехов» (*Нечкина М.В. Движение декабристов. М., 1955. Т. 2. С. 50–57*). Однако, учитывая тональность показаний руководителей Северного общества, даже не считавших нужным как-то смягчить и завуалировать перед Следственным Комитетом свою неприязнь к Пестелю, вряд ли можно говорить о его успехах в Петербурге.

провалов, лакун и противоречий между ними нет. То же можно сказать и о другой точке особенно тесного пересечения их деятельности — делах северных декабристов, которыми занималась группа Чернышева (Е. П. Оболенский, И. И. Пущин, Д. И. Завалишин, братья Бодиско, В. К. Кюхельбекер, А. Е. Розен и др.). При сравнении дел этих декабристов с делами сопоставимых по роли в Северном обществе и участия в событиях 14 декабря подследственных группы Бенкендорфа, внятных различий не заметно. И количество вопросов, и их тематика существенно друг от друга не отличаются. Поскольку вопросные пункты декабристам-северянам, находившимся в ведении Чернышева, зачастую писали те же чиновники, которые занимались следствием по Северному обществу в группе Бенкендорфа (см. главу 2), то вероятно, что и координация усилий обеих групп осуществлялась именно этими чиновниками — А. А. Ивановским, И. А. Поповым.

Группы Чернышева и Бенкендорфа имели разный стиль работы и свои характерные особенности, связанные, возможно, помимо прочего и с соперничеством генералов между собой (об этом никаких свидетельств не сохранилось). Но, когда от них требовались согласованные усилия, они умели осуществлять взаимодействие достаточно эффективно.

В группе Чернышева конечный период следствия был отмечен интенсивной работой, тогда как в группе Бенкендорфа основную ее часть завершили до середины марта 1826 г. (об этом речь пойдет в главе 4). Похоже, Бенкендорф действовал по принципу «достаточного минимума»: он выяснил, чем являются декабристские общества, установил круг виновных, добыл достаточно материала для обвинения, убедился, что опасность заговора ликвидирована, и этим удовлетворился. Чернышев же стремился расследовать дело со всевозможной тщательностью, узнать все досконально, выяснить все

детали. Не зря А.Д. Боровкова (и возможно, не его одного) раздражала вьедливость Чернышева, «который при допросах вдавался в самые мелкие, ни к чему не ведущие подробности»⁷³. Получалось, что усердие Чернышева тормозило завершение следствия, с которым торопил Николай I.

Неудивительно, что у декабристов оба генерала оставили разные воспоминания: о Чернышеве все они дружно отзывались отрицательно, Бенкендорф произвел более благоприятное впечатление. Но вот о чем есть смысл задуматься. Учредив вскоре по окончании следствия над декабристами III Отделение собственной е. и. в. канцелярии, Николай I поручил руководить им именно Бенкендорфу, оставив за Чернышевым деятельность в военном ведомстве. Неизвестно, имел ли в виду император, принимая это кадровое решение, то, как действовали оба генерала во время следствия. Может быть, подход к нему Бенкендорфа устраивал Николая больше, в большей мере соответствовал представлениям самодержца о том, как должно действовать (и какое впечатление производить) III Отделение, чем чрезмерная активность Чернышева? Но нет даже уверенности, что царь был осведомлен о разнице в их манере вести дознание, быть может, это были подробности, в которые он не вникал. Во всяком случае, какие-то впечатления о главных деятелях следствия Николай себе составил. Так, он писал о Чернышеве матери, императрице Марии Федоровне, что «в течение всего следствия он превосходно вел свое дело и вообще работал лучше и больше всех»⁷⁴.

⁷³ Боровков А.Д. Автобиографические записки. С. 347.

⁷⁴ Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. С 206. В этом письме Николай просил Марию Федоровну наградить жену Чернышева за заслуги мужа: «Мне нечем его наградить».

В ходе следствия декабристам случалось давать показания не только в ответ на вопросные пункты, но и по собственной инициативе. Зачастую такие показания декабрист посылал вслед за ответами на вопросные пункты, когда по некотором размышлении решал что-то добавить, уточнить, сделать новые признания или опровергнуть ту картину событий, которая, как ему казалось, сложилась у следствия; или же, обдумав состоявшийся допрос, находил факты, служащие к оправданию его самого и товарищей. Могли добровольные показания появляться и вне связи с конкретным допросом. Оформляли их декабристы либо как показания Следственному Комитету, либо как письмо (прошение), адресованное Комитету, одному из его членов или Николаю I. Выделяются два вида документов, написанных декабристами по собственному почину: добровольно данные показания и просьбы о помиловании (кроме того, конечно, декабристы обращались в Комитет с различного рода просьбами, касавшимися содержания их в крепости, возможности урегулировать семейные имущественные дела и т.д.). Граница между ними весьма условна, к прошениям о помиловании я отношу письма, которые содержали исключительно заверения в своей невинности, оправдания, выражения раскаяния, просьбы о монаршем милосердии и снисхождении, обещания верной службы, полной лояльности и т.д., но не прибавляли какой бы то ни было новой информации о тайных обществах. Напротив, в добровольных показаниях, хотя они также могли содержать просьбы о помиловании и уверения в своей невинности, главным были новые признания, новые сведения, информационная составляющая. Таким образом, критерием для меня является наличие или отсутствие новой информации.

Добровольные показания декабристов непосредственно связаны с линией поведения и защиты каждого из них. В принципе, упрощая, можно сказать, что возможны два варианта

поведения подследственного, дающего показания по собственной инициативе. Или он идет на поводу у следствия, улавливает, чего оно добивается, что его интересует, — и об этом и рассказывает. При этом он может как подтвердить, так и опровергнуть те или иные сведения, но важно, что тему задало следствие. То есть в данной связи суть не в том, признается ли декабрист, например, в умысле на цареубийство или же пишет дополнительные показания, чтобы доказать, что этого не было. Главное, что разговор идет о цареубийстве, как того хочет следствие. Иной способ поведения — это пытаться навязать следствию свою линию, повернуть его в другое русло, убедить в своем видении дела. Скажем, уловив интерес следствия к вопросу о цареубийстве, начать доказывать, что в фокусе деятельности тайного общества находилось вовсе не оно, а проблема освобождения крестьян или созыва представительного собрания. Такой тип поведения стал позднее популярен у представителей русского революционного движения второй половины XIX века (народники, народовольцы), пытавшихся со скамьи подсудимых вести пропаганду своих идей.

Посмотрим, как поступали декабристы, о чем они рассказывали Комитету по собственной инициативе. Сведения о тематике их добровольных показаний приведены в Таблице 5. Большая часть таких показаний представляет собой обычные тексты, они не разделены на пункты, и для их обработки я применяла такую же методику, как и для записей Левашова. Для каждого документа учитывались затронутые в нем темы, в Таблице 5 приведены данные о том, в каком количестве показаний присутствует каждая тема. Надо заметить, что, как правило, декабристы писали добровольные показания по более-менее конкретным поводам, поэтому каждое из них посвящено небольшому числу тем. Всего я насчитала 270 добровольно написанных показаний, из них 159 касаются каждое только одной темы и 50 — двух.

Таблица 5.

Тематика добровольных показаний декабристов

	В скольких показаниях встречается тема «я»»	% от общего числа доб- ровольных показаний
1. История тайных обществ	36	13,3
2. Состояние тайных обществ	24	8,9
3. Введение республики	31	11,5
4. Проекты конституций	10	3,7
5. Идея царубийства	45	16,7
6. Причастность сановников	10	3,7
7. На какие войска полагались	15	5,5
8. Планы выступления	29	10,7
9. Заграничные связи	4	1,5
10. Связи с польскими обществами	16	5,9
11. О других тайных обществах в россии	14	5,2
12. Связи южного и славянского обществ	10	3,7
13. Переговоры южного и северного обществ	10	3,7
14. Членство разных лиц в обществе	59	21,8
15. Виновность разных лиц	19	7,0
16. Восстание 14 декабря	65	24,1
17. Восстание Черниговского полка	10	3,7
18. Членство допрашиваемого в обществе	65	24,1
19. Разное	63	23,3
Всего допросов	270	

Можно говорить о наборе тем, которые редко вызывали у декабристов желание проявить инициативу и сообщить следствию что-то дополнительно. Меньше всего — вопрос о заграничных связях тайных обществ. Среди часто встречающихся — вопросы о причастности к тайным обществам автора показаний или других лиц, о восстании 14 декабря, царубийстве и «разное». Собственно, это те же темы, которые преобладали вообще в ходе следствия. Если сравнить тематику добровольных показаний с тематикой вопросных

пунктов и допросов В. В. Левашова, становится видно, что, как правило, декабристы, решавшие дать дополнительные показания, отзывались таким образом на понятный им запрос следствия. Дополнительные показания были им нужны, чтобы оправдаться, защитить товарищей (отсюда значительное количество показаний насчет причастности к тайным обществам), выразить раскаяние по поводу наиболее опасных для обвиняемого обстоятельств. Отдельная чрезвычайно интересная для историка разновидность добровольно данных показаний — это весьма пространные объяснения причин своего вступления в тайное общество, где декабристы ссылались, как на смягчающие вину обстоятельства, на желание блага Отечеству, юношеские заблуждения, влияние товарищей и пр. Случалось, что такие показания перерастали в изложение истории общественных настроений, идейных влияний, возникновения тайных обществ и развития взглядов самого автора, даже если он подавал это в ключе «истории моих заблуждений» (например, адресованные Николаю I письма И. А. Долгорукова, Л. А. Перовского, письмо М. И. Муравьева-Апостола предположительно генерал-адъютанту Потапову⁷⁵). Именно в такого рода текстах можно найти ценнейшие сведения об истории, целях и идеях тайных обществ, декабристскую оценку положения в стране.

Содержание раздела «разное» в добровольных показаниях сходно с содержанием этого же раздела в вопросных пунктах: распространение вольнодумных стихов, содержание разговоров, знакомство с теми или иными лицами, отдельные эпизоды. Но, что важно, в этот раздел попадают также и письма декабристов в Следственный Комитет и к Николаю I с изложением их убеждений, критикой по-

⁷⁵ ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 230. Л. 1–4 об.; Д. 248. Л. 6–8 об.; ВД. Т. IX. С. 192–206.

ложения в стране, соображениями о необходимых преобразованиях. В следственных делах декабристов хранится 17 таких документов⁷⁶. А круг лиц, от которых исходили эти письма, и того уже. Практически можно назвать только Г.С. Батенькова, В.И. Штейнгейля, А.М. Булатова, А.А. Бестужева, П.Г. Каховского; сходные письма А.И. Якубовича, Г.А. Перетца хранятся не в следственных делах и поэтому не учтены в наших подсчетах. Кроме того, В.Ф. Раевский и А.Ф. Фурман выступили с обличением беспорядков и злоупотреблений в армии⁷⁷, что было, конечно, меньшей дерзостью, нежели более широкая политическая критика, и при благоприятных обстоятельствах могло быть сочтено за служебное рвение. Точно так же К.П. Торсон выразил желание проинформировать нового императора насчет состояния флота⁷⁸. Наконец, Н.И. Тургенев в своем отправленном из Лондона оправдании оценивал русские тайные общества как затею несерьезную, но одновременно высказывал убежденность в необходимости отмены крепостного права⁷⁹.

⁷⁶ В это число не входят политические суждения декабристов, высказанные ими в ответах на вопросные пункты и на вопрос о происхождении вольного образа мыслей в «вопросах о воспитании». Помимо этого, имеется ряд аналогичных декабристских писем, находящихся не в следственных делах, а в составе других архивных единиц хранения. Часть их была собрана в отдельном деле в архиве Следственного Комитета, в него вошли письма Г.С. Батенькова, П.Г. Каховского, А.А. Бестужева, В.И. Штейнгейля, Г.А. Перетца (ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 11), что подтверждает высказанное мною выше наблюдение о том, что эти документы имели среди делопроизводства Комитета обособленное место. Я не ставила себе задачей полное выявление документов этой категории, но исходила из того, что вряд ли следует считать случайным, незначительным обстоятельством то, к какому делу оказались приобщены документы. Скорее нужно оценивать эту деталь как градацию их оценки Следственным Комитетом.

⁷⁷ *Раевский В. Ф.* Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 2. Иркутск, 1983. С. 129–143; ВД. Т. XIII. С. 208.

⁷⁸ ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 263.

⁷⁹ ВД. Т. XV. С. 271–280.

По сравнению со всем объемом документации следствия и с числом арестованных декабристов, таких критических, смелых декабристских писем совсем немного, они были единичным, а не типичным явлением. В эпоху декабристов специфическая революционная этика, требовавшая пропагандировать свои идеи даже в самых неподходящих для этого обстоятельствах, еще не сформировалась. Большинство декабристов руководствовалось естественным человеческим желанием оправдаться, спастись, защитить себя и товарищей, соображениями ответственности перед семьей, что в их системе ценностей никоим образом не увязывалось с понятием ренегатства. В большинстве случаев, проявляя инициативу в написании показаний, они таким образом реагировали на ход следствия, пытались защититься, а не преследовали агитационные цели. Как ни странно, именно декабристская критика положения в России оказалась востребована властью. Как уже было сказано, Николай сам побуждал некоторых декабристов на такие высказывания, а после вынесения приговора и после коронации Николай I поручил А.Д. Боровкову составить для него свод показаний декабристов о внутреннем состоянии государства. Можно отдать должное Николаю Павловичу, заинтересовавшемуся этой стороной дела, однако нельзя забывать, что никакого целенаправленного собирания такого рода сведений Следственный Комитет не проводил, и то, что оказалось в материалах следствия, — лишь отдельные, единичные результаты инициативы, проявленной несколькими узниками. Сведения эти заведомо фрагментарны, неполны и восходят к очень малому числу декабристов.

На завершающей фазе следствия наступила пора очных ставок. Очная ставка считалась крайней мерой, к которой обращались, лишь исчерпав иные возможности

добиться признания, поэтому очные ставки производились для выяснения только тех разногласий в показаниях декабристов, которые Следственный Комитет считал принципиально важными. Данные о тематике очных ставок содержатся в Таблице 6. При работе с протоколами очных ставок за единицу отсчета я взяла пункты (они в протоколах пронумерованы), в которых излагалось содержание противоречащих показаний обоих допрашиваемых декабристов. Протоколы составлялись таким образом, что количество пунктов и их содержание для каждого из участников очной ставки писались особо, сначала по пунктам излагались показания одного (как правило, первым шел тот, чьи показания уличали другого), затем показания второго (уличаемого), причем пункты не обязательно соответствовали друг другу напрямую. Например, сначала в нескольких пунктах перечислялось содержание показаний первого участника очной ставки, а про второго было лишь сказано, что он все отрицает. Такая «асимметрия» пунктов протокола происходила оттого, что показания участников очной ставки излагались почти буквально, менялось лишь грамматическое первое лицо на третье. При подсчетах я брала суммарное количество пунктов для обоих участников очной ставки. Во всех состоявшихся за время следствия 241 очных ставках насчитывается таким образом 870 пунктов. Показания тех, кто шел в протоколе первым (уличающие), насчитывают в общей сложности 440 пунктов, а тех, кто шел вторым (уличаемые), — 430 пунктов. В Таблице 6 приведены сведения о суммарном количестве фигурировавших в протоколах очных ставок пунктов, относящихся к каждой из тематических рубрик, и их процентном отношении к общему количеству.

Таблица 6.

Тематика очных ставок декабристов

	Всего воп- росов	% среди пун- ктов очных ставок
1. История тайных обществ	65	7,5
2. Состояние тайных обществ	20	2,3
3. Введение республики	35	4,0
4. Проекты конституций	24	2,8
5. Идея цареубийства	141	16,2
6. Причастность сановников	7	0,8
7. На какие войска полагались	22	2,5
8. Планы выступления	112	12,9
9. Заграничные связи	4	0,5
10. Связи с польскими обществами	19	2,2
11. О других тайных обществах в России	42	4,8
12. Связи Южного и Славянского обществ	2	0,2
13. Переговоры Южного и Северного обществ	7	0,8
14. Членство разных лиц в обществе	36	4,1
15. Виновность разных лиц	12	1,4
16. Восстание 14 декабря	132	15,1
17. Восстание Черниговского полка	34	3,9
18. Членство допрашиваемого в обществе	78	9,0
19. Разное	78	9,0
Всего пунктов	870	

Тематика очных ставок выявляет безусловные приоритеты завершающего этапа следствия: вопросы о цареубийстве, планах покушений и восстании 14 декабря. Затем с заметным отрывом следуют вопросы, направленные на уличение в причастности к тайным обществам, вопросы по истории тайных обществ и «разное». Отметим, что на очные ставки, касавшиеся восстания на Сенатской площади, выносились вопросы об убийстве М.А. Милорадовича, предложении П.Г. Каховскому убить Николая Павловича, покушении В.К. Кюхельбекера

на великого князя Михаила Павловича. Среди вопросов по истории тайных обществ велика доля вопросов о совещаниях 1820 г. у Ф.Н. Глинки и И.П. Шипова и тульчинских совещаниях 1821 г., когда было образовано Южное общество. Все это важнейшие для Следственного Комитета вопросы, связанные и с установлением планов царевубийства, и с выяснением степени виновности декабристов, причем главнейших деятелей.

Что значит «разное» в случае с очными ставками? В двух случаях это очные ставки, в протоколах которых позиция одной из сторон была сформулирована в совершенно неопределенном виде. В протокол очной ставки П.И. Пестеля с А.П. Юшневским были выписаны слова Юшневского, что он готов признать истиной показания других членов о цели Южного общества⁸⁰; а протокол очной ставки Г.С. Батенькова с С.П. Трубецким гласил, что Батеньков все решительно отрицает⁸¹. Все остальное — вопросы о содержании разговоров декабристов, причем из 78 фигурирующих в данном разделе пунктов 45 относятся к попыткам установить, что именно и кому говорил Д.И. Завалишин. Кроме того, на очных ставках выяснялись подробности разговоров, содержание которых было изложено в показаниях Г.А. Перетца и М.И. Пыхачева, а также: уговаривал ли К.Ф. Рылеев П.Г. Каховского не покидать тайное общество, что рассказывал С.П. Трубецкой К.Ф. Рылееву о ходе дел в Южном обществе, какие реплики подавал В.А. Бечаснов на совещании в квартире Андреевича, говорил ли И.С. Повалов-Швейковский, после того как был лишен командования полком, что готов взбунтоваться, и т.д.

Готовили очные ставки те же группы чиновников, что и вопросные пункты. Из 241 протокола 127 подписаны Чер-

⁸⁰ ВД. Т.Х. С. 85–86.

⁸¹ ВД. Т. XIV. С. 72–73. В данном случае протокол очной ставки был оформлен не так, как это делалось обычно.

нышевым, 80 — Бенкендорфом, 28 не имеют подписи, под оставшимися шестью стоят подписи В.В. Левашова, А.А. Ивановского (работал в группе Бенкендорфа), А.И. Вахрушева (чиновник группы Чернышева). Таким образом, больше половины всех очных ставок приходится на группу Чернышева, что подтверждает наблюдения об особой настойчивости в расследовании, въедливости этой группы.

В результате очной ставки должны были быть сняты противоречия в показаниях двух декабристов. Один из них на очной ставке (или до нее, перед лицом одной лишь ее угрозы) признавал верными показания другого, иногда оба вносили коррективы в свои ответы. Однако в делах находится немало протоколов очных ставок, в итоге которых оба декабриста остались при прежних показаниях, тем самым очная ставка оказалась безрезультатной. Всего таких случаев 136, это более половины всех очных ставок. Таким образом, эффективность этого мероприятия была весьма низкой. Не давшие результата очные ставки распределяются по группам следующим образом: в группе Чернышева — 60 из 127, Бенкендорфа — 62 из 80, в третьей группе — 13 из 28. Как видно, меньше всего толку от проведения очных ставок выходило у Бенкендорфа, три четверти из них кончились ничем.

Любопытно, что в подобных случаях не предпринималось никаких дальнейших следственных действий. Не добившись результата на очной ставке, Следственный Комитет прекращал расследование этого вопроса, даже если он был очень важен. Выразительным и даже, можно сказать, вопиющим примером служит серия очных ставок между руководителями Южного общества 22–23 апреля.

Суть проблемы и итог попыток ее разъяснить изложены самим Следственным Комитетом в записи в Журнале засе-

даний за 23 апреля, касающейся последней из очных ставок на эту тему, между П. И. Пестелем и С. Г. Волконским: «Князь Волконский показал, что на совещании, бывшем в 1823 году в Каменке, Сергей Муравьев-Апостол первый сделал вторичное предложение об истреблении всей императорской фамилии, что весьма удивило всех присутствующих членов, ибо на предыдущем совещании он сей мере совершенно противился, равно как и Бестужев-Рюмин, который и здесь к его мысли пристал. Полковник Пестель, спрошенный о сем письменно, подтвердил показание Волконского, но на данных ему вчерашнего числа очных ставках решительным отвержением Сергея Муравьева, Бестужева и Давыдова был приведен в сомнение и отказался, отговариваясь нетвердым о том воспоминанием. Князь Волконский остался при своем показании, Пестель повторил, что оное утвердить никак не может. Положили: взять в соображение»⁸². Накануне, 22 апреля, прошли очные ставки П. И. Пестеля и С. И. Муравьева-Апостола (Пестель подтвердил показание Волконского, обвиняющее С. Муравьева, но Муравьев настаивал, что согласился на убийство одного императора, а не всей фамилии, да и то лишь под давлением общего мнения товарищей)⁸³; П. И. Пестеля и М. П. Бестужева-Рюмина (Бестужев-Рюмин признавал, что он под влиянием Пестеля согласился на убийство царя, но не всей царской фамилии)⁸⁴; П. И. Пестеля и В. Л. Давыдова, на которой Давыдов, как и прежде, заявил, что от Сергея Муравьева «подобного он, Давыдов, никогда не слышал», а Пестель заколебался: «Видев противные отзывы Сергея Муравьева, Бестужева и особенно Давыдова, он должен признаться, что не уверен твердо в действительности происходивших в Каменке и им объявленных при последних ответах суждений, хотя оных

⁸² ВД. Т. XVI. С. 178–179. Протокол очной ставки: ВД. Т. IV. С. 192–193.

⁸³ ВД. Т. IV. С. 364; Т. XVI. С. 177.

⁸⁴ ВД. Т. IX. С. 123; Т. XVI. С. 177.

и не отрицает»⁸⁵; С.Г. Волконского и С.И. Муравьева-Апостола (оба утвердили свои прежние показания)⁸⁶; С.Г. Волконского и М.П. Бестужева-Рюмина (оба остались при своем, причем Бестужев дополнил, что после собрания в Каменке в 1823 г. он даже сочинил и представил товарищам по Южному обществу речь, «в которой доказывал против жестокости меры истребления императорской фамилии», на что Волконский отозвался, что об этой речи «он никогда нигде ничего не слышал»)⁸⁷; С.Г. Волконского и В.Л. Давыдова (оба остались при своем, хотя Волконский «утвердил вышеизложенное свое показание без отмены с приведением в улику Давыдова некоторых, подкрепляющих оное обстоятельств», но Давыдов со своей стороны «утвердил прежнее свое показание, дополнив, что он никак не может припомнить, чтобы Сергей Муравьев соглашался на преступное мнение прочих об императорской фамилии»)⁸⁸; и, наконец, на следующий день состоялась уже упомянутая очная ставка П.И. Пестеля и С.Г. Волконского, последняя и ничего не прояснившая. Волконский, «утверждая прежнее свое показание, приводил в улику Пестеля разные обстоятельства, оное подкрепляющие», но Пестель «объявил, что он вышеприведенного показания князя Волконского не может положительно ни утвердить, ни отвергнуть, ибо совершенно не помнит, чтобы суждение о сем предмете в Каменке происходило»⁸⁹.

На том дело и кончилось, к этому вопросу Комитет больше не возвращался. А ведь это был один из основных пунктов обвинения. Драматизм выяснения того, как именно вожди Южного общества должны разделить ответственность за идею

⁸⁵ ВД. Т. IV. С. 365; Т. XVI. С. 177.

⁸⁶ ВД. Т. IV. С. 362–363; Т. XVI. С. 177.

⁸⁷ ВД. Т. IX. С. 124; Т. XVI. С. 177.

⁸⁸ ВД. Т. IV. С. 363–364; Т. XVI. С. 177.

⁸⁹ ВД. Т. IV. С. 193.

убийства императора и всей его семьи, усугублялся тем, что перед этим Пестель долгое время категорически не желал признавать, что именно он был инициатором этого предложения. Перечисленные очные ставки служили аргументом обвинения против С. Муравьева, Пестеля и Бестужева-Рюмина, и протоколы распределены между тремя следственными делами. Но даже в таком важном вопросе Следственный Комитет удовлетворялся неясностью, малоубедительными ссылками на забывчивость. Противоречие в показаниях снято не было, а, казалось бы, Комитет должен был приложить к тому максимум усилий. Почему же этого не происходило? Представляется, что здесь мы наблюдаем любопытную коллизию, проистекающую из общего состояния следственной практики той эпохи.

Как показал Е. В. Анисимов, архаичная процедура ведения следствия по политическому делу состояла из трех ступеней: «респрос», очная ставка и «розыск», который подразумевал допрос под пыткой: «Если дело не закрывалось на первом уровне — «респросе» — или на втором — на очной ставке, то оно переходило в третью стадию, называемую розыск. Этому переходу могли способствовать разные обстоятельства. Среди них наиболее важными считались: 1) упорство извечника и ответчика в своих показаниях; 2) неясность обстоятельств дела после очных ставок; 3) особое мнение следователей о поведении сторон; суждения начальников и верховной власти, признававшей пытку в этом деле обязательной»⁹⁰. Сравнивая с процедурной стороной дела декабристов, нетрудно заметить, что установленная Е. В. Анисимовым форма расследования вполне к нему применима, когда речь идет о первых двух уровнях. Сначала допросы, потом очная ставка для снятия противоречий, причем она же (это явствует из декабристских воспоминаний) играла также роль меры устрашения, исклю-

⁹⁰ Анисимов Е. В. Дыба и кнут. Политический сыск и русское общество в XVIII веке. М., 1999. С. 366.

чительно морального, но довольно действенного: многих декабристов перспектива встречи лицом к лицу с товарищем заставляла пересмотреть свои показания. А вот следующий этап — пытки — были Александром I запрещены⁹¹. Известно, что запрет этот с трудом проводился в жизнь, и даже через годы после указа Александра I ревизии сталкивались с фактами пыток и изымали пыточный инвентарь, особенно в провинциальных судах. Причина была не столько в неумной жестокости, сколько в действительном затруднении: при тогдашнем состоянии криминалистики и юридической практики следователь, лишившись права пытать, тем самым практически терял возможность довести дело до конца.

В аналогичном положении оказался и Следственный Комитет по делу декабристов. Следуя привычной схеме расследования, после проведения очных ставок Комитет исчерпывал все возможности выяснить истину, и разъяснение зашедшего в тупик вопроса прекращалось.

* * *

Следствие над декабристами было достаточно прагматично. Оно не пыталось скрыть идеологически и пропагандистски неудобные режиму идеи и намерения декабризма — оно ими просто не интересовалось. Идеи не составляли обвинения и мало обсуждались при допросах. Равным образом Следственный Комитет не занимался «охотой на ведьм», он достаточно трезво оценивал русские тайные общества и до-

⁹¹ Встречающиеся изредка в мемуарах современников указания на пытки, которым якобы подвергали декабристов, являются не более чем отголоском циркулировавших в обществе слухов. Ничто в следственных материалах, равно как и в воспоминаниях декабристов, не указывает ни на пытки, ни на их возможность.

статочно быстро убедился, что они не являются ответвлением международной сети тайных обществ (модель, активно обсуждавшаяся в ту эпоху применительно к масонам, иллюминатам, иезуитам), что за ними не стоит также интриг иностранной дипломатии или влиятельных русских кругов. Вместе с тем даже и после ссылки декабристов власти сохраняли в этом отношении определенную настороженность и тщательно проверяли любую информацию такого рода.

В отличие от идей, планы действия декабристов Следственный Комитет считал важной темой. Анализ тематики вопросных пунктов приводит к заключению, что главные проблемы, интересовавшие Комитет, — это персональный состав, организационные формы и потенциал русских тайных обществ, восстание на Сенатской площади (включая его подготовку в период междуцарствия), обсуждавшиеся декабристами планы восстания и вопрос об умысле цареубийства. Вопрос о цареубийстве привлек особенно пристальное внимание Комитета, в результате чего в материалах следствия он приобрел преувеличенное, по сравнению с его реальным местом в декабристских планах, значение.

Группы под руководством генералов А. Х. Бенкендорфа и А. И. Чернышева, ведшие каждая свою часть следствия, имели различный стиль работы и в методике, и в тематике допросов. Основной вклад в расследование вопроса о цареубийстве и создание тематического крена всего дела в этом направлении был сделан группой Чернышева. Подследственные Чернышева, в основном члены Южного общества и Общества соединенных славян, подвергались большему давлению, их больше допрашивали, и суровых приговоров в этой группе также больше. Не только большая активность и решительность южных декабристов, но и большая настойчивость, дотошность генерала Чернышева создают образ более ради-

кального Южного общества. Тогда как образ более умеренного Северного зависит в немалой мере от позиции генерала Бенкендофа, ограничившегося выяснением достаточного минимума подробностей.

Важно не только то, чем следствие интересовалось, но и то, какие стороны жизни тайных обществ оно оставило без внимания. Именно система его предпочтений создает искаженную картину, вольно или невольно для исследователей проявляющуюся и в историографии декабризма. Следственный Комитет был нацелен на то, чтобы получить материал для составления приговора. Все, что лежало за рамками этой основной задачи, его не интересовало. В допросах декабристов практически совершенно отсутствовала тема их идей, планов, взглядов на политическое, социальное и экономическое положение России, а вопросы о намерении ввести в России республиканскую форму правления и о проектах конституций служили лишь подступом к допросам о планах царевубийства и восстания. В то же время преднамеренного желанья раздуть дело у Комитета также не было. Следствие было очень практичным. Оно стремилось выяснить, с чем в лице декабристов пришлось столкнуться власти, и собрать материал для установления меры их вины, но не пыталось ни откровенно преувеличить масштаб дела, ни привлечь к ответственности лишних обвиняемых, ни нарочито скрыть (на уровне расследования, а не опубликования) какие-то неудобные для властей обстоятельства. У следствия была текущая прагматическая, а не историко-культурная задача. Об этом нелишне помнить историкам и воздерживаться от полной идентификации декабризма как явления со всем тем, что описано в материалах следствия: между первым и вторым существует немаловажная разница.

Глава 3

Допросы декабристов и иные источники информации следствия

Главной и основной формой следствия по делу декабристов служили допросы их самих. Были ли у Комитета какие-то иные источники информации? Ведь источником сведений может служить отнюдь не только сам подозреваемый: существуют еще свидетели, вещественные доказательства и пр. Разумеется, когда речь идет о тайном обществе, заговоре, то посторонние ему лица как бы не должны ничего знать. Но, тем не менее, у декабристов были родные, близкие, прислуга, друзья, сослуживцы, которые в принципе могли бы сообщить что-то об их образе жизни, знакомствах, поведении, подтвердить или опровергнуть те или иные фактические сведения (например, кто, когда, к кому приходил). Мало того, имело место восстание в столице, его наблюдали гвардия и масса горожан.

Однако состав следственных дел декабристов с очевидностью показывает, что круг допрашиваемых практически совпадал с кругом подозреваемых. На допросах они попеременно выступали в ролях обвиняемых и свидетелей. Это обстоятельство при подготовке суда над декабристами

стало предметом размышления Разрядной комиссии, выделенной Верховным уголовным судом. В ее донесении, утвердившем перечень родов преступлений и разрядов степени вины, на основании которых выносились приговоры подсудимым, содержалось и рассуждение о свидетельских показаниях. «Комиссия нашла нужным прежде всего разрешить следующий вопрос: известно, что в общем уголовном производстве приемлется не токмо собственное признание, но и улики и в числе улик свидетельства лиц посторонних, но лиц достоверных, беспристрастных, присягою в истине утвержденных; в настоящем деле личные свидетельства суть многочисленны и разнообразны, но свидетели суть лица подсудимые и, следовательно, не беспристрастные, — должно ли принимать таковые свидетельства за достоверные? Трудно было бы по сим одним показаниям без других улик достигнуть очевидности»¹. Впрочем, Комиссия пришла к заключению, что проблема «разрешается самим производством следствия», из всех декабристских дел только четыре вызвали у нее сомнения как основанные исключительно «на таких показаниях», без «собственного признания» обвиняемого (дела Н. И. Тургенева, О. В. Горского, Ф. П. Шаховского, Н. Р. Цебрикова)².

Из материалов следствия видно, что Следственный Комитет не имел формального права просто вызвать кого-либо на допрос; чтобы допросить интересующее лицо, сначала обязательно надо было его арестовать, найдя для того достаточные основания. Исключений — считанные единицы³. Например, были запрошены несколь-

¹ ВД. Т. XVII. С. 103–104.

² Там же. С. 103-1-4, 133.

³ Оформленные в Сенате сразу после событий 14 декабря показания сенатских канцелярских служащих насчет коллежского регистратора Василь-

ко офицеров — очевидцев убийства М. А. Милорадовича (и они дали чрезвычайно бледные показания)⁴, генерал П. Д. Киселев написал объяснения в связи с расследованием того обстоятельства, что С. Г. Волконский оказался осведомлен о болезни и смерти Александра I до официального извещения⁵, при арестах первых декабристов в Тульчине генералы А. И. Чернышев и П. Д. Киселев допрашивали их денщиков. Показательна деталь из воспоминаний С. П. Трубецкого: он рассказывал, как А. Х. Бенкендорф во время допроса Трубецкого в присутствии Комитета несколько раз высказывал предположение, что княгиня Трубецкая знала об участии мужа в заговоре. У Трубецкого сама мысль о возможности привлечения к следствию жены вызывала глубокое возмущение, этот эпизод он поместил в мемуары как пример крайней низости Бенкендорфа⁶.

При необходимости вызвать на допрос сторонних делу свидетелей Следственный Комитет должен был осуществить весьма громоздкую процедуру. Так, чтобы получить показания офицеров, свидетелей убийства Милорадовича и Стюрлера, Следственный Комитет обратился к их непосредственному начальству через Главный штаб. Ответы офицеров были оформлены в виде их рапортов полковым командирам, а те представили их в Главный штаб. Офицеры эти к тому времени отбыли из Петербурга в со-

ева, явившегося 14 декабря на службу «с окровавленными руками» (ВД. Т. XXI. С. 181–186), впрочем, показания эти были составлены с ведома непосредственного начальства, то есть в соответствии с действовавшими тогда представлениями о законности; рапорт капитана Сотникова К. Ф. Толю об обыске в киевском доме С. П. Трубецкого, где был найден некий подозрительный порошок, и в связи с этим допрошены брат декабриста А. П. Трубецкой и дворецкий (ВД. Т. I. С. 77–84).

⁴ ВД. Т. XXI. С. 57–63.

⁵ ВД. Т. XIX. С. 444–445.

⁶ *Трубецкой С. П.* Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 1. С. 259–260.

ставе лейб-гвардии Сводного полка, и когда один из них сообщил, что видел убийцу Стюрлера в лицо, но не знает по имени, то даже речи не возникло о вызове его в столицу для опознания. Есть и еще пара примеров допроса свидетеля. Капитан лейб-гвардии Измайловского полка Норов был назван как очевидец разговора А. А. Скалона, А. С. Гангеблова и М. Д. Лаппы днем 14 декабря, когда они с загородными батальонами своих полков двигались к столице. Чтобы вызвать Норова на допрос в Следственный Комитет, дело было доложено Николаю I для получения его специальной санкции⁷. Равным образом, когда Комитету понадобилось в связи с расследованием виновности И. Ф. Львова допросить Я. И. Ростовцева и свести его со Львовым на очную ставку, для этого также потребовалось высочайшее разрешение⁸.

Всего в следственных делах имеется 44 документа, фиксирующих опросы лиц, не рассматривавшихся в качестве подозреваемых. 35 из них относятся к работе полковых следствий. Полковые следственные комиссии были учреждены в Петербурге при участвовавших в восстании полках, они собирали сведения и допрашивали свидетелей-однополчан о действиях замешанных в восстании на Сенатской площади офицеров. Материалы этих комиссий до нас не дошли, но в делах Следственного Комитета есть ряд итоговых документов — «Сведений о поступках» тех или иных офицеров в день 14 декабря, представляющих собой свод собранных комиссиями показаний. Эти документы запрашивались Комитетом и приобщались к следственным делам. В декабристских делах сохранился всего один протокол допроса из полковых комиссий,

⁷ ВД. Т. XXI. С. 153.

⁸ ВД. Т. XVI. С. 86.

а именно, показания М. М. Корсакова о 14 декабря, записанные в следственной комиссии при лейб-гвардии Гренадерском полку⁹.

Лишь несколько из рядовых солдат-инсургентов были допрошены в самом Комитете, да и те только по горячим следам сразу после восстания¹⁰. Таким образом, функция допроса свидетелей в какой-то мере была делегирована полковым комиссиям, и в этом они дополняли работу Комитета. Возможно, такое распределение обязанностей соответствовало тогдашней процедуре военно-судного дознания, которая на сегодняшний день мало изучена.

Роль «вещественных доказательств» («улик») в следствии по делу декабристов играли изъятые у них бумаги — программные документы, подозрительные письма (львиная доля которых оказалась к делу не относящейся). Есть также два документа, прообраза экспертных заключений: это справка штабт-физика Петрашевского о ране Милорадовича, хранящаяся в деле Е. П. Оболенского¹¹, и заключение профессоров фармации Нелюбина и химии Нечаева о химическом составе порошка, найденного в киевской квартире С. П. Трубецкого¹². Более никаких экспертиз в связи с делом декабристов не производилось, не исключая вопроса о ранении Милорадовича. Несмотря на то, что Комитет тщательно и настойчиво искал виновного, следственные действия ограничились лишь допросами. Не было предпринято попыток найти пистолет и сравнить его с извлеченной из раны Милорадовича пулей; пистолетами П. Г. Каховского и других подозреваемых Комитет

⁹ ВД. Т. XXI. С. 138.

¹⁰ ВД. Т. XXI. С. 33–34, 37.

¹¹ ВД. Т. I. С. 277.

¹² ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 270.

не поинтересовался. Связано это было не с небрежностью следствия, а с неразвитостью криминалистики, которой практически еще не существовало в ту эпоху.

Всего в следственных делах насчитывается 53 документа и компактных групп взаимосвязанных документов¹³, выступавших в роли «вещественных доказательств», а также касающихся поиска и доставки в Комитет бумаг и писем декабристов. Вещественные доказательства (улики) — весьма важная составляющая обвинения, посмотрим, чем тут располагало следствие. Главнейшие из них — это, конечно, программные документы декабристов. Рукопись «Русской Правды», тюремная версия конституции Н. М. Муравьева, другой экземпляр конституции Н. М. Муравьева (хранящийся в деле С. П. Трубецкого), катехизис Н. М. Муравьева «Любопытный разговор», экземпляр устава Союза Благоденствия «Зеленой Книги», устав и вступительная клятва Общества Соединенных Славян (несколько экземпляров, изъятых у разных членов славянского союза); найденный у И. Ф. Шимкова конспект «Русской Правды». Затем следуют документы, связанные с восстаниями декабристов: проект манифеста, составленный В. И. Штейнгейлем накануне 14 декабря; «Катехизис» С. И. Муравьева-Апостола; записка М. П. Бестужева-Рюмина И. И. Горбачевскому о начале восстания Черниговского полка и записка братьев Муравьевых-Апостолов к Бестужеву-Рюмину от 13 декабря 1825 г. К числу важных документов следует отнести также письмо М. И. Муравьева-Апостола брату Сергею от ноября 1824 г., где речь идет о разочаровании Матвея в тайном обществе; письмо Ф. Ф. Вадковского П. И. Пестелю,

¹³ Под компактной группой я имею в виду документы, касающиеся одного и того же вопроса и тесно связанные условиями создания: документ с сопроводительным письмом; инициативный документ и ответ на него; документ с приложениями и т. п.

переданное с Шервудом; изъятая у И. П. Жукова записка с ключом шифра для переписки; письма Д. И. Завалишина к Александру I.

Другие документы, хотя и были приобщены к следственным делам или сохранены в иных делах архива Следственного Комитета, вызвали определенные подозрения, но на поверку оказались к делу особого отношения не имеющими¹⁴. Часть изъятых бумаг к следственным делам приобщена не была и хранится в архиве Комитета отдельно (бумаги П. И. Пестеля, Н. А. Крюкова, М. А. Дмитриева-Мамонова, М. П. Баратаева, Д. И. Завалишина и др.), причем

¹⁴ Прощение П. М. Лемана цесаревичу Константину Павловичу с просьбой о покровительстве, от 6 января 1826 г. (которое Константин поспешил препроводить в Петербург с заверением, что не принимает в Лемане никакого участия); найденное в бумагах Ф. А. Жебровского письмо о литературном обществе в Вильно; письмо игумена Фотия А. В. Капнисту с предостережением против крамольников, написанное в 1821 г.; письмо некоего «С. К.» Е. П. Оболенскому; письмо С. И. Муравьева-Апостола Ал. З. Муравьеву от ноября 1825 г. о денежном долге; 5 писем, изъятых у С. О. Проскуры; письма, перехваченные в Киеве агентом капитаном Сотниковым (в том числе Г. М. Андреевича брату Якову с выговором «за дурачества», А. П. Корсакова Я. Ф. Скарятину с откликом на восстание в Петербурге и др.); бумаги Н. К. Ледоховского; задержанное Киевской почтовой конторой письмо А. Ф. Бриггена к С. П. Трубецкому; отношение в Следственный Комитет командира лейб-гренадер полковника И. П. Шипова о том, что у поручика Панова и капитана Богуславского были кольца с цифрой 71; подложные документы В. К. Кюхельбекера, с которыми он пытался скрыться за границу; запись, сделанная А. И. Якубовичем в крепости на титульном листе книги; письмо М. М. Спиридова из крепости с хозяйственными распоряжениями; дружеское письмо С. И. Муравьева В. К. Тизенгаузену; найденные у И. Ф. Фохта записка Дрешерна, долговая расписка С. Г. Волконского и письмо Белозора с таинственными знаками; бумаги П. Ф. Выгодского и Ю. К. Люблинского; письма М. Устинова П. Н. Свистанову о присылке книг, И. Н. Толстого С. П. Трубецкому о делах по имению (оно, по-видимому, ошибочно попало в дело В. С. Толстого); выписки из французских книг, сделанные В. Г. Политковским; письмо некоего Н. А. Антропова из Бирюча к К. Ф. Рылееву от 3 января 1826 г., где он обсуждал слухи о восстании на Сенатской площади; переписка о розыске среди бумаг Бартенева писем генерала Сабанеева к В. Ф. Раевскому. И наконец, письма С. Г. Волконского к П. Д. Киселеву, приложенные Киселевым к его объяснению о непричастности к тайным обществам.

ничто в собственно следственных материалах не указывает на то, чтобы они были использованы в ходе дознания.

М. В. Нечкина считала, что обширная документация, отражавшая работу тайных обществ, была уничтожена самими декабристами, отчасти в ходе преобразования обществ, отчасти накануне арестов: «Когда-то существовало множество документов первостепенного значения, возникших в революционном лагере и отражавших реальную жизнь декабристских организаций. Существовали программные документы и уставы, конспиративные письма о делах общества и программных вопросах, дневники и доклады, зафиксированные письменно переговоры и записанные поручения. (...) Частью они были уничтожены в процессе развития общества, при образовании его новых форм: основывая новую организацию, декабристы обычно постановляли уничтожить документы предшествующей. Но большей частью документы этого рода запылали в печах и каминах в декабрьские дни 1825 г. — накануне арестов»¹⁵. Плюс к тому, позднее, как указывала М. В. Нечкина, «колоссальное количество документов было уничтожено (...) в процессе работы Следственной комиссии по приказу Николая I, в частности все рукописи вольнолюбивых стихотворений, записанных в порядке показания или отобранных при аресте»¹⁶. Существует достаточно мемуарных свидетельств и декабристов, и людей декабристского круга о том, что начавшиеся аресты побудили очень многих, и не только замешанных в движении, сжечь сомнительные бумаги¹⁷. И, хотя в приказах об арестах декабристов требовалось захватить их бумаги и провес-

¹⁵ *Нечкина М. В.* Движение декабристов. Т. 1. С. 46.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Подобные свидетельства собрал В. А. Федоров (*Федоров В. А.* «Своей судьбой гордимся мы...» С. 69–71).

ти арест внезапно для подозреваемого, на деле зачастую как раз те чиновники, кто должен был этот приказ исполнить, давали декабристу время и возможность уничтожить компрометирующие документы.

Но что это были за документы? Появившиеся за полвека, прошедшие после выхода в свет двухтомного труда М. В. Нечкиной, новые исследования значительно изменили представления о декабризме. Декабристские общества гораздо меньше похожи на более поздние революционные организации, чем то казалось М. В. Нечкиной. Декабристы действительно создавали уставы своих организаций, и образчики их сохранились. Показательно, что сохранилась «Зеленая Книга», устав Союза Благоденствия, известны устав и вступительная клятва Общества соединенных славян, существуют упоминания об уставных документах ранних декабристских и околodeкабристских организаций, но никто из декабристов никогда не сообщал о существовании уставов Южного и Северного обществ. Поздние и более зрелые декабристские организации отказались от письменного оформления себя. Они не вели списков членов, нет никаких свидетельств о том, чтобы упомянутые М. В. Нечкиной виды документов, «отражавших реальную жизнь декабристских организаций», — существовали в реальности. Не велось никаких протоколов заседаний, переговоры вовсе не фиксировались письменно, как и поручения. Тайные общества не имели конспиративного делопроизводства, декабристы не вели никакой регулярной переписки о делах общества. Не пользовались они шифрами, хотя идея эта витала в воздухе и Следственный Комитет проверял любые подозрения об использовании шифров — но в единичных случаях, попавших в поле его зрения, образцы шифров неизменно оказывались плодом

чьей-то индивидуальной конспирологической фантазии, игры в таинственность.

Равным образом не существует никаких свидетельств или указаний на то, чтобы в ходе следствия имело место сколько-нибудь значительное уничтожение документов. Действительно, оказавшиеся в следственных делах крамольные стихи густо зачеркивались (как правило, речь о стихах, воспроизведенных декабристом в показаниях), а написанные на отдельных листках, возможно, уничтожались. Но трудно себе представить, чтобы Следственный Комитет таким образом уничтожал документы, служившие уликами. Любое расследование, напротив, уликами дорожит и тщательно их сохраняет. Стихи же, по всей видимости, уликами не считались и вычеркивали их просто как неблагопристойные тексты, к делу не относящиеся. Что касается бумаг, изъятых у декабристов при аресте, то по окончании дела они, как и вещи арестантов, были возвращены под расписку им или их родственникам. Бумаги и вещи осужденных возвращали их наследникам, причем оставшиеся невостребованными вещи высылали губернаторам по месту жительства семьи декабриста¹⁸. Документация Комитета по учету имущества арестантов (этим ведал приданный Комитету комиссариатский чиновник Равич-Шасткевич) сохранилась¹⁹, велась довольно тщательно, хранились все расписки об их возвращении, причем расписки требовали отдельно на вещи и отдельно на бумаги. Вещи перечислялись по списку, а бумаги описывались суммарно, и отмечалось, во что они

¹⁸ Так, например, 22 ноября 1826 г. А.И. Татищев в отношении к петербургскому военному губернатору сообщал, что в Комитете остались вещи и бумаги Трубецкого, Фурмана, Тизенгаузена, Мусина-Пушкина, братьев Бестужевых и просил распорядиться о возвращении их родственникам (ГА РФ. Ф. 48. Д. 293. Л. 148–148 об.)

¹⁹ ГА РФ. Ф. 48. Д. 293, 294, 295.

упакованы (связка бумаг, сверток в салфетке, шкатулка, сундучок и т.п.). Значит, мы можем быть уверены, что все бумаги, оставленные в архиве Следственного Комитета, рассматривались как относящиеся к делу. Они никоим образом не были просто забыты или не востребованы, т.к., например, имеется расписка о возвращении бумаг кн. М.П. Баратаеву²⁰, но значительный комплекс его бумаг, масонских книг и рукописей остался в архиве Комитета; вещи П.И. Пестеля возвращены родственникам, а несколько связок семейной переписки также находятся в архиве Комитета, и т.д.

Как известно, значительный комплекс писем декабристов из числа изъятых при арестах оказался в личном архиве чиновника Комитета А.А. Ивановского, литератора и приятеля Бестужевых, Рылеева, Корниловича²¹. Ивановский сохранил более 70 писем, адресованных В.И. Штейнгейлю, А.А. Бестужеву, К.Ф. Рылееву, А.О. Корниловичу, среди авторов писем были А.С. Грибоедов, П.А. Вяземский. Особенное внимание исследователей привлекали находившиеся там же, в бумагах Ивановского, письма А.С. Пушкина к А. Бестужеву и К. Рылееву. Ни у кого не возникало сомнения, что Ивановский сделался обладателем этого собрания в силу своей причастности к деятельности Комитета. Авторы советского времени полагали даже, что Ивановский выкрал из дел бумаги, компрометирующие лучших русских литераторов, отводя тем самым от них подозрение в контактах с заговорщиками. Представляется, однако, что это совершенно невозможно. Не так много

²⁰ ГА РФ. Ф. 48. Д. 293. Л. 12.

²¹ Первое обстоятельное описание и публикация наиболее интересной части этого эпистолярия были осуществлены В.Е. Якушкиным (Из литературной и общественной истории. 1820–1830 // Русская Старина. 1888. № 10. С. 149–157; № 11. С. 311–332; № 12. С. 583–600).

в распоряжении Комитета было по-настоящему важных, относящихся к сути дела, бумаг, чтобы исчезновение каких-то из них осталось незамеченным. Сколь бы ни дружил Ивановский с декабристами-литераторами, он все же был чиновником, добросовестно относился к своим обязанностям и зарекомендовал себя хорошо, поскольку после окончания дел Комитета его взял к себе секретарем А. Х. Бенкендорф. С другой стороны, в хранившихся у Ивановского письмах ничего, кроме сугубо литературных вопросов, не содержится, а предположение о том, что сам по себе факт общения с участниками тайных обществ мог компрометировать, является скорее позднейшим и модернизирующим исследовательским толкованием. Скорее всего, эти письма находились среди тех бумаг, которые подлежали возвращению родственникам. Нет никаких данных, чтобы судить о том, каким образом получил их Ивановский — просто ли взял, пользуясь положением в Комитете, или сделал это с согласия родных декабристов, или получил эти письма уже от них. Из переписки о вещах и бумагах декабристов видно, что изъятые документы хранились упакованными, перечней их в Комитете не составляли. Нет точных сведений, кто в Комитете занимался разбором бумаг арестантов, делали ли это члены Комитета или часть работы поручалась чиновникам (тогда Ивановский мог иметь доступ к ним еще в начале следствия). За сохранность бумаг арестованных отвечал Равич-Шасткевич, но среди переписки об их возвращении находится также и конверт, адресованный Ивановскому²² (к сожалению, невозможно установить, обращение кого из родных декабристов было в этом конверте), стало быть, и он имел отношение к процедуре возвращения изъятого.

²² ГА РФ. Ф. 48. Д. 294. Л. 50а.

Из значительного количества доносов, поступивших и в сам Следственный Комитет, и в иные инстанции, к следственным делам были приобщены четыре. Это донос А. И. Майбороды и сопровождавший его рапорт генерала Л. О. Рота²³; анонимный донос на А. О. Корниловича и его брата, датированный мартом 1826 г.²⁴; донос архивариуса канцелярии Министерства иностранных дел Е. Рейнеке на князя Баратаева, якобы пригласившего его в 1819 г. вступить в ложу карбонариев²⁵; донос С. Ф. Кашталинского, что житель Смоленска Заботкин сочувствовал мятежным полякам²⁶. Прочие отложившиеся в бумагах Комитета доносы хранятся отдельно, не в делах декабристов, что, по-видимому, означает градацию отношения к ним Комитета.

В следственных делах декабристов находится и небольшая часть относящейся к ним официальной переписки. Я насчитала около 450 документов или компактных групп, созданных не самим Комитетом в ходе дознания, а поступивших извне. В это число входят упомянутые уже копии материалов полковых следствий (44), бумаги, игравшие роль улики (53), доносы (4), копии материалов Варшавского следствия и следствия при штабе 1-й армии (125). Приобщенная к следственным делам переписка Комитета: об аресте декабристов, привозе их в Петербург, помещении в крепость (69); о содержании в крепости, вызовах на допросы, препровождении в Комитет показаний и т. п. (55). 98 документов касаются освобождения арестантов, выдачи им оправдательных аттестатов, взятия под надзор полиции, уведомления заинтересованных должност-

²³ ВД. Т. IV. С. 8–10.

²⁴ ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 244. Л. 94–95 об.

²⁵ Там же. Д. 199. Л. 1–24.

²⁶ Там же. Д. 141. Л. 5–5 об.

ных лиц о решении на счет того или иного подозреваемого и степени его причастности к тайным обществам²⁷.

Расследование, проводившееся петербургским Следственным Комитетом, находилось в тесной связи с еще несколькими следствиями, происходившими параллельно. Действовало следствие при главной квартире 1-й армии в Могилеве, занимавшееся восстанием Черниговского полка. Следствие по делу польских тайных обществ велось в Варшаве. И, разумеется, Следственный Комитет получил в свое распоряжение материалы расследования генералов А.И. Чернышева и П.Д. Киселева в Тульчине.

В делах декабристов подшито 96 записей допросов, проведенных не петербургским Следственным Комитетом. 45 из них были сняты в Тульчине, в том числе 37 являются плодом деятельности генералов А.И. Чернышева и П.Д. Киселева, еще 8 допросов были сняты позднее генералами Байковым и Корниловым. Тактика Чернышева и Киселева отличалась от принятой затем петербургским Комитетом в том, что они-то как раз не пренебрегали

²⁷ Несколько документов стоят особняком. Это выписка из дела канцелярии дежурного губернатора Петербурга о том, что 1 июля 1826 г. А.Г. Непенин попросил разрешения посетить казармы лейб-гвардии Павловского полка, в чем ему было отказано (ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 96. Л. 19–19 об.); переписка генерала Кульмана с А.И. Татищевым — Кульман заподозрил, что полученный им от Татищева пакет был вскрыт в дороге (Там же. Д. 139. Л. 13–16 об.); отношение А.И. Татищева И.И. Дибичу насчет показания М.И. Муравьева-Апостола о ссоре подпоручика Д.А. Молчанова с генералом Л.О. Ротом — об этом инциденте, как о касающемся службы, полагалось сообщить непосредственному начальству (Там же. Д. 151. Л. 15–16.); переписка о поиске среди бумаг Г.С. Батенькова и представлении на высочайшее рассмотрение рукописи «Опыт теории правительственных учреждений», которая была востребована Николаем I не в качестве улики, а исключительно для сведения, и не была приобщена к следственному делу декабриста (Там же. Д. 264); прошение А.И. Тургенева Николаю I, сопровождавшее письмо Н.И. Тургенева с оправданиями (ВД. Т. XV. Л. 270–271).

допросами свидетелей — денщиков и слуг декабристов, хозяев их квартир. Возможно, Комитет отказался от этой практики именно при виде результатов тульчинских изысканий, потому что допросы слуг ничего существенного не раскрыли. Допросы самих подозреваемых оказались куда результативнее.

Допросов, проведенных в расположении войск 1-й армии, в следственных делах декабристов меньше, всего их 27. Полномочия петербургского Следственного Комитета и других следственных комиссий были внятно разграничены. Петербургский Комитет черниговским восстанием занимался немного, основное выяснение его обстоятельств происходило при Главной квартире 1-й армии; деталями восстания на Сенатской площади занимались следственные комиссии при гвардейских полках, а Высочайше учрежденный Комитет, в какой-то мере свободный от этих, сугубо военных, расследований, должен был обратить свои усилия на другие предметы.

Располагали также в Петербурге и обширным собранием копий допросов, проводившихся Варшавской следственной комиссией по делу о польских тайных обществах. Для ряда членов польских обществ (в первую очередь тех, с кем вступали в переговоры члены декабристского Южного общества — гр. А. Хоткевича, генерала Княжевича, кн. А. С. Яблоновского, гр. П. И. Мошинского, гр. Г. Олизара и др.) допросы начались в Петербурге, затем они были отправлены для продолжения следствия в Варшаву. Материалы их петербургских допросов остались в Следственном Комитете, к ним затем прибавились и некоторые копии варшавских допросов, они есть в делах Г. Олизара (показания его самого и Г. Малаховского), В. Лукашевича (показания Маевского,

Гродецкого и А. Яблоновского) и А. Хоткевича (показания С. Крыжановского).

В Варшаве обер-аудитором Главного штаба цесаревича Константина Павловича были сняты первоначальные допросы с арестованного там В. К. Кюхельбекера, его слуги С. Балашова, а также еврея Д. Лошака, подозревавшегося в связях с Пестелем. Балашова допрашивали также и в канцелярии гродненского губернатора. В декабристских делах есть еще несколько допросов, снятых в разных местах. В Киеве, помимо упоминавшихся выше допросов домочадцев С. П. Трубецкого, допрашивали еще кн. А. С. Яблоновского и Я. М. Андреевича²⁸. В Петербурге министр иностранных дел К. В. Нессельроде по приказу Николая I допросил чиновника своего ведомства М. Устинова о его знакомстве с П. Н. Свистуновым (еще один пример того, что Следственный Комитет не мог вызвать на допрос стороннего свидетеля, это делалось через непосредственное начальство). В Тирасполе генерал Сабанеев снял допросы с А. Г. Непенина, В. Ф. Раевского и посещавших Раевского подпоручика И. Д. Бартенева и прапорщика В. Г. Политковского.

В целом очевидно, что основную информацию о декабристских обществах Следственный Комитет получил именно в ходе допросов самих декабристов в Петербурге. Вклад прочих источников был относительно невелик. Но для полноты представления о деятельности Следственного Комитета и имевшихся у него источниках информации следует поинтересоваться, чем еще занимался Комитет помимо и на фоне допросов декабристов,

²⁸ Андреевич был дважды допрошен военным начальством — генералом князем Горчаковым, флигель-адъютантом полковником Демидовым, начальником штаба 4-го пехотного корпуса Красовским.

в чем состояла его переписка, какого рода входящие бумаги он получал.

В архивном фонде Комитета сохранился его Журнал входящих бумаг²⁹, при записи в который указывалось содержание поступавших документов. Сопоставить данную информацию о зарегистрированных в Журнале входящих бумагах с наличными в делах документами не получится, так как далеко не все вошедшие в следственные дела бумаги были зарегистрированы как входящие, не все входящие, разумеется, были приобщены к следственным делам, наконец, из записи в Журнале не всегда ясно, сколько документов может значиться под одним входящим номером (когда имелся документ с приложениями и т. п.). Большинство показаний декабристов, полученных из Петропавловской крепости, через Журнал не проводились, зато в него записывались некоторые показания, полученные в других местах заключения и представленные тамошним начальством в Комитет с сопроводительными письмами. Я не ставила себе задачей отождествление имеющихся в наличии документов с соответствующими регистрационными записями, что в принципе возможно для некоторой их части.

С момента начала работы Комитета до 17 июня 1826 г. (даты последнего его заседания) в Журнале было зарегистрировано 1208 входящих бумаг³⁰. Для их описания не было смысла использовать те же тематические рубрики, что и для допросов декабристов, содержание входящих заметно отличается и требует иной группировки. Более того, из-за особенностей их оформления я была вынужде-

²⁹ ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 27.

³⁰ По нумерации самого Журнала — 1220, количество расходится с реальным из-за того, что номера 88, 330–339, 808, 988 оказались пропущены, а 304 был присвоен дважды.

на зачастую в обоих случаях по-разному учитывать аналогичные, в сущности, документы. Так, говоря о хранящихся в декабристских делах «вещественных доказательствах», я прибавила к этому разделу также сопутствующую переписку, касающуюся их изъятия; однако записи об изъятии бумаг декабристов во входящем Журнале пришлось отнести к переписке об арестах декабристов, потому что в большинстве случаев отдавался один приказ об аресте подозреваемого и взятии его бумаг, и дальнейшая переписка об этих предметах также шла совокупно, что и отражалось в Журнале. В следственные дела затем попадали лишь фрагменты этой переписки. Да и в других случаях объединение группы документов в одном разделе часто связано с невозможностью их четкого разграничения, тем более что в Журнале содержание бумаг указано не очень обстоятельно (например, не всегда видна разница между доносом и обращением в Комитет лица, заявляющего о своей непричастности к движению декабристов).

По регистрационным записям в Журнале я рассортировала входящие документы по следующим тематическим группам:

- Переписка по организационным вопросам деятельности Следственного Комитета (указ об его учреждении, назначение в Комитет членов и чиновников, ассигнование средств, прикомандирование катера — переправляться через Неву в крепость, оплата прогонов чиновникам, доставлявшим арестантов, выделение денег комендантам крепостей на содержание арестантов, представление Николаю I Журнала Комитета и докладных записок о заседаниях и т.д.) — 71 входящий документ (5,9% от общего количества).

- Переписка, касающаяся арестов (о розыске и аресте попавших под подозрение лиц, привозе их в Петербург, доставлении их вещей и бумаг), а также периодически составлявшиеся списки арестантов, содержащихся в разных местах заключения — всего 439 входящих документов (36,3% от общего количества).
- Поступавшая в Следственный Комитет информация о ходе других следствий, касающихся тайных обществ (в главной квартире 1-й армии, в Варшаве), а также донесения И.И. Дибича от декабря 1825 г., К.Ф. Толя и действовавшего на юге агента капитана Сотникова и др. — всего 117 входящих (9,7%).
- Переписка о содержании арестантов (условия содержания, довольствие, переводы с места на место, доставление денег, вещей и писем, разрешение свиданий с родными, закование в железа, помещение в госпиталь и т.п.) — 176 входящих (14,6%).
- Зарегистрированные в Журнале поступившие в Следственный Комитет показания и прошения декабристов (за исключением тех, что касались материальных проблем, а не собственно следствия, о них см. ниже) — 102 входящих (8,4%).
- Разнообразные доносы, а также обращения в Следственный Комитет различных лиц (в том числе желавших доказать свою непричастность к тайным обществам) и донесения о расследованиях по ним — 42 входящих (3,5%).
- Переписка о препровождении бумаг, выступавших в роли «вещественных доказательств» или свидетель-

ствовавших о невинности попавших под подозрение лиц (кроме бумаг, взятых при арестах) — 24 входящих (2%).

- Переписка в связи с имущественными делами арестованных декабристов (уплате долгов, выдаче доверенностей на управление имениями, о тяжёлых и следственных делах по имениям, оставшихся у арестантов казенных суммах и отобрании у них служебных отчетов, как, например, сдача полка П. И. Пестелем, возвращение казенной печати С. Г. Краснокутским и др.) — 96 входящих (7,9%).
- Переписка об освобождении арестантов из крепости, возвращении им денег и вещей, выдаче оправдательных аттестатов, отправлении из крепости в ссылки или другие места заключения, а также о переводе арестантов из Петропавловской крепости в другие места заключения — 93 входящих бумаги (7,7%).
- Разное — 48 входящих (4%).

Как видно, из всех этих входящих бумаг (не считая показаний декабристов, которые лишь в редких случаях регистрировались во входящем Журнале) непосредственно касаются содержательной стороны работы следствия доносы, донесения о следствиях в других местах и препровождении «вещественных доказательств». Удельный вес их невелик — около 15%.

Данные Журнала входящих бумаг подтверждают, что поступающие в Следственный Комитет документы играли второстепенную роль, основной поток информации шел из допросов декабристов.

Наконец, последний сюжет, в котором нужно разобратся, говоря об имевшихся у следствия источниках информации. В декабристской мемуаристике содержится ряд намеков (да и прямых утверждений), развитых затем в исследовательской литературе, о том, что во время следствия посещавшие узников священники играли роль агентов-осведомителей правительства. Посмотрим, насколько правдоподобна эта версия.

Во время следствия декабристов посещали три священника, наиболее заметный след оставил иерей Казанского собора Петр Николаевич Мысловский. В историографии, особенно советской, его было принято подозревать в выполнении роли тайного агента, а учитывая его дружескую связь со многими арестантами — в двурушничестве. При этом оценки исследователей отличались большим разнообразием³¹, что объяснялось не только относительной скудостью и противоречивостью источников, но и тем, что авторы совершенно различный смысл вкладывали

³¹ «В конце концов Мысловский в своих поступках попросту согласовался с указаниями начальства» (мнение Е. Е. Якушкина, к которому присоединился С. Я. Штрайх: *Якушкин И. Д.* Записки. М., 1951. С. 573); «Представляется бесспорным, что какие-то услуги [декабристам — О. Э.] Мысловский сумел оказать (...) Но также бесспорно, что Мысловский оказал немалые услуги и правительству, в значительной мере оправдав возложенные на него поручения» (*М. К. Азадовский.* Воспоминания Бестужевых. М.; Л., 1951. С. 711–712); «Спор об этом человеке не окончен. Большинство декабристов сохранило о нем лучшие воспоминания. (...) Но были также арестанты, уверенные, что Мысловский выдает властям тайну исповеди. Самое вероятное, что было *и то и другое*... Человек и чиновник не разлучались в протоиерее» (*Эйдельман Н. Я.* Апостол Сергей. М., 1975. С. 323–324). М. В. Нечкина писала о «воздействии особого рода», призванном наряду с закованием в кандалы сломить волю арестованного (*Нечкина М. В.* Движение декабристов. Т. 2. С. 398), В. А. Федоров считал, что «главная задача, которая была поставлена перед духовными лицами, заключалась не в том, чтобы во время доверительных бесед с заключенными или на исповеди добыть какие-либо сведения, а в том, чтобы морально подготовить узников к «чистосердечным» показаниям на допросах Следственного Комитета» (*Федоров.* С. 164).

в само понятие «услуг правительству»: от простого морального давления до разглашения тайн исповеди.

Сами декабристы высказывали на этот счет разные мнения, но большинство из них были уверены в добрых намерениях Мысловского, причем в это число входили как раз те декабристы, кто больше всех общался со священником. В целом они полагали, что «священнику было поручено приносить утешение религии и особенно вызывать на признание» (А. М. Муравьев³²), священник был прислан «для увещания и для убеждений быть чистосердечным» (Н. П. Крюков³³), «увещевать нас ничего не скрывать при допросах» (А. П. Беляев³⁴). Басаргину сам о. Петр объявил, что ему поручено Комитетом и составляет его обязанность стараться возбудить раскаяние и уговаривать к сознанию³⁵. Такая роль действительно позволяла священнику быть искренним при ее исполнении, она не мешала сочувствовать арестантам и вполне соответствовала убеждениям самого Мысловского, отнюдь не бывшего единомышленником декабристов.

Официальных документов, которые бы описывали обязанности посещающего арестантов священника, в архиве Следственного Комитета не существует. Это было одной из причин настороженности исследователей, полагавших, что отсутствие документов может указывать на сугубую конфиденциальность предмета. Между тем как раз отсутствие документов скорее может означать, что никаких

³² Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов. Т. 1. М., 1931. С. 127.

³³ Рассказ Н. П. Крюкова о заключении в Петропавловскую крепость в 1826 г. // Дела и дни. 1922. Кн. 3. С. 61.

³⁴ Беляев А. П. Воспоминания. СПб, 1882. С. 181.

³⁵ Басаргин Н. В. Воспоминания. Рассказы. Статьи. С. 88.

специальных указаний священник не получал и действовал как в любых других случаях при посещении узников. А имеющиеся источники содержат достаточно косвенных данных для того, чтобы вполне отказаться от подозрений.

Прежде всего, если допустить, что священника использовали для выведывания сведений, заставляли разглашать тайны исповеди, то тогда полученная от него информация должна была бы использоваться и всплывала бы в ходе допросов. Материалы следствия над декабристами достаточно «прозрачны», всегда можно определить происхождение информации и ее передвижение из одного допроса в другой. Так, легко прослеживаются сведения, полученные из доносов Бошняка и Майбороды. Но никакой подозрительной информации неизвестного происхождения, о которой можно было бы подумать, что источником ее являлся духовник, в материалах следствия нет. Представить же себе осведомителя по важному политическому делу, засекреченного до такой степени, что его материалами вообще не пользовались, довольно сложно. Тем более что, коль скоро даже по закону священник обязан был доносить об узнанных в ходе исповеди противозаконных вещах, то непонятно, зачем бы было делать из этого такую тайну.

В материалах следствия зафиксировано несколько моментов, косвенно указывающих на положение священника по отношению к Следственному Комитету. 25 декабря 1825 г. Комитет отклонил прошение некоего Лешевича-Бородулича, в доме которого несколько часов после восстания 14 декабря скрывался Н. А. Бестужев. Лешевич-Бородулич просил «о заключении его в то же место, где заключен из числа возмутителей Николай Бестужев, с тем, чтобы ему, Бородуличу, позволено было пробыть там столько времени, сколько нужно будет

для совершенного обращения того Бестужева на путь истинный». Комитет заключил, что «для увещания преступников находится при Комитете священник; итак, допускать к нему посторонних лиц не только нет надобности, но и неприлично»³⁶. Здесь содержится ясное указание на цель деятельности священника. По представлениям той эпохи, духовник был столь же необходим узникам, как и врач. И.Д. Якушкин вспоминал, как о. Петр однажды сказал, что «вообще члены Следственного комитета очень хлопочут о том, чтобы никто из нас не умер до окончания дела»³⁷. Эта обеспокоенность проявилась в единственном известном нам конкретном поручении, полученном Мысловским от Комитета: когда М.И. Муравьев-Апостол написал к А.И. Чернышеву отчаянное письмо, открывавшее намерение самоубийства, к нему отправили о. Петра, который затем в письменном виде известил Чернышева о состоянии духа декабриста. Документ этот находится в деле М. Муравьева-Апостола³⁸. В другой раз Мысловский сам обратился к Комитету. 12 апреля, на Страстной неделе, он объявил, что И.Д. Якушкин, «убедясь в истинах святой веры, пришел в совершенное раскаяние и просил исповеди, а после нее удостоился причастия святых тайн». В результате с Якушкина сняли ручные железа³⁹. Само по себе наличие этих двух письменных обращений Мысловского в Комитет указывает на то, что никаких других, устных и конфиденциальных, сообщений он не делал, иначе зачем бы понадобилось делать исключения для этих двух, оформляя их в письменном виде? Кроме того, в Журнале Комитета в эпизоде с Якушкиным фамилия священника даже написана неточно — «Смысловский», что свиде-

³⁶ ВД. Т. XVI. С. 228.

³⁷ Якушкин И.Д. Мемуары, статьи, документы. С. 141.

³⁸ ВД. Т. IX. С. 273–274.

³⁹ ВД. Т. XVI. С. 165, 168.

тельствует о дистанцированности его от деятельности Комитета.

Можно заключить, что предположения об использовании в ходе следствия священника как агента лишены основания и никаких скрытых потоков информации в деятельности Следственного Комитета не было.

* * *

Итак, рассмотрев состав документов следственных дел, структуру входящей переписки Комитета, происхождение полученной им информации, мы должны заключить, что круг источников этой информации был весьма узок. Следствие располагало ценнейшими для историка программными документами декабристов, хотя они послужили только как предметная улика — из материалов следствия не видно, чтобы сами тексты конституционных проектов Н. М. Муравьева и П. И. Пестеля были использованы Комитетом. Главным источником информации были допросы декабристов. Уровень дознания, юридическая мысль и, в более общем виде, — система представлений той эпохи обуславливали и круг применявшихся следственных действий. Это обстоятельство само по себе может представлять интерес при изучении истории складывания в России правовых понятий и отношений. А для истории декабризма важно понимать, что Следственный Комитет, благодаря принятой им методике дознания, не пользовался сведениями из источников, сколько-нибудь отстраненных от тайных обществ и отражающих какие-либо сведения, суждения и угол зрения, отличные и от официальной позиции, и от самооценки декабристов. Та картина, которую нам рисуют материалы следствия, является

самоописанием декабристов, преломленным, во-первых, их манерой защиты перед правительством и, во-вторых, характером интересов Следственного Комитета, выраженных в вопросных пунктах.

Хронология и периодизация следствия

Для декабристов следствие тянулось долго: полгода томились они в крепостном заключении, в неведении о своей дальнейшей участи. Но если отвлечься от их страданий и сравнить этот процесс, со 125 обвиняемыми и тремя сотнями привлеченных к делу, с другими политическими делами, также значительными и находившимися в фокусе внимания властей (отнюдь не заинтересованных в их затягивании), то трудно не считать следствие над декабристами весьма интенсивным, оперативно и быстро завершенным. Так, 22 участника кружка М.В.Петрашевского провели под следствием 8 месяцев; следствие по делу Н.Г.Чернышевского продолжалось около двух лет; участников убийства Александра II осудили всего за месяц, но по делу проходили лишь шесть человек, преступление было очевидно, а остальные видные народовольцы были арестованы позже. Предварительное следствие по крупнейшему делу народников — процессу 193-х — тянулось более четырех лет, причем к нему было привлечено 770 человек, а в суд переданы дела на 197. По сравнению с этим, полгода декабристского следствия — срок небольшой.

Николаю I, конечно, не терпелось завершить расследование. Поначалу ему казалось, что следствие долго не продлится. 4 января он писал Константину Павловичу: «Я думаю покончить возможно скорее с теми из негодяев, которые не имеют никакого значения по признаниям, какие они могут сделать, но, будучи первыми, поднявшими руку на свое начальство, не могут быть помилованы. Это — Бестужев и Щепин Московского полка. Я думаю, что их нужно попросту судить, притом только за самый поступок, полковым судом в 24 часа и казнить через людей того же полка». Император прибавил, что той же участи заслуживает Оболенский, но он еще нужен для очных ставок¹. 16 января император сообщал Константину Павловичу, что ждет привоза в Петербург М.П. Бестужева-Рюмина для допросов, «чтобы закончить дело»². 28 января он был по-прежнему оптимистичен, хотя высказывался уже несколько осторожнее: «Следствие идет хорошо и в отношении наших близится к концу. Мне досадно, что не могу ускорить дела; но это значило бы всё испортить»³. Судя по подчеркнутым Николаем Павловичем словам, сообщение о близящемся завершении следствия в Петербурге было продиктовано уже не столько его верой в это, сколько желанием побудить цесаревича активизировать следствие в Варшаве. В следующий раз в письмах к старшему брату о перспективах процесса декабристов Николай заговорил только 16 марта: «Здесь наше следствие подвигается хорошо; ускорить его невозможно — страшно потерять какую-нибудь нить»⁴. О скором завершении дела он уже промолчал. И больше к этому не возвращался до 12 мая, когда действительно смог сообщить, что следствие

¹ Междоусобица 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. С. 175.

² Там же. С. 181.

³ Там же. С. 186.

⁴ Там же. С. 192.

«совсем близится к концу; надеюсь, оно будет закончено не позже как через 10 дней»⁵. Действительно, 21 мая он написал Константину, что в основном дело завершено⁶, а 30 мая датирован итоговый «Всепоподданнейший доклад высочайше учрежденной Следственной комиссии»⁷.

Несколько раньше, 28 апреля, Константину Павловичу писал А. И. Татищев: «Имею честь донести вашему императорскому высочеству, что следствие, Комитету под председательством моим порученное, ныне приводится к окончанию; все обстоятельства совершенно раскрыты; начало, ход, различные преобразования тайного общества, отрасли его, цели, замыслы, предположенные покушения — все совершенно приведены в ясность. Остается только согласить очными ставками многочисленные разноречия виновных, лично до действия и участия каждого порознь относящиеся; количество оных довольно значительно, и по немаловажному числу соучастников, потребно еще несколько времени до приведения всего дела в надлежащий вид для представления государю императору»⁸. Отпуск этого письма хранится в деле с перепиской по следствию о польских тайных обществах, и, по всей видимости, обстоятельный перечень достижений петербургского Следственного Комитета должен был также послужить Константину намеком, что пора бы добиться сходных успехов и в варшавском расследовании.

Для понимания того, что происходило на следствии в разные моменты, нужно понять, как вообще следствие развертывалось во времени, можно ли выявить какие-то его периоды, шли ли допросы равномерно и размеренно или были фазы их

⁵ Там же. С. 194.

⁶ Там же.

⁷ ВД. Т. XVII. С. 24–61.

⁸ ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 316. Л. 144–144 об. (отпуск письма).

большей и меньшей интенсивности. Установить это вполне возможно, для этого требуется учесть все данные о допросах по Журналу заседаний Комитета и по следственным делам, расположить их по датам и вывести общую статистику. Результаты удобнее всего представить в виде графиков, где по одной оси указано количество допросов, по другой — хронологические отрезки, выбранные как шаг измерения. График таким образом будет демонстрировать колебания интенсивности допросов декабристов на протяжении всего следствия. Имеющиеся документальные материалы позволяют проследить два тесно взаимосвязанных ряда данных: работу заседаний Следственного Комитета (по Журналу заседаний) и все вообще допросы декабристов, как прошедшие через заседания присутствия Комитета, так и оставшиеся за его рамками (по следственным делам декабристов).

Остается выбрать интервал времени, который служил бы шагом при группировке данных. Здесь я столкнулась со сложностью, хорошо известной в естественных науках. Если просто брать данные за каждый день, то график получится не только громоздким, но и невнятным: множество случайных колебаний и скачков не позволяет увидеть тенденцию, такой график не поддается интерпретации. Существует надежный, давно апробированный прием, состоящий в увеличении интервала измерения. В качестве подходящего интервала я выбрала отрезки, соответствующие семи заседаниям Следственного Комитета. Число 7 выбрано более-менее произвольно, с тем же успехом можно было взять 5, 6 или 10; число 7 показалось мне удобной величиной, не слишком большой, и на 7 почти точно делится число заседаний Комитета. Целесообразнее исходить из ритма заседаний Комитета, а не брать за основу календарные отрезки времени (неделя, декада и т.п.), это позволяет избежать колебаний графика, связанных с неравными промежутка-

ми между заседаниями. Ведь режим заседаний Комитета был связан не только с внутренней динамикой следствия, но и с привходящими, внешними обстоятельствами: перемены в заседаниях случались из-за ледохода на Неве, траурных церемоний во время похорон Александра I, пасхальных праздников.

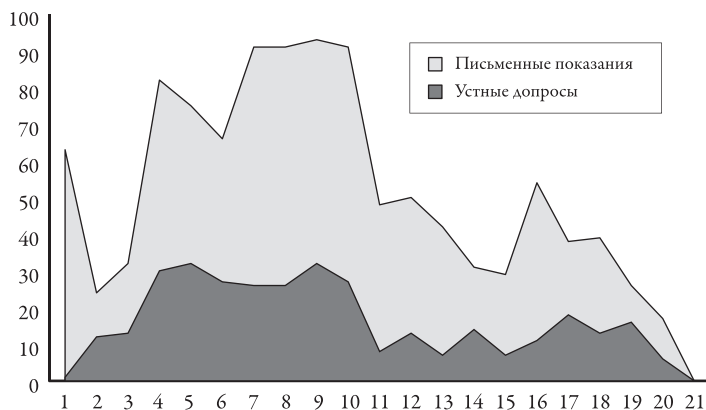
Итак, на полученных мною графиках по горизонтальной оси отложены хронологические промежутки, соответствующие семи заседаниям Следственного Комитета; для удобства расположения подписей на графиках они пронумерованы порядковыми номерами. По вертикальной оси указано суммарное количество допросов за каждый промежуток времени в абсолютных цифрах.

График 1 демонстрирует динамику допросов на заседаниях Комитета. Он составлен на основании данных Журнала заседаний. В Комитете проводили устные допросы декабристов, а также прочитывали их письменные показания (и те, что были повторным, на этот раз письменным, ответом на те же вопросы, на какие декабрист отвечал перед членами Комитета, и те, что давались без вызова в Комитет). На графике две линии: одна показывает количество устных допросов декабристов в Комитете, другая — число прочитанных там письменных показаний. Всего за всё время следствия, согласно Журналу, в Комитете было проведено 339 устных допросов и зачитано 743 письменных ответов⁹, включая записи первоначальных допросов, снятых В.В. Левашовым. А также состоялось 188 очных ставок, но о них речь пойдет ниже.

⁹ По следственным делам я насчитала 804 показания декабристов, на которых В.Ф. Адлербергом были сделаны пометы о чтении их в Комитете (см. главу 1), но в данном случае я исхожу из сведений Журнала заседаний.

График 1.

Устные и письменные допросы по Журналу Комитета



Номерам хронологических отрезков соответствуют:

1) 17–23 декабря 1825 г., заседания Комитета №№ 1–7; 2) 24–30 декабря (заседания №№ 8–14); 3) 31 декабря 1825 г. – 6 января 1826 г. (заседания 15–21); 4) 7–13 января (заседания 22–28); 5) 14–20 января (заседания 29–35); 6) 21–27 января (заседания 36–42); 7) 28 января – 3 февраля (заседания 43–49); 8) 4–11 февраля (заседания 50–56); 9) 12–18 февраля (заседания 57–63); 10) 19–25 февраля (заседания 64–70); 11) 2–14 марта (заседания 71–77); 12) 15–22 марта (заседания 78–84); 13) 23–30 марта (заседания 85–91); 14) 31 марта – 6 апреля (заседания 92–98); 15) 7–13 апреля (заседания 99–105); 16) 14–21 апреля (заседания 106–112); 17) 22–28 апреля (заседания 113–119); 18) 29 апреля – 5 мая (заседания 120–126); 19) 6–12 мая (заседания 127–133); 20) 13–19 мая (заседания 134–140); 21) 24 мая – 17 июня (заседания 141–146).

На графике 1 видно несколько пиков. Все следствие делится на две части: период самых интенсивных допросов продолжался до конца февраля, затем последовал резкий спад и новая, хотя и не столь значительная, активизация допросов в двадцатых числах апреля – начале мая. Большое количество письменных допросов, прочитанных в Комитете во время первых семи заседаний, обусловлено

в значительной мере записями Левашова; основной поток допросов пошел во второй декаде января, к тому времени в Петербург были привезены члены южных тайных обществ. Неудивительно, что именно тогда у Комитета возникла потребность обсудить вопросы организации следствия, и 9 января А.И. Чернышев представил свою записку. Время до конца февраля 1826 г. было наиболее насыщенным по частоте заседаний Комитета, на него приходится 70 заседаний из 146, почти половина. Со второй недели января по конец февраля состоялись 200 допросов из записанных в Журнале заседаний 339 (59%), были прочитаны 389 из 743 значащихся в Журнале письменных показаний (52,4%) Но за это же время было проведено всего 10 очных ставок из зафиксированных Журналом 188; усилия Комитета были направлены в первую очередь на получение массы сведений, до уточнения деталей и прояснения разногласий дело еще не дошло. А если говорить о числе допросов за это время, основываясь не на Журнале заседаний, а на реально имеющихся в следственных делах документах, то с 7 января по 25 февраля было составлено 725 вопросных пунктов, включавших в себя 3133 вопроса, что составляет соответственно 40% и 52,8% от общего их числа. В первых числах марта количество и допросов, и прочитанных в Комитете показаний резко спало (и, если судить по материалам Журнала Комитета, его активность в проведении допросов продолжала снижаться до середины апреля). После январских – февральских допросов Следственному Комитету потребовалась пауза, чтобы освоить полученное огромное количество информации.

По мере того как развертывались допросы, члены Комитета начали захлебываться в потоке бумаг. 17 февраля Комитет обсудил одну из многих вставших перед ним проблем: «По чрезвычайному множеству накопившихся писем к арестантам и от них, на прочтение коих недостает вре-

мени, имели рассуждение, как прекратить сию обширную и затруднительную переписку». Было решено впредь разрешить переписку только «тем из арестантов, кои по исследованию найдены менее виновными и оказали чистосердечие и раскаяние», остальным же запретить переписку совсем, за исключением необходимейших случаев, касающихся семейных денежных проблем и имений¹⁰. 19 февраля с высочайшего одобрения было решено составить для коменданта Петропавловской крепости генерала А.Я. Сукина список арестантов, которым дозволяется переписка, причем каждому разрешалось писать не чаще раза в две недели. Кроме того, переписка арестантов по имущественным и денежным делам была позволена под присмотром самого Сукина, минуя Комитет¹¹. Регламентировав таким образом переписку декабристов, Комитет решил сразу две задачи: разгрузил себя от лишних бумаг и укрепил в своих руках дополнительный рычаг давления на подследственных, формально увязав разрешение переписки с поведением их на допросах¹².

Как уже было сказано выше, далеко не все допросы декабристов проходили через присутствие Следственного Комитета, больше половины их общего количества было оставлено на уровне чиновников его аппарата. Это тоже был способ разгрузить Комитет от менее важных дел.

¹⁰ ВД, Т. XVI. С. 106.

¹¹ Там же. С. 109.

¹² Поначалу никакой общей регламентации переписки арестантов не было, ее разрешал сам Николай I в ответ на просьбы некоторых декабристов или их родственников, в качестве особой монаршей милости или демонстративного жеста. Так, он позволил С.П. Трубецкому переписку с женой, а во время первого допроса велел Трубецкому сесть и написать жене письмо, и сам продиктовал начало (*Трубецкой С.П.* Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 1. С. 255), таким же образом при первом петербургском допросе писал отцу С.И. Муравьев-Апостол.

Как происходили все допросы декабристов, какова была их интенсивность в разные периоды следствия, показывает график 2. Он построен на основании подсчета всех сохранившихся в следственных делах вопросных пунктов¹³. Напомним, что под понятием «допрос» я имею в виду вопросные пункты, оформленные как отдельный документ (из одного или нескольких вопросов), под «вопросами» — входящие в него пункты. Из общего количества допросов (1813 из 5959 вопросов) пришлось исключить недатированные вопросные пункты, которые невозможно поставить в хронологическую последовательность. Их немного относительно общего количества допросов — 82 документа (4,5% от общего количества). Таким образом, график 2 основывается на данных 1731 датированного допроса из 5831 вопроса¹⁴, и две его линии показывают: одна — количество допросов, вторая — количество вопросов в них. Между 25 февраля и 2 марта заседаний Комитета не было, но чиновники его аппарата в эти дни работали; чтобы не отходить от принципа разбиения данных по однотипным хронологическим отрезкам, данные за это время присоединены к следующему промежутку, за 2–14 марта¹⁵.

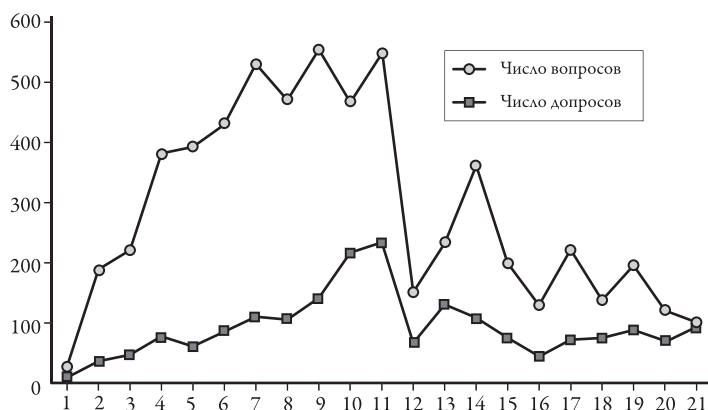
¹³ Не вошли сюда допросы, снятые Левашовым, вопросы о воспитании, показания, данные декабристами по собственному почину, а не в ответ на присланные вопросы, и, конечно, материалы очных ставок.

¹⁴ Следует оговорить особенности датировок вопросных пунктов. На них могут стоять даты вызова декабриста в Комитет, составления вопросных пунктов (если в Комитет не водили), чтения ответов в Комитете, а также, изредка, дата ответов, проставленная декабристом. В случае, если на одних и тех же вопросных пунктах имеется больше одной даты, основной служила дата составления вопросов (вызова в Комитет), при ее отсутствии — чтения в Комитете или дата ответов.

¹⁵ В сущности, с тем же основанием их можно было присоединить не к следующему, а к предыдущему отрезку: затруднительно решить, составили ли чиновники Комитета в этой пятидневной паузе между заседаниями вопросные пункты во исполнение решений, принятых Комитетом перед перерывом, или же, напротив, готовили материал на будущее. Слишком мало известно о кухне подготовки вопросных пунктов, чтобы разрешить этот вопрос, но второй вариант все же кажется более правдоподобным.

График 2.

**Динамика допросов и вопросов
по данным всех следственных дел**



Нижний ряд данных — количество допросов, верхний ряд — количество вопросов в них.

Номерам хронологических отрезков соответствуют:

1) 17–23 декабря 1825 г., заседания Комитета №№ 1–7; 2) 24–30 декабря (заседания №№ 8–14); 3) 31 декабря 1825 г. – 6 января 1826 г. (заседания 15–21); 4) 7–13 января (заседания 22–28); 5) 14–20 января (заседания 29–35); 6) 21–27 января (заседания 36–42); 7) 28 января – 3 февраля (заседания 43–49); 8) 4–11 февраля (заседания 50–56); 9) 12–18 февраля (заседания 57–63); 10) 19–25 февраля (заседания 64–70); 11) 2–14 марта (заседания 71–77); 12) 15–22 марта (заседания 78–84); 13) 23–30 марта (заседания 85–91); 14) 31 марта – 6 апреля (заседания 92–98); 15) 7–13 апреля (заседания 99–105); 16) 14–21 апреля (заседания 106–112); 17) 22–28 апреля (заседания 113–119); 18) 29 апреля – 5 мая (заседания 120–126); 19) 6–12 мая (заседания 127–133); 20) 13–19 мая (заседания 134–140); 21) 24 мая – 17 июня (заседания 141–146).

График 2 рисует в общих чертах ту же картину динамики допросов, что и график 1. Количество допросов плавно нарастало вплоть до середины марта, затем, после резкого

падения в промежутке 15–22 марта, последовал новый, уже не столь значительный подъем. Но надо отметить, что по времени спад и подъем на графиках 1 и 2 не совпадают: если в Комитете в конце марта происходило снижение интенсивности работы, а новое оживление допросов началось в середине апреля (график 1), то на графике 2 видно, что минимальное число допросов приходится на 15–22 марта, рост их количества виден уже с двадцатых чисел марта, а второй, причем весьма выразительный, пик приходится на первую неделю апреля. Таким образом, на фоне замедления допросов на заседаниях Комитета, чиновники его, напротив, активно составляли и отсылали в крепостные казематы вопросные пункты.

Недостаточно говорить только о допросах: ведь они были очень неравнозначны по объему, вопросные пункты могли включать двадцать – тридцать (а то и больше) вопросов, а могли всего один или два. Если судить по числу допросов, интенсивность расследования с начала следствия (середина декабря) до десятых чисел февраля плавно нарастала, затем последовал скачок с пиком 19 февраля – 14 марта. Но по количеству вопросов в допросах период наиболее активного расследования начался значительно раньше, уже с 7 января, а пиковым был промежуток между 28 января и 14 марта. Произшедшее затем затишье ознаменовалось минимумом как допросов, так и вопросов. А вот последовавший новый всплеск оказался не синхронным: максимум допросов отмечен 23–30 марта, а наибольшее количество вопросов — 31 марта – 6 апреля (график 2).

Но как могла возникнуть разница между двумя линиями графика, если они отражают одни и те же вопросные пункты? Такое могло произойти, только если менялась характерная длина вопросников, если на разных промежутках

времени они в среднем, в массе своей становились короче или пространнее. Для удобства обсуждения этого аспекта введем условное понятие среднего количества вопросов в допросе (среднее арифметическое числа вопросов в допросах).

Для всего следствия, при общем количестве в 1813 допросов из 5959 вопросов, в среднем на допрос приходится 3,29 вопроса. При разбиении на хронологические отрезки (Таблица 7) я учитываю только датированные допросы — 1731 из 5851 вопроса, в среднем 3,38 вопроса в допросе¹⁶. Для начального периода следствия, с середины декабря до 7 января, среднее количество вопросов в допросе составляет 6, с 7 января до 25 февраля — 4,3, а в дальнейшем — 1,9. В начале следствия вопросники в среднем были длиннее.

Таблица 7.

Среднее количество вопросов в допросах

Даты	Номера заседаний	Число допросов	Число вопросов	Среднее количество вопросов в допросе
1. 17–23 декабря	1–7	1	20	-
2. 24–30 декабря	8–14	24	179	7,5
3. 31 декабря–6 января	15–21	35	204	5,8
4. 7–13 января	22–28	68	374	5,5
5. 14–20 января	29–35	51	379	7,4
6. 21–27 января	36–42	74	420	5,7
7. 28 января–3 февраля	43–49	101	520	5,1
8. 4–11 февраля	50–56	95	460	4,8
9. 12–18 февраля	57–63	130	545	4,2
10. 19–25 февраля	64–70	207	459	2,2

¹⁶ Здесь я округлила данные до второго знака после запятой, чтобы более точно показать разницу между ними. В дальнейшем округление делается до первого десятичного знака.

IV. ХРОНОЛОГИЯ И ПЕРИОДИЗАЦИЯ СЛЕДСТВИЯ

Даты	Номера заседаний	Число допросов	Число вопросов	Среднее количество вопросов в допросе
11. 2–14 марта	71–77	224	538	2,4
12. 15–22 марта	78–84	56	142	2,5
13. 23–30 марта	85–91	120	223	1,9
14. 31 марта–6 апреля	92–98	98	353	3,6
15. 7–13 апреля	99–105	63	191	3,0
16. 14–21 апреля	106–112	34	119	3,5
17. 22–28 апреля	113–119	62	211	3,4
18. 29 апреля–5 мая	120–126	68	128	1,9
19. 6–12 мая	127–133	78	186	2,4
20. 13–19 мая	134–140	60	108	1,8
21. 24 мая–17 июня	141–146	83	92	1,1
Итого:		1731	5851	3,4

Самые длинные, в среднем, вопросные пункты были характерны для промежутков 24–30 декабря и 14–20 января. Совершенно очевидно, почему именно тогда допросы оказывались более пространными (или составлялось меньше коротких вопросных пунктов). Ведь, по принятой следствием тактике, самым обширным для большинства арестованных, как правило, оказывался первый допрос в Комитете. На конец декабря падает основная масса первых допросов членов Северного общества, а на середину января — привезенных к этому времени в Петербург членов южных тайных обществ. Период в среднем довольно длинных допросов продолжался до 19 февраля, а пик допросов между 19 февраля и 14 марта сопровождался резким, почти вдвое, уменьшением среднего числа вопросов в допросах — значит, в это время декабристы получили множество отдельных вопросов, коротких вопросных пунктов. Стало быть, Комитет приступил к уточнению деталей, выяснению неясностей и противоречий. Затем сделал паузу, необходимую для осмысления полученной ин-

формации, после чего с двадцатых чисел марта начал новые серии допросов.

Ближе к концу февраля ввиду нараставшего потока информации члены Комитета, да и сам Николай I, стали искать способы как-то ограничить размеры следствия. Его требовалось скорее завершить по целому ряду политических соображений: Николай откладывал свою коронацию до окончания расследования; родственники декабристов, среди которых было много влиятельных аристократических семей, напряженно ждали приговора; гвардии и армии следовало продемонстрировать твердость и справедливость нового императора. Не надо забывать и о следствии, которое велось в Варшаве, — Николай должен был показать пример старшему брату Константину Павловичу. Да и многие иные обстоятельства заставляли спешить, от острой нехватки арестантских помещений (ведь чтобы разместить декабристов, в Петропавловской крепости пришлось даже устраивать временные дощатые выгородки в куртинах, не предназначенных для содержания арестантов) до ненормальной, в сущности, ситуации, когда ряд высоких должностных лиц империи, включая военного министра, в течение нескольких месяцев, заседа в Комитете, отвлекались от своих прямых служебных обязанностей.

23 февраля И. И. Дибич запиской на имя А. И. Татищева сообщил Комитету о высочайшей воле, «чтобы из числа прикосновенных к делам Комитета о тех, кои хотя и принадлежали к Союзу Благоденствия, но, отставши от оногo, не участвовали потом в последовавших за оным злонамеренных обществах, ниже в происшествии 14 декабря, учинил Комитет скорейшее разрешение». Комитет тут же постановил «приступить немедленно к исполнению сего»¹⁷.

¹⁷ ВД. Т. XVI. С. 115.

Вероятно, это распоряжение Николая I было следствием предложения, исходившего от Комитета, но высказанного не формальным путем (ни в Журнале Комитета, ни в его докладных записках Николаю об этом ничего нет), а через кого-то из имевших доступ к царю членов Комитета, возможно, самого И.И. Дибича.

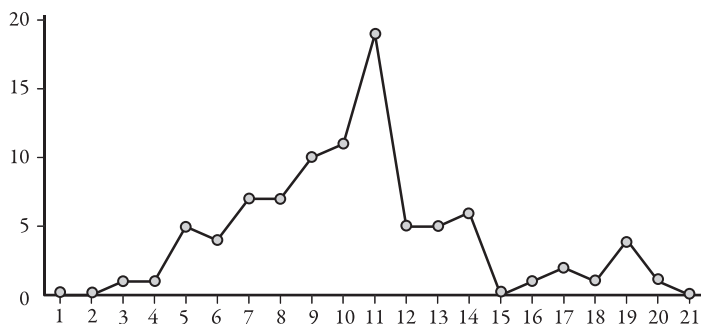
Однако «исполнение сего» оказалось не слишком скорым. Для окончания следствия в отношении бывших членов Союза Благоденствия, которых предполагалось выпустить, потребовалось провести дополнительные допросы. Собственно, доля допросов этой группы узников в масштабах всего следствия была не так уж велика, но все же окончание расследования по ним могло несколько разгрузить Комитет, а также произвести благоприятное для нового императора впечатление в обществе. По Журналу Комитета, за все следствие на заседаниях состоялось 25 допросов членов Союза Благоденствия, не принадлежавших к последующим декабристским обществам, и были заслушаны 54 их показания (это соответственно 7,4% и 7,3% от общего числа допросов по Журналу заседаний). В следственных делах хранится 93 допроса членов Союза Благоденствия, и еще 41 показание было написано ими по собственной инициативе, без вопросных пунктов¹⁸. Эти подсчеты учитывают допросы только самих членов Союза Благоденствия, но не допросы о них других декабристов, таким образом, это лишь часть расследования о них. Динамику их допросов показывают графики 3.1. и 3.2. Поскольку цифры здесь невелики, рассуждать на их основании о какой-то тенденции следует с осторожностью. На графике 3.1. заметно оживление допросов членов Союза Благоденствия 12 февраля – 14 марта, причем максимум их приходится на 2–14

¹⁸ Всего я насчитала 270 добровольных показаний, написанных декабристами за все время следствия. Таким образом, здесь соотношение вопросных пунктов и добровольных показаний намного выше, чем в целом по следствию.

марта, когда в целом в допросах декабристов наступила пауза (график 2). Поскольку о решении Николая I освободить бывших членов Союза Благоденствия Комитету было сообщено 23 февраля, а рост количества их допросов наметился раньше, с тем большей уверенностью можно полагать, что решению предшествовало предложение самого Комитета, доведенное до сведения императора.

График 3.1.

Количество допросов членов Союза Благоденствия

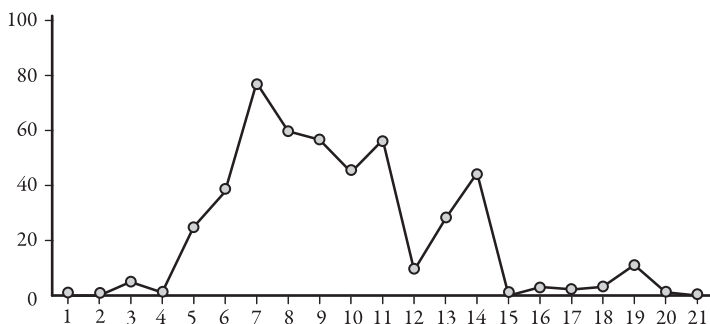


Номерам хронологических отрезков соответствуют:

- 1) 17–23 декабря 1825 г., заседания Комитета №№ 1–7; 2) 24–30 декабря (заседания №№ 8–14); 3) 31 декабря 1825 г. – 6 января 1826 г. (заседания 15–21); 4) 7–13 января (заседания 22–28); 5) 14–20 января (заседания 29–35); 6) 21–27 января (заседания 36–42); 7) 28 января – 3 февраля (заседания 43–49); 8) 4–11 февраля (заседания 50–56); 9) 12–18 февраля (заседания 57–63); 10) 19–25 февраля (заседания 64–70); 11) 2–14 марта (заседания 71–77); 12) 15–22 марта (заседания 78–84); 13) 23–30 марта (заседания 85–91); 14) 31 марта – 6 апреля (заседания 92–98); 15) 7–13 апреля (заседания 99–105); 16) 14–21 апреля (заседания 106–112); 17) 22–28 апреля (заседания 113–119); 18) 29 апреля – 5 мая (заседания 120–126); 19) 6–12 мая (заседания 127–133); 20) 13–19 мая (заседания 134–140); 21) 24 мая – 17 июня (заседания 141–146).

График 3.2.

Количество вопросов членам Союза Благоденствия



По горизонтальным осям указаны промежутки, соответствующие семи заседаниям Комитета, по вертикальным — количество допросов/вопросов.

Тем временем правитель дел Комитета А.Д. Боровков по результатам допросов составлял записки о степени виновности каждого из участников Союза Благоденствия. Первую партию этих записок Комитет заслушал 9 марта. Тогда же среди членов Комитета возникли разногласия по поводу процедуры освобождения этой категории узников, ее обсуждали еще раз 14 марта и представили на высочайшее рассмотрение с особой докладной запиской, излагавшей суть разногласий (состоявших в том, должен ли Комитет представить императору свое мнение об их освобождении или же ограничиться только записками о силе их вины, все решения оставив на высочайшее усмотрение). 18 марта последовало решение Николая I¹⁹. На графиках 3.1. и 3.2. заметно появление новых допросов членов Союза Благоденствия 31 марта – 6 апреля, но это допросы тех из них, кто не подлежал освобождению.

¹⁹ ВД. Т. XVI. С. 124, 133.

Итак, в конце февраля 1826 г. Николай I и члены Следственного Комитета сочли, по всей видимости, что наступает новая фаза следственного процесса. После массы допросов произошло не только информационное насыщение, но и перенасыщение, требовавшее усилий по обработке полученных сведений. Комитет составил себе представление о декабризме и имел достаточно информации, чтобы выбрать наиболее существенное и на нем сосредоточиться. Признанные неопасными бывшие члены Союза Благоденствия были отпущены. В то же время отпала и необходимость в новых арестах. Аресты декабристов не только проводились с санкции императора, но и находились под его личным контролем. Арестантов отправляли в Петропавловскую крепость в сопровождении записок Николая I, где зачастую, помимо приказа содержать данное лицо в крепости, встречались и указания о конкретном месте и режиме заключения. Всего генерал А.Я. Сукин получил, согласно его собственному реестру, 150 таких записок. Последняя из них, о Шимкове, Мозгалевском и Шахиреве, была датирована 22 февраля 1826 г.²⁰ Затем поток арестантов стал иссякать. Закончились и допросы, проводившиеся В.В. Левашовым, последние из них, по нумерации Левашова, 251 и 252 (Н.Д. Синявина и Ф.П. Шаховского), состоялись между 9 и 11 марта. А 26 марта председатель Следственного Комитета А.И. Татищев подал на высочайшее рассмотрение составленную А.Д. Боровковым записку, в которой предлагалось для ускорения следствия новых арестов более не производить, поскольку в последнее время вновь арестованные оказываются уже мало причастными к делу, члены тайных обществ, по-видимому, уже все взяты²¹. В тот же день Татищев объявил

²⁰ Щеголев П.Е. Декабристы. М.; Л., 1926. С. 267–276. Количество записок не тождественно количеству арестантов, т.к. одна записка могла сопровождать сразу нескольких узников, а некоторые записки относились к другим вопросам (разрешить свидания и переписку, заковать в кандалы и т.д.).

²¹ ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 1. Л. 20–21 об.; Боровков А.Д. Автобиографические записки. С. 347–348.

членам Комитета «высочайшую волю, чтобы Комитет при открытии новых лиц, участвовавших в тайном обществе, представлял бы о взятии тех только, кои по показаниям и справкам окажутся сильно участвовавшими в преступных намерениях и покушениях общества, а о прочих уведомлял бы их начальство, смотря по обстоятельствам, для учреждения за ними бдительного надзора или для арестования при своих местах впредь до другого распоряжения»²². 28 марта И.И. Дибич вернул в Комитет записку Татищева от 26 марта, одобренную Николаем I. В связи с этим Комитет тут же отменил принятое за четыре дня до того, 24 марта, свое распоряжение об аресте и доставлении в Петербург прапорщика Ольшевского, поручика Е. Шульгена, Е.Е. Лачинова и Н.О. Красницкого²³.

На первый план в работе следствия все больше выступала задача обработки информации. А.Д. Боровков, по его воспоминаниям, уже в начале февраля получил приказание составить доклад императору о тайных обществах. На тот момент это поручение в большей мере отражало желание Николая I скорее закончить следствие, нежели реальное состояние последнего. К середине февраля Боровков смог составить не доклад, а только очерк о тайных обществах. Примерно тогда же ему было поручено начать составление записок о силе вины каждого подсудственного²⁴. 26 февраля к Комитету был командирован Д.Н. Блудов, первоначально для составления публичного отчета о тайных обществах (впоследствии он, а не Боровков, стал автором итогового доклада). Как раз в это время закончился период самых интенсивных допросов на заседаниях Комитета.

²² ВД. Т. XVI. С. 144.

²³ Там же. С. 141, 147.

²⁴ *Боровков А.Д.* Автобиографические записки. С. 343–346.

В течение марта допросов в Комитете проводилось немало (график 1), но он еще достаточно активно занимался рассмотрением письменных показаний, хотя и этот процесс плавно шел на убыль. Новый всплеск его произошел 14–21 апреля, а новое оживление допросов — 22 апреля–12 мая.

Где-то к началу апреля у следствия уже сложилось примерное представление о том, кто из арестантов может пойти под суд, и, вероятно, поэтому Комитет занялся сбором сведений анкетного характера: были розданы «вопросы о воспитании», запрошен ряд отсутствовавших в бумагах Комитета формулярных списков об их службе²⁵.

К началу мая следствие действительно было почти завершено, Николай I имел основания сообщить об этом 12 мая Константину. 4 мая на заседании Следственного Комитета был заслушан составленный Блудовым проект официального донесения «о произведенном Комитетом исследовании», 18 мая — его окончательная редакция, а 27 мая — секретное приложение к нему. С 15 мая на заседаниях начали зачитывать составленные Боровковым записки о силе вины отдаваемых под суд декабристов.

²⁵ 6 апреля Комитет разослал в Морской штаб, дежурному генералу Главного штаба, в Инспекторский департамент Главного штаба и в другие места отношения о присылке формулярных списков декабристов. Тогда же девятнадцать арестантов, бывших к тому времени в отставке, получили от Комитета вопрос о месте прежней службы (двое из них поставили под ответами дату — 7 апреля), затем последовали запросы туда о формулярных списках. Ответы поступали во второй половине апреля — начале мая (ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 277. «О истребованных формулярных списках о службе лиц, взятых по прикосновенности к злоумышленному тайному обществу», а также: РГВИА. Ф. 36. Оп. 4. Св. 18. Д. 180. «Дело по отношению г. военного министра о доставлении к нему 19-ти формулярных списков о службе чиновников, прикосновенных к делу о злоумышленных обществах, 11–17 апреля 1826»). Всего в следственных делах насчитывается 172 формулярных списка декабристов (на А.П. Арбузова, Г.С. Батенькова и В.Ф. Раевского есть по два формуляра, на некоторых декабристов — М.С. Лунина, М.А. Фонвизина — их почему-то нет).

Процесс следствия имел два четко выраженных периода, два этапа — до затишья в допросах 15–22 марта и после него. Первая фаза была наиболее насыщена допросами, вторая, по-видимому, имела задачей окончательное выяснение наиболее существенных обстоятельств. Какие эволюции претерпевала при этом тематика допросов, были ли в истории следствия моменты, когда Комитет сосредотачивался на определенных темах или, наоборот, переставал чем-то интересоваться; как распределялось по времени расследование основных тематических линий? И можно ли говорить о том, что на разных этапах следствие было сосредоточено на тех или иных темах?

Данные о распределении тематики вопросов по двум периодам следствия представлены в Таблице 8. В Таблице приведены абсолютные данные и два ряда процентных отношений: удельный вес вопросов каждой темы в каждый период (например, в первом периоде вопросы по истории тайных обществ составляли 4,6% от всех заданных за это время, а во втором периоде — 5,6%) и доля этих двух периодов в расследовании каждой темы (то есть из всей совокупности вопросов по истории тайных обществ в течение первого периода было задано 65,5%, второго, соответственно, 34,5%).

Таблица 8.

Тематика допросов декабристов за два периода следствия

	Абсолютные данные по первому периоду	Доля темы внутри первого периода (%)	Доля вопросов по теме за первый период внутри темы (%)	Абсолютные данные по второму периоду	Доля темы внутри второго периода (%)	Доля вопросов по теме за второй период внутри темы (%)
1	2	3	4	5	6	7
1. История тайных обществ	190	4,6	65,5	100	5,6	34,5
2. Состояние тайных обществ	478	11,7	86,3	76	4,3	13,7
3. Введение республики	151	3,7	78,6	41	2,3	21,3
4. Проекты конституций	120	2,9	78,4	33	1,9	21,6
5. Идея царевубийства	152	3,7	56,3	118	6,6	43,7
6. Причастность сановников	39	0,9	79,6	10	0,6	20,4
7. На какие войска полагались	127	3,1	58,8	89	5,0	41,2
8. Планы выступления	329	8,0	62,9	194	10,9	37,1
9. Заграничные связи	72	1,8	79,1	19	1,1	20,9
10. Связи с польскими обществами	176	4,3	81,1	41	2,3	18,9
11. О других тайных обществах в России	176	4,3	67,2	86	4,8	32,8
12. Связи Южного и Славянского обществ	69	1,7	93,2	5	0,3	6,8
13. Переговоры Южного и Северного обществ	78	1,9	56,5	60	3,4	43,5
14. Членство разных лиц в обществе	599	14,6	64,6	328	18,5	35,4
15. Виновность разных лиц	76	1,9	55,1	62	3,5	44,9
16. Восстание 14 декабря	438	10,7	70,2	186	10,5	29,8
17. Восстание Черниговского полка	58	1,4	48,7	61	3,4	51,3
18. Членство допрашиваемого в обществе	304	7,4	86,9	46	2,6	13,1
19. Разное	470	11,5	67,5	226	12,7	32,5
Всего вопросов во всех допросах	4098	100	69,7	1777	100	30,2

В Таблице учтены все датированные допросы (1731 допрос из 5851 вопроса), к ним добавлены 24 вопроса, полученных декабристами по завершении заседаний Комитета, то есть после 17 июня 1826 г. (итого 5875 вопросов)²⁶.

Во втором и пятом столбцах Таблицы приведено абсолютное количество вопросов по каждой теме соответственно за первый и второй период следствия; в третьем и шестом столбцах — удельный вес вопросов данной темы за период (сумма значений третьей и шестой колонок может на десятую долю процента отклоняться от 100% из-за округления данных до первого десятичного знака);

²⁶ В Таблицу 8 не включены показания, данные декабристами добровольно, вопросы о воспитании и записи Левашова.

четвертый и седьмой столбцы Таблицы показывают распределение вопросов каждой темы между двумя фазами следствия (сумма значений четвертой и седьмой колонок в каждой строке составляет 100% с отклонением на десятые доли процента вследствие округления данных).

В первой фазе следствия было задано около 70% всех вопросов, во второй соответственно около 30%. Поэтому о тех темах, вопросы по которым распределяются примерно в том же соотношении — 70 и 30%, можно сказать, что они более или менее равномерно присутствовали на всем протяжении следствия, на завершающем этапе интерес к ним не возрастал и не угасал. Это в первую очередь относится к вопросам о восстании 14 декабря в Петербурге, о существовании в России других тайных обществ, а также к «разному». В некоторых случаях об эволюции интересов и смещении центра внимания Следственного Комитета свидетельствует не столько количество вопросов, сколько их удельный вес на разных отрезках процесса расследования.

Несколько большее, чем в среднем, внимание в первой части следствия было уделено вопросам о причастности сановников, заграничных связях декабристских обществ, о польских тайных обществах, а также о республиканских планах и конституционных проектах. Причем что касается вопросов на две последние темы, то сходство процентов в их распределении по периодам (78,6–78,4% для первой фазы и 21,3–21,6% для второй) выявляет наличие определенной связи между ними, они будто сопутствовали друг другу.

Некоторые темы в большей мере сосредоточены в первом периоде: состояние тайных обществ, вступление в общество допрашиваемого, связи Общества соединенных славян с Южным обществом (здесь почти все вопросы — 93% — приходятся на первый период следствия). Видимо, Комитет впол-

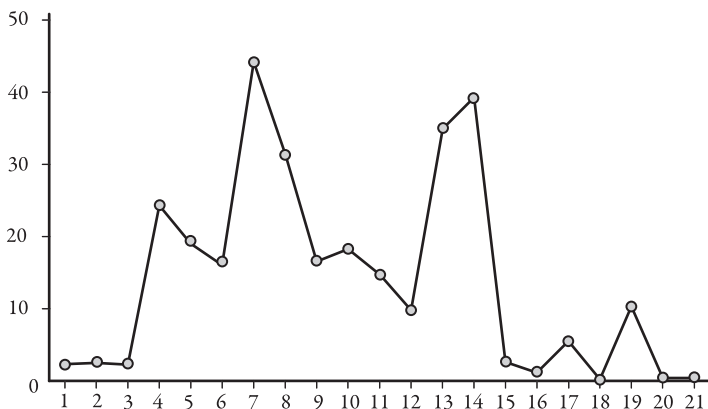
не удовлетворился полученной за это время информацией и в дальнейшем к этим проблемам почти не возвращался.

Другие темы не только сохранили актуальность во второй фазе расследования, но и выдвинулись в приоритетные. Их удельный вес возрос главным образом за счет сокращения вопросов по тем проблемам, которыми Комитет больше занимался в начале следствия. Так, во втором периоде заметно внимание следствия к вопросам об участии разных лиц в декабристских обществах: на них приходится 18,5% всех вопросов второго периода следствия, тогда как в первый период их доля была ниже, 14,6%. И хотя число этих вопросов резко уменьшилось в конце марта, когда было принято решение больше подозреваемых не арестовывать, тем не менее при подведении итогов Комитету потребовались дополнительные допросы о причастности тех или иных лиц к декабристским обществам. Аналогичным образом усилилась и роль вопросов, направленных на выяснение виновности отдельных лиц, 45% от их общего количества было задано во второй фазе следствия.

Несколько возросла во втором периоде доля вопросов по истории тайных обществ. На графике 4.1 виден скачок их числа 23 марта – 6 апреля. По-видимому, это следует связать с завершением следствия в отношении членов Союза Благоденствия, хотя активизация допросов их самих наблюдалась несколько раньше.

График 4.1.²⁷

Вопросы по истории тайных обществ



Номерам хронологических отрезков соответствуют:

1) 17–23 декабря 1825 г., заседания Комитета №№ 1–7; 2) 24–30 декабря (заседания №№ 8–14); 3) 31 декабря 1825 г. – 6 января 1826 г. (заседания 15–21); 4) 7–13 января (заседания 22–28); 5) 14–20 января (заседания 29–35); 6) 21–27 января (заседания 36–42); 7) 28 января – 3 февраля (заседания 43–49); 8) 4–11 февраля (заседания 50–56); 9) 12–18 февраля (заседания 57–63); 10) 19–25 февраля (заседания 64–70); 11) 2–14 марта (заседания 71–77); 12) 15–22 марта (заседания 78–84); 13) 23–30 марта (заседания 85–91); 14) 31 марта – 6 апреля (заседания 92–98); 15) 7–13 апреля (заседания 99–105); 16) 14–21 апреля (заседания 106–112); 17) 22–28 апреля (заседания 113–119); 18) 29 апреля – 5 мая (заседания 120–126); 19) 6–12 мая (заседания 127–133); 20) 13–19 мая (заседания 134–140); 21) 24 мая – 17 июня (заседания 141–146).

Темы, ставшие приоритетными на заключительной фазе следствия, образуют характерную, логично взаимосвязанную группу: умысел на цареубийство, планы выступлений, войска, на которые рассчитывали декабристы, вос-

²⁷ Здесь и далее вторая цифра в номере графика соответствует номеру тематической рубрики.

стане Черниговского полка, а также переговоры Южного и Северного обществ (Комитет выяснял, действительно ли южные эmissары склоняли северян к согласию на царевубийство). Вместе эти темы дают 29,4% всех вопросов второго периода, плюс 10,5% приходится на вопросы о восстании 14 декабря в Петербурге. Таким образом, Комитет сузил круг тем, сосредоточившись на том, что считал важным и что являлось основным при формулировании обвинения. В центре внимания оказался вопрос о царевубийстве и сопряженные с ним планы, переговоры, а также состоявшиеся военные восстания.

Данные о количестве вопросов позволяют проследить также и то, как происходило и какие эволюции претерпело на протяжении следствия расследование по каждой теме, это удобно представить в виде серии графиков (графики 4.2–4.19). Однако следует помнить, что, исходя из общих принципов математической статистики, чем больше цифровые показатели, тем больше уверенность, что график отражает некие тенденции, и наоборот, при небольших цифрах сложно судить, где наблюдается тенденция, а где — случайный разброс данных.

Номерам хронологических отрезков соответствуют:

1) 17–23 декабря 1825 г., заседания Комитета №№ 1–7; 2) 24–30 декабря (заседания №№ 8–14); 3) 31 декабря 1825 г. – 6 января 1826 г. (заседания 15–21); 4) 7–13 января (заседания 22–28); 5) 14–20 января (заседания 29–35); 6) 21–27 января (заседания 36–42); 7) 28 января – 3 февраля (заседания 43–49); 8) 4–11 февраля (заседания 50–56); 9) 12–18 февраля (заседания 57–63); 10) 19–25 февраля (заседания 64–70); 11) 2–14 марта (заседания 71–77); 12) 15–22 марта (заседания 78–84); 13) 23–30 марта (заседания 85–91); 14) 31 марта – 6 апреля (заседания 92–98); 15) 7–13 апреля (заседания 99–105); 16) 14–21 апреля (заседания 106–112); 17) 22–28 апреля (заседания 113–119); 18) 29 апреля – 5 мая (заседания 120–126); 19) 6–12 мая (заседания 127–133); 20) 13–19 мая (заседания 134–140); 21) 24 мая – 17 июня (заседания 141–146).

График 4.2.
Вопросы о состоянии тайных обществ

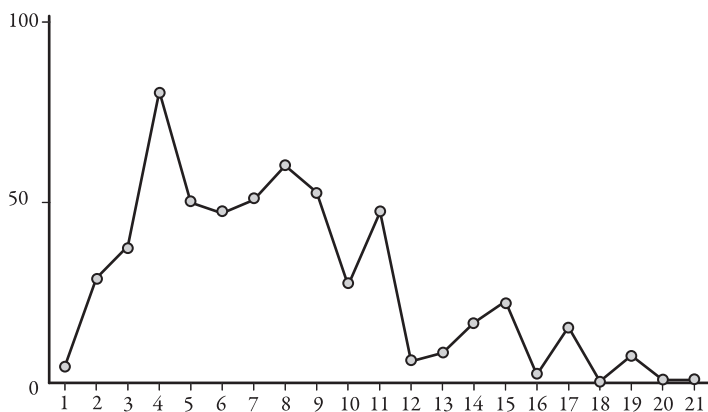


График 4.3.
Вопросы о республике

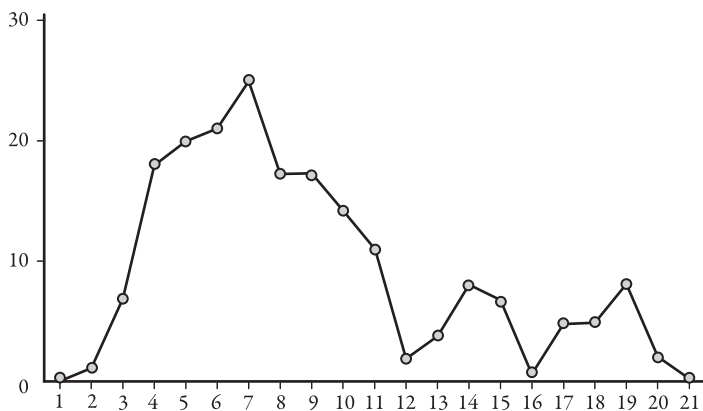


График 4.4.
Вопросы о Конституции

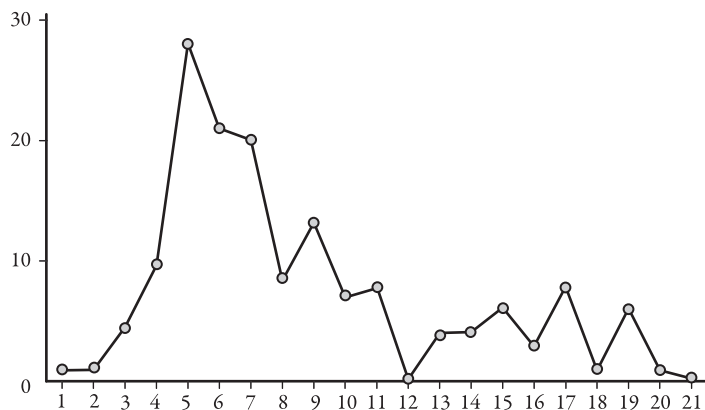


График 4.5.
Вопросы о царевубийстве

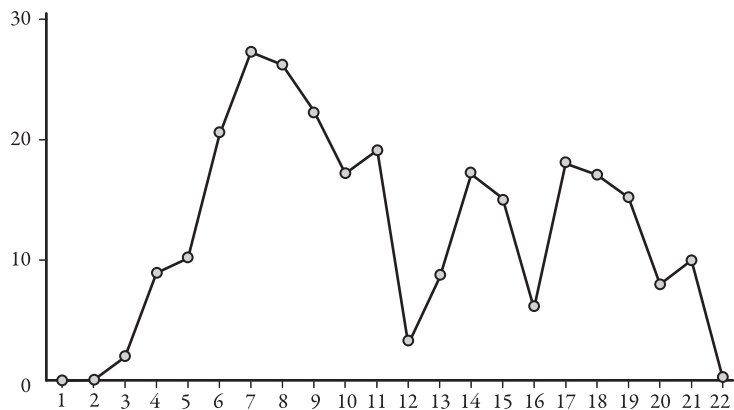


График 4.6.
Вопросы о сановниках

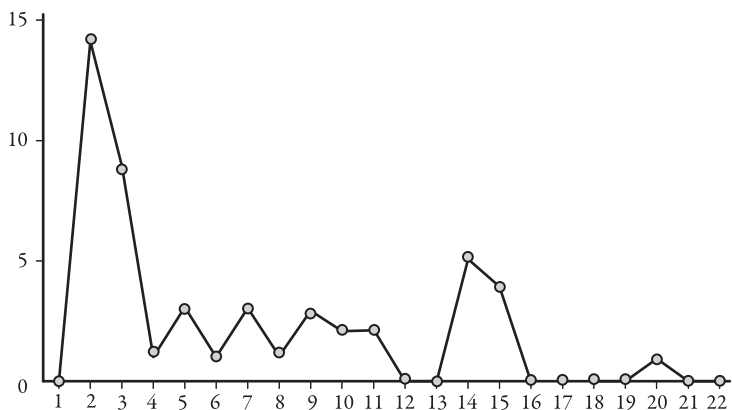


График 4.7.
Вопросы о войсках

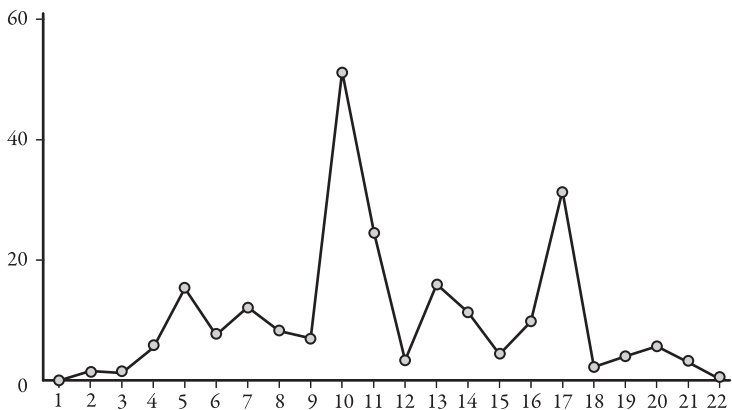


График 4.8.

Вопросы о планах покушений

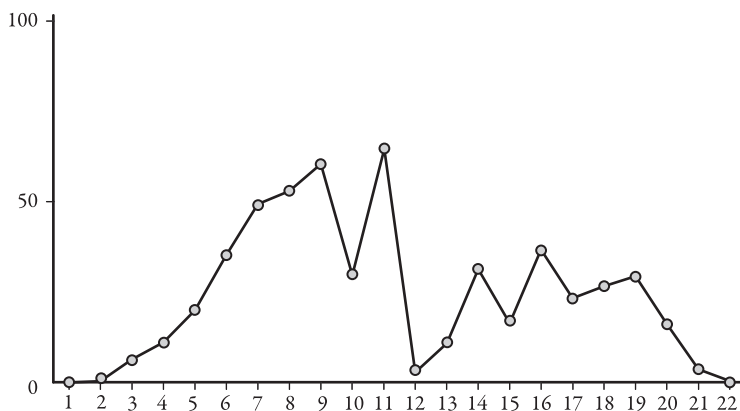


График 4.9.

Вопросы об иностранных связях

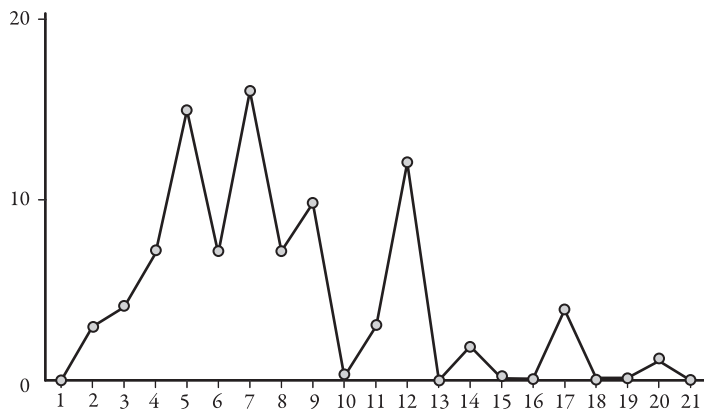


График 4.10.

Вопросы о польских обществах

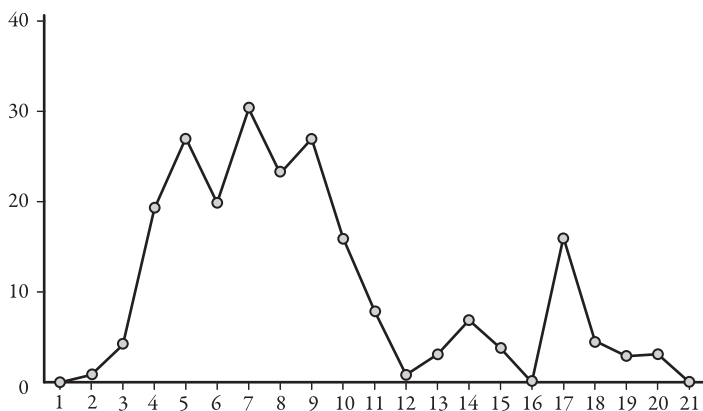


График 4.11.

Вопросы о других тайных обществах в России

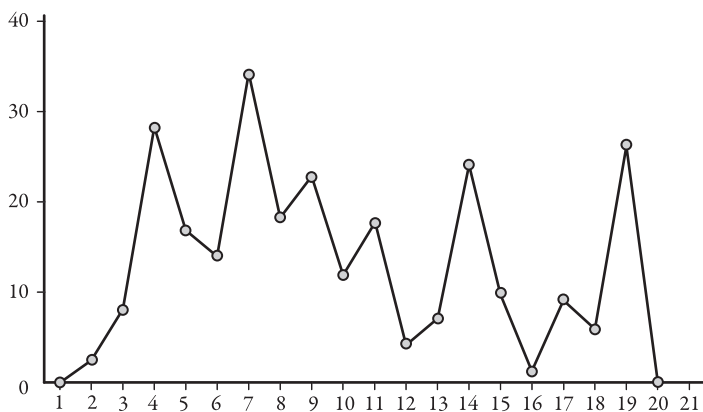


График 4.12.

**Вопросы о переговорах Южного общества
и Общества соединенных славян**

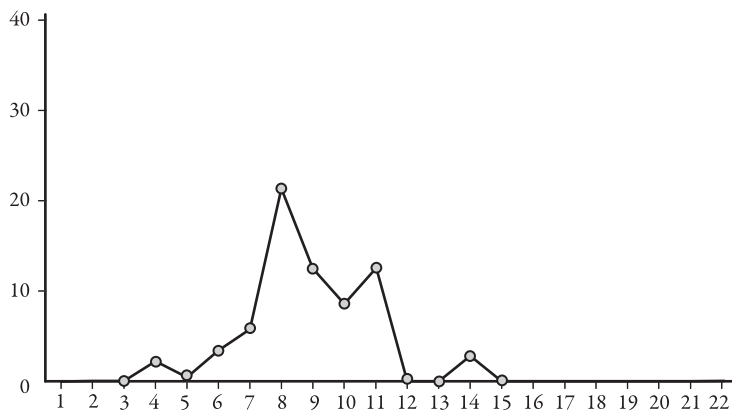


График 4.13.

Вопросы о переговорах Южного и Северного обществ

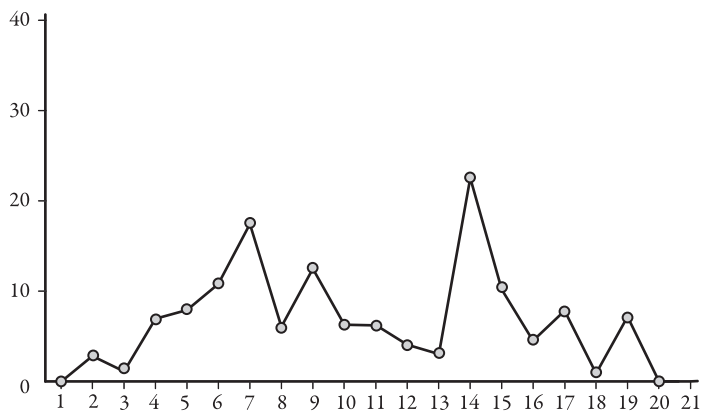


График 4.14.

Вопросы о членстве разных лиц в тайных обществах

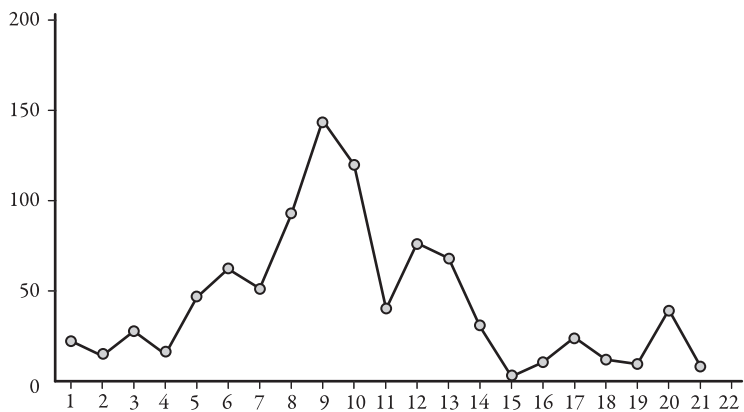


График 4.15.

Вопросы о виновности лиц

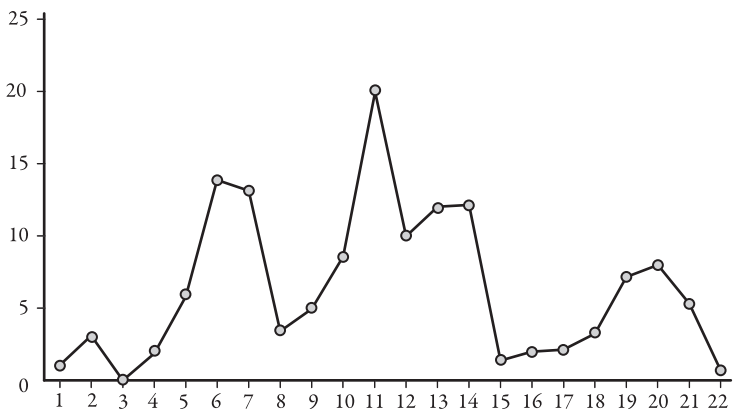


График 4.16.
Вопросы о восстании 14 декабря

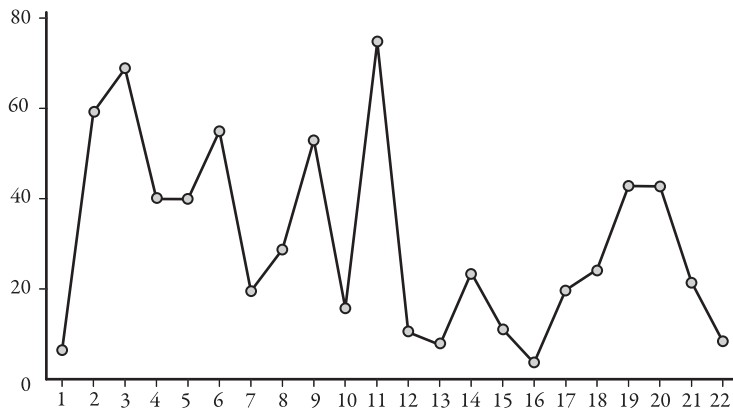


График 4.17.
Вопросы о восстании Черниговского полка

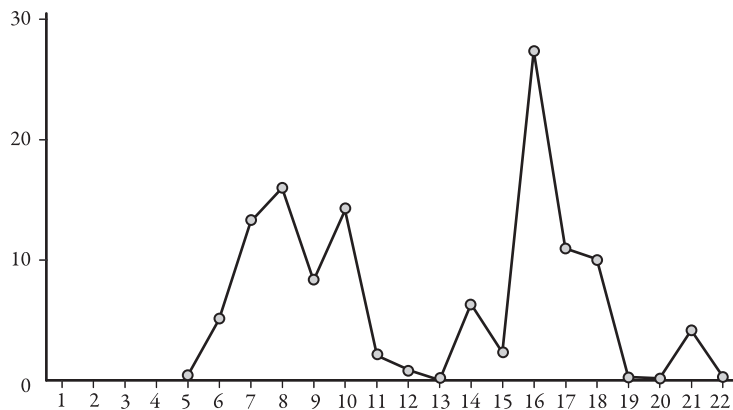


График 4.18.

Вопросы о вступлении допрашиваемого в общество

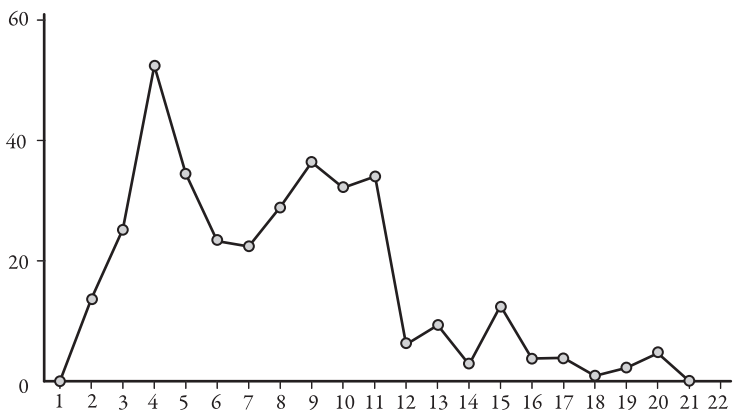
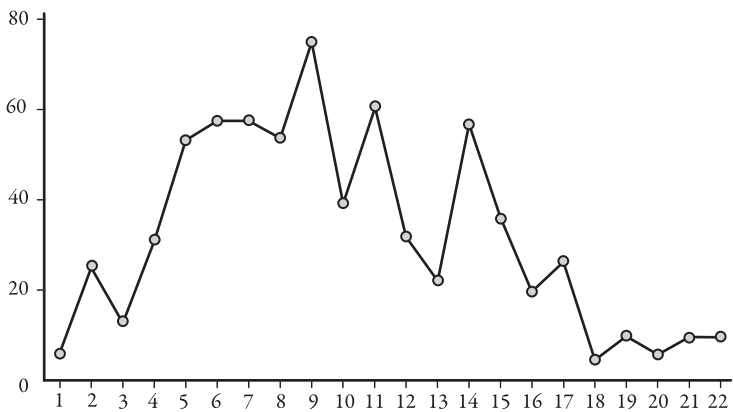


График 4.19.

Вопросы: разное



Декабристы кроме ответов на вопросные пункты писали, как мы видели, показания и добровольно. Всего их в следственных делах хранится 270, из них датированных 208. Динамика их создания в целом соотносится с общим ходом следствия.

График 5.

Динамика создания добровольных показаний

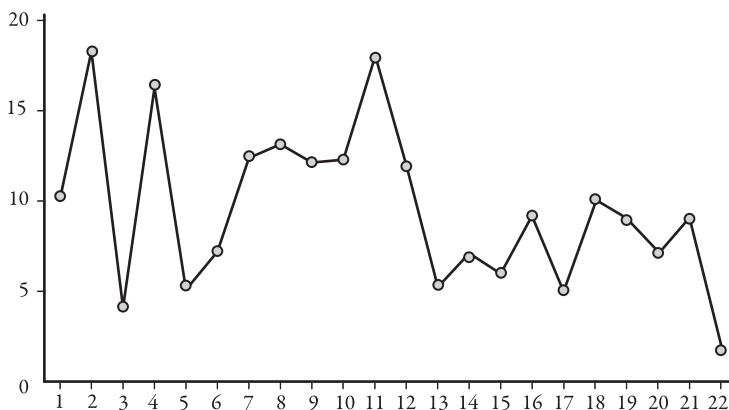


График составлен на основании 208 датированных показаний. По вертикальной оси — количество документов, по горизонтальной — хронологические отрезки.

Номерам хронологических отрезков соответствуют:

- 1) 17–23 декабря 1825 г., заседания Комитета №№ 1–7; 2) 24–30 декабря (заседания №№ 8–14); 3) 31 декабря 1825 г. – 6 января 1826 г. (заседания 15–21); 4) 7–13 января (заседания 22–28); 5) 14–20 января (заседания 29–35); 6) 21–27 января (заседания 36–42); 7) 28 января – 3 февраля (заседания 43–49); 8) 4–11 февраля (заседания 50–56); 9) 12–18 февраля (заседания 57–63); 10) 19–25 февраля (заседания 64–70); 11) 2–14 марта (заседания 71–77); 12) 15–22 марта (заседания 78–84); 13) 23–30 марта (заседания 85–91); 14) 31 марта – 6 апреля (заседания 92–98); 15) 7–13 апреля (заседания 99–105); 16) 14–21 апреля (заседания 106–112); 17) 22–28 апреля (заседания 113–119); 18) 29 апреля – 5 мая (заседания 120–126); 19) 6–12 мая (заседания 127–133); 20) 13–19 мая (заседания 134–140); 21) 24 мая – 17 июня (заседания 141–146).

Основная часть добровольных показаний приходится на время наибольшей интенсивности допросов в первый период следствия. Отметим два пика в начале, 24–30 декабря и 7–13 января. По-видимому, они связаны с тем, что после первоначального допроса у Левашова многие декабристы адресовали ему письма с дополнениями или уточнениями своих показаний. А пик на отрезке 2–14 марта совпадает с максимумом допросов в это же время (см. график 2). Появление добровольных показаний зависело от хода допросов каждого из декабристов и отчасти — от его личных свойств, характера, темперамента, принятой им линии защиты. Однако, как было сказано выше (см. главу 3), добровольные показания очень близки к другому жанру — прошениям о помиловании, часто элементы того и другого соединены в одном тексте. Но если добровольные показания появлялись просто по ходу допросов, когда декабрист считал нужным что-то сообщить следствию, то можно предположить, что существовали какие-то специфические моменты, когда узники по некому неформальному, но понятному человеку той эпохи правилу принимались подавать прошения о помиловании и смягчении своей участи. Допустим, после первых допросов, когда становилось более-менее ясно, в чем его обвиняют, или, наоборот, когда допросы заканчивались; в дни церковных или династических праздников и памятных дат и т.д. Посмотрим, когда именно декабристы подавали прошения о помиловании. В следственных делах их насчитывается 136, из них 113 имеют даты²⁸. Распределение их по времени показано на графике 6.

²⁸ Этим количеством прошения декабристов о помиловании, поданные за время следствия, не исчерпываются. Они имеются не только в следственных делах, но и в других делах фонда Следственного Комитета, а также в архивах военного ведомства и в других местах. Я не ставила задачей полное их выявление, ограничившись лишь теми, которые оказались подшитыми в следственные дела. Возможно, при помещении документов в дела существовала определенная логика, и не случайно часть прошений оказалась в следственных делах, часть — вне их. Тогда они

График 6.

Динамика подачи прошений о помиловании

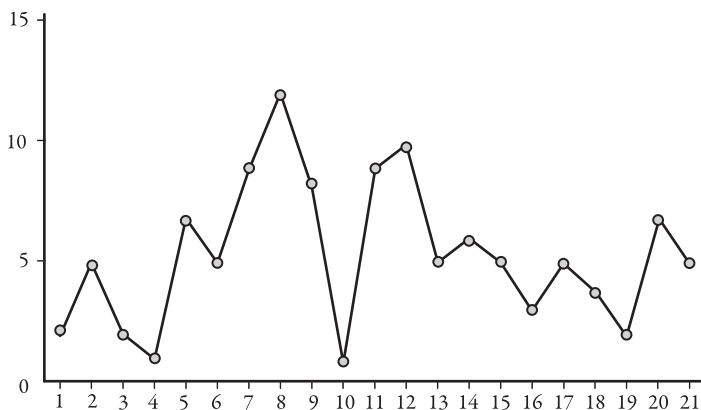


График составлен на основании 113 датированных прошений. По вертикальной оси — количество документов, по горизонтальной — хронологические отрезки.

Номерам хронологических отрезков соответствуют:

1) 17–23 декабря 1825 г., заседания Комитета №№ 1–7; 2) 24–30 декабря (заседания №№ 8–14); 3) 31 декабря 1825 г. – 6 января 1826 г. (заседания 15–21); 4) 7–13 января (заседания 22–28); 5) 14–20 января (заседания 29–35); 6) 21–27 января (заседания 36–42); 7) 28 января – 3 февраля (заседания 43–49); 8) 4–11 февраля (заседания 50–56); 9) 12–18 февраля (заседания 57–63); 10) 19–25 февраля (заседания 64–70); 11) 2–14 марта (заседания 71–77); 12) 15–22 марта (заседания 78–84); 13) 23–30 марта (заседания 85–91); 14) 31 марта – 6 апреля (заседания 92–98); 15) 7–13 апреля (заседания 99–105); 16) 14–21 апреля (заседания 106–112); 17) 22–28 апреля (заседания 113–119); 18) 29 апреля – 5 мая (заседания 120–126); 19) 6–12 мая (заседания 127–133); 20) 13–19 мая (заседания 134–140); 21) 24 мая – 17 июня (заседания 141–146).

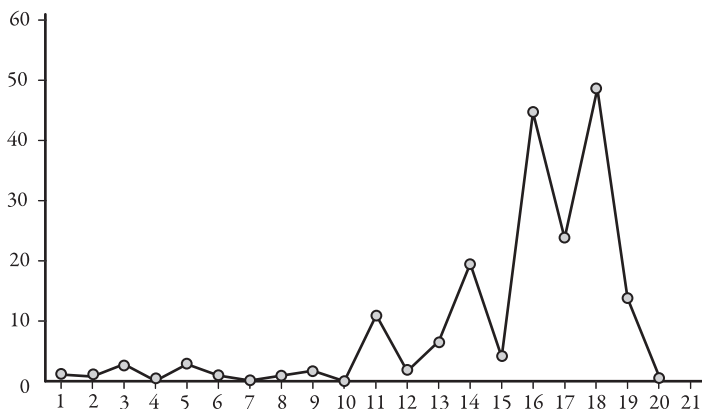
представляют собой значимую выборку. Если же прошения подшивались в дела вследствие более-менее случайных бюрократических обстоятельств, то можно говорить о случайной, репрезентативной выборке.

Количество документов невелико, при таких цифрах невозможно с уверенностью констатировать наличие статистических тенденций. Во всяком случае, видно, что не было определенных моментов, когда все арестанты разом решали, что пора писать прошение о помиловании. В частности, не прослеживается умножения числа прошений накануне Пасхи, приходившейся в 1826 году на 18 апреля. Декабристы писали прошения о помиловании на протяжении всего следствия, а максимальное их число появилось в период наиболее интенсивных допросов. По-видимому, подавая прошения о помиловании, декабристы ориентировались на ход собственных допросов, сделанные ими признания, свое душевное состояние, впечатления от привходящих событий, будь то милостивый жест императора, посещение священника, свидание или письмо от родных и т. д.

Ближе к завершению следствия настала пора очных ставок. Их количество стало нарастать после 2 марта, вслед за окончанием периода массовых допросов (см. график 7, построенный по данным Журнала заседаний). Пика своего очные ставки достигли 14 апреля – 5 мая. А это значит, что с середины апреля среди задач следствия на первый план выдвинулось окончательное согласование, приведение в ясность («округление», как писал А. Д. Боровков) полученных ранее сведений, причем не всех, а отобранных в качестве наиболее значимых.

График 7.

Динамика очных ставок по Журналу Комитета



По горизонтальной оси указаны промежутки, соответствующие семи заседаниям Комитета, по вертикальной — количество очных ставок.

Не все имеющиеся в следственных делах очные ставки были занесены в Журнал. По Журналу проходит всего 188 очных ставок, тогда как в дела подшит 241 протокол. Неясно, могло ли это быть связано с тем, что не все очные ставки проводились в присутствии Комитета. А. Е. Розен и И. Д. Якушкин, оба весьма добросовестные мемуаристы, описывая свои очные ставки, рассказали, что проходили они не на заседании Комитета. На очной ставке Розена с А. И. Богдановым 19 мая присутствовали только А. Х. Бенкендорф и А. И. Чернышев²⁹; Якушкин во время очной ставки с П. А. Мухановым 3 мая видел одного А. И. Чернышева³⁰. Протокол очной ставки Розена с Богдановым не был подписан никем из генералов,

²⁹ Розен А. Е. Записки декабриста. С. 163.

³⁰ Якушкин И. Д. Мемуары, статьи, документы. С. 148.

а протокол очной ставки Якушкина и Муханова подписан не Чернышевым, а Бенкендорфом³¹, обе эти очные ставки записаны в Журнал Комитета. Видимо, многие очные ставки проводились таким образом, что декабристы не представляли в зале заседаний перед всеми членами Комитета, и это не было существенным отступлением от процедуры. С другой стороны, как раз 3 и 19 мая Бенкендорф на заседаниях Комитета отсутствовал. Не было его также с 9 по 19 апреля, а Чернышева — с 10 по 14 мая. Поскольку оба они отличались аккуратностью в посещении заседаний, то можно предположить, что их отсутствие как раз было связано с проведением очных ставок, генералы были заняты ими. В эти дни состоялось: 10 апреля — пять очных ставок, 12 апреля — четыре, 13 апреля — шесть, 16 апреля — одна, 19 апреля — две, 3 мая — десять, 10 мая — семь, 12 мая — двадцать три, 14 мая — пять, 19 мая — четырнадцать. На их протоколах имеются подписи Бенкендорфа и Чернышева.

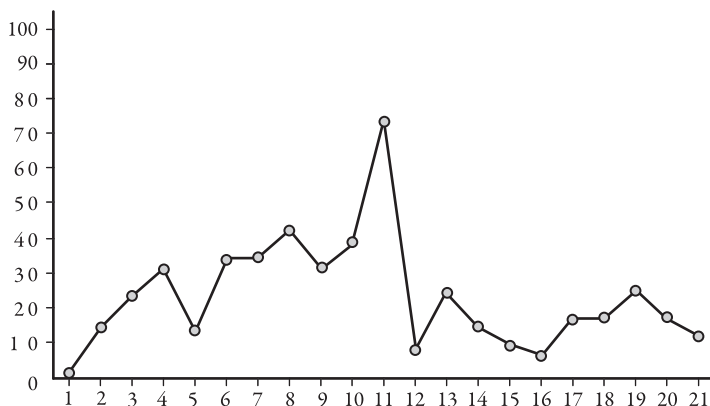
В группах Чернышева, Бенкендорфа и третьей, без руководителя, следственный процесс имел свои особенности, протекал на свой лад. Расследования по Северному и Южному обществам начались неодинаково: северных декабристов арестовывали после восстания 14 декабря в обстановке смятения и отсутствия внятных сведений о тайных обществах; южных членов стали привозить в Петербург позже, когда уже были и информация от доносчиков, и первые показания северян, и признания П. И. Пестеля.

Графики 8.1–8.3 показывают, как разворачивалось во времени следствие во всех трех группах. При построении этих графиков использованы сведения о датированных вопросных пунктах, по группе Бенкендорфа — 484 допроса

³¹ ВД, т. XXI. С. 143; Т. III. С. 76.

из 1938 вопросов, по группе Чернышева — 561 допрос из 2770 вопросов и по третьей группе — 694 допроса из 1152 пунктов.

График 8.1.1.
Допросы в группе Бенкендорфа



Номерам хронологических отрезков соответствуют:

1) 17–23 декабря 1825 г., заседания Комитета №№ 1–7; 2) 24–30 декабря (заседания №№ 8–14); 3) 31 декабря 1825 г. – 6 января 1826 г. (заседания 15–21); 4) 7–13 января (заседания 22–28); 5) 14–20 января (заседания 29–35); 6) 21–27 января (заседания 36–42); 7) 28 января – 3 февраля (заседания 43–49); 8) 4–11 февраля (заседания 50–56); 9) 12–18 февраля (заседания 57–63); 10) 19–25 февраля (заседания 64–70); 11) 2–14 марта (заседания 71–77); 12) 15–22 марта (заседания 78–84); 13) 23–30 марта (заседания 85–91); 14) 31 марта – 6 апреля (заседания 92–98); 15) 7–13 апреля (заседания 99–105); 16) 14–21 апреля (заседания 106–112); 17) 22–28 апреля (заседания 113–119); 18) 29 апреля – 5 мая (заседания 120–126); 19) 6–12 мая (заседания 127–133); 20) 13–19 мая (заседания 134–140); 21) 24 мая – 17 июня (заседания 141–146).

График 8.1.2.

Вопросы в группе Бенкендорфа

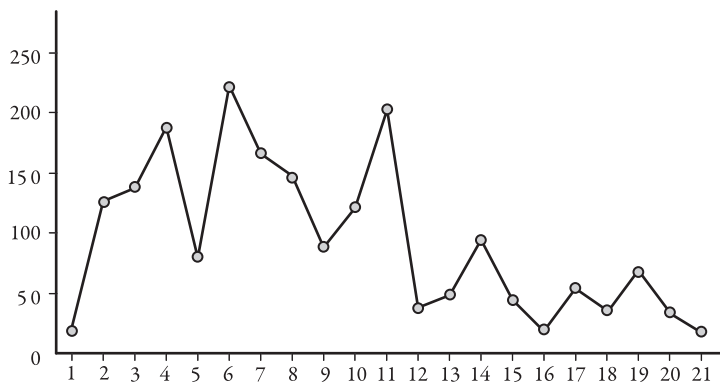


График 8.2.1.

Допросы в группе Чернышева

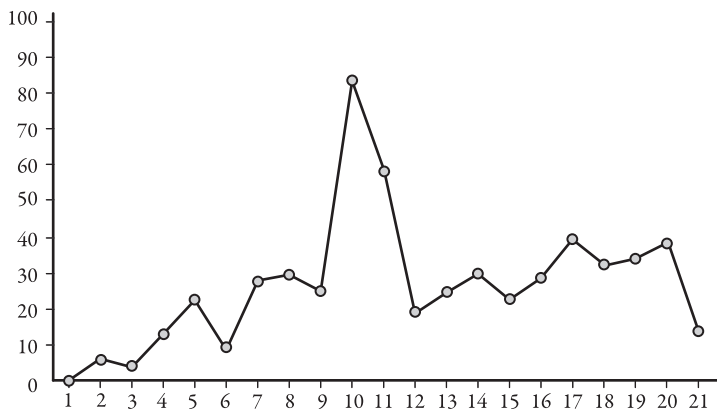


График 8.2.2.
Вопросы в группе Чернышева

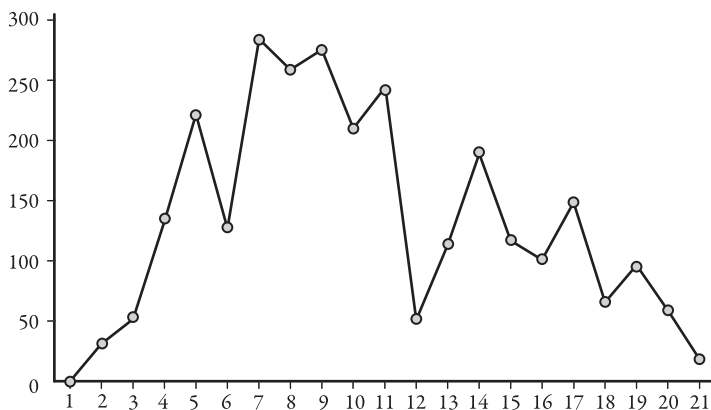


График 8.3.1.
Допросы в третьей группе

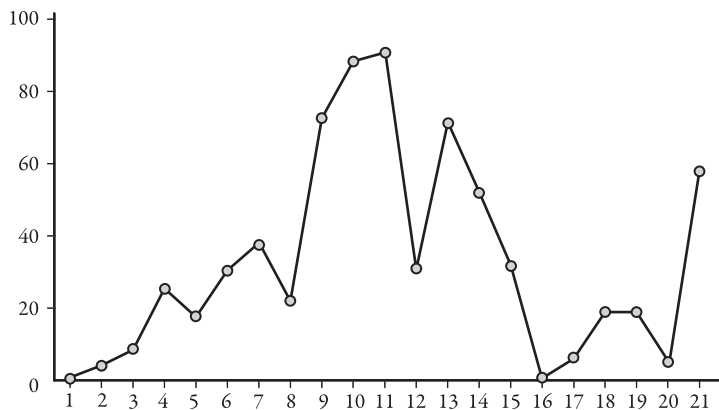
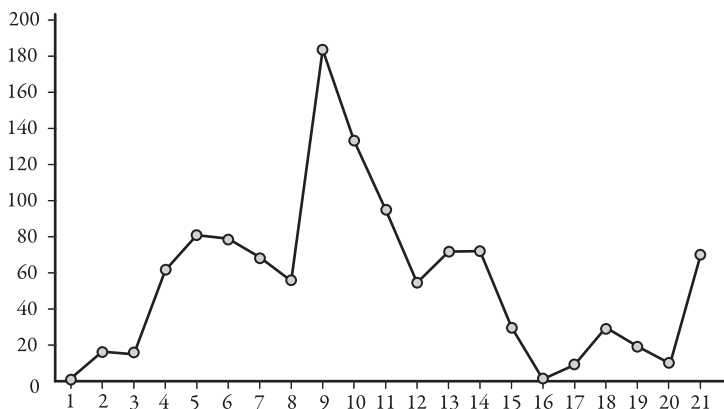


График 8.3.2.

Вопросы в третьей группе



Все три группы сливались в общую картину следствия (график 2), черты которой, естественно, проявлялись и в каждой из групп. Но были и некоторые различия в развитии следствия по группам. В группе Бенкендорфа первая фаза допросов была более интенсивной, чем в других группах, пик пришелся на 2–14 марта, причем пик этот очень компактный, «острый». В группе Чернышева, напротив, количество допросов на первом этапе было невелико, пиковый рост пришелся на 19–25 февраля (по абсолютному количеству допросов он превысил максимальный уровень, достигавшийся в группе Бенкендорфа) и продолжился, хотя и с некоторым понижением, 2–14 марта. Спад 15–22 марта здесь был не таким глубоким, как в группе Бенкендорфа, за ним последовал новый подъем, причем заключительный период следствия в группе Чернышева отмечен значительно большей активностью, нежели в группе Бенкендорфа.

Что касается третьей группы, то здесь мы видим, что пиковый подъем начался уже 12–18 февраля и нарастал вплоть до 2–14 марта, спад 15–22 марта наблюдался, но выражен еще менее, чем в группе Чернышева, затем вновь пик, пришедшийся на 23–30 марта. Наконец, еще один всплеск активности приходится на самый конец следствия, на 24 мая – 17 июня, но в этом отрезке учтено также несколько последних допросов, имевших место после 17 июня, по завершении заседаний Комитета.

Анализ графиков демонстрирует различие как в объективных условиях работы трех групп, так и в тактике и организации следствия в них. Это подтверждают данные не только по числу допросов на разных отрезках расследования, но и по числу входивших в них вопросов.

В группе Бенкендорфа число вопросов достигло значительного уровня уже 24–30 декабря, причем на протяжении первого периода следствия (до 15–22 марта) имели место три выраженных пика (7–13 января, 21–27 января и 2–14 марта) и два спада между ними (14–20 января, 12–18 февраля); промежуток 21–27 января для этой группы стал рекордным по количеству составленных вопросов, а пик 2–14 марта обусловлен резким увеличением количества не столько вопросов, сколько допросов, то есть появлением большого количества коротких, из одного – двух вопросов, вопросных пунктов. Во втором периоде следствия, после 15–22 марта, число вопросов в группе Бенкендорфа заметно снизилось. Оба показателя, и количество допросов, и количество вопросов, в группе Бенкендорфа в основном изменялись вместе, согласованно. Кривые на обоих графиках (графики 8.1.1–8.1.2) сходны по очертаниям. Это значит, что для готовившихся в группе Бенкендорфа

Таблица 9.

Число вопросов в допросах, по группам

Даты	Номера заседаний	Всего допросов в группе Бенкендорфа	Всего вопросов в группе Бенкендорфа	Среднее число вопросов в допросе по группе Бенкендорфа	Всего допросов в группе Чернышева	Всего вопросов в группе Чернышева	Среднее число вопросов в допросе по группе Чернышева	Всего допросов в третьей группе	Всего вопросов в третьей группе	Среднее число вопросов в допросе по третьей группе	
1.	17–23 декабря	1–7	19	19	0	0	0	1	1	1	
2.	24–30 декабря	8–14	14	126	9	5	29	4	16	4	
3.	31 декабря – 6 января	15–21	23	139	6	4	51	8	14	1,7	
4.	7–13 января	22–28	31	185	6	12	128	10,7	25	61	2,4
5.	14–20 января	29–35	13	76	5,8	22	222	10	18	81	4,5
6.	21–27 января	36–42	34	218	6,4	9	123	13,7	31	79	2,5
7.	28 января – 3 февраля	43–49	34	166	4,9	28	285	10	38	69	1,8
8.	4–11 февраля	50–56	42	148	3,5	30	257	8,6	22	55	2,5
9.	12–18 февраля	57–63	31	87	2,8	25	274	11	73	184	2,5
10.	19–25 февраля	64–70	38	124	3,3	83	206	2,5	88	129	1,5
11.	2–14 марта	71–77	74	201	2,7	59	243	4	91	94	1
12.	15–22 марта	78–84	8	38	4,7	19	49	2,6	31	55	1,8
13.	23–30 марта	85–91	24	47	2	24	104	4,3	72	72	1
14.	31 марта – 6 апреля	92–98	14	92	6,6	30	188	6,3	52	72	1,4
15.	7–13 апреля	99–105	9	44	4,9	23	116	5	32	32	1
16.	14–21 апреля	106–112	6	18	3	28	101	3,6	0	0	0
17.	22–28 апреля	113–119	17	55	3,2	40	147	3,7	6	9	1,5
18.	29 апреля – 5 мая	120–126	17	35	2	32	64	2	19	29	1,5
19.	6–12 мая	127–133	25	70	2,8	34	97	2,8	19	19	1
20.	13–19 мая	134–140	17	33	1,9	38	64	1,7	5	11	2,2
21.	24 мая – 17 июня	141–146	12	17	1,4	16	22	1,4	59	70	1,2
Всего по группе			484	1938	4,0	561	2770	4,9	694	1152	1,7
Всего за 1 период (до 22 марта)			343	1527	4,4	296	1867	6,3	430	838	1,9
Всего за 2 период (с 23 марта)			141	411	2,9	265	903	3,4	264	314	1,2
Удельный вес 1 периода (%)			71	79		53	67		62	73	
Удельный вес 2 периода (%)			29	21		47	33		38	27	

вопросных пунктов было характерно относительно стабильное среднее количество вопросов.

До 27 января в группе Бенкендорфа в среднем на допрос приходилось около 6 вопросов, а 24–30 декабря даже больше — 9 вопросов. Позднее вопросные пункты стали короче, и с 4 февраля по 14 марта на допрос приходилось в среднем 2,7–3,5 вопроса. Затем допросы вновь стали длиннее, а 31 марта–6 апреля достигли 6,6 вопроса. К концу следствия среднее число вопросов на допрос в группе Бенкендорфа плавно убывало.

В целом для группы, руководимой А. Х. Бенкендорфом, характерны не очень длинные вопросные пункты: величина их на первом этапе следствия, до 22 марта, в среднем составляла 4,4 вопроса, на втором этапе снизилась до 2,9 и на протяжении всего следствия не была подвержена особо сильным колебаниям. Динамика допросов (как и вопросов) в этой следственной группе выглядит ритмично, примерно через каждые три десятка заседаний Комитета здесь следовало снижение интенсивности допросов, связанное, вероятно, с необходимостью проанализировать полученную информацию и подготовить новую серию вопросных пунктов. Основной объем расследования был сделан за первый период следствия, до конца марта, когда в группе Бенкендорфа было проведено 71,5% всех допросов и задано 78,8% всех вопросов.

Деятельность группы под руководством А. И. Чернышева выглядит по-другому. Колебания линий графиков (графики 8.2.1–8.2.2) не отличаются той ритмичностью, которую мы наблюдали в группе Бенкендорфа, а очертания кривых заметно рознятся между собой. Среднее число

вопросов в допросах, готовившихся в группе Чернышева, изменялось значительно, а иногда и резко.

В то время как число допросов в группе Чернышева оставалось сравнительно небольшим вплоть до 19–25 февраля, количество заданных вопросов стало резко увеличиваться уже начиная с 7 января, 14–20 января достигло уровня, который в группе Бенкендорфа случался лишь в пиковые моменты, и оставалось в области максимальных значений вплоть до середины марта. И напротив, во время пикового по количеству допросов в этой группе промежуток 19–25 февраля число вопросов несколько снизилось. Это объясняется резким падением среднего количества вопросов в допросе (от 11 до 2,5).

В группе Чернышева использовались гораздо более пространственные вопросные пункты, нежели в группе Бенкендорфа. В самом начале следствия, 24–30 декабря, средняя длина допроса в этой группе составила 5,8 вопроса, меньше, чем одновременно у Бенкендорфа; но, говоря о первых днях следствия, не надо забывать, что в это время в Петербург не только не привезли еще арестантов с юга, но и самого Чернышева пока не было в столице, то есть о «его группе» за эти дни можно говорить с некоторой долей условности. С появлением Чернышева число вопросов в допросах в группе, которой он стал руководить, выросло вдвое. Средняя длина вопросников держалась на уровне 10–13,7 вопроса в допросе вплоть до 18 февраля, позднее вопросные пункты стали не столь объемными. На первом этапе следствия, до 22 марта, в группе Чернышева допросы состояли в среднем из 6,3 вопроса, во второй фазе — из 3,4 вопроса. Обе эти цифры превышают аналогичные показатели для группы Бенкендорфа. Кроме того, в группе Чернышева этот показатель менялся гораздо более резко

и сильно, нежели в группе Бенкендорфа, колеблясь в диапазоне от 1,4 до 13,7 вопроса в допросе.

Именно в группе Чернышева появились самые длинные за все следствие над декабристами вопросные пункты — вопросы П. И. Пестелю от 13 января из 55 пунктов и от 1 апреля из 47 пунктов³². Всего за время следствия над декабристами было составлено 38 допросов из 20 и более пунктов, из них 27 относится к группе Чернышева, 10 — Бенкендорфа и один — к третьей группе. Из 157 вопросных пунктов, содержащих по 10–19 вопросов, 73 были подготовлены группой Чернышева и 64 — Бенкендорфа.

В группе Чернышева вторая половина следствия, после 22 марта, была достаточно интенсивной, на нее приходится 47,3% допросов и 32,6% вопросов. Следственная активность группы Чернышева на завершающем этапе была заметно выше, нежели в группе Бенкендорфа.

Следствие в группе под руководством Чернышева характеризуется в среднем более пространными вопросными пунктами, сохранением интенсивности допросов до самого конца следствия, а также отсутствием выраженной ритмичности в работе. Здесь не готовили, как в группе Бенкендорфа, серий допросов с паузами между ними. Допросы производились практически без перерывов.

Чисто методические особенности работы групп становятся заметны на примере сюжетов, в одинаковой мере относящихся к обоим тайным обществам. Примером могут служить вопросы о состоянии тайных обществ, о царевбийстве.

³² ВД. Т. IV. С. 93–100, 139–154.

График 9.1.

Вопросы о состоянии общества в группе Бенкендорфа

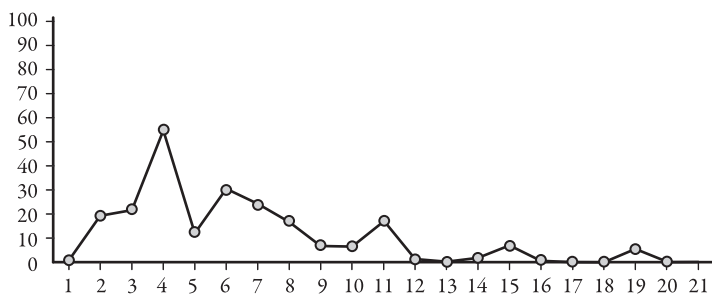


График 9.2.

Вопросы о состоянии общества в группе Чернышева

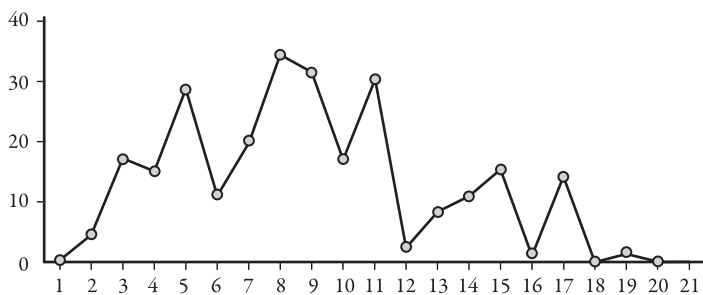


График 9.3.

Вопросы по истории общества в группе Бенкендорфа

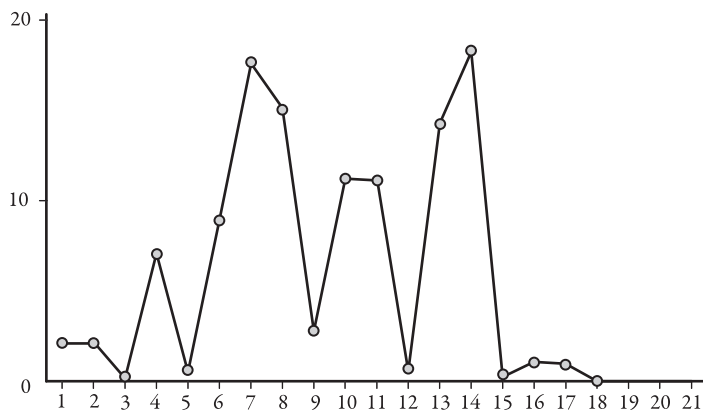


График 9.4.

Вопросы по истории общества в группе Чернышева

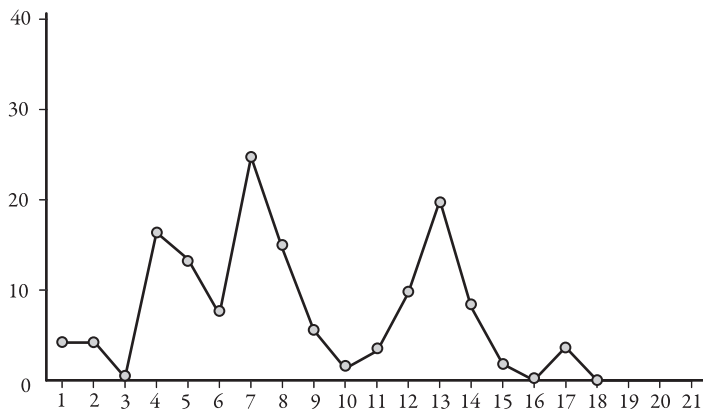


График 9.5.

Вопросы о царубийстве в группе Бенкендорфа

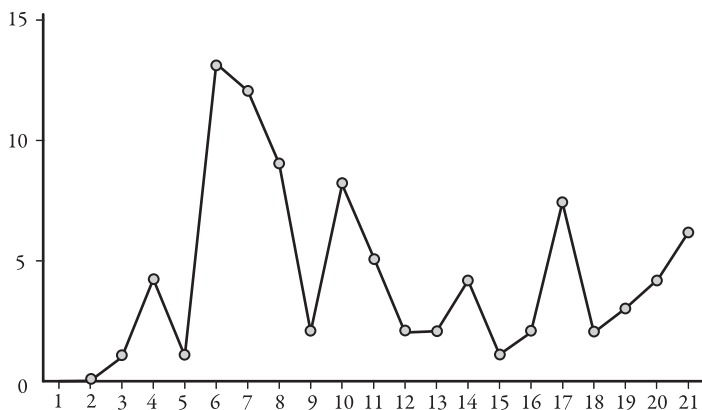
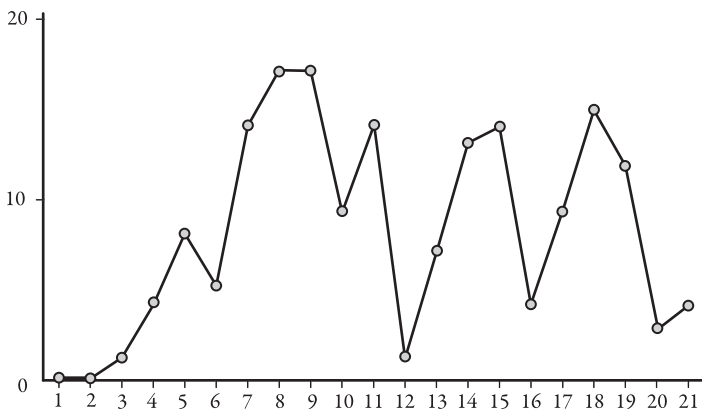


График 9.6.

Вопросы о царубийстве в группе Чернышева



Номерам хронологических отрезков соответствуют:

1) 17–23 декабря 1825 г., заседания Комитета №№ 1–7; 2) 24–30 декабря (заседания №№ 8–14); 3) 31 декабря 1825 г. – 6 января 1826 г. (заседания 15–21); 4) 7–13 января (заседания 22–28); 5) 14–20 января (заседания 29–35); 6) 21–27 января (заседания 36–42); 7) 28 января – 3 февраля (заседания 43–49); 8) 4–11 февраля (заседания 50–56); 9) 12–18 февраля (заседания 57–63); 10) 19–25 февраля (заседания 64–70); 11) 2–14 марта (заседания 71–77); 12) 15–22 марта (заседания 78–84); 13) 23–30 марта (заседания 85–91); 14) 31 марта – 6 апреля (заседания 92–98); 15) 7–13 апреля (заседания 99–105); 16) 14–21 апреля (заседания 106–112); 17) 22–28 апреля (заседания 113–119); 18) 29 апреля – 5 мая (заседания 120–126); 19) 6–12 мая (заседания 127–133); 20) 13–19 мая (заседания 134–140); 21) 24 мая – 17 июня (заседания 141–146).

Весьма характерен пример вопросов о состоянии тайных обществ. В группе Бенкендорфа этой темой активно и довольно сконцентрированно занимались в начале следствия, за 7–13 января, 21 января–3 февраля количество этих вопросов превышало два десятка, причем 7–13 января оно достигло 55. Затем расследование этой проблемы в группе Бенкендорфа быстро сошло на нет, позднее лишь иногда появлялось по несколько вопросов. В группе Чернышева картина иная. Там число вопросов о состоянии тайных обществ ни разу не достигло величины, пиковой для группы Бенкендорфа, максимум — 34 вопроса за 4–11 февраля. Зато здесь период, когда эту тему интенсивно расследовали, был длиннее, и интерес к ней сохранился и во второй фазе следствия. Отчасти количество вопросов о состоянии общества в группе Чернышева обусловлено тем, что эта группа занималась сразу двумя организациями — Южным обществом и Славянским. Так, появление этих вопросов в первой половине марта совпадает с пиком допросов членов Общества соединенных славян. Тем не менее видна разная манера работы двух групп. Группа Бенкендорфа была склонна быстро установить необходимый и достаточный минимум сведений и оставить эту тему, а группа Чернышева добивалась выясне-

ния всех возможных обстоятельств и подробностей, проводя все новые и новые допросы.

Особенно это видно по вопросам о цареубийстве. В группе Бенкендорфа пик расследования этой темы пришелся на 21 января–3 февраля, затем последовал спад и незначительный подъем 19–25 февраля, новое, но опять же небольшое, оживление произошло в конце следствия, в конце апреля и мая. Нетипично для группы Бенкендорфа распределение вопросов этой темы по двум периодам следствия. Если в целом в этой группе общее число вопросов за первую и вторую фазы следствия соотносилось как 78,8% и 21,2%, то вопросов о цареубийстве в первом периоде было задано 64,8%, а во втором — 35,2%. Таким образом, в отношении этой темы заключительный период следствия был более насыщенным, чем обычно в группе Бенкендорфа.

Возможно, Бенкендорфа подхлестнула активность, развитая по тому же поводу Чернышевым. В группе Чернышева расследование вопроса о цареубийстве набрало обороты к 28 января–3 февраля, и в дальнейшем эта тема постоянно оставалась в фокусе внимания. В группе Бенкендорфа количество вопросов о цареубийстве превысило десяток только 21 января–3 февраля, а у Чернышева по десяти и более вопросов на эту тему было задано 28 января–14 марта, 31 марта–13 апреля, 29 апреля–12 мая. По двум периодам следствия все вопросы в группе Чернышева распределены как 67,4% к 32,6%, но вопросов о цареубийстве в первой фазе следствия было задано 52,9%, во второй–47,6%. Выше я отмечала, что вопрос об умысле на цареубийство был в числе тех, на которых следствие сконцентрировалось на завершающем этапе. Особенно существенен здесь был вклад группы Чернышева.

Определяющей чертой третьей группы следствия было то, что занималась она в основном делами лиц, малопривлекательных к тайным обществам или вовсе оказавшихся незамеченными. Допросы в этой группе развивались более или менее последовательно с 7 января до середины марта, после относительного снижения 15–22 марта опять активизировались, чтобы упасть до нуля 14–21 апреля, потом вновь оживиться (графики 8.3.1–8.3.2). Количество вопросов с 7 января по 6 апреля довольно стабильно держалось на одном уровне, за исключением пика 12–25 февраля. Создается впечатление, что допросы в этой группе велись по мере появления арестантов, и никакой особой тактики здесь не было.

Допросы в этой группе отличались краткостью (Таблица 9). Наибольшей величины средняя длина вопросных пунктов достигала 24–30 декабря и 14–20 января, это периоды основной массы арестов декабристов, северных — в декабре и южных — в январе. В остальное время чиновники в этой группе составляли допросы, насчитывавшие в среднем от 1 до 2,5 вопроса.

* * *

Деятельность следствия по делу декабристов, развертываясь во времени, имела периоды большей и меньшей интенсивности допросов. Следствие в целом делится на две фазы: до середины марта прошли самые насыщенные допросы, затем после кратковременного перерыва, потребовавшегося, видимо, для осмысления полученной информации, допросы возобновились, но с меньшим размахом. Завершающий этап следствия (после 23 марта) принципиально отличался от предшествовавшего тем, что все большую роль в деятельности Комитета играл не сбор информации, а аналитическая

работа с ней, сопоставление и пополнение имевшихся сведений и, наконец, свертывание всего массива информации в итоговые документы — записки о силе вины, Донесение Следственной Комиссии.

Анализ динамики допросов, количества заданных вопросов обнаруживает ощутимую разницу в манере ведения расследования в группах под руководством генералов А. И. Чернышева (южные декабристы) и А. Х. Бенкендорфа (основная часть северных декабристов). В группе Бенкендорфа основной удельный вес следствия падает на первую его фазу (до 22 марта), в колебаниях количества допросов заметна ритмичность; в группе Чернышева и на завершающем этапе следствия продолжались интенсивные допросы, выраженной ритмичности не наблюдается.

Темы допросов также варьировались на протяжении следствия. По некоторым темам основное расследование в общих чертах завершилось на первом этапе, Комитет удовлетворился полученными сведениями. Другие вопросы выдвинулись на первый план на завершающем отрезке, под конец следствия особое внимание уделялось темам цареубийства, планам восстания, восстаниям на Сенатской площади и Черниговского полка. Преобладание этой тематики связано с тем, что Комитет собирал данные для составления обвинения.

Глава 5

Декабристская мемуаристика о следствии

Во введении, характеризуя разные виды документальных источников о следствии над декабристами, я говорила о декабристских воспоминаниях как об источнике отчасти тенденциозном, а главное — совершенно недостаточном. Тем не менее на протяжении всей работы я мемуары использовала, цитировала, сведения из них принимала как достоверные. Где тут логика? Насколько полно рассказывают о следствии декабристские воспоминания? И в какой мере можно им доверять, насколько это надежный источник?

Я уже касалась того обстоятельства, что во время сибирской ссылки, обсуждая детали своего заточения и допросов, припоминая, делясь сведениями, обсуждая их, декабристы создали некую общую, коллективную версию событий, какими они им виделись из казематов Читы и Петровского Завода. Декабристами двигало желание выяснить истину; собрать общую картину из того, что происходило с каждым из них, а позднее, когда они писали свои мемуары, — противопоставить официальной пропаганде свое знание о сущности декабризма и о суде над участниками движения.

Кроме того, декабристам нужно было найти способ ужиться вместе в длительном заключении, каким-то образом перешагнуть, преодолеть взаимные обиды и претензии, ведь на следствии они давали друг против друга показания, выступали на очных ставках. Все мотивы вели в одном направлении: декабристы сочли, что следствие действовало предвзято, нечестно. Именно изобличение недобросовестности Следственного Комитета является центральной темой большинства декабристских воспоминаний. Мемуаристы, опираясь на собственную память и рассказы товарищей, сообщают, что на допросах им предъявляли вымышленные признания. Н. А. Бестужев рассказал, что «Комитет употреблял все непозволительные средства» и, зная о дружбе братьев Бестужевых с Рылеевым, «нас спрашивали часто от его имени о таких вещах, о которых нам прежде и на мысль не приходило»¹. А. М. Муравьев: «Все средства казались для них хороши. Они предъявляли ложные показания, прибегали к угрозам очных ставок, которых затем не производили. Чаще всего они уверяли пленника, что его преданный друг во всем им признался. Обвиняемый, затравленный, терзаемый без пощады и милосердия, в смятении давал свою подпись. Когда же его друга вводили в зал заседаний, то он не мог ни в чем признаться, так как ничего не было»². По словам В. И. Штейнгейля, «восстанавливали одного против другого, объявляя, будто бы тот показывает в его обвинение»³. Н. И. Лорер писал об «обманчивых, лживых»

¹ Воспоминания Бестужевых/Ред., статья и комм. М. К. Азадовского. СПб., 2005 (репринтное воспроизведение издания 1951 г.). С. 38–39.

² Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов. М., 1931. Т. 1. С. 128–129.

³ Штейнгейль В. И. Сочинения и письма. Т. 1. Записки и письма. С. 165.

вопросах, М. С. Лунин и М. А. Фонвизин — о вымышленных следствием признаниях⁴.

Некоторые из мемуаристов рассказ о следствии свели к изложению этой общей сибирской версии, коллективного предания, подкрепленного примерами из рассказов товарищей. Видимо, эти декабристы настолько были в нем уверены, что собственные, непосредственные воспоминания сочли чем-то менее интересным, менее существенным. Это можно сказать о воспоминаниях и мемуарных вкраплениях в статьи В. И. Штейнгейля, А. М. Муравьева, М. С. Лунина, М. А. Фонвизина.

Анализ следственных материалов не позволяет согласиться со впечатлением декабристов. Они вполне «прозрачны», источник информации всегда прослеживается. Сравнивая составленные в Комитете вопросные пункты с показаниями, на которых они основаны, можно видеть, что, как правило, чиновники даже не пересказывали показания, а приводили их дословно, опуская, где того требовали нужды расследования, собственные имена и меняя грамматическое первое лицо на третье (то есть «я слышал» переделывали в «один из членов слышал»).

В записках Н. В. Басаргина есть два четко изложенных, поддающихся проверке эпизода, где фигурируют подложные показания. Во-первых, Басаргин сообщает, что во время допроса в Комитете генерал А. И. Чернышев перечислил ему тех, кто назвал его членом тайного общества, и делает ре-

⁴ Лорер Н. И. Записки декабриста. С. 97; Лунин М. С. Письма из Сибири // Публ. И. А. Желваковой, Н. Я. Эйдельмана. М., 1987. С. 67; Фонвизин М. А. Обзорение проявлений политической жизни в России // Фонвизин М. А. Сочинения и письма. Т. 2. С. 195.

марку: «Все это он лгал»⁵. Это происходило, когда Басаргин начисто отрицал свою причастность к обществу. В хранящихся в деле Басаргина вопросных пунктах от 18 января такой перечень лиц содержится, и нетрудно убедиться, что все они действительно дали показания о принадлежности Басаргина к Южному обществу⁶. Второй эпизод, приведенный Басаргиным, — это история очной ставки М.П. Бестужева-Рюмина с М.М. Нарышкиным. Басаргин сидел в соседнем с Бестужевым-Рюминым каземате, они могли переговариваться, и Бестужев жаловался Басаргину на мучившие его допросы. Итак, по словам Басаргина, Бестужев-Рюмин получил от Комитета вопрос о содержании разговора его с Нарышкиным о намерении цареубийства. Бестужев поделился с Басаргиным своими колебаниями: он полагал, что об этом разговоре следствию никто, кроме самого Нарышкина, сообщить не мог, гадал, до какой степени был откровенен Нарышкин и, опасаясь тому навредить, в общих чертах подтвердил показание. Вскоре его вызвали на очную ставку с Нарышкиным, который, как оказалось, к ужасу Бестужева-Рюмина, отрицал, что знал об умысле цареубийства. Басаргин из этого заключил, что Бестужеву-Рюмину предъявили фальшивое признание Нарышкина⁷. Эпизод этот находится в материалах следствия. Такой вопрос Бестужев-Рюмин получил 8 мая, а 10 мая был вызван

⁵ *Басаргин Н.В.* Воспоминания, рассказы, статьи. С. 89.

⁶ ВД. Т. XII. С. 282. Это показания А.П. Юшневского (ВД. Т.Х. С. 46–47, показание, данное В.В. Левашову), П.И. Пестеля (ВД. Т. IV. С. 81, показание, данное В.В. Левашову), С.Г. Волконского (ВД. Т.Х. С. 104, показание, данное В.В. Левашову), П.В. Аврамова (ВД. Т. XII. С. 194, ответы на вопросные пункты от 14 января, показания написаны 15 января), И.Г. Бурцева (ВД. Т. XX. С. 196, ответы на вопросные пункты от 15 января, показания написаны 16 января), Н.И. Лорера (ВД. Т. XII. С. 45, ответы на вопросные пункты, читанные в Комитете 16 января), А.А. Крюкова (ВД. Т. XII. С. 138, ответы на вопросные пункты от 14 января).

⁷ *Басаргин Н.В.* Воспоминания, рассказы, статьи. С. 92–93.

на очную ставку, не допустив до которой отказался от своего показания, уличавшего Нарышкина⁸. Однако в вопросном пункте, данном Бестужеву-Рюмину 8 мая, содержалась ссылка на показания М. И. Муравьева-Апостола, которому сам Бестужев пересказал беседу с Нарышкиным. Это показание М. Муравьева хранится в деле М. М. Нарышкина⁹. Таким образом, и здесь подозрение в предъявлении следствием фальшивого показания не подтверждается.

Известны также воспоминания П. И. Фаленберга. Он утверждал, что все обвинение против него было построено на его собственном опрометчивом самооговоре. Поверив, что оправдаться и заслужить прощение можно, продемонстрировав полное раскаяние и доказав его какими-либо важными признаниями, он объявил, что якобы разделял намерение цареубийства. А потом, спохватившись, уже не смог опровергнуть им самим возведенный на себя оговор. Изложение этой истории можно найти и в воспоминаниях других декабристов. Однако публикатор записок Фаленберга А. В. Предтеченский убедительно показал несостоятельность этой версии¹⁰.

Собственно, то обстоятельство, что многие декабристские записки воспроизводят сложившееся в Сибири предание о следствии, отнюдь не умаляет значения их как ценнейшего исторического источника. Декабристы, как и любые другие подследственные любой другой эпохи, в силу самой ситуации не могли иметь сколько-нибудь полного пред-

⁸ ВД. Т. XIV. С. 416–417.

⁹ ВД. Т. XIV. С. 415–416.

¹⁰ *Предтеченский А. В.* Декабрист П. И. Фаленберг // Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х гг./Под ред. Ю. Г. Оксмана, С. Н. Чернова. М., 1931. Т. 1. С. 205–222.

ставления о своем процессе, о том, что происходило по ту сторону крытого сукном стола заседаний Следственного Комитета. Ответы на любые вопросы об этом следует искать в документах следствия, а не в рассказах тех, кого оно допрашивает. А вот сам по себе факт существования сибирской версии событий очень интересен, важен и требует осмысления. Анализ ее позволяет лучше понять, что знали и думали декабристы о своем процессе. Кроме того, здесь, по-видимому, кроется одно из объяснений того, каким образом ссыльным декабристам удалось сохранить удивительное моральное здоровье, сплоченность, добрые товарищеские отношения. Феномен, вызывавший восхищение нескольких поколений исследователей, особенно разительный на фоне множества примеров, когда политическая ссылка и эмиграция раскалывались на враждующие группы и группки, погряжали во взаимных обвинениях и дразгах. Сами декабристы если и сообщали рецепт сохранения добрых товарищеских отношений, то чрезвычайно простой и скромный: живя в сибирских тюрьмах, они решительно запретили в своей среде пьянство и азартные игры. Несомненно, этого не могло быть достаточно. Анализ того, как они сумели трансформировать ко всеобщему примирению разбор пережитого на следствии, дает более глубокое объяснение.

Ну и, конечно, без декабристских мемуаров мы не знали бы множества важнейших моментов, которые невозможно заметить из документов следствия и без которых сложно было бы должным образом понять эти документы, понять мотивы поведения узников, логику их решений, особенно учитывая, что речь идет о людях иной эпохи и иной культуры поведения. Так, если бы сами декабристы не говорили об этом в записках, мы не узнали бы, с какими моральными терзаниями были сопряжены для них очные

ставки, почему эта процедура так их пугала и тяготила. Только из декабристских воспоминаний мы знаем и о той эффектной театральности, с которой были обставлены вызовы их на допросы в Комитет, и о том, как вели себя и обращались с арестантами члены Комитета, и о тюремном быте, и об их эмоциональных переживаниях. Без всего этого, на основе одних только официальных материалов, представления наши о следствии были бы детальными, но упрощенными.

Я отмечала уже, что далеко не все оставившие мемуары декабристы, даже говоря о периоде следствия, сочли нужным рассказать о расследовании как таковом. Е. П. Оболенский, Н. Р. Цебриков, А. В. Поджио вспоминали о заключении в Петропавловской крепости, но не о допросах. Другие декабристы, повторюсь, ограничились изложением коллективной версии событий.

Особую проблему для исследователя представляет письменное наследие Д. И. Завалишина: и мемуары, и следственное дело, и многочисленные проекты и записки. Воспоминания его — источник столь неоднозначный, что ссылок в историографии на них меньше, чем на другие декабристские записки. Мистификатор и фантазер, склонный в любых обстоятельствах преувеличивать собственное значение, Завалишин весьма своеобразно видел события и свое место в них. Это в равной мере относится к его показаниям. На следствии Завалишин испытывал психологические сложности особого рода: привычка приписывать себе исключительную роль вступила в противоречие с нуждами элементарного самосохранения. Участие Завалишина в тайном обществе было сопряжено с тем, что он мистифицировал декабристов, выдавая себя за важного эmissара

крупного международного тайного общества Ордена Восстановления, которое целиком являлось плодом его фантазии. Общался Завалишин с Рылеевым и группой молодых офицеров Гвардейского морского экипажа — братьями Беляевыми, А. П. Арбузовым, В. А. Дивовым и др. В мемуарах Завалишин принял позу уверенного в своих убеждениях, гордого и стойкого человека, ставшего жертвой слабости сотоварищей — мичмана Дивова, Рылеева, о которых Завалишин говорит с плохо скрытым высокомерием («Рылеев вел себя в комитете дурно. (...) «Послушайте, — сказал я ему, — ведь это гнусно. Вы ищите теперь выслужиться, запутывая других»¹¹). Нельзя сказать, что это совершенная неправда. Рылеев и в самом деле давал показания, а у двадцатилетнего мичмана В. А. Дивова, по-видимому, случился нервный срыв, и от его откровенности пострадали все, с кем он общался, в том числе верховодивший компанией молодых моряков-гвардейцев и собственно втянувший их в заговор Завалишин. Но Завалишин на следствии и сам давал показания, и отнюдь не только защищался, показания его пространны, он никого не щадил; особых оснований говорить о поведении других с чувством морального превосходства у него не было. В то же время в записках Завалишина нет никакой конкретики в описании хода допросов, того, что можно было бы сопоставить с материалами следствия. Единственные определенные эпизоды, которые есть в его воспоминаниях, — это рассказ о первом допросе и упоминание об очных ставках с Рылеевым, которому он сделал выговор за недостойное поведение, и с Дивовым, который, по словам Завалишина, «бросившись к моим ногам, просил прощения»¹². Описание первоначального допроса вполне

¹¹ Завалишин Д. И. Воспоминания. М., 2003. С. 305.

¹² Там же. С. 298, 305 (Завалишин дважды повторил это утверждение).

подтверждается следственным делом: сначала, после первого допроса 18 января, Завалишин был сочтен непричастным к делу, освобожден и даже назначен начальником модельной мастерской при музее Адмиралтейства (в записках он придает этому обстоятельству значение особой своей приближенности к новому государю, желавшему знать мнение лейтенанта Завалишина о преобразовании российского флота), затем в начале марта, когда у Комитета появилось достаточно показаний на его счет, Завалишин был вновь арестован, но первый месяц содержался не в крепости, а в здании Главного штаба. После того как выяснилось, что Завалишин вел разговоры о цареубийстве, Комитет стал относиться к нему как к серьезному преступнику. Очных ставок ему давали много (Комитет приложил массу усилий, чтобы разобраться в противоречивых и причудливых речах Завалишина, переданных гвардейскими моряками и Рылеевым, в содержимом его бумаг и в его собственных показаниях); в частности, с Рылеевым у Завалишина были две очные ставки, с Дивовым — три¹³. С Рылеевым на первой из очных ставок, 9 мая, Завалишин остался при своем показании, Рылеев «подтвердил свое показание, присовокупив» подробности разговора с Завалишиным об освобождении крестьян, на второй очной ставке, 22 мая, речь шла о стихотворении, по словам Завалишина, полученном им от Рылеева, Завалишин, «не допуская до очной ставки, согласился, что он не получал и не слышал сих стихов от Рылеева». Что же касается очных ставок с Дивовым, то на первой, 9 мая, Дивов доказывал, что слышал от Завалишина образные рассуждения о необходимости цареубийства («Завалишин говорил, что надобно начинать с головы для твердости правления, причем, приведя сравнение ниток связанных в один узел,

¹³ Очные ставки с Рылеевым 9 и 22 мая (ВД. Т. III. С. 328–329, 388), с Дивовым 9, 12 и 22 мая (ВД. Т. III. С. 327–328, 347–348, 387).

сказал: вот, как отрежешь узел, так и все нитки упадут»), Завалишин же остался при прежних показаниях; на второй очной ставке 12 мая Дивов подтвердил свои показания, а Завалишин частично признал их правоту; на третьей очной ставке 22 мая, где речь шла о тех же стихах, Дивов сначала «подтвердил свое показание без малейшей перемены», потом добавил еще подробности о том, когда именно получил стихи от Завалишина, — Завалишин же не стал спорить, «говоря, что если Дивов говорит это — то он говорил». К каким из этих очных ставок могут относиться описанные в воспоминаниях Завалишина сцены? Если он и делал замечания о поведении Рылеева, то это могло случиться только на очной ставке 9 мая, в протоколе которой зафиксировано, как Рылеев приводил дополнительные детали. Но сомнительно, чтобы Дивов, на всех очных ставках изобличивший Завалишина и не менявший своих показаний, одновременно с рыданиями бросался к его ногам и просил прощения.

Воспоминания Д. И. Завалишина отличаются от остальной декабристской мемуаристики выраженной субъективностью и готовностью сообщать неприятные и даже несправедливые вещи о товарищах, что другие декабристы делать избегали. Это ставит исследователя в сложное положение: может быть, как раз у Завалишина проскальзывали верные подробности, о которых остальные умалчивали? Но различить, в каких случаях стоит доверять Дмитрию Иринарховичу, а в каких — нет, историку очень трудно, зачастую невозможно. Поэтому его воспоминания стоят особняком и используются гораздо реже прочих декабристских записок.

В остальном декабристская мемуаристика пользуется у исследователей заслуженным доверием. Искренность,

честность, добросовестность декабристов не может вызывать сомнений. Но притом у каждого мемуариста были свои особенности, свойства памяти и характера, счеты с прошлым.

Записки С. П. Трубецкого, как и сама личность князя, вызывали в историографии неоднозначные суждения. Так, Н. М. Дружинин, автор интересной статьи «С. П. Трубецкой как мемуарист»¹⁴, назвал его записки «тенденциозно-публицистическим произведением», направленным как на доказательство либеральной (а не революционной) природы тайного общества, так и на самооправдание автора. С Дружининым согласился М. К. Азадовский, считавший, что в воспоминаниях Трубецкого «очень часто извращается историческая действительность», а пером декабриста «руководило стремление двойной реабилитации: и «реабилитации» самого заговора, и своей роли в нем»¹⁵. Сходного мнения придерживалась М. В. Нечкина: «заведомо искаженные или явно неполные данные о деятельности декабриста в тайном обществе»¹⁶. А публикатор двухтомного наследия Трубецкого В. П. Павлова, напротив, указывала, что «достоверность излагаемых Трубецким фактов подтверждается в большинстве случаев» и что не следует искать сознательного стремления исказить истину там, где имеет место лишь субъективное восприятие действительности¹⁷.

¹⁴ Дружинин Н. М. С. П. Трубецкой как мемуарист // Дружинин Н. М. Революционное движение в России в XIX веке: Избранные труды. М., 1985. С. 370.

¹⁵ Азадовский М. К. Мемуары Бестужевых как исторический и литературный памятник // Воспоминания Бестужевых/Ред., статья и комм. М. К. Азадовского. С. 663.

¹⁶ Нечкина М. В. Движение декабристов. Т. 1. С. 47.

¹⁷ Трубецкой С. П. Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 1. С. 355–356. Мнение В. П. Павловой встретило серьезные возражения: Даревская Е. М. Завершен ли спор о С. П. Трубецком? // История СССР. 1990. № 5. С. 151–160. Впрочем, сама В. П. Павлова в примечаниях к запискам

Парадоксальным образом не лишены правоты и те, и другие суждения: С. П. Трубецкой-мемуарист не столько искажал факты, сколько отбирал их. Любой эпизод его записок, поддающийся проверке независимыми источниками, как верно замечала В. П. Павлова, оказывается вполне достоверным и точным. Проблема в том, о сколь многом Трубецкой умалчивал вовсе. Именно по той части его записок, которая касается следствия, это легче всего обнаруживается, ведь есть возможность сверить рассказ князя с его следственным делом.

Записки Трубецкого не составляют цельного, завершеного текста. Это несколько фрагментов, написанных в разное время, а также дополняющие их отрывочные записи и замечания на записки В. И. Штейнгейля¹⁸. Та часть, которая касается следствия, отличается от прочих мемуарных текстов Трубецкого более личным характером повествования. В целом записки Трубецкого обезличены, он всюду говорит о себе в третьем лице, и лишь дойдя до момента своего ареста, резко меняет форму и переходит к рассказу от первого лица.

Начало следствия описано Трубецким особенно подробно. Впрочем, это общее свойство декабристских мемуаров — начальный период заключения запомнился более отчетливо. Детали, рассказанные Трубецким, подтверждаются материалами следствия. Так, он писал, что на первом допросе, 15 декабря, допрашивавший его генерал

Трубецкого указала на путаницу в приводимых декабристом датах допросов (*Трубецкой С. П.* Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 1. С. 376, 380).

¹⁸ История текста записок Трубецкого и его публикаций основательно исследована Н. М. Дружининым и В. П. Павловой.

К. Ф. Толь предъявил ему показание, якобы, И. И. Пущина о том, что тайное общество имеет большую «отрасль» в 4-м корпусе (в Киеве), где в 1825 г. служил Трубецкой, который может сообщить подробности. Трубецкой это показание опроверг, сделав вид, что поверил в то, что оно принадлежит Пущину, хотя видел почерк не Пущина. При этом присутствовал Николай I, он-то и велел Толю прочесть вслух показание и сам спросил: «Это Пущина?» — Толь подтвердил, и, когда Трубецкой стал возражать, император бросил реплику: «А! вы думаете, это Пущин? А где Пущин живет?»¹⁹ Действительно, в первом показании Трубецкого есть возражение Пущину насчет общества в 4-м корпусе²⁰. И Трубецкой был прав, не поверив в авторство Пущина: тот был арестован только на следующий день, 16 декабря, и такого его показания не существует. На самом деле это было показание К. Ф. Рылеева, объявившего на первом допросе (снятом К. Ф. Толем, тогда как И. И. Пущина допрашивал Левашов), что «около Киева в полках существует общество» и «Трубецкой может пояснить и назвать главных»²¹. Подтверждением того, что Трубецкому было предъявлено именно это показание Рылеева, служит приписка Рылеева о месте службы Пущина — и Трубецкого тоже Николай I спросил, где Пущин живет, этот вопрос стал бы излишним после ареста Пущина.

Описал Трубецкой и другие обстоятельства первого допроса, например, как император приказал ему тут же написать письмо жене, и, когда декабрист написал «я жив

¹⁹ *Трубецкой С. П.* Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 1. С. 252–254.

²⁰ ВД, Т. I. С. 6–7.

²¹ ВД, Т. I. С. 152. На это обратила внимание В. П. Павлова, см.: *Трубецкой С. П.* Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 1. С. 373.

и здоров», Николай велел приписать вверху «буду», дав тем самым некое обнадеживающее обещание. Такое письмо, со вписанным над строкой словом «буду», сохранилось²².

В. П. Павлова, комментируя записки Трубецкого, показала, что большинство упоминаемых им эпизодов находит подтверждение в следственных материалах. Причем начало следствия (вторая половина декабря) описано им с точностью до дня, затем он начинает сбиваться, допускает существенные ошибки в датах допросов. Но сами допросы он помнил весьма хорошо, сообщал, о чем его каждый раз спрашивали, перечислял очные ставки. Утверждение, что его воспоминания подтверждаются документами следствия, совершенно справедливо. Но рождающееся отсюда доверие к Трубецкому-мемуаристу оказывается ложным. Те же документы следствия показывают, о сколь многом он умолчал. Избирательность его памяти далеко не случайна и тщательно продумана.

В записках Трубецкой предстает как уверенный в правоте своих убеждений, мужественный человек, замученный тяжелыми допросами (после которых у него случались приступы горлового кровотечения), старающийся не выдавать товарищей, но понимающий, что Комитет и следствие «ничто более как комедия», участь мятежников решена заранее и они обречены на долгое заточение. О поведении своем на допросах он говорит, что «отвечал подробно, когда касалось это собственно моих предположений или действий, стараясь избегать утверждения показаний на другие лица»²³, но замечал с сожалением, что иногда вырывались у него «неосторожные слова», которые могли навредить

²² *Трубецкой С. П.* Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 1. С. 255, 103.

²³ Там же. С. 264.

товарищам. Однако следственное дело Трубецкого производит совсем другое впечатление. Он защищался упорно и расчетливо и пытался переложить ответственность за 14 декабря на ближайших сподвижников — Рылеева, Пущина, Оболенского. Он на первом же допросе дал понять, что не одобрял их намерений, боялся кровопролития, считал восстание бессмысленным и невозможным, они же были сильно заинтересованы в его участии, причем нужен им был не он сам, а его авторитет, имя и чин. Трубецкой казался, что дал себя втянуть в эту затею и не попытался с должной решительностью ее пресечь. В последующих показаниях Трубецкой старался уверить Комитет, что хотя входил в число главнейших и старейших членов тайных обществ, но давно в них разочаровался и оставался в них для того только, чтобы следить за опасными действиями радикально настроенных членов, в первую очередь Пестеля, и в случае необходимости иметь возможность им препятствовать. Он дал впечатляющие показания против Пестеля, описав его как человека очень опасного; напротив, С. И. Муравьева-Апостола Трубецкой называл своим союзником, также встревоженным замыслами Пестеля. В записках Трубецкой не только не обмолвился об этом ни словом, но и писал, как удивлялся, что не получал вопросов о Южном обществе²⁴. Показания других северных декабристов, касающиеся Пестеля, позволяют догадаться, что Трубецкой весьма ловко оборачивал в свою пользу реальные обстоятельства: Пестеля он и раньше не любил и опасался, это, с его слов, северяне, мало или вовсе не знакомые с Пестелем, почитали его опасным честолюбцем²⁵. Вместе с тем и характеристика, которую Трубецкой дал в воспоминаниях своему поведе-

²⁴ Там же. С. 263.

²⁵ См. выше, в главе 2, анализ показаний о переговорах Пестеля с верхушкой Северного общества в начале 1824 г.

нию на следствии, тоже в какой-то мере справедлива. Он действительно старался не вредить товарищам и не говорить лишнего, если только того не требовала его линия защиты, если речь шла не о том, как разделить с одним из них меру ответственности. Можно найти немало примеров того, как Трубецкой давал показания в защиту других.

Трубецкой-мемуарист искусно манипулировал фактами, создавая видимость точности и подробности рассказа, которая не только могла ввести в заблуждение, но и выдерживала проверку фактами. Зачем ему это было нужно? Почему он не предпочел просто обойти неудобные страницы прошлого молчанием? Объяснение следует искать в трудном положении, в какое Трубецкой попал в Сибири, в общей тюрьме с товарищами. Они ведь обсуждали обстоятельства своего дела, и несостоявшийся диктатор Трубецкой, должно быть, морально чувствовал себя не очень уютно. Ему хотелось оправдаться. Писать записки он начал, по предположению исследователей, живя в ссылке на поселении, но устная версия его рассказов о следствии могла появиться значительно раньше, в разговорах с товарищами. Тогда сложилась общая для декабристских мемуаров трактовка событий, согласно которой Следственный Комитет вел себя нечестно, подтасовывал показания, предъявлял вымышленные признания; вместе с тем и все следствие было лишь ширмой, видимостью, приговоры предрешены царем с самого начала, — а стало быть, поведение узников на допросах особой роли не играло. Рискну предположить, что одним из активных творцов этой версии мог быть как раз Трубецкой: манипулирование обстоятельствами в его записках намного более мастерское и ловкое, нежели у других декабристов, и характерные черты декабристской версии следствия в них присутствуют.

Воспоминания М. А. Бестужева, напротив, имели у исследователей великолепную репутацию. В немалой мере в советский период это было связано с идеологическим «удобством» мировоззрения Бестужева, который, в отличие от ряда других декабристов, не подвергал сомнению правоту дела, приведшего его в Сибирь. М. К. Азадовский, автор обстоятельного исследования мемуарного наследия Бестужевых, очень высоко оценивал М. А. Бестужева как мемуариста, отмечал точность, достоверность, а также литературные достоинства его воспоминаний.

Прежде всего надо заметить, что М. А. Бестужев, как и другие декабристы, гораздо больше внимания уделил рассказу о своем пребывании в крепости, нежели собственно следствию. Он описывал тюремный быт, визит священника, отношение солдат-сторожей к узникам, изобретение тюремной азбуки — и лишь вскользь говорил о допросах, с минимумом подробностей. Что «мучили вопросными пунктами, в которых нас, как собак, усыкали и травили друг на друга», что он старался не давать показаний, которые можно было бы использовать против товарищей, вообще держался стойко. Что вопросы, которые он получал, были в основном направлены против его братьев Николая и Александра и против Рылеева²⁶. А Михаил Александрович, зная, что брат Николай сидит в соседней камере, размышлял о возможности с ним переговариваться. Самая знаменитая часть его записок — об изобретении тюремной азбуки, при помощи которой братья Бестужевы стали перестукиваться через стену и которая потом служила не одному поколению русских узников. В рассказах М. А. Бестужева, записанных собирателем и публикатором декабристского наследия

²⁶ Воспоминания Бестужевых/Ред., статья и комм. М. К. Азадовского.. С. 111.

М. И. Семевским, говорится также, что перед Следственным Комитетом его допрашивали четырежды («На эти ругательства 4 раза приводили»²⁷).

Из материалов следствия очевидно, что даже в этих скудных сведениях М. А. Бестужев весьма неточен. В Комитете его допрашивали всего один раз, 6 января, и 12 мая приводили на очную ставку с Д. А. Щепиным-Ростовским. В своих ответах Михаил Александрович действительно придерживался тактики «знать не знаю, ведать не ведаю»²⁸, сначала прикидывался простоватым офицером, хранящим верность присяге Константину Павловичу, а потом то и дело ссылался на свою неосведомленность в делах тайного общества: ему-де важных тайн не доверяли. Тактика эта оказалась удачной: Михаил Бестужев уклонился от ответов на вопросы о тайном обществе, его показания касаются главным образом деталей восстания 14 декабря в лейб-гвардии Московском полку. Об этом его в основном и допрашивали. Надо сказать, что, вопреки его воспоминаниям, ни о Рылееве, ни о Николае Бестужеве его почти и не спрашивали, а об Александре Бестужеве — лишь постольку, поскольку это касалось его роли в возмущении Московского полка.

Об изобретении тюремной азбуки подробнее всего рассказал сам Михаил Александрович, упоминали ее также Н. А. Бестужев, сестра декабристов Е. А. Бестужева, И. И. Пущин, Д. И. Завалишин²⁹. М. Бестужев вспоминал, что перестукиваться с братом он начал после того, как оба

²⁷ Там же. С. 397.

²⁸ Там же. С. 121.

²⁹ Там же. С. 38Б 40б; *Пущин И. И.* Записки о Пушкине. Письма/Сост. М. П. Мироненко, С. В. Мироненко. М., 1988. С. 9б; *Завалишин Д. И.* Записки. 1906. С. 243.

они получили перед Пасхой письма от матери. До этого он пытался стучать в стену, но Николай Александрович не понимал, что младший брат имеет в виду. Получив письмо, Михаил, стал шуршать им о стену и таким образом объяснил, что предлагает новый вид переписки, после чего они быстро освоили эту новую систему. Пасха в 1826 г. была 18 апреля, стало быть, перестукиваться братья научились в середине апреля. По словам Михаила Бестужева, это сильно помогало им согласовывать показания: «Вопросные пункты нам обыкновенно приносил Либиенанкер (начальник Алексеевского рavelина. — ОЭ) и спрашивал: «Сколько вам нужно листов для ответов?» Я объявлял число листов по соображению, и он удалялся за письменным прибором. Тогда этого промежутка времени было довольно, чтобы сообщить брату кратко сущность вопроса и мой ответ. Со своей стороны он делал так же. А иногда мы получали оба одновременные вопросные пункты, и как мы тогда смеялись, сообщая друг другу сплетни, придуманные нашими друзьями-инквизиторами». То же записал за М. Бестужевым Семевский: «Принесут бумаги, сколько листов бумаги, я уже даю ему знать, в чем бумага, как отвечать, и мы согласовали»³⁰.

Между тем Михаил Бестужев за все время следствия получал вопросные пункты дважды, 6 января и 16 марта; одиночные вопросы ему присылали 30 января, 15 февраля, 12 марта³¹. Ни в апреле, ни в мае его не допрашивали, за исключением вызова на очную ставку с Щепиным-Ростовским. Николая Бестужева допрашивали больше: за интересующий нас период, с середины апреля, его вызвали в Комитет и давали вопросные пункты 26 апреля, 9, 12 и 15 мая; одиноч-

³⁰ Воспоминания Бестужевых/Ред., статья и комм. М.К. Азадовского. С. 121, 396.

³¹ ВД. Т. I. С. 74; 407–408; 482–486; 487; Т. XXI. С. 269–270.

ный вопрос он получил 6 мая и еще один в мае без точной даты³²; 10 и 16 мая он имел очные ставки с П.Г. Каховским. За все следствие Николай и Михаил Бестужевы не получили ни одного совпадающего вопроса, не считая одинаковых для всех вопросов о воспитании, а также вопросов всем братьям Бестужевым в связи с обращением в Комитет командира Московского драгунского полка Бестужева: тот просил формально оградить его от всяких подозрений в родстве и связи с Бестужевыми-мятежниками. Декабристам Бестужевым задали вопросы, состоят ли они с командиром драгун в родстве или знакомстве — они оказались вполне чужими³³. Николай Александрович с самого начала следствия держался несколько иначе, чем его младший брат, он отвечал более пространно, получал много вопросов о делах тайного общества и в ответах старался преподнести его как вполне лояльное начинание. После апреля стиль ответов Николая Бестужева не претерпел видимых изменений³⁴. Таким образом, тюремная азбука не могла служить братьям Бестужевым для согласования ответов на допросах: им попросту нечего было согласовывать. Хотя азбука, несомненно, существовала, Бестужевы ею пользовались и научили этому способу общения товарищей по заключению. Но в ходе допросов она роли не сыграла.

М. А. Бестужев был человеком добросовестным, правдивым и, в отличие от Трубецкого, не имел нужды скрывать что-то из обстоятельств следствия. У него были все основания гордиться своим поведением. И все же его записки

³² ВД. Т. II. С. 78–79, 84, 86–87, 88–89; Т. XIV. С. 208–209; Т. XXI. С. 291–292.

³³ ГА РФ. Ф. 48. Д. 271. Л. 2–5.

³⁴ Н. Бестужев в воспоминаниях уронил замечание, что они с братом, разгадав нечестные уловки Комитета, «взяли свои меры» (Там же. С. 39.), но это не обязательно относится к согласованию показаний.

искажают реальную картину. Объяснение кроется в отмеченных М. К. Азадовским литературных достоинствах воспоминаний Михаила Бестужева. Он, как и его братья Николай и Александр, находился под сильным воздействием литературы, причем литературы стиля романтизма. Как большинство хороших рассказчиков, он был склонен приукрашивать события, преувеличивать, придавать колорит, усиливать сюжет повествования. Двигало им, конечно, и естественное желание обосновать правильность своего жизненного выбора, и многим свойственная склонность к идеализации своей молодости. А тяготение к романтизму и время написания записок — под конец жизни в ссылке, когда в русской неподцензурной печати уже сложился образ декабристов как героев-мучеников за свободу, — накладывали свой отпечаток на тональность воспоминаний Михаила Бестужева. Он героизирует прошлое, более контрастно прорисовывает противостояние свободолюбивых борцов и карающей неправой власти, осознает себя и товарищей как лиц исторических и рисует образы в соответствии с этим возвышенным статусом. Литературная одаренность Михаила Александровича придала его запискам черты произведения художественного жанра в ущерб мемуарной документальности.

И. Д. Якушкин и А. Е. Розен сумели избежать повторения общего для большинства мемуаристов рассказа о подложных показаниях, якобы предъявлявшихся Комитетом, но и они подчеркивали пристрастность следствия. Воспоминания обоих отличаются обстоятельностью, последовательным изложением событий, точностью в датах.

И. Д. Якушкин, по выражению публикатора его записок С. Я. Штрайха, имел репутацию «правдивейшего человека

своего времени»³⁵. Автор источниковедческой статьи о записках Якушкина И.А. Миронова также отмечала их обстоятельность, достоверность и правдивость³⁶, хотя оба исследователя указывали и на ряд фактических неточностей и ошибок мемуариста.

Сопоставив записки И.Д. Якушкина с его следственным делом, можно убедиться, что он описал следствие действительно очень точно. Его рассказ о первом допросе практически совпадает со сделанной генералом В.В. Левашовым записью. Затем, как вспоминал декабрист, в первых числах февраля его вызвали в Комитет, вскоре после этого прислали вопросные пункты, ответы на которые он писал «дней десять». В Комитете Якушкин был 7 февраля, а ответы датированы им самим 13 февраля. В записках он изложил и содержание вопросных пунктов: в центре внимания были события Московского заговора 1817 года, когда Якушкин вызвался совершить цареубийство. Декабрист вспоминал, что отказался называть имена, но позже, уже отослав ответы в Комитет, подумал, что тем самым лишает себя возможности свидетельствовать в пользу товарищей, поэтому на следующий день написал в Комитет и повторно ответил на вопросные пункты, теперь уже с именами, назвал тех, кто был заведомо известен следствию, а также умершего Пассека и уехавшего за границу Чаадаева. Все это вполне подтверждают материалы следственного дела, можно лишь уточнить, что вопросные пункты Якушкин получил довольно обширные, из 22 вопросов, и речь там шла не только о Московском заговоре, просто декабристу запомнилось основное. Дальнейший ход следствия Якушкин описал

³⁵ Якушкин И.Д. Записки декабриста/Сост. С. Я. Штрайх. М.; Л., 1951. С. 516.

³⁶ Миронова И.А. Записки И.Д. Якушкина как исторический источник // Проблемы источниковедения. Вып. 11. М., 1963. С. 147.

с той же добросовестностью. В его тексте есть неточности, но они не меняют общей картины событий, это обычные ошибки памяти. Он несколько упростил историю допросов о предложении П. А. Муханова совершить цареубийство после поражения восстания на Сенатской площади: Якушкин забыл, что его несколько раз передопрашивали о деталях этого эпизода. Забыл он и о полученном им 9 марта вопросе об организации управы Союза Благоденствия в Смоленской губернии.

Якушкин откровенно описал свое поведение на следствии, оценив себя весьма сурово: давая показания, совершаешь «ряд сделок с самим собою», это «тюремный разврат». Между тем на допросах Иван Дмитриевич держался так, что особых причин упрекать себя у него не было. Строгость декабриста к себе и сдержанность в описаниях своих переживаний не позволяют читателю его записок узнать о душевном кризисе, пережитом Якушкиным в тюрьме. Он, и до того, и позднее заявлявший о себе как атеисте, заявивший в начале следствия, что не присягнул новому государю именно потому, что не считает себя православным христианином³⁷, — под влиянием тюремного заключения накануне Пасхи высказал желание причаститься. Когда священник П. Н. Мысловский доложил об этом в Комитет, с Якушкина по случаю его рассказа сняли кандалы³⁸. В записках декабрист представил весь этот эпизод с долей иронии, а о решении причаститься писал как о формальном поступке, облегчившем его положение. С Мысловским у Якушкина сложились дружеские отношения, и он с легкой насмешкой над тщеславием священника описывал, как тот рапортовал Комитету об обращении неверу-

³⁷ ВД, Т. III. С. 48.

³⁸ ВД, Т. XVI. С. 165.

ющего. По натуре правдивый, сдержанный и строгий к себе, Якушкин не пожелал описывать в мемуарах чувства, которые позднее сам расценивал как слабость, но и вовсе умолчать о них не считал возможным. Записки И. Д. Якушкина рисуют автора человеком более твердым, неколебимым, менее эмоциональным, чем он был в жизни.

Исключительно добросовестным и пунктуальным мемуаристом был А. Е. Розен. Он не относился к числу декабристов, прошедших через многочисленные и обширные допросы. После первоначального допроса у Левашова Розена вызывали в Комитет всего один раз, после чего прислали вопросные пункты из 7 вопросов. Ему удалось убедить следствие в том, что он не был посвящен в дела тайного общества, и до конца следствия его более не трогали, лишь однажды вызвав для очной ставки. В записках Розен не только с исчерпывающей полнотой описал содержание вопросов и своих ответов, но и точно назвал даты: что Левашов его допрашивал 22 декабря (согласно Журналу заседаний Комитета, запись Левашова читали там на следующий день³⁹), а в Комитет вызывали 8 января. Такая точность заставляет с доверием относиться и ко всем остальным рассказам Розена.

Правдивы и искренни записки А. П. Беляева и А. С. Гангеблова. Но эти два декабриста не приводили (по-видимому, не помнили) никаких дат, поэтому сравнить их рассказы со следственными делами сложно: изложенные в мемуарах события путаются и наслаиваются друг на друга, трудно определить последовательность и число допросов. Отличительная особенность этих двух рассказчиков в том, что они откровенно, не избегая этой неудобной и печаль-

³⁹ Там же. С. 34.

ной темы, поведали о показаниях их товарищей против них. А. П. Беляев рассказал, как он и его брат П. П. Беляев, а также А. П. Арбузов и Д. И. Завалишин пострадали от опрометчивой откровенности В. А. Дивова. Гангеблов — о показаниях на него П. Н. Свистунова и М. Д. Лаппы (фамилию Лаппы Гангеблов завуалировал, назвав его «Зетом»). Мемуары А. С. Гангеблова примечательны еще и тем, что он, не находившийся вместе с другими декабристами в сибирских тюрьмах, оказался вне сложившейся у них версии следствия. Он не пишет ни о подложных показаниях, ни о том, что все арестанты были зараннее осуждены, его рассказ более непосредствен.

Из южных декабристов обстоятельные записки, включающие воспоминания о следствии, оставили Н. И. Лорер и Н. В. Басаргин.

Н. И. Лорер, описывая следствие, многого не договаривает, опускает, объединяет события. Например, описывая свой арест, он говорит, что 24 декабря в Тульчине генерал А. И. Чернышев угрожал ему очной ставкой с доносчиком Майбородой. Лорер попросил дать ему время подумать, а затем открыл «все, до меня касающееся» начальнику штаба 2-й армии П. Д. Киселеву, а потом и Чернышеву, который дал ему письменные вопросы. Прочитав ответы Лорера, Киселев упрекнул его: «Вы ни в чем не сознаетесь», после чего декабриста отпустили домой, а на следующий день повезли в Петербург⁴⁰. Но по материалам следствия эта история выглядит драматичнее. 24 декабря Лорер написал ответы, в которых отрицал свою причастность к тайному обществу. На следующий день ему устроили очную ставку с Майбородой, показания доносчика Лорер отверг, но затем попросил время на размышление,

⁴⁰ Лорер Н. И. Записки декабриста. С. 83–84.

после чего признался, что был в тайном обществе, но давно хотел из него выйти, поскольку чувствовал себя слишком «мягкосердечным» для такого дела. На этот раз декабрист написал пространные ответы, в которых, впрочем, продолжал отрицать большинство показаний Майбороды. В тот же день Лорер получил еще одни, дополнительные, вопросы⁴¹. А в Петербург он был отправлен, вероятно, 26 декабря⁴². Рассказывая о петербургском следствии, Лорер умолчал о двух написанных им письмах в Комитет, где он оправдывался, утверждал, что внутренне давно отошел от общества, и просил о прощении. Из-за этих умолчаний в мемуарах он выглядит более стойким, чем то было в реальности.

Н. В. Басаргин был точнее Лорера в изложении событий, особенно ареста и первых допросов. Но воспоминания Басаргина и Лорера сближает одно важное обстоятельство: оба они постарались обойти молчанием роль, которую сыграл во время следствия П. И. Пестель.

Н. И. Лорер, друживший с Пестелем, служивший в его полку и живший рядом с ним в Линцах, вспоминал о нем с большой теплотой и, кажется, не смог поверить в то, что Пестель дает показания, искал оправдания его поведению. В записках он рассказал, что долго отказывался указать следствию место, где спрятана рукопись «Русской Правды», наконец ему предъявили признание самого Пестеля: «До Пасхи комитет не мог от-

⁴¹ ВД. Т. 12. С. 26–35.

⁴² 26 декабря датирована записка о содержании показаний Лорера, подписанная в Тульчине А. И. Чернышевым, П. Д. Киселевым и Д. И. Вахрушевым. Чернышев выехал из Тульчина, взяв арестованного Лорера с собой, дорога должна была занять не менее восьми дней, а в Петербург они прибыли 2 января (2 января Чернышев впервые присутствовал на заседании Следственного Комитета, Лорер же был доставлен на главную гауптвахту 3 января).

крыть, где хранится «Русская Правда», и ее нашли только тогда, когда Пестель, понимая вполне свое положение — он знал очень хорошо, что его ожидает смерть, — чувствуя, что одно это заpiresательство его не спасет, да и опасаясь, чтоб труд его 12-летний не погиб совершенно напрасно без следа, решился указать и место, где она хранилась, и человека, который ее туда зарыл»⁴³. На самом деле показание Пестеля о местонахождении «Русской Правды» было предъявлено Лореру не перед Пасхой, а уже 16 января, на следующий день он получил дополнительный вопрос о том, как Пестель передал рукопись Н. А. Крюкову⁴⁴. Крюков упорно отрицал свое участие, и 3 апреля ему подготовили очную ставку с Лорером, причем Лорер «изъявил совершенную готовность уличить» Крюкова, но тот, не доводя до очной ставки, признал, что получил рукопись от Пестеля⁴⁵. Тем временем сама рукопись была найдена и 13 февраля привезена в Петербург. Таким образом, в воспоминаниях Лорера эти события смещены почти на три месяца позже, с января на апрель. Возможно, декабристу показалось очень долгим время в заключении, его могла сбить далеко отстоявшая от собственно поисков «Русской Правды» апрельская очная ставка с Крюковым (требовавшаяся уже не для обнаружения рукописи, а для уличения Крюкова); наконец, Лореру хотелось думать, что и Пестель боролся до последней возможности.

В отличие от Лорера, у Н. В. Басаргина во время следствия сомнений и иллюзий насчет Пестеля не было. Басаргин до конца марта упорно отрицал, что состоял в Южном обществе, признаваясь лишь в недолгом участии в Союзе Благоденствия, утверждал, что давно отошел от общества

⁴³ Лорер Н. И. Записки декабриста. С. 97–99.

⁴⁴ ВД. Т. IV. С. 122–123.

⁴⁵ ВД. Т. XI. С. 360.

и считал его пустой затеей. Когда его стали уличать, он быстро обнаружил, что сведения исходят от Пестеля, и в ответах не скрывал возмущения: заявил, что Пестель был главной фигурой в тайном обществе, втянул в него остальных, а теперь, «сделав нас жертвами несчастья, делается нашим обвинителем и даже обвинителем несправедливым, ибо обвиняет нас в таких действиях, кои были известны ему одному, им одним говорились, и которые, я уверен, никем из известных мне членов не разделялись»⁴⁶. Басаргин обвинял Пестеля в даче ложных показаний: «Полагаясь совершенно на показания известных мне членов (...), я одному ему только не могу доверять и потому прошу убедительнейше Комитет, высочайше учрежденный, дать мне средства к оправданию»⁴⁷. Это Басаргин написал в ответах от 30 марта, после чего четырежды обращался в Комитет с дополнительными показаниями, излагал подробности о совещаниях общества, стараясь доказать их незначительность, несерьезность и тем самым оправдать себя и ближайших товарищей. 22 апреля ему подготовили очную ставку с Пестелем, чтобы заставить Басаргина признать, что уже при учреждении Южного общества в 1821 г. в Тульчине речь шла о введении республики и цареубийстве. Басаргин до очной ставки согласился с показаниями Пестеля, но потом еще четыре раза писал в Комитет о том, что не помнит обстоятельств, о которых говорит Пестель, согласился «единственно потому, чтобы не подать сомнения в моем чистосердечии», и просил все же свести их на очную ставку, прибавляя, что Комитет «не поверит, как тяжело мне просить о сем и как ужасно мне будет видеться с человеком, сделавшимся орудием нашего несчастья»⁴⁸.

⁴⁶ ВД. Т. XII. С. 298.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же. С. 306.

Но в мемуарах своих Н. В. Басаргин постарался не сказать ничего, что могло бы бросить тень на казненного Пестеля. Поэтому рассказ его о следствии уклончив и неясен. Он описал первый допрос в Комитете, затем переключился на воспоминания о заключении в Петропавловской крепости, о сидевшем в соседнем каземате М. П. Бестужеве-Рюмине. Басаргин упомянул, что его вызывали для очной ставки с Пестелем, и даже изложил суть: Пестель показал, что на заседании общества в 1821 г. говорили об учреждении республики, а Басаргин возражал, потому что не считал тот разговор заседанием общества и плохо его помнил, но признал показание Пестеля⁴⁹. Мемуарист не стал комментировать поведение Пестеля, а воспользовался этим эпизодом для рассуждения о том, как Комитет пристрастно преувеличивал вину декабристов, представляя мимолетные разговоры как решения тайного общества.

* * *

Любые мемуары не вполне точны, субъективны, подвержены естественным ошибкам памяти, зависят от взглядов автора и его отношений с собственным прошлым. Декабристы не были исключением. Возможность взаимно проверить сведения из разных типов источников позволяет не только скорректировать каждый из них, но и способно существенно расширить возможности исследования, дополнить один источник другим, создает некую стереоскопичность видения. Сверив воспоминания декабристов с материалами следствия, мы получаем возможность судить об особенностях каждого из декабристов-мемуаристов и учитывать

⁴⁹ *Басаргин Н. В.* Воспоминания, рассказы, статьи. С. 94.

полученные наблюдения при работе со всем текстом записок, а не только с фрагментом, касающимся следствия. Такое расширение исследовательского инструментария полезно, учитывая непреходящую ценность декабристских текстов. Вместе с тем сам анализ того, как преломлялось прошлое в воспоминаниях декабристов, помогает узнать нечто новое об этих людях. О свойственной им этике отношений, распространявшейся и на мемуары. О механизмах культурного поведения, благодаря которым декабризм остается в русском сознании образчиком благородства и высоких нравственных норм.

Заключение

Организация следствия над декабристами была одной из первых сложных политических задач, вставших перед Николаем I в начале его царствования. В долгосрочной перспективе дело декабристов наложило отпечаток на все правление Николая, и об этом было немало сказано и написано. Однако эта долгосрочная перспектива не должна заслонять и те проблемы, которые восстание повлекло за собой немедленно для нового императора. Имея за плечами ситуацию междуцарствия, неясность вопроса о престолонаследии, старшего брата, отказавшегося принять корону, но не нашедшего для этого корректной законной формы (которой на самом деле тогдашнее русское законодательство не предусматривало), не вполне, по-видимому, очевидный расклад сил и влияния различных придворных партий (так и остались неясными мотивы некоторых поступков столичного генерал-губернатора, близкого к императрице-матери Марии Федоровне М.А. Милорадовича), восстание в гвардейских полках, неопределенность позиции аристократической верхушки (к которой принадлежали многие декабристы), части армейского и даже гвардейского командования (доносчики называли генерала Н.Н. Раевского одним из руководителей заговора, большие подозрения возникли насчет начальника штаба 2-й армии генерала П.Д. Киселева, в Петербурге ходили

слухи о восстании всего Кавказского корпуса во главе с генералом А.П. Ермоловым, а принадлежавшие к командованию гвардейским корпусом генералы двусмысленно повели себя 14 декабря), — оглядываясь на все это, Николай Павлович должен был принимать сложные решения, осторожно лавировать, демонстрировать свое право на власть и привлекать к себе сторонников. Одним из шагов в этой партии стало проведение процесса декабристов. Волей обстоятельств именно он стал знаковым событием, по которому современники судили о том, каков будет характер нового царствования.

Определяя состав членов Следственного Комитета, Николай I выбирал среди тех, в чьей лояльности был уверен. Все, кроме одного (князя А.Н. Голицына), члены Комитета оказались военными, из военного ведомства набрали и чиновников для делопроизводственной работы. Специального ведомства политического сыска, тайной полиции на тот момент в России не существовало, но и на имевшиеся гражданские ведомства — юстиции, полиции — Николай в деле декабристов не захотел опереться. Зато в принципах организации Следственного Комитета, и самого расследования, был использован опыт работы военно-следственных и военно-судных комиссий.

Для современников знаковым было не только то, кто вошел в состав Высочайше учрежденного комитета для расследования о злоумышленном обществе, но и кого там не оказалось. В этом прочитывались намерения нового царя. Так, важным было отсутствие среди членов Комитета А.А. Аракчеева, подтверждавшее полное отстранение его от дел. Не вошли в Комитет и начальники гвардии, что, несомненно, также служило внятным намеком. Не менее существенным позднее стало привлечение к подготовке суда над декабристами М.М. Сперанского, разработавшего систему разрядов для определения меры вины. Можно говорить в этой связи и о других крупнейших фигурах александровского царствования: так, И.И. Дибич был включен в состав Комитета,

а П. М. Волконский — нет. Не столь очевидно то, какие кадровые выводы сделал для себя Николай I из опыта следствия. Известно, что участвовавшие в нем А. Х. Бенкендорф, А. И. Чернышев, В. В. Левашов при Николае достигли значительных карьерных высот. Однако внимательный анализ того, как происходили допросы декабристов, показывает, что Бенкендорф, возглавивший вскоре по завершении дела декабристов III Отделение собственной его величества канцелярии, был отнюдь не самым усердным и свирепым деятелем следствия. Гораздо более настойчивого, тщательного и жесткого А. И. Чернышева Николай оставил в военном ведомстве.

Различный характер деятельности Чернышева и Бенкендорфа сказался на том, какими предстают из следственных материалов Северное и Южное общества декабристов. Стиль следствия Чернышева и Бенкендорфа различался. В группе Чернышева на подследственных оказывалось большее давление, их больше допрашивали (в среднем на каждого приходилось больше допросов, и допросы были из большего количества вопросов, больше в этой группе и очных ставок). Подследственных Чернышева в результате ждали и более суровые приговоры: более половины из них были сосланы на каторгу, тогда как в группе Бенкендорфа — около трети. Здесь в значительной мере кроется причина того, что Южное и Славянское общества предстают из материалов следствия более радикальными, более решительными, чем Северное.

Изучая материалы следствия, мы видим декабристские общества такими, какими их увидело следствие. Не в силу преднамеренной политической фальсификации, а потому, что следствие имело свои цели, далеко не совпадающие с задачей исследователя. Следственный Комитет действовал прагматично и практично. Он должен был, во-первых, определить степень опасности декабризма для режима и, во-вторых, собрать материал для обвинения. Поэтому интересовался

Комитет реальной силой тайных обществ, их персональным составом, подготовкой восстаний и главным, тягчайшим пунктом обвинения — цареубийственными намерениями. А также определением меры вины каждого из декабристов. Все остальное, и как раз то, что для историка представляет наибольшую ценность: идеи декабристов, их критика существующего порядка вещей, планы преобразований, представления о будущем России, различия в их взглядах, — все это Следственный Комитет не интересовало. Конституционные проекты, республиканские идеи привлекали его внимание лишь постольку, поскольку подводили к вопросу о цареубийстве.

Декабристы давали показания о том, о чем их спрашивали. Вопросы, заданные Комитетом, формировали круг тем. Таким образом, сведения об идейной стороне, об интеллектуальной истории декабризма в материалах следствия присутствуют по большей мере случайно: одни декабристы излагали свои взгляды в попытках оправдаться и отвести обвинение в цареубийстве, другие (их было немного) сочли необходимым хотя бы довести свои мнения до сведения власти. Достаточно очевидно, что роль проблемы цареубийства выглядит в итоге сильно преувеличенной и не соответствует реальному ее месту в декабристских спорах. В значительной мере то же должно относиться и к вопросу о военном восстании. С другой стороны, историк может быть уверен: Комитет достаточно тщательно выявил всех членов тайных обществ, никто из действительно к ним причастных не был оставлен без внимания.

Следственному Комитету удалось добиться от декабристов признаний и показаний обо всем, что ему, Комитету, представлялось существенным. Но сам характер его интересов привел к искажениям относительной значимости тех или иных сюжетов для истории декабризма.

Список таблиц и графиков в тексте

Таблица 1. Тематика допросов, снятых В. В. Левашовым.

Таблица 2. Тематика допросов декабристов Следственным Комитетом.

Таблица 3. Тематика допросов в трех следственных группах.

Таблица 4. Вклад следственных групп в расследование по темам.

Таблица 5. Тематика добровольных показаний декабристов.

Таблица 6. Тематика очных ставок декабристов.

График 1. Устные и письменные допросы по Журналу Комитета.

График 2. Динамика допросов и вопросов по данным всех следственных дел.

Таблица 7. Среднее количество вопросов в допросах.

График 3.1. Количество допросов членов Союза Благоденствия.

График 3.1. Количество вопросов членам Союза Благоденствия.

Таблица 8. Тематика допросов декабристов за два периода следствия.

График 4.1. Вопросы по истории тайных обществ.

График 4.2. Вопросы о состоянии тайных обществ.

График 4.3. Вопросы о республике.

График 4.4. Вопросы о Конституции.

График 4.5. Вопросы о цареубийстве.

График 4.6. Вопросы о сановниках.

График 4.7. Вопросы о войсках.

График 4.8. Вопросы о планах покушений.

- График 4.9.* Вопросы об иностранных связях.
- График 4.10.* Вопросы о польских обществах.
- График 4.11.* Вопросы о других тайных обществах в России.
- График 4.12.* Вопросы о переговорах Южного общества и Общества соединенных славян.
- График 4.13.* Вопросы о переговорах Южного и Северного обществ.
- График 4.14.* Вопросы о членстве разных лиц в тайных обществах.
- График 4.15.* Вопросы о виновности лиц.
- График 4.16.* Вопросы о восстании 14 декабря.
- График 4.17.* Вопросы о восстании Черниговского полка.
- График 4.18.* Вопросы о вступлении допрашиваемого в общество.
- График 4.19.* Вопросы: разное.
- График 5.* Динамика создания добровольных показаний.
- График 6.* Динамика подачи прошений о помиловании.
- График 7.* Динамика очных ставок по Журналу Комитета.
- График 8.1.1.* Допросы в группе Бенкендорфа.
- График 8.1.2.* Вопросы в группе Бенкендорфа.
- График 8.2.1.* Допросы в группе Чернышева.
- График 8.2.2.* Вопросы в группе Чернышева.
- График 8.3.1.* Допросы в третьей группе.
- График 8.3.2.* Вопросы в третьей группе.
- Таблица 9.* Число вопросов в допросах, по группам.
- График 9.1.* Вопросы о состоянии общества в группе Бенкендорфа.
- График 9.2.* Вопросы о состоянии общества в группе Чернышева.
- График 9.3.* Вопросы по истории общества в группе Бенкендорфа.
- График 9.4.* Вопросы по истории общества в группе Чернышева.
- График 9.5.* Вопросы о царевубийстве в группе Бенкендорфа.
- График 9.6.* Вопросы о царевубийстве в группе Чернышева.

ОЛЬГА ЭДЕЛЬМАН

СЛЕДСТВИЕ
ПО ДЕЛУ
ДЕКАБРИСТОВ

Корректор И. Бернштейн
Дизайн обложки Е. Бороздинская
Верстка Д. Ипполитов

Издательский Дом «REGNUM»
115088, г. Москва, 2-й Южнопортовый
проезд, 16, стр. 1, офис 227.
www.ridr.ru

Подписано в печать 10.12.2009. Формат 60×90/16
Бумага офсетная. Гарнитура Garamond.
Печать офсетная.
Усл. печ. л. 22,25. Тираж 300 экз. Заказ ____.

Отпечатано с оригинал-макета в типографии «МТК-press»
150044, г. Ярославль, ул. Промышленная, 1, стр. 5.